

Дневник

Quod sentimus loquamur,
quod loquimur sentiamus!

VEcordia

Извлечение R-IGR4

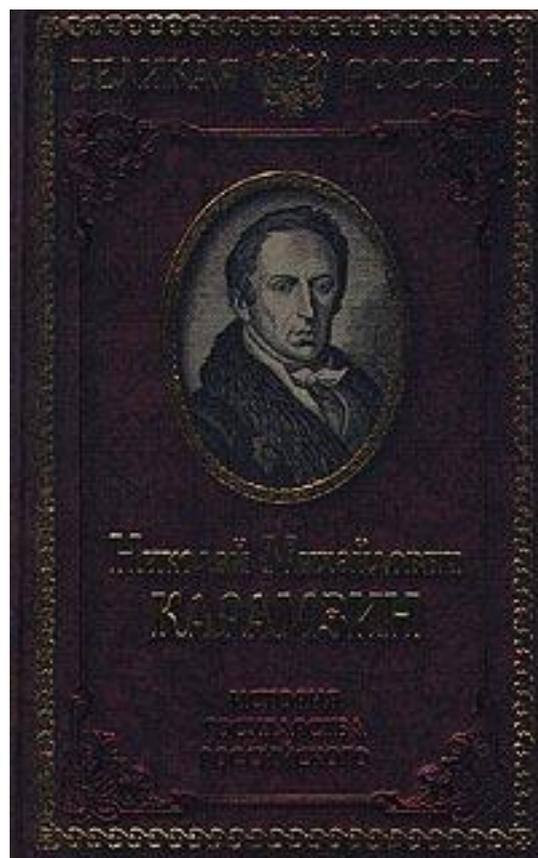
Открыто: 2011.07.03 23:16
Закрито: 2011.08.06 23:30
Версия: 2017.06.07 16:16

ISBN 9984-9395-5-3
Дневник «VECORDIA»

© Valdis Egle, 2017

ISBN
Карамзин Н.М. «История»

© public domain

Карамзин Н.М.

История Государства Российского

Томы VII – VIII

Impositum

Grīziņkalns 2017

Talis hominis fuit oratio,
qualis vita

Том VII

Глава I. Государь великий князь Василий Иоаннович. Г. 1505–1509

Тесное заключение и смерть Иоаннова внука, Дмитрия. Общий характер Василиева правления. Посольство в Тавриду. Царевич Казанский принимает Веру нашу и женится на сестре Великого Князя. Поход на Казань. Дела Литовские. Война с Сигизмундом, Александровым наследником. Мир. Союз с Менгли-Гиреем. Освобождение Летифа. Неудовольствия нашего Посла в Тавриде. Мирный договор с Ливониею. Дела Пскова: конец его гражданской вольности.

Василий приял Державу отца, но без всяких священных обрядов, которые напомнили бы Россиянам о злополучном Дмитрии, пышно венчанном и сверженном с престола в темницу. Василий не хотел быть великодушным: ненавидя племянника, помня дни его счастья и своего унижения, он безжалостно осудил сего юношу на самую тяжкую неволю, сокрыл от людей, от света солнечного в тесной, мрачной палате. Изнуряемый горестию, скукою праздного уединения, лишенных всех приятностей жизни, без отрады, без надежды в летах цветущих, Дмитрий преставился в 1509 году, быв одною из умилительных жертв лютой Политики, оплакиваемых добрыми сердцами и находящих мстителя разве в другом мире. Смерть возвратила Дмитрию права Царские: Россия увидела его лежащего на великолепном одре, торжественно отпеваемого в новом храме Св. Михаила и преданного земле подле гроба родителей.

Завещание, писанное сим Князем в присутствии Духовника и Боярина, Князя Хованского, свидетельствует, что он и в самой темнице имел казну, деньги, множество драгоценных вещей, отчасти данных ему Василием, как бы в замену престола и свободы, у него похищенных. Исчислив всё свое достояние, жемчуг, золото, серебро (весом более десяти пуд), Дмитрий не располагает ничем, а желает единственно, чтобы некоторые из его земель были отданы монастырям, все крепостные слуги освобождены, вольные призрены, купленные им деревни возвращены безденежно прежним владельцам, долговые записи уничтожены, и просит о том Великого Князя без унижения и гордости, повинувшись судьбе, но не забывая своих прав.

Государствование Василия казалось только продолжением Иоаннова. Будучи подобно отцу ревнителем Самодержавия, твердым, непреклонным, хотя и менее строгим, он следовал тем же правилам в Политике внешней и внутренней; решил важные дела в совете Бояр, учеников и сподвижников Иоанновых; их мнением утверждая собственное, являл скромность в действиях Монархической власти, но умел повелевать; любил выгоды мира, не страшась войны и не упуская случая к приобретениям, важным для государственного могущества; менее славился воинским счастьем, более опасною для врагов хитростию; не унижил России, даже возвеличил оную, и после Иоанна еще казался достойным самодержавия.

Зная великую пользу союза Менгли-Гиреева, Василий нетерпеливо желал возобновить его: уведомил Хана о кончине родителя и требовал от него новой *шертной*, или клятвенной грамоты. Менгли-Гирей прислал ее с двумя своими Вельможами: Бояре Московские нашли, что она не так писана, как данная им Иоанну, и предложили иную. Послы скрепили оную печатями, а Великий Князь отправил знатного Окольничего, Константина Заболоцкого, в Тавриду, чтобы удостовериться в искренней дружбе Хана и взять с него присягу.

[1506 г.] Измена Царя Казанского требовала мести. В сие время брат Алегамов, Царевич Куйдакул, будучи нашим пленником, изъявил желание принять Веру Христианскую. Он жил в Ростове, в доме Архиепископа: Государь велел ему приехать в Москву; нашел в нем любезные свойства, ум, добронравие и ревность к познанию истинного Бога. Его окрестили торжественно на Москве-реке, в присутствии всего двора; назвали Петром и через месяц удостоили чести быть зятем Государевым: Великий Князь выдал за него сестру свою, Евдокию, и сим брачным союзом как бы дал себе новое право располагать жребием Казани, начал готовиться к войне с нею. Дмитрий, Василиев брат, предводительствовал ратию, судовою и конною, с Воеводами Феодо-

ром Бельским, Шеиным, Князем Александром Ростовским, Палецким, Курбским и другими. 22 мая пехота Российская вышла на берег близ Казани. День был жаркий: утомленные воины сразились с неприятельскими толпами перед городом и теснили их; но конница Татарская заехала им в тыл, отрезала от судов и сильным ударом смешала Россиян. Множество пало, утонуло в Поганом озере или отдалось в плен; другие открыли себе путь к судам и ждали конной рати: она пришла; но Государь, сведав о первой неудаче и в тот же день выслал Князя Василия Холмского с новыми полками к Казани, не велел Димитрию до их прибытия тревожить города. Димитрий ослушался и посрамил себя еще более. Время славной ярмонки Казанской приближалось: Магмет-Аминь, величаясь победою и думая, что Россияне уже далеко, 22 июня веселился с Князьями своими на лугу Арском, где стояло более тысячи шатров; купцы иноземные раскладывали товары, народ гулял, жены сидели под тению наметов, дети играли. Вдруг явились полки Московские: «они как с неба упали на Казанцев», говорит Летописец: топтали их, резали, гнали в город; бегущие давили друг друга и задыхались в тесноте улиц. Россияне могли бы легко взять Казань приступом: она сдалась бы им чрез пять или шесть дней; но утомленные победители хотели отдохнуть в шатрах: увидели там яства, напитки, множество вещей драгоценных и забыли войну; начался пир и грабеж: ночь прекратила оные, утро возобновило. Бояре, чиновники нежились под Царскими наметами, любовались сим зрелищем и хвалились, что они ровно через год отмстили Казанцам убиение наших купцев; воины пили и шумели; стража дремала. Но Магмет-Аминь бодрствовал в высокой стрельнице: смотрел на ликование беспечных неприятелей и готовил им месть за месть, внезапность за внезапность. 25 июня, скоро по восходе солнца, 20 000 конных и 30 000 пеших ратников высыпало из города и с криком устремилось на Россиян полусонных, которых было вдвое более числом, но которые в смятении бежали к судам, как стадо овец, вслед за Воеводами, без устройства, без оружия. Луг Арский взмок от их крови и покрылся трупами. Князь Курбский, Палецкий лишились жизни: Воевода Шеин остался пленником; но спаслось еще столько людей, что они могли бы новою битвою загладить свою оплошность и робость: никто не мыслил о том; в беспамятстве ужаса кидались на суда, отрезывали якори; спешили удалиться. Одна конница Московская под начальством Федора Михайловича Киселева и нашего Служивого Царевича Зеденая, Нордоулатова сына, оказала некоторую смелость: шла сухим путем к Мурому и, в 40 верстах от Суры настиженная Казанцами, отразила их мужественно. В войске у Димитрия находилось несколько иноземцев с огнестрельным снарядом: только один из них привез свои пушки в Москву. Товарищи его явились вместе с ним к Государю, который, приняв других милостиво, сказал ему гневно: «Ты берег снаряд, а не берег себя: знай же, что люди искусные мне дороже пушек!» Василий не наказал Воевод из уважения к брату, Главному Полководцу, следственно и главному виновнику сего бедствия; но Димитрий с того времени уже не бывал никогда начальником рати.

Таким образом и Василиево государствование, подобно Иоаннову, началось неудачным походом на Казань. Честь и безопасность России предписывали Великому Князю смирить Магмет-Аминя: уже знаменитый наш Полководец Даниил Щеня готовился идти к берегам Волги; но вероломный присяжник изъявил раскаяние: или убежденный Менгли-Гиреem, или сам предвидя худые следствия войны для слабой Казани, он писал к Василию весьма учтиво, прося извинения и мира. Государь требовал освобождения Посла нашего, Михаила Яропкина, также всех захваченных с ним купцев и военнопленных Россиян. Магмет-Аминь исполнил его волю. Новою клятвенною грамотою обязался быть ему другом и признал свою зависимость от России, как было при Иоанне.

В сношениях с Литвою Василий изъявлял на словах миролюбие, стараясь вредить ей тайно и явно. Еще не зная о смерти Иоанновой, Король Александр отправил Посла в Москву с обыкновенными жалобами на обиды Россиян. Государь выслушал, обещал законное удовлетворение, приветствовал Посла, но не дал ему руки, потому что в Литве свирепствовали заразительные болезни. Известие о новом Монархе в России обрадовало Короля. Все знали твердость Иоаннову: неопытность и юность Василиева казались благоприятными для наших естественных недоброжелателей. Александр надеялся заключить мир, прислав в Москву Вельмож Глебова и Сапегу; но в ответ на их предложение возвратить Литве все наши завоевания Бояре Московские сказали, что Великий Князь владеет только собственными землями и ничего уступить не может. Глебов и Сапега выехали с неудовольствием; а вслед за ними Государь послал объявить зятю о своем восшествии на престол и вручить Елене золотой крест с мощами по духовной родителя. Василий признал жалобы Литовских подданных на Россиян совершенно справедливыми и, к досаде Короля, напомнил ему в сильных выражениях, чтобы он не беспокоил супруги в рассуждении ее

Веры. – Одним словом, Александр увидел, что в России другой Государь, но та же система войны и мира. Всё осталось как было. С обеих сторон изъяснялась холодная учтивость. Король дозволил Греку Андрею Траханиоту ехать из Москвы в Италию через Литву, в угодность Василию, который взаимно оказывал снисхождение в случаях маловажных: так, например, отдал Митрополиту Киевскому, Ионе, сына его, бывшего у нас пленником.

В Августе 1506 года Король Александр умер: Великий Князь немедленно послал чиновника Наумова с утешительною грамотою ко вдовствующей Елене, но в тайном наказе предписал ему объявить сестре, что она может прославить себя великим делом: именно, соединением Литвы, Польши и России, ежели убедит своих Панов избрать его в Короли; что разноверие не есть истинное препятствие; что он даст клятву покровительствовать Римский Закон, будет отцом народа и сделает ему более добра, нежели Государь единоверный. Наумов должен был сказать то же Виленскому Епископу Войтеху, Пану Николу Радзивилу и всем Думным Вельможам. Мысль смелая и по тогдашним обстоятельствам удивительная, внушенная не только властолюбием Монарха-юноши, но и проницанием необыкновенным. Литва и Россия не могли действительно примириться иначе, как составив одну Державу: Василий без наставления долговременных опытов, без примера, умом своим постиг сию важную для них обеих истину; и если бы его желание исполнилось, то Север Европы имел бы другую Историю. Василий хотел отвратить бедствия двух народов, которые в течение трех следующих веков резались между собою, споря о *древних* и *новых* границах. Сия кровопролитная тяжба могла прекратиться только гибелию одного из них; повинувся Государю общему, в духе братства, они сделались бы мирными Властелинами полунощной Европы.

Но Елена ответствовала, что брат ее супруга, Сигизмунд, уже объявлен его преемником в Вильне и в Кракове. Сам новый Король известил о том Василия, предлагая ему вечный мир с условием, чтобы он возвратил свободу Литовским пленникам и те места, коими завладели Россияне уже после шестилетнего перемирия. Сие требование казалось умеренным; но Василий – досадуя, может быть, что его намерение Царствовать в Литве не исполнялось, – хотел удержать всё оставленное ему в наследие родителем и, жалуваясь, что Литовцы преступают договор 1503 года, тревожат набегами владения Князей Стародубского и Рыльского, жгут села Брянские, отнимают наши земли, послал Князя Холмского и Боярина Якова Захарьевича воевать Смоленскую область. Они доходили до Мстиславля, не встретив неприятеля в поле. Королевские Послы еще находились тогда в Москве: Сигизмунд упрекал Василия, что он, говоря с ним о мире, начинает войну.

[1508 г.] В сие время славный Константин Острожский, изменив данной им Василию присяге, утвержденной ручательством нашего Митрополита, бежал из Москвы в Литву. Любовь к отечеству и ненависть к России заставили его остыдить себя делом презрительным: обмануть Государя, Митрополита, нарушить клятву, устав чести и совести. Никакие побуждения не извиняют вероломства. – Сигизмунд принял нашего изменника, Константина, с милостию: Василий скоро отмстил Сигизмунду, объявив себя покровителем еще важнейшего изменника Литовского.

Никто из Вельмож не был в Литве столь знатен, силен, богат поместьями, щедр к служникам и страшен для неприятелей, как Михаил Глинский, коего род происходил от одного Князя Татарского, выехавшего из Орды к Витовту. Воспитанный в Германии, Михаил заимствовал обычаи Немецкие, долго служил Албрехту Саксонскому, Императору Максимилиану в Италии; славился храбростию, умом и, возвратясь в отечество, снискал милость Александрову, так что сей Государь обходился с ним как с другом, поверяя ему все тайны сердечные. Глинский оправдывал сию любовь и доверенность своими заслугами. Когда сильное войско Менгли-Гиреево быстрым нашествием привело Литву в трепет; когда Александр, лежащий на смертном одре почти в виду неприятеля, требовал усердной защиты от Вельмож и народа: Глинский сел на коня, собрал воинов и славнейшею победою утешил Короля в последние минуты его жизни. Завистники молчали; но смерть Александрова отверзла им уста: говорили, что он мыслил овладеть престолом и не хотел присягать Сигизмунду. Всех более ненавидел и злословил его Вельможа Забрezenский. Михаил неотступно убеждал нового Короля быть судиею между ими. Сигизмунд медлил, доброхотствуя неприятелям Глинского, который вышел наконец из терпения и сказал ему: «Государь! мы оба, ты и я, будем раскаиваться; но поздно». Он вместе с братьями, Иваном и Василием, уехал в свой город Туров; призвал к себе родственников, друзей; требовал полного удовлетворения от Сигизмунда и назначил срок. Слух о том достиг Москвы, где знали всё, что в Литве происходило: Государь угадал тайную мысль Михайлову и послал к нему

умного Дьяка, предлагая всем трем Глинским защиту России, милость и жалованье. Еще соблюдая пристойность, они ждали решительного Королевского ответа: не получив его, торжественно объявили себя слугами Государя Московского, с условием, чтобы Василий оружием укрепил за ними их города в Литве, поместные и те, которые им волею или неволею сдадутся. С обеих сторон утвердили сей договор клятвою. Пылая злобою мести, Михаил нечаянно схватил врага своего, Вельможу Забрezenского, в увеселительном его доме близ Гродна: отсек ему голову; умертвил многих других Панов; составил полк из Дворян, слуг и наемников; взял Мозырь; заключил союз с Менгли-Гиреем и Господарем Молдавским, из коих первый обещал завоевать для него Киев. Пишут, что Глинские действительно имели намерение восстановить древнее Великое Княжение Киевское и господствовать в нем независимо; что многие из тамошних Бояр присягнули им в верности; что Михаил думал жениться на вдовствующей супруге Симеона Олельковича, Анастасии, и тем приобрести законное право на сие Княжество, но что добродетельная Анастасия, гнушаясь его изменою, не хотела о том слышать.

Глинский ждал Московской рати. Воеводы наши, Князя Шемякин, Одоевские, Трубецкие, Воротыньские пришли к нему на Березину, осадили Минск и разоряли всё до самой Вильны; другие воевали Смоленскую область. Желая и надеясь сокрушить Литву, Василий двинул еще полки из Москвы и Новгорода к Орше: первые вел знатный Боярин Яков Захарьевич, последние славный Князь Даниил Щеня. Глинский, Шемякин, оставив Минск, явились близ Друцка, обязали тамошних Князей присягою верности к Государю Российскому и соединились под Оршею с Даниилом: громили пушками стены ее; замыслили приступ.

Никогда Литва не бывала в опаснейшем положении: Россия восстала. Менгли-Гирей и Волохи готовились к нападению; внутри бунт и правление новое, коего все тайны, все способы были известны Глинскому; наемные Королевские воины, Немцы, требовали жалованья, а расточительность Александра истощила казну. Но Сигизмунд имел твердость, благоразумие и счастье, которое в делах мира нередко смеется над вероятностями ума. С необыкновенною деятельностью собрав, устроив войско, он приблизился к Орше, чтобы спасти сию важную крепость. Полководцы Василиевы изумились, сняли осаду и стали на восточном берегу Днепра. Дней шесть неприятели через сию реку смотрели друг на друга: Россияне ждали к себе Литовцев, Литовцы Россиян. Наконец Воеводы Московские пошли к Кричеву Мстиславлю: разорили несколько сел и спешили назад, защитить собственные пределы: ибо Король, вступив в Смоленск, отрядил войско к Дорогобужу, к Белой и к Торопцу. Василий, поручив Князьям Стародубскому и Шемякину оберегать Украину, велел Боярину Якову Захарьевичу стоять в Вязьме, а Даниилу выгнать Литовский отряд из Торопца, где жители, малодушно присягнув Сигизмунду, с радостью встретили нашего Воеводу, который донес Государю о бегстве неприятеля.

Хотя Василий по-видимому не имел причины славиться успехами своих Полководцев, ни важными для России следствиями измены Глинских: однако ж казался доволен первыми и с великою милостию угостил Михаила, который приехал в Москву, пировал во дворце, был одарен щедро, не только одеждами богатыми, доспехом, Азиатскими конями, но и Московскими селами с двумя поместными городами, Ярославцем и Медынью. Братья Михайловы оставались в Мозыре, а люди, сокровища и знатнейшие единомышленники, Князя Дмитрий Жижерский, Иван Озерецкий, Андрей Лукомский, – в Почепе. Михаил просил у Государя воинов для сбережения Турова и Мозыря: Василий дал ему Воеводу, Князя Несвицкого, с Галицкими, Костромскими ратниками и с Татарами.

Между тем Литовцы сожгли Белую и взяли Дорогобуж, обращенный в пепел самими Россиянами. Константин Острожский предводительствовал частию Сигизмундовой рати, обещая указать ей путь к Москве. Но Великий Князь не терял времени: сам распорядил полки и велел им с двух сторон, Холмскому из Можайска, Боярину Якову Захарьевичу из Вязьмы, идти к Дорогобужу, где начальствовал Воевода Королевский, Станислав Кишка: сей гордый Пан, имев некоторые выгоды в легких сшибках с отрядами Российскими, уже думал, что наше войско не существует и что бедные остатки его не дерзнут показаться из лесов: увидел полки Холмского и бежал в Смоленск. – Таким образом неприятели выгнали друг друга из своих пределов, не быв ни победителями, ни побежденными; но Король имел более славы, среди опасностей нового правления и внутренней измены отразив внешнего сильного врага, столь ужасного для его двух предшественников.

Не ослепляясь легкомысленною гордостью, боясь Менгли-Гирея и желая успокоить свою Державу, благоразумный Сигизмунд снова предложил мир Василию, который не отринул его.

Глинский хвалился многочисленностью друзей и единомышленников в Литве; но, к счастью всех правлений, изменники редко торжествуют: сила незаконная или первым восстанием испровергает законный устав Государства, или ежечасно слабеет от нераздельного с нею страха, от естественного угрызения совести, если не главных действующих лиц, то по крайней мере их помощников. Тщетно Глинские старались возмутить Киевскую и Волынскую область: народ равнодушно ждал происшествий; Бояре отчасти желали успехов Михаилу, но не хотели бунтом подвергнуть себя казни; весьма немногие присоединились к нему, и войско его состояло из двух или трех тысяч всадников; начальники городов были верны Королю. Счастью Иоаннова оружия в войне Литовской способствовал Менгли-Гирей: Василий еще не видал в нем деятельного усердия к пользам России и, несмотря на союзную грамоту, утвержденную в Москве словом и печатью Ханских Послов, разбойники Крымские беспокоили нашу Украину, так что Великий Князь должен был защитить оную войском. Надежда возбудить Ногаев к сильному впадению в Литву не исполнилась: слуга Василиев, Князь Темир, ездил к Мурзам, Асану и другим, сыновьям Ямгурчя и Мусы, с предложением, чтобы они, содействуя нам, отмести Королю вероломное заключение Хана Шиг-Ахмета, связанного с ними родством и дружбою: Темир должен был вести их к берегам Дона и Днепра; но не мог успеть в своем поручении. Сии обстоятельства, моление вдовствующей Королевы Елены, решительность Сигизмунда и сомнительный успех войны склонили Василия к искреннему миролюбию. Король прислал из Смоленска в Москву Станислава, Воеводу Полоцкого, Маршалка Сапегу и Войтеху, Наместника Перемышльского, которые, следуя обыкновению, сначала требовали всего, а наконец удовольствовались немногим: хотели Чернигова, Любеча, Дорогобужа, Торопца, но согласились взять единственно пять или шесть волостей Смоленских, отнятых у Литвы уже в государство Василиев. Написали договор так называемого вечного мира. Василий и Сигизмунд, именуясь братьями и сватами, обязались жить в любви, доброжелательствовать и помогать друг другу на всякого неприятеля, кроме Менгли-Гирея и таких случаев, где будет *невозможно* исполнить сего условия (которое, следственно, обращалось в ничто). Король утверждал за Россию все приобретения Иоанновы, а за слугами Государя Российского, Князьями Шемякиным, Стародубскими, Трубецкими, Одоевскими, Воротынскими, Перемышльскими, Новосильскими, Белевскими, Мосальскими все их отчины и города. За то Василий обещал *не вступаться* в Киев, в Смоленск, ни в другие Литовские владения. Далее сказано в договоре, что Великий Князь рязанский Иоанн Иоаннович с своею землею принадлежит к Государству Московскому; что ссоры между Литовскими и Российскими подданными должны быть разбираемы судьями общими, присяжными, коих решения исполняются во всей силе; что Послам и купцам обеих Держав везде *путь чист* и свободен: ездят, торгуют как им угодно; наконец, что Литовские и наши пленники освобождаются немедленно. О Глинских не упоминается в сей грамоте; но судьба их была решена: Василий признал Мозырь и Туров, города Михайловы, собственностию Королевскою, обещая впредь уже не принимать к себе никого из Литовских Князей с землями и поместьями. Он удовольствовался единственно словом Короля, что Глинские могут свободно выехать из Литвы в Россию.

Послы Сигизмундовы были десять раз у Государя и дважды обедали. Разменялись договорными грамотами. Сейм Литовский одобрил все условия. Король целовал крест в присутствии наших послов в Вильне. Россияне и Литовцы были довольны миром; но Глинские изъявляли негодование, и Сигизмунд уведомил Великого Князя, что Михаил не хочет ехать в Москву, думая бежать в степи с вооруженными людьми своими и мстить равно обоим Государствам; но что войско Королевское уже идет смирить сего мятежника. Василий просил Короля не тревожить Глинских и дать им свободный путь в Россию. Проливая слезы, они выехали к нам из отечества со всеми ближними. Литва жалела, а более опасалась их. Россия не любила: Великий Князь ласкал и честил, думая, что сии изменники еще могут быть ему полезны.

Едва ли имея надежду и самое желание долго остаться в мире с Литвою, Василий нетерпеливо ждал вестей из Тавриды, чтобы удостовериться в важном для нас союзе Менгли-Гиреевом. Может быть, сей Царь и не участвовал в набегах Крымских разбойников на Московские пределы, но усердие его к России явно охладело: Держав Заболоцкого долее года, он прислал гонца в Москву с требованием, чтобы его пасынок, сверженный Царь Казанский Абдыл-Летиф, был отпущен в Тавриду. Великий Князь не сделал сего, однако ж возвратил Летифу свободу и милость, дозволил быть во дворце, обещал Коширу в поместье. Вероятно, что слух о мирных переговорах Сигизмунда с Василием решил, наконец, Менгли-Гирея утвердить дружбу с нами: по крайней мере он немедленно отпустил тогда Заболоцкого и прислал трех Вельмож своих в Москву с шерстною *золотою* грамотою: дал клятву за себя, за детей и внучат жить в братстве с

Великим Князем, вместе воевать и мириться с Литвою и с Татарами; унимать, казнить своих разбойников, покровительствовать наших купцев и путешественников; одним словом, исполнять все обязанности тесной, взаимной дружбы, как было в Иоанново время.

Государь приказал встретить Послов с великою честью, звать во дворец к обеду и *клат на них руки* в знак благоволения. Они представили ему 16 грамот от Хана, писанных весьма ласково. Менгли-Гирей убеждал Василия послать судовую рать с пушками для усмирения Астрахани, обещал всеми силами действовать против Сигизмунда и помогать Михаилу Глинскому, коего называл любезным сыном; просил ловчих птиц, соболей, рыбьих зубов, лат и серебряной чары *в два ведра*, требовал какой-то дани, платимой ему Князьями Одоевскими; а всего более желал, чтобы Государь позволил Абдыл-Летифу ехать в Тавриду для свидания с матерью. Сие последнее казалось Василию столь важным, что он собрал Думу Боярскую и хотел знать ее мнение. Приговорили не отпускать Летифа. Государь велел ему самому явиться в Думу и говорил так: «Царь Абдыл-Летиф! ты ведаешь, что отец мой лишил тебя свободы за вину не малую. В угодность нашему брату, Менгли-Гирею, забыв твое преступление, я милостиво дарую тебе вольность и город. Выслушай условия». Они состояли в том, чтобы Летиф клятвенно обязался верно служить России, не выезжать самовольно из ее пределов, не иметь сношения с Литвою, ни с другими нашими врагами, и чтобы Менгли-Гиреевы Послы утвердили сей договор собственною их присягою. Летиф винился, благодарил, считал себя недостойным видеть лицо Государево; клялся не угнетать Христиан, не ругаться над Святынею, доносить Великому Князю о всяких злодейских умыслах против него или Государства. Вместо Коширы, прежде обещанной, ему дали Юрьев. Достоинно замечания, что и сам Великий Князь присягнул в доброжелательстве к Летифу, так же, как и в верности к Менгли-Гирею, исполняя требование Послов Крымских и совет Бояр. Наместник Перевицкий, Морозов, был отправлен в Тавриду изъявить благодарность за дружбу Хана, уверить его в нашей, известить о заключенном с Литвою мире и сказать наедине, что долгое молчание Менгли-Гиреево беспокоило Государя; что носился даже слух о присоединении Ханских сыновей к Сигизмундовой рати; что сие обстоятельство ускорило для нас мир; но что Великий Князь остается другом Менгли-Гирея и не боится новой, справедливой войны с их общим естественным недругом; что нам нельзя послать людей с огнестрельным снарядом к Астрахани, ибо нет судов в готовности; что России, утомленной войнами, хотя мирной с Литвою, но угрожаемой Ливонскими Немцами, нужно отдохновение; что сам Иоанн никогда не посылал туда войска, и проч. Уже ветхий летами и здоровьем, Менгли-Гирей не мог жить долго: Василий приказал Морозову тайно видаться с Ханским старшим сыном, Магмет-Гиреем; обязать его клятвою в дружбе к России и присягнуть ему в нашей именем Государя.

[1509 г.] Сей Посол имел неприятность в Тавриде от своевольтства и корыстолюбия Ханских Вельмож. Государь именно велел Морозову наблюдать свое достоинство и не терпеть ни малейшего для нас унижения в обрядах Посольских: ибо Крымские Мурзы любили величаться перед Россиянами, вспоминая старину. «Я сошел с коня близ дворца, – пишет Морозов к Великому Князю, – у ворот сидели Князья Ханские и все, как должно, приветствовали Посла твоего, кроме Мурзы Кудояра, дерзнувшего назвать меня холопом. Толмач не смел перевести сих грубых слов, а Мурза в бешенстве хотел зарезать его и силою выхватил шубу из рук моего Подьячего, который нес дары. В дверях Ясаулы преградили мне путь, бросив на землю жезлы свои, и требовали пошлины: я ступил на жезлы и вошел к Царю. Он и Царевичи встретили меня ласково; пили из чаши и подали мне остаток. Я также поднес чашу им и всем Князьям, но обошел Кудояра и сказал Хану: Царь, *вольный человек! сей Мурза невежлив: суди нас... Называюсь холопом твоим и Государя моего, но не Кудояровым. Говорю с ним пред тобою с очи на очи: как он дерзнул грубить Послу и силою брать, что мы несли к тебе?* Менгли-Гирей, выслушав, извинял Мурзу; но, отпустив меня, бранил его и выгнал». Морозов не согласился вручить Хану своего Посольского наказа, ни описи присланных с ним даров, ответствуя гордо Вельможам Царским: «Речи Великого Князя вписаны у меня только в сердце, а дары его вам доставлены: более ничего не требуйте». Один из сыновей Ханских, жалуясь на скупость Василиеву, грозил Морозову цепями. «Цепей твоих не опасуюсь, – сказал Посол: – боюсь единственно Бога, Великого Князя и Царя, вольного человека... Если оскорбите меня, то Государь уже никогда не будет присылать к вам людей знатных». – Однако ж, несмотря на слабость отягченного летами Менгли-Гирея, коему сыновья и Вельможи худо повиновались, наш союз с Тавридою остался до времени в своей силе.

Россия заключила тогда мирный договор и с Ливониею. В 1506 году вторично был у нас Посол Иператорский Гартингер с дружественным письмом от Максимилиана, который снова

просил Великого Князя освободить Ливонских пленников. Василий сказал, что вольность их зависит от мира. Наконец, Магистр, Архиепископ Рижский, Епископ Дерптский и всё Рыцарство прислали чиновников в Москву. Следуя правилу отца, Государь не хотел сам договариваться с ними: они поехали в Новгород, где Наместники Даниил Щеня, Григорий Федорович Давыдов и Князь Иван Михайлович Оболенский дали им мирную грамоту от 25 марта 1509 года впредь на 14 лет. Освободили пленных; возобновили старые взаимные условия о торговле и безопасности путешественников в обеих землях. Важнее всего было то, что немцы отреклись от союза с Королем Польским. Государь не забыл и наших церквей в Ливонии: Магистр обязался блюсти их. В то же время Император, ходатайствуя за Ганзу, писал к Великому Князю, что она издревле к обоюдной пользе купечествовала в России и желает восстановить свою контору в Новгороде, ежели возвратят Любчанам товары, несправедливо отнятые Иоанном, единственно по наущению злых людей. Василий отвечал Максимилиану: «Пусть Любчане и союзные с ними 72 города шлют должное челобитье к моим Новгородским и Псковским Наместникам: из дружбы к тебе велю торговать с Немцами, как было прежде; но имение отняли у них за вину: его нельзя возвратить, о чем писал к тебе и мой родитель».

Утвердив спокойствие России. Василий решил судьбу древнего, знаменитого Пскова. Какое-то особенное снисхождение Иоанново позволило сей Республике пережить Новгородскую, еще иметь вид народного Правления и хвалиться тению свободы: могла ли уцелеть она в системе общего самодержавия? Пример Новгорода ужасал Псковитян; но, лаская себя свойственною людям надеждою, они так рассуждали: «Иоанн пощадил нас: может пощадить и Василий. Мы спаслись при отце благоговением к его верховной воле: не оскорбим и сына. Гордость есть безумие для слабости. Не постоим за многое, чтобы спасти главное: то есть свободное бытие гражданское, или по крайней мере доле наслаждаться оным». Сии мысли были основанием их политики. Когда Наместники Великокняжеские действовали незаконно, Псковитяне жаловались Государю, молили неотступно, но смиренно. Ненавидя Князя Ярослава, они снова приняли его к себе Наместником: ибо так хотел Иоанн, который, может быть, единственно отлагал до случая уничтожить вольность Пскова, несогласную с государственным уставом России: войны, опасности внешние, а наконец, может быть, и старость помешали ему исполнить сие намерение. Юный Василий естественным образом довершил дело отца: искал и легко нашел предлог. Хотя Псковитяне вообще изъявляли более умеренности, нежели пылкие Новгородцы: однако ж, подобно всем республикам, имели внутренние раздоры, обыкновенное действие страстей человеческих. Еще в Иоанново время был у них мятеж, в коем один Посадник лишился жизни, а другие чиновники бежали в Москву. Тогда же земледельцы не хотели платить дани гражданам: Вече самовластно наказало первых, отыскав древнюю уставную грамоту в доказательство, что они всегда считались данниками и работниками последних. Иоанн обвинил самовольство Веча: Псковитяне едва смягчили его гнев молением и дарами. При Василии управлял ими в сане Наместника Князь Иван Михайлович Репня-Оболенский, не любимый народом: питая несогласие между старшими и младшими гражданами, он жаловался на их строптивость и в особенности на главных чиновников, которые будто бы вмешивались в его права и суды. Сего было довольно для Василия.

Осенью в 1509 году он поехал в Новгород с братом своим Андреем, с зятем, Царевичем Петром, Царем Летифом, с Коломенским Епископом Митрофаном, с знатнейшими Боярами, Воеводами, Детьми Боярскими. Цель путешествия знали разве одни Вельможи Думные. Везде народ с радостью встречал юного Монарха: он ехал медленно и с величием. Унылый Новгород оживился присутствием двора и войска отборного; а Псковитяне отправили к Великому Князю многочисленное Посольство, семьдесят знатнейших чиновников и Бояр, с усердным приветствием и с даром ста пятидесяти рублей. Главный из них, Посадник Юрий, сказал ему: «Отчина твоя, Псков, бьет тебе челом и благодарит, что ты, Царь всея Руси, *держишь нас в старине* и милостиво обороняешь от всех иноплеменников. Так делал и великий твой родитель: за что мы готовы верно служить тебе, как служили Иоанну и вашим предкам. Но будь правосуден: твой Наместник утесняет *добровольных* людей, Псковитян. Государь! защити нас». Он милостиво принял дар; выслушал жалобы; обещал управу. Послы возвратились и сказали Вечу слова Государевы; *но мысли сердечные*, прибавляет Летописец, *известны единому Богу*. Василий велел Окольничему своему, Князю Петру Шуйскому-Великому, с Дьяком Долматовым ехать во Псков и на месте узнать истину. Они донесли, что граждане винят Наместника, а Наместник граждан; что их примирить невозможно и что одна власть Государева должна решить сию тяжбу. Новые послы Псковские молили Великого Князя сменить Оболенского: Василий отвечал, что

непристойно сменить его как виновного без суда; что он приказывает ему быть в Новгород вместе со всеми Псковитянами, которые считают себя обиженными, и сам разберет их жалобы.

Здесь Летописец Псковский укоряет своих Правителей в неосторожности: они письменно дали знать по всем волостям, чтобы недовольные Наместником ехали судиться к Великому Князю. Сыскалось их множество; немало и таких, которые поехали жаловаться Государю друг на друга, и между ими были знатные люди, первые чиновники. Сие обстоятельство предвещало Пскову судьбу Новгорода, где внутренние несогласия и ссоры заставили граждан искать Великокняжеского правосудия и служили Иоанну одним из способов к уничтожению их вольности. Василий именно требовал к себе Посадников для очной ставки с Князем Оболенским, велел написать к Вечу, что если они не явятся, то *вся земля будет виновата*. Псковитяне содрогнулись: в первый раз представилась им мысль, что для них готовится удар. Никто не смел послушаться: девять Посадников и купеческие старосты всех рядов отправились в Новгород. Василий приказал им ждать суда и назначил сроком 6 Января [1510 г.].

В сей день, то есть в праздник Крещения, Великий Князь, окруженный Боярами и Воеводами, слушал обедню в церкви Софийской и ходил за крестами на реку Волхов, где Епископ Коломенский Митрофан святил воду: ибо Новгород не имел тогда Архиепископа. Там Вельможи Московские объявили Псковитянам, чтобы все они шли в Архиерейский дом к Государю: чиновников, Бояр, купцов ввели в палату; младших граждан остановили на дворе. Они готовились к суду с Наместником; но тяжба их была уже тайно решена Василием. Думные Великокняжеские Бояре вышли к ним и сказали: «Вы *пойманы* Богом и Государем Василием Иоанновичем». Знатных Псковитян заключили в Архиепископском доме, а младших граждан, переписав, отдали Новгородским Боярским детям под стражу.

Один купец Псковский ехал тогда в Новгород: узнав дорогою о сем происшествии, он бросил свой товар и спешил известить сограждан, что их Посадники и все именитые люди в темнице. Ужас объял Псковитян. «От трепета и печали (говорит Летописец) засохли наши гортани, уста пересыгли. Мы видали бедствия, язву и Немцев перед своими стенами; но никогда не бывали в таком отчаянии». Собралось Вече. Народ думал, что ему делать? *ставить ли щит против Государя? затвориться ли в городе?* «Но война, – рассуждали они, – будет для нас беззаконием и конечною гибелию. Успех невозможен, когда слабость идет на силу. И всех нас немного: что же сделаем теперь без Посадников и лучших людей, которые сидят в Новгороде?» Решились послать гонца к Великому Князю с такими словами: «Бьем тебе челом от мала до велика, да жалуешь свою древнюю отчину; а мы, сироты твои, и прежде и ныне были от тебя, Государя, неотступны и ни в чем не противились. Бог и ты волен в своей отчине».

Видя смирение Псковитян, Государь велел снова привести всех задержанных чиновников в Архиепископскую палату и выслал к ним Бояр, Князя Александра Ростовского, Григория Федоровича, Конюшего Ивана Андреевича Челяднина, Окольничего Князя Петра Шуйского, Казначей Дмитрия Владимировича, Дьяков Мисюря-Мунехина и Луку Семенова, которые сказали: «Василий, Божию милостию Царь и Государь всея Руси, так вещает Пскову: предки наши, отец мой и мы сами доселе берегли вас милостиво, ибо вы *держали имя наше честно и грозно*, а Наместников слушались; ныне же дерзаете быть строптивыми, оскорбляете Наместника, вступаете в его суды и пошрины. Еще сведали мы, что ваши Посадники и судьи земские не дают истинной управы, теснят, обижают народ. И так вы заслужили *великую опалу*. Но хотим теперь изъяснить милость, если исполните нашу волю: уничтожьте Вече и примете к себе Государевых Наместников во Псков и во все пригороды. В таком случае сами приедем к вам помолиться Святой Троице и даем слово не касаться вашей собственности. Но если отвергнете сию милость, то *будем делать свое дело* с Божию помощью, и кровь Христианская взыщется на мятежниках, которые презирают Государево жалованье и не творят его воли». Псковитяне благодарили и в присутствии Великокняжеских Бояр целовали крест с клятвою служить верно Монарху России, его детям, наследникам, до конца мира. Василий, пригласив их к себе на обед, сказал им, что вместо рати шлет во Псков Дьяка своего, Третьяка Долматова, и что они сами могут писать к согражданам. Знатный купец, Онисим Манушин, поехал с грамотою от чиновников, Бояр и всех бывших в Новгороде Псковитян к их народу. Они писали: «Пред лицом Государя мы единомысленно дали ему *крепкое слово своими душами* за себя и за вас, братья, исполнить его приказание. Не сделайте нас преступниками. Буде же вздумаете противиться, то знайте, что Великий Князь в гневе и в ярости устремит на вас многочисленное воинство: мы погибнем и вы погибнете в кровопролитии. Решитесь немедленно: последний срок есть 16 Января. Здравствуйте».

Долматов явился в собрании граждан Псковских, сказал им поклон от Великого Князя и требовал его именем, чтобы они, если хотят жить *по старине*, исполнили *две* воли Государевы: отменили Вече, сняли колокол оного и во все города свои приняли Великокняжеских Наместников. Посол заключил речь свою тем, что или сам Государь будет у них, добрых подданных, мирным гостем, или пришлет к ним воинство смирить мятежников. Сказав, Долматов сел на ступени Веча и долго ждал ответа: ибо граждане не могли говорить от слез и рыдания; наконец, просили его дать им время на размышление до следующего утра. – Сей день и сия ночь были ужасны для Пскова. Одни грудные младенцы, по словам летописи, не плакали тогда от горести. На улицах, в домах раздавалось стенание: все обнимали друг друга как в последний час жизни. Столь велика любовь граждан к древним уставам свободы! Уже давно Псковитяне зависели от Государя Московского в делах внешней Политики и признавали в нем судию верховного; но Государь дотеле уважал их законы, и Наместники его судили согласно с оными; власть законодательная принадлежала Вечу, и многие тяжбы решились народными чиновниками, особенно в пригородах: одно избрание сих чиновников уже льстило народу. Василий уничтожением Веча искоренял всё старое древо самобытного гражданства Псковского, хотя и поврежденное, однако ж еще не мертвое, еще лиственное и плодоносное.

Народ более сетовал, нежели советовался: необходимость уступить являлась всякому с доказательствами неопровержимыми. Слышны были речи смелые, но без дерзости. Последние торжественные минуты издыхающей свободы благоприятствуют великодушию; но рассудок уже обуздывает сердце. На рассвете ударили в Вечевой колокол: сей звук представил гражданам мысль о погребении. Они собрались. Ждали Дьяка Московского. Долматов приехал. Ему сказали: «Господин Посол! Летописцы наши свидетельствуют, что *добровольные* Псковитяне всегда присягали Великим Князьям в верности: клялися непреложно иметь их своими Государями, не соединяться с Литвою и с Немцами; а в случае измены подвергали себя гневу Божию, гладу, огню, потопу и нашествию иноплемеников. Но сей крестный обет был взаимным: Великие Князья присягали не лишать нас древней свободы; клятва та же, та же и казнь преступнику. Ныне волен Бог и Государь в своей отчине, во граде Пскове, в нас и в нашем колоколе! По крайней мере мы не хотим изменить крестному целованию, не хотим поднять руки на Великого Князя. Если угодно ему помолиться Живоначальной Троице и видеть свою отчину, да едет во Псков: мы будем ему рады, благодаря его, что он не погубил нас до конца!» – Генваря 13 граждане сняли Вечевой колокол у Святой Троицы и, смотря на него, долго плакали о своей *старине* и *воле*.

Долматов в ту же ночь поехал к Государю с сим древним колоколом и с донесением, что Псковитяне уже не имеют Веча. То же объявили ему и Послы их. Он немедленно отправил к ним Бояр с воинскою дружиною обязать присягою граждан и сельских жителей; велел очистить для себя двор Наместников, а для Вельмож своих, Дьяков и многочисленных телохранителей так называемый город Средний, откуда надлежало перевести всех жителей в Большой город, и 20 Генваря выехал туда сам с братом, зятем, Царем Летифом, Епископом Коломенским, Князем Даниилом Щенею, Боярином Давыдовым и Михаилом Глинским. Псковитяне шли к нему навстречу: им приказано было остановиться в двух верстах от города. Увидев Государя, все они пали ниц. Великий Князь спросил у них о здравии. «Лишь бы ты, Государь, здравствовал!» – ответствовали старейшины. Народ безмолвствовал. Епископ Коломенский опередил Великого Князя, чтобы вместе с Духовенством Псковским встретить его пред стеною Довмонтовою. Василий сошел с коня и за крестами вступил в церковь Св. Троицы, где Епископ, отпев молебен, возгласил ему многолетие и, благословляя Великого Князя, громко произнес: «Слава Всевышнему, Который *дал* тебе Псков без войны!» Тут граждане, бывшие в церкви, горько заплакали и сказали: «Государь! *мы не чужие*; мы искони служили твоим предкам». В сей день, Генваря 24, Василий обедал с Епископом Коломенским, с Архимандритом Симоновским Варлаамом, с Боярами и Воеводами; а в Воскресенье, Генваря 27, приказал собраться Псковитянам на дворе своем. К ним вышел Окольный, Князь Петр Шуйский: держа в руке список, он перекликал всех чиновников, Бояр, Старост, купцев, людей Житых и велел им идти в большую судебную избу, куда Государь, сидя с Думными Вельможами в передней избе, прислал Князя Александра Ростовского, Конюшого Челяднина, Шуйского, Казначая Дмитрия Владимировича, Дьяков Долматова, Мисюря и других. Они говорили так: «Знатные Псковитяне! Великий Князь, Божию милостию Царь и Государь всея Руси, объявляет вам свое жалованье; не хочет вступаться в вашу собственность: пользуйтесь ею, ныне и всегда. Но здесь не можете остаться: ибо вы утесняли народ и многие, обиженные вами, требовали Государева правосудия. Возьмите жен и детей, идите в землю Московскую и там благоденствуйте милостию Великого Князя». Их всех,

изумленных горестию, отдали на руки детям Боярским; и в ту же ночь увезли в Москву 300 семейств, в числе коих находились и жены бывших под стражею в Новгороде Псковитян. Они могли взять с собою только малую часть своего достояния, но жалели единственно отчизны. – Других средних и младших граждан отпустили в дома с уверением, что им не будет развода, но ужас господствовал и плач не умолкал во Пскове. Многие, не веря обещанию и боясь ссылки, постриглись, мужья и жены, чтобы умереть на своей родине.

Государь велел быть Наместниками во Пскове Боярину Григорию Федоровичу Давыдову и Конюшему Челяднину, а Дьяку Мисюрю ведать дела приказные, Андрею Волосатому ямские; определил Воевод, тиунов и старост в пригороды; установил новый чекан для монеты и торговую пошлину, дотоле неизвестную в земле Псковской, где купцы всегда торговали свободно и не платя ничего; роздал деревни сосланных Псковитян Московским Боярам; вывел всех граждан из Застенья, или Среднего города, где находилось 1500 дворов; указал там жить одним Государевым чиновникам, Боярским детям и Московитянам, а купеческие лавки перенести из Довмонтовой стены в Большой город; выбрал место для своего дворца и заложил церковь Святой Ксении, ибо в день ее памяти уничтожилась вольность Пскова; наконец, всё устроив в течение месяца, оставив Наместникам тысячу Боярских детей и 500 Новгородских Пищальников, с торжеством поехал в Москву, куда отправили за ним и Вечевой колокол. В замену убылых граждан триста семейств купеческих из десяти низовых городов были переселены во Псков.

«Так, – говорит Летописец Ольгиной родины, – исчезла слава Пскова, плененного не иноверными, но своими братьями Христианами. О град, некогда великий! ты сетуешь в опустении. Прилетел на тебя орел многокрылый с когтями львиными, вырвал из недр твоих три кедр ливанские: похитил красоту, богатство и граждан; раскопал торжища, или заметал дрязгом; увлек наших братьев и сестер в места дальние, где не бывали ни отцы их, ни деды, ни прадеды!»

Более шести веков Псков, основанный Славянами-Кривичами, имел свои гражданские уставы, любил оные, не знал и не хотел знать лучших; был *вторым Новгородом*, называясь его *меньшим братом*, ибо в начале составлял с ним одну Державу и до конца одну епархию подобно ему бедный в дарах природы деятельною торговлею снискал богатство, а долговременною связью с Немцами художества и вежливости; уступая ему в древней славе побед и завоеваний отдаленных, долее его хранил дух воинский, питаемый частыми бранями с Ливонским Орденом. Как в семействах, так и в гражданских обществах видим иногда наследственные добродетели: Псков отличался благородием, справедливостию, верностию; не изменял России, угадывал судьбу ее, держался Великих Князей, желал отвратить гибель Новгородской вольности, тесно связанной с его собственною; прощал сему завистливому народу обиды и досады; будучи осторожен, являл и смелую отважность великодушия, например, в защите Александра Тверского, гонимого Ханом и Государем Московским; сделался жертвою неперемного рока, уступил необходимости, но с каким-то благородным смирением, достойным людей свободных, и не оказав ни дерзости, ни робости своих Новгородских братьев. – Сии две народные Державы сходствовали во всех их учреждениях и законах; но Псковитяне имели особенную степень гражданскую, так называемых *детей Посадничьих*, ставя их выше купцов и житейских людей: следственно, изъявляли еще более уважения к сану Посадников, дав их роду наследственную знатность.

Великий Князь хотел сделать удовольствие Псковитянам и выбрал из них 12 старост, чтобы они вместе с Московскими Наместниками и Тиунами судили в их бывших двенадцати пригородах по изданной им тогда Уставной грамоте. Но сии Старосты не могли обуздывать хищности сановников Великокняжеских, которые именем новых законов отягчали налогами граждан и земледельцев, не внимали справедливим жалобам и казнили за оные, так что несчастные жители толпами бежали в чужие земли, оставляя жен и детей. Пригороды опустели. Иностранцы, купцы, ремесленники, имевшие дома во Пскове, не хотели быть ни жертвою, ни свидетелями насилия, и все выехали оттуда. – «Мы одни остались, – прибавляет летописец: – смотрели на землю: она не расступалась; смотрели на небо: нельзя было лететь вверх без крыльев». Узнав о корыстолюбии Наместников, Государь сменил их и прислал достойнейших, Князей Петра Шуйского и Симеона Курбского, мужей правосудных, человеколюбивых: они успокоили граждан и народ; беглецы возвратились. Псковитяне не преставали жалеть о своих древних уставах, но престали жаловаться. С сего времени они, как и все другие Россияне, должны были посылать войско на службу Государеву.

Так Василий употребил первые четыре года своего правления, страхом оружия, без побед, но не без славы умирив Россию, доказав *наследственное могущество* ее Государей для неприятеля внешнего и непрременную волю их быть внутри самодержавными.

Глава II. Продолжение государствования Василиева. Г. 1510–1521

Взаимные досады Василиевы и Сигизмундовы. Намерение брата Василиева, Симеона, бежать в Литву. Приезд Царицы Нурсалтан в Москву. Раскаяние Магмет-Аминя. Разрыв с Менгли-Гиреем. Набеги Крымцев. Война с Литвою. Союз с Императором Максимилианом. Мирный договор с Ганзою. Посольство Турецкое. Взятие Смоленска. Измена Глинского. Битва Оршинская. Измена Епископа Смоленского. Приступ Острожского к Смоленску. Набег Крымцев. Вторичное Посольство к Султану. Смерть Менгли-Гирея. Посольство от нового Хана Магмет-Гирея, и наше к нему. Болезнь и Посольство Царя Казанского. Впадение Крымцев. Союз с Королем Датским и с Немецким Орденом. Посольство Императора Максимилиана. Послы Литовские. Приступ Острожского к Опочке. Переговоры о мире. Посольство к Максимилиану. Новые Послы от Императора. Смерть Летифа. Возобновление союза с Крымом. Смерть Магмет-Аминя. Шиг-Алей Царем в Казани. Крымцы опустошают Литву. Посольство к Султану. Сношения с Магистром и с Папою. Магистр в войне с Польшею. Поход Воевод на Литву. Сл Воевоабость Немецкого Ордена. Посольство к Султану. Бунт в Казани. Нападение Магмет-Гирея на Россию. Хабар Симский. Суд Воевод. Стан под Коломною. Посол Солиманов. Посольство Литовское и перемирие. Конец Немецкого Ордена в Пруссии. Новое перемирие с Ливонским Орденом.

Недолго Россия и Литва могли наслаждаться миром: чрез несколько месяцев по заключении оного возобновились взаимные досады, упреки; обвиняли друг друга в неисполнении договора, подозревали в неприятельских замыслах; между тем хотели удалить войну. Сигизмунд жаловался, что мы освободили не всех пленников и что Наместники Московские не дают управы его подданным, у коих Россияне, вопреки миру, отнимают земли. Василий доказывал, что и наши пленники не все возвратились из Литвы; что Король, отпустив Московских купцев, удержал их товары; что сами Литовцы делают несносные обиды Россиянам. Несколько раз предлагали с обеих сторон выслать общих судей на границу; соглашались, назначали время: но те или другие не являлись к сроку. Беспрепятственно отпустив Глинских, Сигизмунд раскаялся, заключил их друзей в темницу и вздумал требовать, чтобы Великий Князь выдал ему самого Михаила с братьями. Государь отвечив, что Глинские перешли в его службу, когда Россия воевала с Литвою, и что он никому не выдает своих подданных. [1511–1512 гг.] Сношения продолжались около трех лет: гонцы и Послы ездили с изъявлением неудовольствий, однако же без угроз до самого того времени, как вдовствующая Королева Елена уведомила брата, что Сигизмунд вместо благодарности за ее ревность к пользам Государства его оказывает ей нелюбовь и даже презрение; что Литовские Паны дерзают быть наглыми с нею; что она думала ехать из Вильны в свою местность, в Бряславль, но Воеводы Николай Радзивил и Григорий Остиков схватили ее в час Обедни, сказав: *ты хочешь бежать в Москву*, вывели за рукава из церкви, посадили в сани, отвезли в Троки и держат в неволе, удалив всех ее слуг. Встревоженный сим известием, Василий спрашивал у Короля, чем Елена заслужила такое поругание? и требовал, чтобы ей возвратили свободу, казну, людей, со всеми знаками должного уважения. Не знаем ответа. Другое происшествие сего времени умножило досады Великого Князя на Сигизмунда.

Меньший сын Иоаннов, Симеон Калужский, отличаясь пылким нравом и легкомыслием, с неудовольствием видел себя подданным старшего брата, жаловался на его самовластие, на стеснение древнего права Князей удельных, и, внимая советам некоторых мятежных Бояр своих, вздумал искать Сигизмундова покровительства, изменить России, бежать в Литву. Государь узнал о том, призвал и хотел заключить Симеона. Раскаяние юного Князя, моление братьев, Митрополита и всех Епископов смягчили гнев Василия: он дал Симеону других, надежных Бояр и велел ему быть впредь благоразумнее; но с горестию видел, что Сигизмунд может иметь тайных друзей в самом семействе Великокняжеском. Сие расположение не благоприятствовало миру: успех Литовских козней в Тавриде довершил необходимость войны.

В 1510 году жена Менгли-Гиреева, Нурсалтан, приехала в Москву с Царевичем Саипом и с тремя Послами, которые уверяли Василия в истинной к нему дружбе Хана. Целию сего

путешествия было свидание Царицы с ее сыновьями Летифом и Магмет-Амином. Великий Князь угощал ее как свою знаменитую приятельницу и чрез месяц отпустил в Казань, где она жила около года, стараясь утвердить сына в искреннем к нам доброжелательстве, так что Магмет-Аминь новыми грамотами обязался быть совершенно преданным России и, еще недовольный клятвенными обетами верности, желал во всем открыться Государю: для чего был послан к нему Боярин Иван Андреевич Челяднин, коему он чистосердечно исповедал тайну прежней измены Казанской, обстоятельства и вину ее, не пожалев и своей жены-прелестницы. Одним словом, великий Князь не мог сомневаться в его искренности. Царица Нурсалтан по возвращении из Казани жила опять месяцев шесть в Москве, ласкаемая, честимая при дворе, и вместе с нашим Послом, окольным Тучковым, отправилась в Тавриду, исполненная благодарности к Василию, который имел все причины верить дружбе Менгли-Гиреевой, но обманулся.

Сей Хан престарелый, ослабев духом, уже зависел от своих легкомысленных сыновей, которые хотели иной системы в Политике, или, лучше сказать, никакой не имели, следуя единственно приманкам грабежа и корыстолюбия. Вельможи льстили Царевичам, ждали смерти Царя и хватали как можно более золота. Такими обстоятельствами воспользовался Сигизмунд и сделал, чего ни Казимир, ни Александр никогда не могли сделать: лишил нас важного долголетнего Менгли-Гиреева союза, вопреки умной жене Ханской, ревностной в приязни к Великому Князю. Литва обязалась давать ежегодно Менгли-Гирею 15 000 червонцев с условием, чтобы он, изменив своим клятвам, без всякого неудовольствия на Россию, объявил ей войну, то есть жег и грабил в ее пределах. Сей тайный договор исполнился немедленно: в мае 1512 года сыновья Хановы, Ахмат и Бурнаш-Гирей, со многочисленными шайками ворвались в области Белевские, Одоевские: злодействовали как разбойники и бежали, узнав, что Князь Даниил Щеня спешит их встретить в поле. Хотя Государь совсем не ожидал впадения Крымцев, однако ж не имел нужды в долгих приготовлениях: со времен его отца Россия уже никогда не была безоружною: никогда все полки не распускались, сменяясь только одни с другими в действительной службе. За Даниилом Щенею выступили и многие иные Воеводы к границам. Ахмат-Гирей думал в Июле месяце опустошить Рязанскую землю; но Князь Александр Ростовский стоял на берегах Осетра, Князь Булгак и Конюший Челяднин на Упе: Ахмат удалился. Более смелости оказал сын Ханский, Бурнаш-Гирей: он приступил к самой Рязанской столице и взял некоторые внешние укрепления: города не взял. Воеводы Московские гнали Крымцев степями до Тихой Сосны.

Великий Князь знал истинного виновника сей войны и, желая усювестить Менгли-Гирея, представлял ему, что старая дружба, утвержденная священными клятвами и взаимною государственною пользою, лучше новой, основанной на подкупе, требующей вероломства и весьма ненадежной; что мы помним услуги, а Литовцы помнят долговременную вражду сего Хана; что первое, возбуждая признательность, укрепляет связь дружества, а второе готовит месть, которая если не ныне, то завтра обнаружится. Менгли-Гирей, извиняя себя, отвечал, что Царевичи без его повеления и ведома воевали Россию. Сие могло быть справедливо: тем не менее постоянный, счастливый для нас союз, дело Иоанновой мудрости, рушился навеки, и Крым, способствовал возрождению нашего величия, обратился для России в скопище губителей.

[1513 г.] Скоро сведал Василий, что Король готовит полки и неотступно убеждает Менгли-Гирея действовать против нас всеми силами, желая вместе с ним начать войну летом. В Думе Великокняжеской решено было предупредить сей замысел: Государь послал к Сигизмунду *складную грамоту*, написал в ней имя Королевское без всякого титула, исчислил все знаки его непримиримой вражды, оскорбление Королевы Елены, нарушение договора, старание возбудить Менгли-Гирея ко впадению в Россию и заключил сими словами: «взяв себе Господа в помощь, иду на тебя и хочу стоять, как будет угодно Богу, а крестное целование слагаю». Тогда находились в Москве Послы Ливонские, которые, быв свидетелями нашего вооружения, известили своего Магистра Плеттенберга, что никогда Россия не имела многочисленнейшего войска и сильнейшего огнестрельного снаряда; что Великий Князь, пылая гневом на Короля, сказал: «доколе конь мой будет ходить и меч рубить, не дам покоя Литве». Сам Василий предводительствовал ратию и выехал из столицы 19 Декабря с братьями Юрием и Димитрием, с зятем Царевичем Петром и с Михаилом Глинским. Главными Воеводами были Князь Даниил Щеня и Репня. Приступили к Смоленску. Тут гонец Королевский подал Василию письмо от Сигизмунда, который требовал, чтобы он немедленно прекратил воинские действия и вышел из Литвы, если не хочет испытать его мести. Великий Князь не отвечал, а гонца задержали. Назначили быть приступу ночью, от реки Днепра. Для ободрения людей выкатили несколько бочек крепкого меду: пил, кто и сколько хотел.

Сие средство оказалось весьма неудачным. Шум и крик пьяных возвестил городу нечто чрезвычайное: там удвоили осторожность. Они бросились смело на укрепления; но хмель не устоял против ужасов смерти. Встреченные ядрами и мечами, Россияне бежали, и Великий Князь чрез два месяца возвратился в Москву, не взяв Смоленска, разорив только села и пленив их жителей.

В сие время скончалась в Вильне вдовствующая Королева Елена, умная и добродетельная, быв жертвою горести, а не яда, как подозревали в Москве от ненависти к Литовцам: ибо Сигизмунд имел в ней важный залог для благоприятного с нами мира, коего он желал, или еще не готовый к войне, или не доверяя союзу Менгли-Гирея и не имея надежды один управиться с Россиею. Он тогда же просил *опасных грамот* в Москве для его Послов: Вельможи Литовские писали к нашим Боярам, чтобы они своим ходатайством уняли кровопролитие. Письмо от гонца взяли в набережной палате, дали ему *опасную грамоту*, и Бояре ответствовали Панам, что Великий Князь сделал то единственно из уважения к их представительству. Срок, назначенный в грамоте, минул: Сигизмунд известил Василия, что виною сего замедления были Послы Римские, которые едут в Москву от Папы, и что вместе с ними будут и Литовские. Он просил нового опасы и получил его.

Однако ж, не теряя времени, Государь вторично выступил из Москвы с полками, отправив наперед к Смоленску знатную часть рати с Боярином Князем Репнею и с Окольным Сабуровым. Наместник Смоленский, Пан Юрий Сологуб, имея немало войска, встретил их в поле: битва решилась в нашу пользу; он заключился в городе. Привели многих пленников к Василию в Боровск, и Воеводы обложили Смоленск. Государь прибыл к ним в стан 25 сентября. Началась осада; но худое искусство в действии огнестрельного снаряда и положение города, укрепленного высокими стенами, а еще более стремнинами, холмами, делали ее безуспешною. Что мы днем разрушали, то Литовцы ночью воздвигали снова. Тщетно Великий Князь писал к осажденным или милостиво, или с угрозами, требуя, чтобы они сдались. Миновало шесть недель. Войско наше усилилось приходом Новгородского и Псковского. Можно было упорством и терпением изнурить граждан; но глубокая осень, дожди, грязь, принудили Великого Князя отступить. Россияне хвалились единственно опустошением земли неприятельской вокруг Смоленска и Полоцка, куда ходил из Великих Лук Князь Василий Шуйский, также со многочисленными полками.

Действуя мечем, Государь действовал и Политикою. Еще в 1508 году – сведав от Михаила Глинского, что Венгерский Король Владислав болен и что Максимилиан опять замышляет овладеть сею Державою, – Великий Князь писал к Императору о войне России с Литвою, напоминал ему союз его с Иоанном и предлагал возобновить оный. Михаил взялся тайно переслать Василиеву грамоту в Вену. Дела Италии и другие обстоятельства были виною того, что Максимилиан долго не отвечивал. Наконец в Феврале 1514 года приехал в Москву Императорский Посол, советник Георгий Шницен-Памер, который именем Государя своего заключил договор с Россиею, чтобы общими силами и в одно время наступить на Сигизмунда; Василию отнять у него Киев и все наши древние города, а Максимилиану Прусские области, захваченные Королем. Обязались ни в случае успеха, ни в противном, как в государство Сигизмунда, так и после, не разрывать сего союза, вечного, неременного; условились также в свободе и безопасности для путешественников, Послов и купцов в обеих землях. Максимилиан и Василий именуют друг друга братьями, Великими Государями и Царями. Русскую договорную грамоту перевели в Москве на язык Немецкий, и вместо слова Царь поставили Kauser. В Марте Шницен-Памер отправился назад в Германию с Великокняжеским чиновником, Греком Дмитрием Ласкиревым, и с Дьяком Елезаром Суковым, пред коими Максимилиан 4 Августа утвердил договор клятвою, собственноручною подписью и золотою печатю. Немецкий подлинник сей любопытной грамоты, уцелев в нашем Архиве, служил Петру Великому законным свидетельством, что самые предки его назывались Императорами и что Австрийский двор признал их в сем достоинстве. – Чрез несколько месяцев новые Послы Максимилиановы, доктор Яков Ослер и Мориц Бургштеллер, вручили Великому Князю хартию союза, были приняты с отменною ласкою, и не только в Москве, но и во всех городах пышно угощаемы Наместниками: их звали на обеды, Дети Боярские встречали у лестницы, знатные сановники на нижнем крыльце, Наместники у дверей в сенях; сажали в первое место; хозяин, встав, подавал им две чаши пить здоровье Государей-братьев, соблюдая однако ж, чтобы гости начинали с Российского. Одним словом, никаким иным послам не оказывалось более чести и бесполезнее; ибо Максимилиан, опутанный делами Южной и Западной Европы, скоро переменял систему: выдал свою внучку Марию, дочь Филиппа Кастильского, за племянника Сигизмундова, наследника Владислава, а

юного Фердинанда, Филиппова сына, женил на дочери Короля Венгерского и только именем остался союзник России.

В сие время Новгородские Наместники, Князь Василий Шуйский и Морозов, заключили также достопамятное мирное условие с семидесятью городами Немецкими, или с Ганзою, на десять лет. Чтобы возобновить свою древнюю торговлю в Новгороде, она решилась забыть претерпенное купцами ее в России бедствие: обязалась не иметь дружбы с Сигизмундом, ни с его друзьями, и во всем доброхотствовать Василию, который велел отдать Немцам дворы, места и церковь их в Новгороде; позволил им торговать солью, серебром, оловом, медью, свинцом, серою, медом, сельдями и всякими ремесленными произведениями, обнадежив, что в случае войны с Ливониею или с Швециею Ганзейские купцы могут быть у нас совершенно покойны. Уставили, чтобы Россиян судить в Германии как Немцев, а Немцев в Новгороде как Россиян по одним законам; не наказывать первых без ведома Наместников Великокняжеских, а вторых без ведома Ганзы; никого не лишать вольности без суда; разбойника, злодея казнить смертию: только не мстить его невинным единоземцам. Великий Князь желал, исправляя ошибку Иоаннову, восстановить сию важную для нас торговлю; но двадцатилетний разрыв и перемена в политическом состоянии Новгорода ослабили ее деятельность, уменьшили богатство и пользу обоюдную. Рижский Бургомистр Нейштет, около 1570 года будучи в Новгороде, видел там развалины древней каменной Немецкой божницы Св. Петра и маленький деревянный домик с подвалом, где еще складывались некоторые товары Ганзейские.

Уже Иоанн, как мы видели, искал приязни Баязета, но единственно для безопасности наших купцов в Азове и Кафе, еще не думая, чтобы Россия могла иметь выгоды от союза с Константинополем в делах внешней Политики: Василий хотел в сем отношении узнать мысли Султана и, сведав, что несчастный Баязет свержен честолюбивым, жестоким сыном, отправил к Селиму Дворянина Алексева с ласковым поздравлением. «Отцы наши, – писал Государь, – жили в братской любви: да будет она и между сыновьями». Послу, как обыкновенно, велено было не унижать себя, не кланяться Султану до земли, сложить только перед ним руки; вручить ему дары, письмо, но не спрашивать о его здравии, если Селим не спросит о Василиевом. Алексева, принятый в Константинополе весьма благосклонно, выехал оттуда с Послом Султановым, Князем Мангупским, Феодоритом Камалом, знакомцем нашего именитого чиновника Траханиота и, как вероятно, Греком. Они были в пути около девяти месяцев (от Августа до Мая [1514 г.]); терпели недостаток, голод в степях Воронежских; лишились всех коней, шли пешком и едва достигли пределов Рязанских, где ждали их люди, высланные к ним от Великого Князя. Сей первый Турецкий Посол в Москве возбудил любопытство ее жителей, которые с удовольствием видели, что грозные завоеватели Византии ищут нашей дружбы. Его встретили пышно: Великий Князь сидел в малой набережной палате; вокруг Бояре в *саженных* шубах; у дверей стояли *княжата* и Дети Боярские в *саженных терликах*. Представленный Государю Князем Шуйским, посол отдал ему Султанскую грамоту, писанную на языке Арабском, а другую на Сербском; целовал у Василия руку; объявил желание Селимова быть с ним в вечной любви, иметь одних друзей и неприятелей; обедал во дворце в средней Златой палате. Великий Князь желал заключить с Селимом договор письменный; но Камал отвечал, что не имеет на то приказания. «По крайней мере, – говорили Бояре, – Государь должен знать, кто друзья и неприятели Султану, чтобы, согласно с его предложением, быть им также другом и неприятелем». Посол не смел входить в объяснения столь важные. – Селим убеждал Великого Князя из дружбы к нему отпустить Летифа в Тавриду, но получил отказ.

Во время переговоров с сим чиновником Султанским наше войско выступало из Москвы. Великий Князь пылал ревностию загладить неудачу двух походов к Смоленску, думая менее о собственной ратной славе, чем о вреде государственном, который мог быть их следствием: Литовцы уже переставали бояться наших многочисленных ополчений и думали, что завоевания Россиян были единственно счастьем Иоанновым; надлежало уверить и неприятелей и своих в неизменном могуществе России, страхом уменьшить силу первых, бодростью увеличить нашу. Поощряя Василия к неумоимости в войне, Михаил Глинский ручался за успех нового приступа к Смоленску с условием, как пишут, чтобы Великий Князь отдал ему сей город в Удел наследственный. По крайней мере Глинский оказал тогда Государю важную услугу, наняв в Богемии и в Германии многих людей, искусных в ратном деле, которые приехали в Москву через Ливонию.

Сам предводительствуя войском, Великий Князь выехал из столицы 8 июня с двумя братьями, Юрием и Симеоном; третьему, Димитрию, велел быть в Серпухове; четвертого,

Андрея, оставил в Москве с Царевичем Петром. 220 Бояр и придворных Детей Боярских находилось в Государевой дружине. В Туле, на Угре стояли полки запасные. Государь осадил Смоленск, и 29 Июля начали стрелять по городу из-за Днепра большими и мелкими ядрами, *оконанными свинцом*. Летописец хвалит искусство главного Московского пушкаря именем Стефана: от ужасного действия его орудий колебались стены и люди падали толпами; а пушки Литовские, разрываясь, били своих. Весь город покрылся густыми облаками дыма; многие здания пылали; жители в беспамятстве вопили и, простирая руки к осаждающим, требовали милосердия. В тысячу голосов кричали со стены: «Государь Великий Князь! Уйми меч свой! Мы тебе повинемся». Пальба затихла. Смоленский Епископ Варсонофи вышел на мост, объявляя, что Воевода, Юрий Сологуб, готов начать переговоры в следующий день. Великий Князь не дал ни малейшего срока и приказал снова громить крепость. Епископ возвратился со слезами. Вопль народный усилился. С одной стороны смерть и пламя, с другой убеждения многих преданных России людей действовали так сильно, что граждане не хотели слышать о дальнейшем сопротивлении, вина Сигизмунда в нерадивости. Воевода Юрий именем Королевским обещал им скорое вспоможение: ему не верили, и Духовенство, Князья, Бояре, мещане Смоленские послали сказать Государю, что они не входят с ним ни в какие договоры, моля его единственно о том, чтобы он мирно взял их под Российскую Державу и допустил видеть лицо свое. Вдруг прекратились все действия неприятельские. Епископ, Архимандриты, Священники с иконами и с крестами, Наместник, Вельможи, чиновники Смоленские явились в стане Российском, проливали слезы, говорили великому Князю: «Государь! довольно текло крови Христианской; земля наша, твоя отчина, пустеет: прими град с *тихостию*». Епископ благословил Василия, который велел ему, Юрию Сологубу и знатнейшим людям идти в Великокняжеский шатер, где они, дав клятву в верности к России, обедали с Государем и должны были остаться до утра; а других отпустили назад в город. Стража Московская сменила Королевскую у всех ворот крепости. Герой Иоаннов, старец Князь Даниил Щеня, на рассвете [31 июля] вступил в оную с полками конными: переписав жителей, обязал их присягою служить, добротствовать Государю Российскому, не думать о Короле, забыть Литву.

Августа 1 Епископ Варсонофий торжественно святил воду на Днепре и с крестами пошел в город; за Духовенством Великий Князь, Воеводы и все воинство в стройном чине. Бояре Смоленские, народ, жены, дети встретили Василия в предместии *с очами светлыми*. Епископ окропил святою водою Государя и народ. В храме Богоматери отпели молебен. Протодиакон с амвона возгласил многолетие победителю. Благословив Великого Князя Животворящим Крестом, Епископ сказал ему: «Божиею милостию радуйся и здравствуй, Православный Царь всея Руси, на своей отчине и *дедине* града Смоленска!» Тут братья государевы, Бояре, Воеводы, чиновники и все жители Смоленские, поздравив его, начали целоваться друг с другом; плакали в восхищении сердец, называясь родными, друзьями, единоверными. Окруженный воинскими сановниками, Василий сквозь толпы ликующего народа прибыл во дворец древних Князей Мономахова племени и сел на их троне, среди Бояр и Воевод; призвал знатнейших граждан, объявил им милость, дал грамоту льготную и Наместника, Князя Шуйского; утвердил права собственности, личную безопасность, свободу, уставы Витовтовы, Александровы и Сигизмундовы; всех угостил обедом; жаловал соболями, бархатами, камками, золотыми деньгами. Оставив Варсонофия на Святительском престоле, он дозволил бывшему градоначальнику Сологубу ехать в Литву, также и всем Королевским воинам, выдав на каждого человека по рублю; а тем из них которые добровольно записались к нам в службу, по два рубля и по сукну Лунскому; не отнял земель ни у Дворян, ни у церквей: не вывел никого из Смоленска, ни Пана, ни гражданина; служивым людям назначил жалованье. Счастливым в душе Государь изъявлял только любовь, снисхождение к новым подданным, радуясь, что совершил намерение великого отца своего и к завоеваниям его прибавил столь блестящее. Взятие Смоленска, говорит Летописец, казалось светлым праздником для всей России. Отнять чуждое лестно одному славолитию Государю; но возвратить собственное весело народу.

Сто десять лет находился Смоленск под властью Литвы. Уже обычаи изменялись; но имя Русское еще трогало сердце жителей, и любовь к древнему отечеству, вместе с братским духом единоверия, облегчили для Великого Князя сие важное завоевание, приписанное Сигизмундом измене, козням Михаила Глинского, подкупу, обману. Сологубу отсекали в Литве голову: он, конечно, не был изменником, отвергнув все милостивые предложения Василиевы, не захотев ни за какое богатство, ни за какие чины остаться в России. В делах государственных несчастье бывает преступлением. Но Михаил действительно мог иметь тайные связи в Смоленске: по

крайней мере он думал, что ему, из благодарности за его услуги, отдадут сей знаменитый город во владение. Великий Князь не сделал того и смеялся, как уверяют, над безмерным честолюбием Глинского, а Глинский, уже опытный в измене, замыслил новую. Государь немедленно отрядил Воевод Московских и Смоленских к Мстиславлю, где княжил тогда один из потомков Гедиминова сына Евнутия, Михаил: не имея сил противиться, он выехал навстречу к нашему войску, присягнул России, был у Великого Князя и, милостиво им одаренный, возвратился в свою отчину. Граждане Кричева и Дубровны сами собою нам поддались. Довольный сими приобретениями, Василий не желал иных: учредил правительство в Смоленске, оставил там часть войска, другую послал к Борисову, к Минску и сам возвратился в Дорогобуж. Михаил Глинский стоял с вверенным ему отрядом близ Орши. Никто не знал об его злых умыслах. Потеряв надежду видеть себя владетельным Князем Смоленским, досадуя на Василия и жалея о Литве, он тайно предложил Сигизмунду свои услуги, изъявлял раскаяние, обещал загладить прошедшее. Личная, справедливая ненависть к изменнику уступила явной пользе государственной: Король уверил Глинского в милости. Утвердили договор клятвами; согласились, чтобы войско Литовское шло как можно скорее к Днепру: ибо Михаил отвечал Королю за победу. Уже сие войско находилось близ Орши: Глинский, узнав о том, ночью сел на коня и бежал из Российского стана; но отъехал недалеко. Один из его слуг известил Воеводу нашего, Князя Булгакова-Голицу, о бегстве изменника: Воевода в ту же минуту с легкою дружиною поскакал за ним в обгон, пересек дорогу и ждал в лесу. Глинский ехал впереди; за ним, в версте, толпа вооруженных слуг: их и господина схватили и представили в Дорогобуже Великому Князю. Глинский не мог заператься: у него вынули из кармана Сигизмундовы письма. Готовясь к смерти, он говорил смело о своих услугах и неблагодарности Василиевой. Государь приказал отвезти его скованного в Москву: а Воеводам нашим, Князю Булгакову, Боярину Челяднину и многим другим, идти навстречу к неприятельской рати. Константин Острожский предводительствовал ею. Пишут, что наших было 80 000, Литовцев же только 35 000. Сошлись на берегах Днепра и несколько дней стояли тихо, Россияне на левом, Литовцы на правом. Чтобы усыпить Московских Воевод, Константин предлагал им разойтись без битвы и тайно наводил мост в пятнадцати верстах от их стана. Узнав, что половина неприятелей уже на сей стороне реки, гордый Боярин Челяднин сказал: «Мне мало половины; жду их всех, и тогда одним разом управлюсь с ними». Конница, пехота Литовская перешли, устроились, заняли выгодное место: началась кровопролитная битва. Уверяют, что главные Воеводы Московские, Князь Булгаков-Голица и Боярин Челяднин, от зависти не хотели помогать друг другу; что движения нашего войска не имели связи, ни общей цели; что в самом пылу сражения Челяднин выдал Булгакова и бежал. По другим известиям, Князь Константин употребил хитрость: отступил притворно, навел Россиян на пушки и в то же время зашел им в тыл. Все говорят согласно, что Литовцы никогда не одерживали такой знаменитой победы над Россиянами: гнали, резали, топили их в Днепре и в Кропивне; телами усеяли поля между Оршею и Дубровною; пленили Булгакова, Челяднина и шесть иных Воевод, тридцать семь Князей, более 1500 Дворян и чиновников; взяли обоз, знамена, снаряд огнестрельный; одним словом, в полной мере отместили нам за Ведрошскую битву. Мы лишились тридцати тысяч воинов: ночь и леса спасли остальных. На другой день Константин торжествовал победу над своими единовверными братьями и Русским языком славил Бога за истребление Россиян; пышно угостил знатных пленников и немедленно отправил к Сигизмунду, который велел Челяднина и Булгакова оковать цепями: следственно, наказал их за то, что они услужили ему своим неразумием. Сии злосчастные Воеводы долго томились в неволе, презираемые Литвою и как бы забвенные отечеством. – Сигизмунд, будучи вне себя от радости, спешил известить всю Европу о славе Литовского оружия; дарил Государей и Папу нашими пленниками; мыслил, что отнимет у России не только Смоленск, но и все прежние завоевания; что Василий не может собрать новых сильных полков и что ему остается только бежать во глубину Московских лесов. Король ошибся: сия блестящая победа не имела никаких важных следствий.

С первую вестью о нашем несчастье прискакали в Смоленск некоторые раненные в битве чиновники Великокняжеские. Весь город пришел в волнение. Многие тамошние Бояре думали, подобно Сигизмунду, что Россия уже пала: советовались между собою, с Епископом Варсонофием и решились изменить Государю. Епископ тайно послал к Королю своего племянника с уверением, что если он немедленно пришлет войско, то Смоленск будет его. Но другие верные Бояре донесли о сем умысле Наместнику, Князю Василию Шуйскому, который, едва успев взять изменников и самого Епископа под стражу, увидел знамена Литовские: сам Константин с шестью тысячами отборных воинов явился пред городскими стенами. Тут Шуйский изумил его и

жителей зрелищем ужасным: велел на стене, в глазах Литвы, повесить всех заговорщиков, кроме Святителя, надев на них собольи шубы, бархаты, камки, а другим привязав к шее серебряные ковши или чарки, пожалованные им от Великого Князя. Константин воспылил гневом: приступил к Смоленску; но изменников уже не было: граждане и воины бились мужественно с Литвою. Константин ушел: Россияне захватили немало пленников и часть обоза. Недостойного пастыря Варсонофия отвезли в Дорогобуж к Великому Князю, который, изъявив удовольствие Шуйскому и дав все нужные повеления для безопасности Смоленска, возвратился в Москву. – Литовцы заняли только Дубровну, Мстиславль и Кричев, где жители снова присягнули Сигизмунду.

[1515 г.] Король желал отдохновения и распустил войско; но сын Менгли-Гиреев, Магмет, узнав о победе его, хотел воспользоваться ею, чтобы опустошить южные владения Российские с помощью нового изменника нашего, Воеводы Евстафия Дашковича. Мы упоминали о сем Литовском беглеце, коего милостиво принял Иоанн и который, служив несколько лет Василию, ушел к Сигизмунду вслед за Константином Острожским. Получив от Короля во владение Канев и Черкасы, имея воинские достоинства, смелость, мужество, Дашкович прославился в истории Днепровских Козаков, заслужив имя их Ромула: образовал, устроил сие легкое, деятельное, неутомимое ополчение, коему удивлялась Европа; избрал вождей, ввел строгую подчиненность, дал каждому воину меч и ружье; наблюдал все движения Крымцев и преграждал им путь в Литву. Дашкович знал Россию и казался для нас тем опаснее: вместе с Киевским Воеводою, Андреем Немировичем, он присоединился к толпам Магмет-Гиреевым, думая взять Чернигов, Новгород Северский, Стародуб, где не было ни Князей, ни Московской рати: Шемякин и Князь Василий Стародубский находились тогда у Государя. Неприятели сверх многочисленной конницы имели тяжелый снаряд огнестрельный. Но Воеводы Северские отстояли города: ибо Магмет-Гирей боялся тратить людей на приступах; не слушался Литовских предводителей и заключил свой поход бегством.

Тем не менее Василий с огорчением видел, что измена Менгли-Гиреева в пользу Литвы уменьшает силы России. Он искал нового средства обратить Хана к прежней системе. Посол Турецкий еще был в Москве: Государь отпустил его в Константинополь с своим Ближним Дворянином, Васильем Коробовым, написав с ним в ответной грамоте к Султану о вероломстве Менгли-Гирея и прося, чтобы Селим запретил Хану дружить с Литвою. Коробову надлежало стараться о заключении решительного союза между Россиею и Портою Оттоманскою, с обязательством помогать друг другу во всех случаях, особенно против Литвы и Тавриды, ежели Менгли-Гирей не отступит от Сигизмунда. – Но Коробов не успел в главном деле: Селим писал к Государю, что пришлет в Москву нового Посла, и не сдержал слова, будучи занят войною Персидскою. Уставили единственно правила свободной торговли в Азове и в Кафе для наших купцев. В сие время не стало Менгли-Гирея: Россия могла бы справедливо оплакивать его кончину, если бы он был для Василия то же, что для Иоанна. Сей достопамятный в истории Хан пережил самого себя, быв в последние годы только тенью Царя, и Великий Князь мог ждать более успеха в делах с его наследником, старшим сыном Магмет-Гиреем. К несчастью, новый Хан не походил на отца ни умом, ни добрыми качествами: вопреки Алкорану любил пить до чрезмерности, раболепствовал женам, не знал добродетелей государственных, знал одну прелесть корысти, был истинным атаманом разбойников. Сначала он изъявил желание приобрести дружбу России и с честью отпустил Великокняжеского Посла Тучкова; но скоро, взяв дары от Сигизмунда, прислал в Москву Вельможу своего Дувана с наглыми и смешными требованиями: писал, что взятие Смоленска нарушает договор Василиев с Менгли-Гиреем, который будто бы пожаловал Смоленское Княжение Сигизмунду; что Василий должен возвратить оное, также и Брянск, Стародуб, Новгород Северский, Путивль, вместе с другими городами, будто бы данными Ханом, отцом его, Иоанну в знак милости. Магмет-Гирей требовал еще освобождения всех Крымских пленников, дани с Одоева, многих вещей драгоценных, денег; а в случае отказа грозил местию. Великий Князь не мог образумить бессмысленного варвара; но мог надеяться на доброхотство некоторых Вельмож Крымских, в особенности на второго Менгли-Гиреева сына, Ахмата Хромого, объявленного *калгою Орды*, или первым чиновником по Хане: для того вооружился терпением, честил Посла и в удовольствие Магмет-Гирею освободил Летифа: ибо сей бывший Царь Казанский опять сидел тогда под стражею за неприятельские действия Крымцев. Ему снова позволено было ездить во дворец и на охоту; но Великий Князь не согласился отпустить его к матери, которая желала отправиться с ним в Мекку. – Боярин Мамонов повез ответные грамоты и дары Хану, весьма умеренные. Он должен был сказать Магмет-Гирею, что нелепые его требования суть плод Сигизмундова коварства; что Государь не только намерен

вечно владеть Смоленским Княжеством, но хочет отнять у Короля и все иные древние города наши; что Менгли-Гирей утвердил свое могущество дружбою России, а не Литвы, и что мы готовы возобновить союз, ежели Хан с искреннею любовию обратится к Великому Князю и престанет нам злодействовать: ибо в то самое время, когда его Посол выезжал из Москвы, Крымцы нападали на Мещеру и толпились в окрестностях Азова, угрожая пределам Рязанским. – Главным поручением Мамонова было преклонить к нам Вельмож Ханских.

Два обстоятельства помогли сначала его успеху: Магмет-Гирей тщетно ждал новых даров от Сигизмунда и сведал, что Султан имеет особенное уважение к Великому Князю. Хотя Мамонов несколько раз был оскорбляем наглостию Царедворцев; хотя Магмет-Гирей жаловался на скупость Василиеву: однако ж изъявил желание отстать от Короля и вызвался даже, в залог союза, прислать одного из сыновей на житье в Россию, ежели Великий Князь пошлет сильную рать водою на Астрахань. Уже написали и грамоту договорную, которую надлежало утвердить присягою в день Менгли-Гиреева поминовения; но Сигизмунд успел вовремя доставить 30'000 червонцев Хану: грамоту забыли, посла Московского не слушали, и сын Магмет-Гиреев, Царевич Богатырь, устремился на Россию с *голодными* толпами: ибо от чрезвычайных жаров сего лета поля и луга иссохли в Тавриде. Опустошив села Мещерские и Рязанские, Богатырь ушел; а Хан в ответ на жалобы Великого Князя просил его извинить молодость Царевича, который будто бы самовольно тревожил Российские владения. Еще мирные сношения не прерывались: место умершего в Тавриде Мамонова заступил Боярский сын Шадрин, умный, деятельный. Весьма усердно помогал ему брат Ханский, Калга Ахмат, ненавистник Литвы и друг России, где он на всякий случай готовил себе верное убежище. «Мы живем в худые времена, – говорил Ахмат послу Московскому: – отец наш повелевал всеми, Детьми и Князьями. Теперь брат мой Царь, сын его Царь и Князья Цари». Истину сего доказывал Калга собственными поступками: Господствуя в Очакове, нападал на Литовские пределы, вопреки дружбе Сигизмундовой с Магмет-Гиреем, и писал к Василию: «Не думая ни о чем ином, возьми для меня Киев: я помогу тебе завоевать Вильну, Троки и всю Литву». Другие Князья, также добродетельствуя нам, враждовали Королю: уверяли, что и Хан изменит ему, если Великий Князь будет только щедрее; а Магмет-Гирей сказывали, что Россия намерена помогать его злодеям, Ногаям и Астраханцам, если он не предпочтет ее союза Литовскому. Сии Вельможи и бесстыдное корыстолюбие самого Хана произвели наконец то, что он, взяв одною рукою Сигизмундово золото, занес другую с мечом на его землю, не для услуги нам, но единственно для добычи, послав 40'000 всадников разорять южные Королевские владения. Сей варвар не боялся мести за свое вероломство, понимая, что Россия и Литва всё простят ему в надежде вредить через него друг другу. Между тем открылось новое обстоятельство, которое убеждало его искать Василиеву приязни.

Царь Казанский, Магмет-Аминь, занемог жестокою болезнию: от головы до ног, по словам Летописца, он *кител* гноем и червями; призывал целителей, волхвов и не имел облегчения; заражал воздух смрадом гниющего своего тела и думал, что сия казнь послана ему Небом за вероломное убийство столь многих Россиян и за неблагодарность к Великому Князю Иоанну. «Русский Бог карает меня, – говорил он ближним: – Иоанн был мне отцем, а я, слушаясь коварной жены, отплатил злом благодетелю. Теперь гибну: к чему мне серебро и злато, престол и венец, одр многоценный и жены красные? Оставлю их другим». Чтобы умереть спокойнее, Магмет-Аминь желал удостовериться Василия в своей искренности: прислал ему 300 коней, украшенных золотыми седлами и червлеными коврами, Царский доспех, щит и шатер, подарок Владетеля Персидского, столь богатый и хитро вытканый, что Немецкие купцы рассматривали его в Москве с удивлением. Послы Казанские молили Великого Князя объявить Летифа их Владетелем в случае Магмет-Аминовой смерти, обязываясь вечно зависеть от государя Московского и принимать Царей единственно от его руки. Написали грамоту: Окольничий Тучков ездил с нею в Казань, где Царь, Вельможи и народ утвердили сей договор клятвами. Василий, в доказательство своего благоволения к Магмет-Аминю, пожаловал Летифу город Коширу.

[1517 г.] Хан Крымский принимал живейшее участие в судьбе Казани, опасаясь, чтобы тамошние Князья после Магмет-Аминя не взяли к себе на престол кого-нибудь из Астраханских, ненавистных ему Царевичей. Для сего он послал знатного человека в Москву, дружески писал к Великому Князю, хвалился разорением Литвы, обещал немедленно дать свободу Московским пленникам и заключить союз с нами, если Государь возведет Летифа на Казанское Царство, отнимет городок Мещерский, бывшее Нордоулатово поместье, у своего служивого Царевича Астраханского Шиг-Алея, уступит оное кому-нибудь из сыновей Магмет-Гиреевых и решится воевать Астрахань. Долго Василий отвергал сие последнее условие: наконец и на то согласился.

Казалось, что все препятствия исчезли. В Москву ждали новых Послов Ханских с договорною грамотою: они не ехали, и Великий Князь узнал, что Сигизмунд, подобно ему неутомимый в искании Магмет-Гиреевой дружбы, умел опять задобрить Хана богатыми дарами. 20 000 Крымцев с огнем и мечем нечаянно явились в России и дошли до самой Тулы, где встретили их Московские Воеводы, Князя Одоевский и Воротынский. Хищников наказали: спасаясь бегством; они тонули в реках и в болотах; гибли от руки наших воинов и земледельцев, которые засели в лесах и не давали им ни пути, ни пощады, так что весьма немногие возвратились домой, нагие и босые. Через несколько месяцев Князь Шемякин выгнал Крымцев из области Путивльской и побил их за Сулою.

Не имев успеха в сношениях с Ханом, Василий приобрел в сие время двух знаменитых искренних друзей в Европе. Еще в 1513 году Посол Короля Датского, Иоанна, находился в Москве, или по делам Шведским, или для того, чтобы склонить нас к соединению Греческой Церкви с Римскою, как сам Король писал к Императору Максимилиану и Людовику XII. Сын Иоаннов, Христиан II, памятный в истории ужасною свирепостью и прозванием Нерона Северного, в 1517 году утвердил приязнь с Россиею торжественным договором воевать общими силами – *где и когда будет возможно* – Швецию и Польшу, хотя Наместники Великокняжеские в 1510 году заключили с первою шестидесятилетнее перемирие. Посол наш, дворянин Микулин, был в Копенгагене: Христианов, Давид Герольт, в Москве. Великий Князь позволил Датским купцам иметь церковь в Новгороде и свободно торговать в России. – Усильно домогаясь властвовать над всею древнею Скандинавиею, Христиан не мог содействовать нам против Сигизмунда, а Василий, занятый Литовскою войною, оставался единственно доброжелателем Христиана в его борении с Шведским Правителем Стуром. Однако ж тесная связь между сими двумя Государями устрашала их врагов: Сигизмунд должен был опасаться Дании, а Швеция России.

Вторым союзником нашим был Великий Магистр Немецкого Ордена Албрехт Бранденбургский. Пламенный дух сего воинственного братства, освященного Верою и добродетелию, памятного великодушием и славою первых его основателей, угас в странах Севера: богатство не заменяет доблести, и Рыцари-Владетели, некогда сильные презрением жизни, в избытке ее приятностей увидели свою слабость. Покорители язычников были покорены собратиями-Христианами. Казимир и наследники его уже взяли многие Орденские города, именуя Великого Магистра своим присяжником. Рыцарство тосковало в унижении: хотело возвратить свою древнюю славу, независимость и владения; молило Папу, Германию, Императора о защите и наконец обратилось к России, весьма естественно: ибо мы одни ревностно желали ослабить Сигизмунда. Хотя Немецкий Орден, вступаясь за Ливонию, часто оглашал нас в Европе злодеями, неверными, еретиками; но сии укоризны были преданы забвению, и Крестоносные Витязи Иерусалимские дружественно простерли руку к Великому Князю. Албрехт прислал в Москву Орденского чиновника, Дидриха Шонберга, принятого со всеми знаками уважения. В такое время, когда двор говел и обыкновенно не занимался делами, на первой неделе Великого Поста, Шонберг имел переговоры с Боярами, в Субботу обедал у Государя, в Воскресенье вместе с ним слушал Литургию в храме Успения. Заключили наступательный союз против Короля. Магистр требовал ежемесячно *шестидесяти тысяч золотых Рейнских* на содержание десяти тысяч пехотных и двух тысяч конных воинов: Государь обещал, если Немцы возьмут Данциг, Торн, Мариенвердер, Эльбинг и пойдут на Краков; однако ж не хотел включить в договор, чтобы России не мириться с Сигизмундом до отнятия у него всех Прусских и наших древних городов, сказав Шонбергу: «От вас надобно требовать обязательства, ибо вы еще не воюете; а мы уже давно в поле и делаем, что можем». Условились хранить договор в тайне, чтобы Король не успел изготовиться к обороне. Шонберг, получив в дар бархатную шубу, 40 соболей и 2000 белок, отправился в Кенингсберг с Дворянином Загряским. Разменялись клятвенными грамотами. Магистру хотелось, чтобы Великий Князь немедленно доставил 625 пуд серебра в Кенингсберг, где наши собственные чиновники могли бы обратить оное в деньги и выдавать их, в случае надобности, Немецким ратникам. Для сего новый Посол Орденский, Мельхиор Робенштейн, был в Москве. Василий отвечал, что серебро готово, но что Немцы должны прежде начать войну. – Магистр Ливонский, старец Плеттенберг, не участвовал в сем союзе: закоренелая ненависть к Россиянам склоняла его, даже вопреки пользам Немецкого Ордена, доброжелательствовать Королю. В течение войны Литовской он с досадою извещал Прусского Магистра о наших выгодах, с удовольствием о неудачах, хотя и не мог надеяться на благодарность Короля, быв

принужден отказаться от его дружбы в угодность Великому Князю: положение весьма опасное для слабой Державы!

Отпуская Загряского в Кенигсберг, Государь велел ему разведать там о делах Императора Максимилиана с Королем Французским, с Венециею; узнать, будет ли от него Посольство в Москву и в каких сношениях он находится с Сигизмундом? Уже Василий не имел надежды на помощь Императора в сей войне, слышав о свидании его с Королями Венгерским и Польским в Вене, о брачных союзах их семейства; напротив того желал, чтобы Максимилиан объявил себя посредником между Литвою и Россиею. Обе Державы хотели отдохновения; но первая еще более. Великий Князь молчал, а Сигизмунд просил Императора доставить мир Литве. Для сего Посол Венского двора, Барон Герберштейн, муж ученый и разумный, прибыл в Москву. Представленный Государю, он с жаром, искусством и красноречием описал бедствие междоусобия в Европе Христианской и торжество злочестивых Султанов, которые, пользуясь ее несогласием, берут земли и Царства. «На что, – сказано в сей достопамятной речи Посольской, – на что Монархи державствуют? Ко благу Веры и для спокойствия подданных. Так всегда мыслил Император и воевал не ради суетной славы, не ради приобретений чуждого, но для наказания сварливых, презирая опасность личную, сам впереди, и с меньшим числом побеждая, ибо Господь за добродетель. Уже Максимилиан благоденствует в тишине. Папа и вся Италия с ним в союзе. Королевства Испанские, Неаполь, Сицилия и все другие, числом *двадцать шесть*, и все Православные признают в его внуке, Карле, своего наследственного, законного Монарха. Король Португалии ему родственник, Король Англии издавна друг сердечный, Датский и Венгерский – сыновья и братья, ибо женаты на внуках Максимилиановых; а Польский имеет к государю моему неограниченную доверенность. Не буду говорить пред тобою о твоём величестве: ведаешь истинную, взаимную любовь, которая вас соединяет. Оставались только Король Французский и Венеция вне общего Европейского братства: ибо всегда хотели особенных выгод своих, не занимаясь благом Христианства; но и те уже изъявили миролюбие: уже, как слышу, и договор подписан. Теперь да обзрит человек вселенную от Востока до Запада, от Юга до Севера: кто из Венценосцев православных не связан с Императором или родством, или дружбою? Все – и все в мире, кроме Литвы и России. Максимилиан послал меня к тебе в надежде, что ты, Государь знаменитый, в честь и в славу Божию успокоишь Христианство и собственную землю: ибо миром цветут Державы, войною изнуряются; победа изменяет – и кто в ней уверен? – Доселе вещал Император: прибавлю и мое слово. Будучи в Вильне, я говорил с Послом Турецким: он сказывал, что Султан завоевал Дамаск, Иерусалим и всё Царство Египетское. В истине сего уверял меня также один благородный путешественник, который сам был в тех местах. Государь! мы и прежде опасались Султанского могущества: не должны ли ныне еще более опасаться?» – Ученый Посол говорил о Филиппе и Александре Македонских: славил миролюбие отца, осуждал сына, ненасытного в кровопролитии, и проч.

Василий имел бы право укорять Императора нарушением договора с Россиею; но зная, что такие упреки бесполезны и что Политика легко всё извиняет, он за доброе намерение изъявил ему благодарность и свою готовность к миру. Обязываясь быть посредником совершенно беспристрастным и даже объявить войну Литве, если Король не согласится на предложения умеренные, честные, справедливые. Максимилиан хотел, чтобы наши уполномоченные съехались для того с Литовскими в Дании или на границе, или в Риге: Великий Князь сказал, что переговоры должны быть в Москве, как всегда бывало, а не иначе, и дал *опасную грамоту* для Королевских Послов, назвав себя в ней Смоленским. Они приехали: Ян Щит, Наместник Могилевский, и Богуш, Государственный Секретарь, с семидесятью Дворянами; но их не впустили в Москву: велели им жить в Дорогомилове: ибо Великий Князь узнал, что войско Сигизмундово вступило в наши пределы и что сам Король находился в Полоцке с запасною ратиею.

Сие нападение было местию. За несколько времени пред тем Воевода Псковский, Андрей Сабуров, без ведома Государева ходил с тремя тысячами воинов на Литву: шел мирно, не делал никакой обиды жителям и стал у Рославля, объявив гражданам, что бежит от Великого Князя к Королю. Они поверили и выслали ему, как другу, съестные припасы; но Сабуров нечаянно, в торговый день, взял Рославль, обогатился добычею и вывел оттуда множество пленников, из коих освободил только 18 купцев Немецких. Чтобы наказать Псковитян, Герой Сигизмундов, Константин Острожский, хотел завоевать Опочку, где был Наместником Василий Михайлович Салтыков, достойный жить в Истории: ибо он редким мужеством удивил своих и неприятелей. Литовцы вместе с наемниками Богемскими и Немецкими две недели громили пушками сию ничтожную крепость: стены падали; но Салтыков, воины его и граждане не слабели в бодрой

защите, отразили приступ, убили множество людей и Воеводу Сокола, отняв у него знамя. Между тем Воеводы Московские спешили к Опочке: из Великих Лук Князь Александр Ростовский, из Вязьмы Василий Шуйский. Впереди были Князь Феодор Оболенский Телепнев и храбрый муж Иван Лятцкий с Детьми Боярскими: они близ Константинова стана в трех местах разбили наголову 14 тысяч неприятелей и новую рать, посланную Сигизмундом к Острожскому; пленили Воевод, взяли обоз и пушки. Наша главная сила шла прямо на Константина: он не захотел ждать ее, снял осаду, удалился скорыми шагами и не мог спасти тяжелых стенобитных орудий, которые остались трофеями Салтыкова. Россияне загладили стыд Оршинской битвы, возложив на Константина знамение беглеца, по выражению одного Летописца.

Узнав о сей победе, Великий Князь дозволил Послам Сигизмундовым торжественно въехать в Москву и принял их с удовольствием. «Король, – сказал он, – предлагает мир и наступает войною, теперь мы с ним управились: можем выслушать мирные слова его». Переговоры начались весьма неумеренными требованиями с обеих сторон. Мы хотели, чтобы Сигизмунд отдал нам Киев, Витебск, Полоцк и другие области Российские вместе с сокровищами и с уделом покойной Королевы Елены, казнив всех наглых Панов, оскорбителей ее чести; а Литовцы хотели иметь не только Смоленск, Вязьму, Дорогобуж, Путивль, всю землю Северскую, но и половину Новгорода, Пскова, Твери. «Вот речи *высокие*, – сказал Барон Герберштейн: – надобно искать середины, или я заехал в Москву бесполезно». Паны Щит и Богуш объявили наконец, что Сигизмунд согласится возобновить договор, заключенный между великим Князем Иоанном и Королем Александром в 1494 году. Посол Максимилианов убеждал Василия уступить хоть один Смоленск, ставя ему в пример умеренность славного Царя Пирра Максимилиана, отдавшего Венецианской Республике Верону, и самого Великого Князя Иоанна, не хотевшего отнять Казани у древних ее Царей. Бояре Московские, умолчав о Пирре, ответствовали, что Император мог быть великодушен против Венеции, но что великодушие не есть закон; что Казань была и есть в нашем подданстве; что Великий Князь не имеет обычая уступать свои отчины, данные ему Богом и победою. Уверяя в своем беспристрастии, Герберштейн явно держал сторону Литовских Послов; оправдывал Сигизмунда; говорил, что Василий не должен верить беглецам и пленникам, которые приписывают разбои Магмет-Гирея Сигизмундовым наущениям; что мысль Государева наследовать Удел Елены противна всем уставам; что оскорбители Королевы могут быть наказаны, если мы умерим иные требования, и проч. В сих любопытных прениях видны искусство и тонкость разума Герберштейнова, грубость Литовских Послов и спокойная непреклонность Василиева: язык Бояр его учтив, благороден и доказывает образованность ума. Спорили много и долго: Смоленск был главным препятствием мира. Пан Щит сказал: «Мы едем: Небо казнит виновника кровопролития». *He нас*, ответствовали Бояре. Государь, отпуская Послов, встал с места; велел кланяться Сигизмунду и в знак ласки дал им руку. Всё кончилось. Тогда Барон Герберштейн вручил Великому Князю особенную грамоту Максимилианову о Михаиле Глинском: Император писал, что Михаил мог быть виновен, но уже довольно наказан за то неволею, что сей муж имеет знаменитые достоинства, воспитан при Дворе Венском, служил верно ему и Курфирсту Саксонскому; что Василий сделает Максимилиану великое удовольствие, если отпустит Глинского в Испанию, к его внуку Карлу. Государь не согласился, ответствуя что сей изменник положил бы свою голову на плахе, если бы не изъявил желанья принять нашу Веру; что отец и мать его были Греческого Закона; что Михаил, в Италии легкомысленно пристав к Римскому, одумался, хочет умереть Христианином Восточной Церкви и поручен Митрополиту для наставления.

[1518 г.] Таким образом Посольство Максимилианово не имело никакого успеха; однако ж Герберштейн выехал из Москвы с надеждою, что если не мир, то хотя перемирие остается возможным между воюющими Державами. Великий Князь послал в Вену Дьяка Владимира Племянникова объяснить Императору нашу справедливость и требовать его обещанного содействия в войне против Сигизмунда. Сей Дьяк не мог нахвалиться учтивостью Максимилиана, который велел ему говорить речь сидя, *в колтаке*, посадил и нашего толмача Истому; при имени Великого Князя снимал шляпу; угостил их пышно и ездил с ними на охоту; предлагал им лучших соколов в дар и твердил, что не имеет ничего заветного для своего брата, Великого Князя. Но сия ласка происходила единственно от желанья прекратить войну Литовскую: ибо Максимилиан действительно замышлял тогда воздвигнуть всех Европейских Государей на Султана и, видя слабость Короля, боялся, чтобы Россия не подавила его. «Целость Литвы, – писал он к Великому Магистру Немецкому, – необходима для блага всей Европы: величие России опасно». – Новые Послы Максимилиановы, советник Франциск-да-Колло и Антоний де-Конти, прибыли в Москву

с Племянниковым, чтобы вторично ходатайствовать за Сигизмунда, или, как они говорили, за Христианство; с избытком красноречия представили картину Оттоманских завоеваний в трех частях мира, от Воспора Фракийского до песков Египетских, Кавказа и Венеции; описали жалостное рабство Греческой Церкви, матери нашего Христианства; унижение Святыни, гроба Спасителя, Назарета, Вифлеема и Синая под властью Магометан; изъясняли, что Порта в соседстве с нами чрез Тавриду и может скоро наложить тяжкую свою руку на Россию; изобразили свирепость, хитрость, счастье Селима, упоенного кровию отца и трех братьев, *возжигающего пред собою светильники от тука сердец Христианских* и давшего себе имя *Владыки мира*, убеждали Василия, как знаменитейшего Царя верных, идти за хоругвию Иисуса; наконец молили его объявить искренно, желает ли или не желает мира с Литвою, чтобы *не плодить речей бесполезно?* Великий Князь хотел его, но не хотел возвратить Смоленска. Послы начали говорить о перемирии на пять лет. Он соглашался, но с условием освободить всех пленников: чего не принял Сигизмунд, имея их гораздо более, нежели мы. Наконец Василий, в угодность Императору, дал слово не воевать Литвы в течение 1519 года, если Король также не будет беспокоить России и если Максимилиан обяжется после того вместе с Россиею наступить войною на Сигизмунда. С сим предложением отправился в Австрию Великокняжеский Дьяк Борисов. Но Максимилиан скончался. Василий жалел об нем как о своем знаменитом приятеле, а Сигизмунд оплакал его как усердного покровителя в такое время, когда новые враги восстали на Литву и Польшу.

Абдыл-Летиф, названный преемником Царя Магмет-Аминя, умер в Москве [19 ноября], к огорчению Великого Князя: ибо Летиф служил ему орудие Политики или залогом в отношении к Тавриде и Казани. Но сие происшествие имело сначала благоприятные для нас следствия. Желая завоевать Астрахань, Магмет-Гирей не менее желал подчинить себе и Казань: содействие России, нужное и для первого, было еще необходимее для успеха в последнем намерении. Итак, услышав о смерти Летифа, зная близость Магмет-Аминовой и назначив Казанский престол брату своему, Саип-Гирею, Хан обратился к дружбе Великого Князя. Хотя многие Вельможи и Царевичи усиленно противились сему расположению; хотя Калга, Ахмат-Гирей, наш ревностный приятель был одним из них злодейски убит: но доброжелатели России, в числе коих находился Князь Аппак, главный любимец Ханский, превозмогли, и Магмет-Гирей известил Василия, что он немедленно пришлет в Москву сего Аппака с клятвенною грамотою; что Крымцы уже воюют Литву; что мы их усердною помощию истребим всех врагов, если сами окажем услугу Хану: возьмем для него Астрахань или Киев. Не упуская времени, Государь послал в Тавриду Князя Юрья Пронского, а с ним Дворянина Илью Челищева, весьма угодного Царю. Они встретили Аппака, который действительно привез в Москву шертную грамоту Ханскую, написанную слово в слово по данному от нас образцу, в том смысле, чтобы Великому Князю и Магмет-Гирею соединить оружие против Литвы и наследников Ахматовых. В описании сего Посольства заметим некоторые любопытные черты. Аппак явился в чалме и не хотел снимать ее пред Василием. «Что значит такая новость? – спросили наши Бояре: – ты Князь, однако ж не Азейского рода, не *Мольнин* и никогда не бывал в Мекке». Аппак изъяснил, что Магмет-Гирей дозволил ему ехать к Магометову гробу и в знак сего украсил его голову знаменем правoverия. Посол и чиновники Московские преклоняли колена, говоря друг другу именем своих Государей. Он *здоровствовался* с Великим Князем и стал на колена, чтобы отдать Ханские письма. Союз утвердился присягою. Хартия шертная лежала на столе под крестом: Василий сказал: «Аппак! на сей грамоте клянуся моему брату, Магмет-Гирею, дружить его друзьям, враждовать неприятелям. Тут не упоминается об Астрахани; но даю слово вместе с ним объявить ей войну». Государь поцеловал крест, взяв письменное обязательство с Аппака в верности Магмет-Гирея.

[1519 г.] Между тем судьба Казани решилась не так, как думал Хан. Магмет-Аминь в ужасных муках закрыл глаза навеки: исполняя волю его и свой торжественный обет, Уланы и Вельможи Казанские требовали нового Царя от руки Василия, давно знавшего мысль Хана Крымского, но таившего свою. Настало время или угодить Магмет-Гирею, или сделать величайшую досаду. Василий не колебался: как ни желал союза Тавриды, но еще более опасался усилить ее Хана, который в надменности властолюбия замышлял, подчинением себе Астрахани и Казани, восстановить Царство Батыево, столь ужасное в памяти Россиян. Один безумный варвар мог в таком случае ждать их услуг и содействия: не брату, а злодею Магмет-Гирееву Василий, готовил престол в Казани и послал туда Тверского Дворецкого, Михайла Юрьева, объявить жителям, что дает им в Цари юного Шиг-Алея, внука Ахматова, который переехал к Иоанну с отцом своим, Шиг-Авлеем, из Астрахани и, к неудовольствию Магмет-Гирея, владел у нас городком

Мещерским. Вельможи и народ, изъявив благодарность, прислали в Москву знатных людей за Шиг-Алеем. Димитрий Бельский отправился с ними и с новым Царем в Казань, возвел его на престол, взял с народа клятву в верности к Государю Московскому. Все были довольны, и Шиг-Алей, воспитанный в России, искренно преданный Великому Князю как единственному своему покровителю, не имел иной мысли, кроме той, чтобы служить ему усердно в качестве присяжника.

Сие делалось во время бытности Аппака в Москве, и хотя не помешало заключению союза с Тавридою, однако ж произвело объяснения. Посол с удивлением спросил, для чего Василий, друг его Царя, отдал Казань внуку ненавистного Ахмата? «Разве нет у нас Царевичей? – сказал он: – разве кровь Ординская лучше Менгли-Гиреевой? Впрочем, я говорю только от своего имени, угадывая мысли Хана». Василий уверял, что он думал возвести брата или сына Магмет-Гиреева на сие Царство, но что Казанские Вельможи непременно требовали Шиг-Алея, и если бы воля их не исполнилась, то они взяли бы себе Царя из Ногаев или Астрахани, следственно, опасного неприятеля России. Аппак замолчал, и скоро пришла в Москву желанная весть, что Хан уже действует как наш ревностный союзник; что сын его, Калга Богатырь, совсем нечаянно вступив в Литву с тридцатью тысячами, огнем и мечем опустошил Сигизмундовы владения едва не до самого Кракова, наголову разбил Гетмана, Константина Острожского, пленил 60 000 жителей, умертвил еще более и возвратился с торжеством счастливого разбойника, покрытый кровию и пеплом. Доказав таким образом Королю, что мнимый союз варваров бывает хуже явной вражды (ибо производит оплошность), Магмет-Гирей готовился доказать сию истину и Великому Князю; но еще около двух лет представлял лицо нашего друга. Аппак выехал из Москвы весьма довольный милостию Государя, и новый Посол Российский, Боярин Федор Клементьев, заступил в Тавриде место Князя Пронского. Зная, сколь Магмет-Гирей боится Султана, Василий отправил в Царьград Дворянина Голохвастова с письмом к Селиму, изъявляя сожаление; что он долго не шлет к нам второго, обещанного им Посольства для заключения союза, который мог бы обуздывать Хана, ужасая Литву с Польшею. Голохвастов имел еще тайное поручение видеться в Константинополе с Гемметом-Царевичем, сыном убитого в Тавриде Калги Ахмата. Носился слух, что Султан мыслит дать ему Крымское Ханство; а как отец его любил Россию, то Великий Князь надеялся и на дружбу сына. Голохвастов должен был предложить Геммету покровительство Василиево, верное убежище в Москве, удел и жалованье. Геммет, непримиримый враг своего дяди, Магмет-Гирея, мог и в изгнании быть нам полезен, имея связи и друзей в Тавриде: тем более надлежало искать в нем приязни, если милость Султанская готовила для него Ханство. – Посол наш возвратился благополучно. Геммет не сделался Ханом, не приехал и в Россию; но Селим, написав к Василию ласковый ответ, в доказательство истинной к нему дружбе, велел своим пашам тревожить Королевские владения; подтвердил также условия свободной торговли между обеими Державами.

Изумленный нападением Магмет-Гирея, Сигизмунд узнал, что и присяжник его Албрехт, Магистр Немецкого Ордена, вследствие заключенного им договора с Россиею готовится к войне. Долго сей искренний союз не имел своего действия от двух причин. Во-первых, Папа Леон X убеждал Магистра не только остаться в мире с Королем, но и быть посредником между им и Россиею, предлагая ему главное Воеводство в Христианском всенародном ополчении, коему надлежало собраться под знаменами Веры, чтобы смирить гордость Султана. Сей Папа, славный в истории любовью к искусствам и наукам гораздо более, нежели Пастырскою ревностию и государственным благоразумием, представлял чрез Магистра и Великому Князю, что Константинополь есть законное наследие Российского Монарха, сына Греческой Царевны; что здравая Политика велит нам примириться с Литвою, ибо *время воюет* сию Державу, и Сигизмунд не имеет наследников; что смерть его разрушит связь между Литвою и Польшею, которые без сомнения изберут тогда разных Владетелей и несогласием ослабеют; что всё благоприятствует величию России, и мы станем на первой степени Держав Европейских, если, соединясь с ними против Оттоманов, соединимся и Верою; что Церковь Греческая не имеет главы; что древняя сестра ее, Церковь Римская, возвысит нашего Митрополита в сан Патриарха, утвердит грамотою все *добрые* наши обычаи, без малейшей перемены и новостей; что он (Папа) желает украсить главу непобедимого Царя Русского венцем Царя Христианского без всякого мирского возмездия или прибýtка, единственно во славу Божию. Василий, как пишут, негодовал на Леона за то, что он торжественно праздновал в Риме победу Сигизмундову в 1514 году, объявив нас еретиками; однако ж сей благоразумный Государь ответствен Магистру, что ему весьма приятно видеть доброе к нам расположение Папы и быть с ним в дружественных сношениях по государственным

делам Европы; но что касается до Веры, то Россия была, есть и будет Греческого исповедания во всей чистоте и неприкосновенности оною. Поверенный Леонов в Кракове и в Кенигсберге Монах Николай Шонберг желал ехать и в Москву: Великий Князь обещал принять его милостиво и дозволил Папе иметь через Россию сообщение с Царем Персидским. Второю виною Албрехтовой медленности был недостаток в деньгах: он требовал ста тысяч гривен серебра от Великого Князя, чтобы нанять воинов в Германии; но Великий Князь, опасаясь истощить казну свою бесполезно, отвечивал: «возьми прежде Данциг и вступи в Сигизмундову землю», а Магистр говорил: «не могу ничего сделать без денег». По желанию Албрехта Василий написал дружественные грамоты к Королю Французскому и Немецким избирателям или Курфирстам, убеждая их вступить за Орден, утесняемый Польшею, и советовал Князьям Германии избрать такого Императора, который мог бы сильною рукою защитить Христианство от неверных и ревностнее Максимилиана покровительствовать славное Рыцарство Немецкое. Послы Магистров были честимы в Москве, наши в Кенигсберге: Албрехт сам ходил к ним для переговоров, сажал их за обедом на свое место, не хотел слушать поклонов от Великого Князя, называя себя недостойным такой высокой чести; приказывал к нему *поклоны до земли*, учил Немцев языку Русскому; говорил с умилением о благодеяниях, ожидаемых им от России для Ордена знаменитого, хотя и несчастного в угнетении; объявил Государю всех своих тайных союзников, и в числе их Короля Датского, Архиепископа Майнцского, Кельнского, Герцогов Саксонского, Баварского, Брауншвейгского и других; уверял, что Папа Леон будет за нас, если Сигизмунд отвергнет мир справедливый; в порыве ревности даже не советовал Василию мириться, чтобы Литва, находясь тогда в обстоятельствах затруднительных, не имела времени отдохнуть. Великий Князь не сомневался в усердии Магистра, но сомневался в его силах; наконец послал ему серебра на 14 000 червонцев для содержания тысячи наемных ратников, к удивлению Магистра Ливонского, Плеттенберга, который смеялся над легковерием Албрехта, говоря: «Я живу в соседстве с Россиянами и знаю их обычай: сулят много, а не дают ничего». Узнав же, что серебро привезли из Москвы в Ригу, он вскочил с места, сплеснул руками и сказал: «Чудо! Бог явно помогает Великому Магистру!» Слыша, что Албрехт действительно вызывает к себе 10 000 ратников из Германии и всеми силами ополчается на Короля; сведав, что война уже открылась между ими (в конце 1519 года), Великий Князь еще отправил знатную сумму денег в Пруссию; желая Ордену счастья, славы и победы.

Между тем Россия и сама бодро действовала оружием. Московская дружина, Новгородцы и Псковитяне осаждали в 1518 году Полоцк; но голод принудил их отступить: немалое число детей Боярских, гонимых Литовским Паном Волынцем, утонуло в Двине. В августе 1519 года Воеводы наши, Князя Василий Шуйский из Смоленска, Горбатый из Пскова, Курбский из Стародуба ходили до самой Вильны и далее, опустошая, как обыкновенно, всю землю; разбили несколько отрядов и шли прямо на большую Литовскую рать, которая стояла в Креве, но удалилась за Лоск, в места тесные и непроходимые. Россияне удовольствовались добычею и пленом, несметным, как говорит Летописец. Другие Воеводы Московские, Василий Годунов, Князь Елецкий, Засекин с сильною Татарскою конницею приступали к Витебску и Полоцку, выжгли предместия, взяли внешние укрепления, убили множество людей. Третья рать под начальством Феодора Царевича, крещенного племянника Алегамова, также громила Литву. Польза сих нападений состояла единственно в разорении неприятельской земли: Магистр советовал нам предпринять важнейшее: сперва завоевать Самогитию, открытую, беззащитную и богатую хлебом; а после идти в Мазовию, где он хотел соединиться с Российским войском, чтобы ударить на Короля в сердце его владений, в самое то время, когда наемные Немецкие полки, идущие к Висле, устремятся на него с другой стороны.

[1520 г.] Положение Сигизмундово казалось весьма бедственным. Не только война, но и язва опустошала его Державу. Лучшее Королевское войско состояло из Немцев и Богемских Славян: они, после неудачного приступа к Опочке, с досадою ушли восвояси и говорили столь обидные для Сигизмунда речи, что единоземцы их уже не хотели служить ему. Лавры славного Гетмана, Константина, увяли. Города Литовские стояли среди усеянных пеплом степей, где скитались толпами бедные жители деревень, сожженных Крымцами или Россиянами. Но счастье вторично спасло Сигизмунда. Он не терял бодрости; искал мира, не отказываясь от прежних требований, и заключил в Москве чрез Пана Лелюшевича только перемирие на шесть месяцев: действовал в Тавриде убеждениями и подкупом; укреплял границу против нас и всеми силами наступил на Магистра, слабейшего, однако ж весьма опасного врага, который имел тайные связи в Немецких городах Польши, знал ее способы, важные местные обстоятельства и мог давать

гибельные для нее советы Великому Князю. Албрехт предводительствовал не тысячами, а сотнями, ожидая серебра из Москвы и воинов из Германии; сражаясь мужественно, уступал многочисленности неприятелей и едва защитил Кенингсберг, откуда Посол наш должен был для безопасности выехать в Мемель. Наемники Ордена, 13 000 Немцев, действительно явились на берегах Вислы, осадили Данциг, но рассеялись, не имея съестных запасов, ни вестей от Магистра. Воеводы Королевские взяли Мариенвердер, Голланд и заставили Албрехта просить мира.

[1521 г.] Но главным Сигизмундовым счастьем была измена Казанская с ее зловредными для нас последствиями. Если Хан Крымский, сведав о воцарении Шиг-Алея, не вдруг с огнем и мечем устремился на Россию, то сие происходило от боязни досадить Султану, коего отменная благосклонность к Великому Князю была ему известна. Селим, гроза Азии, Африки и Европы, умер: немедленно отправился в Константинополь Посол Московский, Третьяк Губин, приветствовать его сына, Героя Солимана, на троне Оттоманском, и новый Султан велел объявить Магмет-Гирею, чтобы он никогда не смел беспокоить России. Тщетно Хан старался уничтожить сию дружбу, основанную на взаимных выгодах торговли, и внушал Солиману, что Великий Князь ссылается с злодеями Порты, дает Царю Персидскому огнестрельный снаряд и пушечных художников, искореняет Веру Магометанскую в Казани, разоряет мечети, ставит церкви Христианские. Мы имели усердных доброжелателей в Пашах Азовском и Кафинском: утверждаемый ими в приязни к нам; Султан не верил клеветам Магмет-Гирея, который языком разбойника сказал ему наконец: «Чем же буду сыт и одет, если запретишь мне воевать Московского Князя?» Готовясь покорить Венгрию, Солиман желал, чтобы Крымцы опустошали земли ее союзника, Сигизмунда, но Хан уже возобновил дружбу с Литвою. Еще называясь *братом* Магмет-Гиреевым, Великий Князь вдруг услышал о бунте Казанцев. Года три Шиг-Алей Царствовал спокойно и тихо, ревностно исполняя обязанность нашего присяжника, угождая во всем Великому Князю, оказывая совершенную доверенность к Россиянам и холодность к Вельможам Казанским: следственно, не мог быть любим подданными, которые только боялись, а не любили нас, и с неудовольствием видели в нем слугу Московского. Самая наружность Алеева казалась им противною, изображая склонность к низким, чувственным наслаждениям, несогласным с доблестью и мужеством: он имел необыкновенно толстое, отвислое брюхо, едва заметную бороду и лицо женское. Его добродушие называли слабостию: тем более жаловались, когда он, подвигнутый усердием к России, наказывал злых советников, предлагавших ему отступить от Великого Князя по примеру Магмет-Аминя. Такое общее расположение умов в Казани благоприятствовало проискам Магмет-Гирея, который обещал ее Князьям полную независимость, если они возьмут к себе в Цари брата его Саипа и соединятся с Тавридою для восстановления древней славы Чингисова потомства. Успех сих тайных сношений открылся весною в 1521 году: Саип-Гирей с полками явился пред стенами Казанскими, без сопротивления вступил в город и был признан Царем: Алея, Воеводу Московского Карпова и Посла Великокняжеского, Василия Юрьева, взяли под стражу, всех наших купцов ограбили, заключили в темницы, однако ж не умертвили ни одного человека: ибо новый Царь хотел показать умеренность; объявил себя покровителем сверженного Шиг-Алея, уважая в нем кровь Тохтамышеву; дал ему волю ехать с своею женою в Москву, коней и проводника; освободил и Воеводу Карпова. Немедленно оставив Казань, Алей встретился в степях с нашими рыболовами, которые летом обыкновенно жили на берегах Волги, у Девичьих гор, и тогда бежали в Россию, испуганные возмущением Казанцев: он вместе с ними питался запасом сушеной рыбы, травою, кореньями; терпел голод и едва мог достигнуть Российских пределов, откуда путешествие его до столицы было уже как бы торжественным: везде чиновники Великокняжеские ждали Царя-изгнанника с приветствиями и с брашном, а народ с изъявлением усердия и любви. Все Думные Бояре выехали к нему из Москвы навстречу. Сам государь на лестнице дворца обнялся с ним дружески. Оба плакали. «Хвала Всевышнему! – сказал Василий: – ты жив: сего довольно». Он благодарил Алея Именем отечества за верность; утешал, осыпал дарами; обещал ему и себе управу: но еще не успел предпринять мести, когда туча варваров нашла на Россию.

Исхитив Казань из наших рук, Магмет-Гирей не терял времени в бездействии: хотел укрепить ее за своим братом и для того сильным ударом потрясти Василиеву державу; вооружил не только всех Крымцев, но поднял и Ногаев; соединился с Атаманом Козаков Литовских, Евстафием Дашковичем, и двинулся так скоро к Московским пределам, что Государь едва успел выслать рать на берега Оки, дабы удержать его стремление. Главным Воеводою был юный Князь Димитрий Бельский; с ним находился и меньший брат Государев, Андрей: они в безрассудной надменности не советовались с мужами опытными, или не слушались их советов; стали не там,

где надлежало; перепустили Хана через Оку, сразились не вовремя, без устройства, и малодушно бежали. Воеводы Князь Владимир Курбский, Шереметев, двое Замятниных, положили свои головы в несчастной битве. Князя Феодора Оболенского-Лопату взяли в плен. Великий Князь ужаснулся, и еще гораздо более, сведав, что другой неприятель, Саип-Гирей Казанский, от берегов Волги также идет к нашей столице. Сии два Царя соединились под Коломною, опустошая все места, убивая, пленяя людей тысячами, оскверняя святыню храмов, злодействуя, как бывало в старину при Батые или Тохтамыше. Татары сожгли монастырь Св. Николая на Угреше и любимое село Василиево, Остров, а в Воробьево пили мед из Великокняжеских погребов, смотря на Москву. Государь удалился в Волок собирать полки, вверив оборону столицы зятю, Царевичу Петру, и Боярам. Всё трепетало. Хан 29 июля [1521 г.], среди облаков дыма, под заревом пылающих деревень, стоял уже в нескольких верстах от Москвы, куда стекались жители окрестностей с их семействами и драгоценнейшим имением. Улицы заперлись оболами. Пришельцы и граждане, жены, дети, старцы, искали спасения в Кремле, теснились в воротах, давили друг друга. Митрополит Варлаам (преемник Симонов) усердно молился с народом: градоначальники распорядили защиту, всего более надеясь на искусство Немецкого пушкаря Никласа. Снаряд огнестрельный мог действительно спасти крепость; но был недостаток в порохе. Открылось и другое бедствие: ужасная теснота в Кремле грозила неминуемою заразою. Предвидя худые следствия, слабые начальники вздумали – так повествует один чужеземный современный Историк – обезоружить Хана Магмет-Гирея богатыми дарами: отправили к нему Посольство и бочки с крепким медом. Опасаясь нашего войска и неприступных для него Московских укреплений, Хан согласился не тревожить столицы и мирно идти восвояси, если Великий Князь, по уставу древних времен, обяжется грамотою платить ему дань. Едва ли сам варвар Магмет-Гирей считал такое обязательство действительным: вероятнее, что он хотел единственно унижить Василия и засвидетельствовать свою победу столь обидным для России договором. Вероятно и то, что Бояре Московские не дерзнули бы дать сей грамоты без ведома Государева: Василий же, как видно, боялся временного стыда менее, нежели бедствия Москвы, и предпочел ее мирное избавление славным опасностям кровопролитной, неверной битвы. Написали хартию, скрепили Великокняжескою печатью, вручили Хану, который немедленно отступил к Рязани, где стан его имел вид Азиатского торжища: разбойники сделались купцами, звали к себе жителей, уверяли их в безопасности, продавали им свою добычу и пленников, из коих многие даже без выкупа уходили в город. Сие было хитростию. Атаман Литовский, Евстафий Дашкович, советовал Магмет-Гирею обманом взять крепость: к счастью, в ней бодрствовал Окольныйничий, Хабар Симский, сын Иоаннова Воеводы Василия Образца, муж опытный, благоразумный, спаситель Нижнего Новгорода. Хан, желая усыпить его, послал к нему Московскую грамоту в удостоверение, что война кончилась и что Великий Князь признал себя данником Крыма; а между тем неприятельские толпы шли к крепости, будто бы для отыскания своих беглецов. Симский, исполняя устав чести, выдал им всех пленников, укрывавшихся в городе, и заплатил 100 рублей за освобождение Князя Феодора Оболенского; но число Литовцев и Татар непрестанно умножалось под стенами, до самого того времени, как Рязанский искусный пушкар, Немец Иордан, одним выстрелом положил их множество на месте: остальные в ужасе рассеялись. Коварный Хан притворился изумленным: жаловался на сие неприятельское действие; требовал головы Иордановой, стращал мезтью, но спешил удалиться, ибо сведал о впадении Астраханцев в его собственные пределы. Торжество Симского было совершенно: он спас не только Рязань, но и честь Великокняжескую: постыдная хартия Московская осталась в его руках. Ему дали после сан Боярина, и – что еще важнее – внесли описание столь знаменитой услуги в Книги разрядные и в родословные на память векам.

Сие нашествие варваров было самым несчастнейшим случаем Василиева государственова. Предав огню селения от Нижнего Новгорода и Воронежа до берегов Москвы-реки, они пленили несметное число жителей, многих знатных жен и девиц, бросая грудных младенцев на землю; продавали невольников толпами в Кафе, в Астрахани; слабых, престарелых морили голодом: дети Крымцев учились над ними искусству язвить, убивать людей. Одна Москва славилась свое, по мнению народа, сверхъестественное спасение: рассказывали о явлениях и чудесах; оставили особенный крестный ход в монастырь Сретения, где мы доныне три раза в год благодарим Небо за избавление сей древней столицы от Тамерланова, Ахматова и Магмет-Гиреева нападения. Великий Князь, возвратясь, изъявил признательность Немецким чиновникам огнестрельного снаряда, Никласу и Иордану; но велел судить Воевод, которые пустили Хана в сердце России. Все упрекали Бельского безрассудностию и малодушием; а Бельский слагал вину

на брата Государева, Андрея, который, первый показав тыл неприятелю, увлек других за собою. Василий, щадя брата, наказал только одного Воеводу, Князя Ивана Воротынского, мужа весьма опытного в ратном деле и дотоле всегда храброго. Вина его, кажется, состояла в том, что он, будучи оскорблен надменностию Бельского, с тайным удовольствием видел ошибки сего юного Полководца, жертвовал самолюбием отечеством и не сделал всего возможного для блага России: преступление важное и тем менее извинительное, чем труднее уличить виновного! Лишенный своего поместья и сана, Князь Воротынский долгое время сидел в заключении: был после освобожден, ездил ко Двору, но не мог выехать из столицы.

[1522 г.] Скоро пришло в Москву известие о новом грозном для нас замысле Хана: он велел объявить на трех торгах, в Перекопи в Крыме, в Кафе и в других местах, чтобы его уланы, мурзы, воины не слагали с себя оружия, не расседывали коней и готовились вторично идти на Россию. Татары не любили воевать в зимнее время, без подножного корма: весною полки наши заняли берега Оки, куда прибыл и сам Великий Князь. Никогда Россия не имела лучшей конницы и столь многочисленной пехоты. Главный стан близ Коломны уподоблялся обширной крепости, под защитою огнестрельного снаряда, которого мы прежде не употребляли в поле. Сказывают, что Государь, любуясь прекрасным войском и станом, послал вестника к Магмет-Гирею с такими словами: «Вероломно нарушив мир и союз, ты в виде разбойника, душегубца, зажигальщика напал нечаянно на мою землю. Имеешь ли бодрость воинскую? Иди теперь: предлагаю тебе честную битву в поле». Хан отвечивал, что ему известны пути в Россию и время, удобное для войны; что он не спрашивает у неприятелей, где и когда сражаться. Лето проходило. Магмет-Гирей не являлся. В Августе Государь возвратился в Москву, где Солиманов посол, Князь мангупский, Скиндер, уже несколько месяцев ждал его, приехав из Константинополя вместе с Третьяком-Губиным.

Послу оказали великую честь: Государь встал с места, чтобы спросить у него о здравии Султана; дал ему руку и велел сесть *подле себя*. Нельзя было писать ласковее, как Солиман писал к Василию, своему *верному приятелю и доброму соседу*, уверяя, что желает быть с ним *в крепкой дружбе и в братстве*, но Скиндер говорил единственно о делах торговых и, купив несколько драгоценных мехов, уехал. Не теряя надежды приобрести деятельный союз Оттоманской Империи, Василий еще посылал в Константинополь Ближнего Дворянина, Ивана Морозова, с дружественными грамотами; однако же не велел ему объявлять условий, на коих мы желали заключить письменный договор с Портою: ибо Великому Князю, по обыкновенной гордости нового Российского двора, хотелось, чтобы Султан прислал для того собственного Вельможу в Москву. Сей опыт был последним с нашей стороны: Солиман довольствовался учтивостями, не думая, кажется, чтобы Россия могла искренно содействовать Оттоманам в покорении Христианских Держав и еще менее думая быть орудием нашей особенной политики; стесняя Венгрию, завоевав Родос, готовясь устремиться на Мальту, он требовал от нас мира, товаров и ничего более. Если бы Сигизмунд в одно время с Магмет-Гиреем и с Казанским Царем напал на Россию, то Великий Князь увидел бы себя в крайности и поздно бы узнал, сколь судьба государства бывает непостоянна, вопреки хитрым соображениям ума человеческого. Но, к счастью нашему, Король не имел сильного войска, боялся ужасного Солимана, знал вероломство Хана Крымского и, радуясь претерпенному нами от него бедствию, надеялся только, что оно склонит Василия к миролюбию. Государь в самом деле желал прекратить войну с Литвою для скорейшего обуздания Тавриды и Казани. Пользуясь обстоятельствами, Сигизмунд хотел договариваться о мире не в Москве, как обыкновенно бывало, а в Вильне или в Кракове: Великий Князь отвергнул сие предложение, и знатный Королевский чиновник. Петр Станиславович, с Секретарем Иваном Горностаем приехали в Москву, когда еще Воеводы наши стояли у Коломны, готовые идти на Татар или на Литву. Не могли согласиться в условиях вечного мира: долго спорили о перемирии; наконец заключили его на пять лет от 25 Декабря 1522 года. Смоленск остался нашим; границею служили Днепр, Ивака и Меря. Уставили вольность торговли; поручили Наместникам Украинским решить тяжбы между жителями обоих Государств: но пленникам не дали свободы, к прискорбию Василия, который должен был отказать от сего требования. Окольный Морозов и Дворецкий Бутурлин ездили в Краков с перемирною грамотою. Литовский Историк с удивлением говорит о пышности сих Вельмож, сказывая, что под ними было пятьсот коней. Два раза Сигизмунд звал их обедать, и два раза они уходили из дворца, чтобы не сидеть за столом вместе с Папскими, Цесарскими и Венгерскими поверенными в делах: ибо сие казалось для них несовместным с честью Великокняжеского Посольства. Король утвердил грамоту присягою, облегчив судьбу наших пленников.

Так кончилась сия десятилетняя война Литовская, славная для Сигизмунда громкою победою Оршинскою, а для нас полезная важным приобретением Смоленска, для обоих же Государств равно опустошительная, если отнесем к ней гибельное нашествие Магмет-Гиреево. Достопамятным следствием ее было уничтожение Немецкого Ордена, к прискорбию Василия, который лишился в нем хотя и слабого, но ревностного союзника. Уступив силе, жалуясь на скупость Великого Князя, может быть невольную по нашим умеренным доходам, и на худое усердие своего народа, Магистр искал мира и пожертвовал ему бытием Рыцарства, славного в летописях. Сигизмунд признал Албрехта наследственным Владетелем Орденских городов, с условием, чтобы они вечно зависели от Государей Польских, и дал Пруссии герб черного орла с изображением буквы S, начальной Сигизмундова имени. Хотя с переменою обстоятельств сие знаменитое Палестинское братство отжило век свой и казалось уже несоответственным новому государственному порядку в Европе: однако ж гибель учреждения, столь памятного своею великодушною целию, законами суровой добродетели и геройством первых основателей, произвела всеобщее сожаление. – Орден Ливонский, быв около трех веков сопряжен с Немецким, остался в печальном уединении, среди грозных опасностей и между двумя сильными Державами, Россиею и Польшею, в ненадежной, но в полной свободе, как старец при дверях гроба. Ливонские Рыцари давали Великому Магистру Немецкому деньги и людей для войны: за что он торжественно объявил их независимыми навеки. Судьба также готовила им конец; но Плеттенберг еще жил и как бы в награду за свое великодушие долженствовал спокойно умереть главою свободного братства. В 1521 году он возобновил мирный договор с Россиею на десять лет.

Глава III. Продолжение государствования Василиева. Г. 1521–1534

Присоединение Рязани к Москве. Заключение Кн. Шемякина. Хан Крымский взял Астрахань. Злодейства в Казани. Бедствие Крыма. Хан Сайдет-Гирей. Походы на Казань. Пострижение Великой Княгини. Новый брак Великого Князя. Сношения с Римом, с Императором Карлом V. Перемирие с Литвою. Дружество с Густавом Вазою. Посольства Солимановы. Набег Крымцев. Рать на Казань. Новый Царь в Казани. Заточение Шиг-Алея. Рождение Царя Иоанна Васильевича. Посольства Астраханские, Молдавские, Ногайское, Индейское. Набег Крымцев. Болезнь и кончина Великого Князя. Характер Василиев. Строгость и милость. Дело Максима Грека. Жалобы на Великого Князя. Образ жизни Василия, охота, Двор, обеды, титул. Иноземцы в Москве. Законы. Строения. Церковные деяния. Разные бедствия. Великие современники Василиевы. Раскол Лютеров.

Распространив Литовскою войною пределы Государства, Василий в то же время довершил великое дело Единовластия внутри оногo. Еще Рязань была особенным Княжением, хотя треть городов ее, часть умершего Князя Федора, принадлежала к Московскому и Василий уже именовался Рязанским. Еще Князя Северский и Стародубский или Черниговский, называясь слугами Государя Российского, имели права Владетелей. Василий, исполнитель Иоанновых намерений, ждал только справедливого повода к необходимому уничтожению сих остатков Удельной системы.

Вдова, Княгиня Агриппина, несколько лет господствовала в Рязани именем своего малолетнего сына, Иоанна: Василий оставлял в покое слабую жену и младенца, ибо первая во всем повиновалась ему как верховному Государю; но сын ее, достигнув юношеского возраста, захотел вдруг свергнуть с себя опеку и матери и Великого Князя Московского: то есть властвовать независимо, как его предки, старейшие в роде Ярослава I. Пишут, что он торжественно объявил сие Василию, вступил в тесную связь с Ханом Крымским и мыслил жениться на дочери Магмет-Гиреевой. Государь велел ему быть к себе в Москву: Князь Иоанн долго не ехал; наконец, обманутый советом знатнейшего Боярина своего, Симеона Крубина, явился пред Василием, который, уличив его в неблагодарности, в измене, в дружбе с злодеями России, отдал под стражу, взял всю Рязань, а вдовствующую Княгиню Агриппину сослал в монастырь. Сие случилось в 1517 году. Когда Магмет-Гирей шел к Москве, Князь Иоанн, пользуясь общим смятением, бежал оттуда в Литву, где и кончил жизнь в неизвестности. – Таким образом, около четырех столетий быв отдельным, независимым Княжением, Рязань вслед за Муромом и за Черниговом присоединилась к северным владениям Мономахова потомства, которые составили Российское единоедер-

жавие. Она считалась тогда лучшею и богатейшею из всех областей Государства Московского, будучи путем нашей важной торговли с Азовом и Кафою, изобилуя медом, птицами, зверями, рыбою, особенно хлебом, так что нивы ее, по выражению писателей XVI века, казались густым лесом. Жители славились воинским духом; их упрекали высокоумием и суровостию. Чтобы мирно господствовать над ними, Великий Князь многих перевел в другие области.

Князь Василий Шемякин Северский отличался доблестью воинскою, был ужасом Крыма, ненавистником Литвы и верным стражем южной России: за что Великий Князь оказывал ему милость и дал город Путивль; но опасался и не любил его, во-первых, помня ужасный характер деда Василиева, Дмитрия, а во-вторых, зная беспокойный дух внука, смелого, надменного своими достоинствами: для того неусыпно наблюдал за ним и с тайным удовольствием видел непримиримую, взаимную злобу Князей Северских; Шемякина и Василия Симеоновича Стародубского, женатого на своячине Государевой. Последний доносил, что первый ссылается с Королем Сигизмундом и мыслит изменить России; а Шемякин требовал суда и писал к Великому Князю: «Прикажи мне, *холопу* твоему, быть в Москве; да оправдаюсь изустно и да умолкнет навеки клеветник мой. Еще отец его, Симеон, злословил меня: сын хвалится бесстыдством и говорит: *уморю Шемякина, или сам заслужу гнев Государев*. Исследуй дело: если я виновен, то голова моя пред Богом и пред тобою». В Августе 1517 года он приехал в Москву; на другой день, в праздник Успения, обедал с Государем у Митрополита, совершенно оправдался и хотел, чтобы ему выдали лживых доносителей. Их было двое: один слуга Князя Пронского, другой Стародубского, который будто бы в Новгороде Северском и в Литве узнал о мнимой измене Шемякина. Государь велел выдать первого доносителя: второго же объявил невинным. Шемякин с честью и с новым жалованьем возвратился в область Северскую, где властвовал спокойно еще пять лет, пережив своего злодея, Стародубского. Но в 1523 году возобновились подозрения: письменно обнадеженный Государем и Митрополитом в личной безопасности, Шемякин вторично явился на суд в столицу, был обласкан, а чрез несколько дней заключен в темницу как уличенный в тайной связи и переписке с Литвою. Сомневались в истине сего обвинения; рассказывали, что один умный шут в Москве ходил тогда из улицы в улицу с метлою и кричал: *время очистить Государство от последнего сора*, то есть избавить оное от последнего Князя Удельного. Народ смеялся, разгадывая остроумную притчу. Другие осуждали Государя и в особенности Митрополита, который обманул Шемякина своим ручательством. Незадолго до сего времени Варлаам, благочестивый, твердый и не льстец Великому Князю ни в каких случаях, противных совести, должен был оставить Митрополию: на место его избрали Даниила, Игумена Иосифовского, молодого, тридцатилетнего человека, свежего, румяного лицом, тучного телом и тонкого умом. Думая о политических выгодах более, нежели о Христианских добродетелях, Даниил оправдывал заключение Шемякина и говорил, что Бог избавил Великого Князя от внутреннего домашнего врага. Не так мыслил Троицкий, Порфирий, муж, воспитанный в пустыне и в простых обычаях: он торжественно и смело ходатайствовал за *гонимого* Князя, незаконно отягченного цепями; прогневал государя и, сложив с себя одежду Игуменскую, удалился в тесную пустыню на Белоозеро. Шемякин умер в темнице. От супруги его, привезенной в Москву, отлучили всех Боярынь, которые составляли ее пышный двор. – Сим навсегда пресеклись Уделы в России, хотя не без насилия, не без лишних жертв и несправедливостей, но без народного кровопролития. В самых благих, общепользных деяниях государственных видим примесь страстей человеческих, как бы для того, чтобы история не представляла нам идолов, будучи историею людей или несовершенства.

Обратимся к делам внешним. Вместо того, чтобы наказать Магмет-Гирея за опустошение России, Великий Князь желал как можно скорее с ним примириться. Поход на Тавриду казался опасным и бесполезным: даль, степи, пустыни изнурили бы войско, и самый счастливый успех доставил бы нам только скудную добычу: в следующее лето Крымцы могли бы снова явиться в наших пределах. Политика Великокняжеская ограничивалась Литвою: там видели мы прочные, естественные, языком и верою утверждаемые приобретения, нужные для могущества России; всё другое относилось единственно к сей цели. Посол Василиев, Наумов, еще оставался в Тавриде и предлагал Хану мир; а Магмет-Гирей, готовя месть Астрахани, также хотел возобновить дружбу с нами и прислал своих Послов в Москву: сам же выступил со многочисленным войском к устью Волги.

В Астрахани господствовал тогда Усеин, сын умершего Царя Ченибека: он искал покровительства России, но не успел защитить себя от нашествия Магмет-Гирея, который вместе с Ногайским Князем Мамаем осадил Астрахань, изгнал Усеина и, завоевав сей важный торговый

город, исполнил таким образом свое давнишнее властолюбивое намерение совокупить три Батыевы Царства – Казань, Астрахань и Тавриду – в единую Державу, которая могла бы и далее расширяться на Восток покорением Ногаев, Шибанских, или Тюменских, и Хивинских Моголов, примкнуть от моря Каспийского к Персии, к Сибири и новыми тучами варваров угрожать образованному Западу. Василий предвидел сию опасность: для того, стараясь удержать Казань в зависимости от России, не хотел помогать Магмет-Гирею на Астрахань и, договариваясь с ним о мире, заключил тесный союз с ее Царем, коего Послы свести в Москве о бедствии их отечества. Но беспокойство Великого Князя было непродолжительно: варвар может иметь властолюбие, смелость и счастье; только не умеет пользоваться успехами: легко приобретая, легко и теряет. Магмет-Гиреево величие исчезло как сновидение.

Услышав о завоевании Астрахани, Саип-Гирей, Царь Казанский, вздумал праздновать оное кровопролитием: уже боясь России и в безумной гордости считая всякую дальнейшую умеренность малодушием, он велел умертвить всех Московских купцов и Посла Государева, Василия Юрьева. Весть о сем ужасном злодействе достигла Москвы в одно время с другою, весьма для нас благоприятною: о внезапной гибели Магмет-Гирея и бедствиях Тавриды. Между тем как он, торжествуя победу, веселился и пировал в богатой Астрахани, сподвижник его, Князь Ногайский Мамай, готовил ему сеть по внушениям брата своего Агиша: «Что ты делаешь? – говорил Агиш. – Служишь орудием сильному, властолюбивому соседу, который мыслит поработить всех нас, одного за другим. Опомнись, или будет поздно». Мамай согласился с братом, условился в мерах и начал доказывать Хану, что их войско слабеет духом и телом в городе, что надобно стоять в поле, где Татарин дышит свободно и пылает мужеством. Магмет-Гирей, приняв совет, вышел из города; но в стане вел роскошную, беспечную жизнь, не воображая никаких опасностей: воины ходили без оружия. Вдруг Агиш и Мамай с толпами Ногайскими окружают Царский шатер, в коем Магмет-Гирей спокойно обедал с юным сыном Богатырь-Солтаном: убивают их и многих Вельмож; нападают на стан, режут изумленных Крымцев, гонят бегущих, топят в Дону. Только двое из сыновей Ханских, Казы-Гирей и Бибей, с пятидесятью Князьями прибежали в Тавриду: вслед за ними вринулись и Ногаи в ее беззащитные Улусы, захватили стада, выжгли селения, плавали в крови жен и младенцев, которые укрывались в лесах или в ущелинах гор. Вельможи Крымские собрали наконец тысяч двенадцать воинов и сразились с Ногаями; но, разбитые наголову, едва спаслись бегством в Перекоп, охраняемую Султанскими Янычарами. В то же время Атаман Днепровских Козаков, Евстафий Дашкович, быв дотоле союзником Крымским, сжег укрепления Очакова и всё истребил, что мог, в Тавриде.

Московский Боярин Кольчев, посланный еще к Магмет-Гирею, находясь в Перекопи, был свидетелем сих происшествий. Когда Ногаи и Дашкович удалились, сын Ханский, Казы-Гирей, назвал себя Царем Тавриды; но должен был уступить престол дяде, Сайдет-Гирею, который, с Султанским указом и с Янычарами приехав из Константинополя, удавил племянника в Кафе, торжественно воцарился и спешил предложить Василию свою дружбу, хвалясь могуществом и величием. «Отец твой, – писал он к Государю, – безопасно стоял за хребтом моего отца и его саблюю сек головы неприятелям. Да будет любовь и между нами. Имею рать сильную: Великий Султан мне покровитель, Царь Астраханский Усеин друг, Казанский Саип-Гирей брат, Ногаи, Черкасы и Тюмень подданные, Король Сигизмунд холоп, Волохи *Путники* мои и Стадники. Исполняя волю Султанову, хочу жить с тобою в тесном братстве. Не тревожь моего единокровного в Казани. Минувшее забудем. Литве не дадим покоя» и проч. Новый Хан требовал от Василия шестидесяти тысяч алтын, уверяя, что истинные братья никогда не отказывают друг другу в таких безделицах. Хоть в Москве знали, что Крым находится в самом ужасном опустошении; что Сайдет-Гирей не мог тогда иметь ни двенадцати тысяч исправных воинов: однако ж Великий Князь старался воспользоваться добрым расположением Хана и заключить с ним союз, чтобы по крайней мере не опасаться набегов Крымских; только не дал ему денег и в рассуждении Царя Казанского отвечал: «Государя воюют, но Послов и купцов не убивают; нет и не будет мира с злодеем».

Между тем как шли переговоры с Тавридою об условиях союза, войско наше действовало против Казани. Сам Государь ездил в Нижний Новгород, откуда послал Царя Шиг-Алея и Князя Василия Шуйского с судовою, а Князя Бориса-Горбатого с конною ратиею. Они не только воевали неприятельскую землю, убивая, пленяя людей на берегах Волги, но сделали и нечто важнейшее: основали город при устье Суры, назвав его именем Василия, и, стеснив пределы Казанского Царства, сею твердынею защитили Россию: вал, острог и деревянные стены были достаточны для приведения варваров в ужас. Алея и Шуйский возвратились осенью. Нетрудно было предвидеть,

что Россияне возобновят нападение в благоприятнейшее время: Саип-Гирей искал опоры и решился объявить себя подданным великого Солимана с условием, чтобы он спас его от мести Василиевой. Мог ли действительно глава Мусульманов не вступить в таком случае за единоверного? Однако ж сие заступление, весьма легкое и как бы мимоходом, оказалось бесполезным: Князь Манкупский Скиндер, находясь тогда в Москве единственно по делам купеческим, именем Султана объявил нашим Боярам, что Казань есть Турецкая область; но удовольствовался ответом, что Казань была, есть и будет подвластна Российскому Государю; что Саип-Гирей мятежник и не имеет права дарить ею Султана.

[1524 г.] Весною полки гораздо многочисленнейшие выступили к Казани с решительным намерением завоевать оную. В судовой рати главными начальниками были Шиг-Алей, Князя Иван Бельский и Горбатый, Захарьин, Симеон Курбский, Иван Лятцкий; а в конной Боярин Хабар Симский. Число воинов, как уверяют, простиралось до 150 тысяч. Слух о сем необыкновенном ополчении столь устрасил Саип-Гирея, что он немедленно бежал в Тавриду, оставив в Казани юного тринадцатилетнего племянника, Сафа-Гирея, внука Менгли-Гиреева, и сказав жителям, что едет искать помощи Султановой, которая одна может спасти их. Гнушаясь его малодушием, ненавдя и боясь Россиян, они назвали Сафа-Гирея Царем, клялись умереть за него и приготовились к обороне, вместе с Черемисами и Чувашиами. 7 июля судовая рать Московская явилась пред Гостиным островом, выше Казани; войско расположилось на берегу и 20 дней провело в бездействии, ожидая Хабар-Симского с конницею. Неприятель также стоял в поле; тревожил Россиян частными, маловажными нападениями; изъяслял смелость. Презируя отрока Сафа-Гирея, Алей писал к нему, чтобы он мирно удалился в свое отечество и не был виновником кровопролития. Сафа-Гирей отвечивал: «чья победа, того и Царство: сразимся». В сие время загорелась Казанская деревянная крепость: Воеводы Московские не двинулись с места, дали жителям спокойно гасить огонь и строить новую стену; 28 июля перенесли стан на луговую сторону Волги, к берегам Казанки, и опять ничего не делали; а неприятель жег нивы в окрестностях и, заняв все дороги, наблюдал, чтобы мы не имели никаких подвозов. Истратив свои запасы, войско уже терпело недостаток – и вдруг разнесся слух, что конница наша совершенно истреблена неприятелем. Ужас объял Воевод. Не знали, что предпринять: боялись идти назад и медленно плыть Волгою вверх; думали спуститься ниже устья Камы, бросить суда и возвратиться сухим путем чрез отдаленную Вятку. Оказалось, что дикие Черемисы разбили только один конный отряд Московский; что мужественный Хабар в двадцати верстах от Казани, на берегу Свяги, одержал славную победу над ними, Чувашиами и Казанцами, хотевшими не допустить его до соединения с Алеем: множество взял в плен, утопил в реке и с трофеями прибыл в стан главной рати. Не столь счастлив был Князь Иван Палецкий, который из Нижнего Новгорода шел на судах к Казани с хлебом и с тяжелым снарядом огнестрельным. Там, где Волга, усеянная островами, стесняется между ими, Черемисы запрудили реку камнем и деревьями. Сия преграда изумила Россиян. Суда, увлекаемые стремлением воды, разбивались одно об другое или об камни, а с высокого берега сыпались на них стрелы и катились бревна, пускаемые Черемисами. Погибло несколько тысяч людей, убитых или утопших; и Князь Палецкий, оставив в реке большую часть военных снарядов, с немногими судами достиг нашего стана. Сие бедствие, как думают, произвело известную старинную пословицу: *с одну сторону Черемиса, а с другой берегися*. «Волга, – пишет Казанский Историк, – сделалась тогда для варваров златоструйным Тигром: кроме пушек и ядер, они пудами извлекали из ее глубины серебро и драгоценное оружие Москвитян».

Хотя Россияне обступили наконец крепость и могли бы взять ее, тем вероятнее, что, в самый первый день осады [15 Августа] убив лучшего неприятельского пушкаря, видели замешательство Казанцев и худое действие их огнестрельного снаряда; хотя Немецкие и Литовские воины, наемники Государевы, требовали приступа, но Воеводы, опасаясь неудачи и голода, предпочли мир: ибо Казанцы, устрасенные победою Симского, выслали к ним дары, обещаясь немедленно отправить Посольство к Великому Князю, умиловить его, загладить свою вину. Малодушные или, по мнению некоторых, ослепленные золотом начальники прекратили войну, сняли осаду и вышли из земли Казанской без славы и с болезнию, от коей умерло множество людей, так что едва ли половина рати осталась в живых. Главный Воевода, Князь Иван Бельский, лишился милости Государевой; но Митрополит исходатайствовал ему прощение. Послы Казанские действительно приехали к Государю; молили его, чтобы он утвердил Сафа-Гирея в достоинстве Царя и в таком случае обязывались, как и прежде, усердствовать России. Василий требовал доказательств и залога в верности сего народа, постоянного единственно в обманах и

злодействе: впрочем желал обойтись без дальнейшего кровопролития. Боярин, Князь Пенков, был в Казани для переговоров. Между тем Государь без оружия нанес ей удар весьма чувствительный, запретив нашим купцам ездить на ее летнюю ярмонку и назначив для их торговли с Азией место в Нижегородской области, на берегу Волги, где ныне Макарьев: отчего сия славная ярмонка упала: ибо Астраханские, Персидские, Арменские купцы всего более искали там наших мехов, и сами Казанцы лишились вещей необходимых, например, соли, которую они получали из России. Но как трудно переменять старые обыкновения в путях купечества, то мы, сделав зло другим, увидели и собственный вред: не скоро можно было приучить людей к новому, дикому, ненаселенному месту, где некогда существовал уединенный монастырь, заведенный Св. Макарием Унженским и разрушенный Татарами при Василии Темном. Цена Азиатских ремесленных произведений у нас возвысилась: открылся недостаток в нужном, особенно в соленой рыбе, покупаемой в Казани. Одним словом, досадив Казанскому народу, Великий Князь досадил и своему, который не мог предвидеть, что сие юное торжище будет со временем нашею славною Макарьевскою ярмонкою, едва ли не богатейшею в свете. Жаловались, что Государь ищет себе неприятелей, равно как осуждали его и за основание города в земле Казанской, хотя дальновиднейшие из самых современников знали, что дело идет не об истинном дружестве с нею, но о вернейшем ее, для нас необходимом покорении, и хвалили за то Великого Князя. – Следствием переговоров между нами и Казанью было пятилетнее мирное бездействие с обеих сторон.

[1525 г.] Тогда Великий Князь, свободный от дел воинских, занимался важным делом семейственным, тесно связанным с государственною пользою. Он был уже двадцать лет супругом, не имея детей, следственно и надежды иметь их. Отец с удовольствием видит наследника в сыне: таков устав природы; но братья не столь близки к сердцу, и Василиевы не оказывали ни великих свойств душевных, ни искренней привязанности к старейшему, более опасаясь его как Государя, нежели любя как единокровного. Современный Летописец повествует, что Великий Князь, едуци однажды на *позлащенной колеснице*, вне города, увидел на дереве птичье гнездо, заплакал и сказал: «Птицы счастливее меня: у них есть дети!» После он также со слезами говорил Боярам: «Кто будет моим и Русского Царства наследником? братья ли, которые не умеют править и своими Уделами?» Бояре ответствовали: «Государь! неплодную смоковницу посекают: на ее месте сажают иную в вертограде». Не только придворные угодники, но и ревностные друзья отечества могли советовать Василию, чтобы он развелся с Соломониею, обвиняемою в неплодии, и новым супружеством даровал наследника престолу. Следуя их мнению и желая быть отцем, государь решился на дело жестокое в смысле нравственности: немилосердно отвергнуть от своего ложа невинную, добродетельную супругу, которая двадцать лет жила единственно для его счастья; предать ее в жертву горести, стыду, отчаянию; нарушить святой устав любви и благодарности. Если Митрополит Даниил, снисходительный, уклончивый, внимательный к миру более, нежели к духу, согласно с Великокняжеским синклитом, признал намерение Василиево законным или еще похвальным: то нашлись и Духовные и миряне, которые смело сказали Государю, что оно противно совести и Церкви. В числе их был пустынный Инок Вассиан, сын Князя Литовского, Ивана Юрьевича Патрикеева, и сам некогда знатнейший Боярин, вместе с отцом в 1499 году неволею постриженный в Монахи за усердие к юному Великому Князю, несчастному Димитрию. Сей муж уподоблялся, как пишут, древнему Святому Антонию: его заключили в Волоколамском монастыре, коего Иноки любили угождать мирской власти; а престарелого Воеводу, Князя Симеона Курбского, завоевателя земли Югорской, строгого Постника и Христианина, удалили от двора: ибо он также ревностно вступался за права Соломонии. Самые простолюдины – одни по естественной жалости, другие по Номоканону – осуждали Василия. Чтобы обмануть закон и совесть, предложили Соломонии добровольно отказаться от мира: она не хотела. Тогда употребили насилие: вывели ее из дворца, постригли в Рождественском девичьем монастыре, увезли в Суздаль и там, в женской обители, заключили. Уверяют, что несчастная противилась совершению беззаконного обряда и что сановник Великокняжеский, Иван Шигона, угрожал ей не только словами, но и побоями, действуя именем Государя; что она залилась слезами и, надевая ризу Инокини, торжественно сказала: «Бог видит и отмстит моему гонителю». – Не умолчим здесь о предании любопытном, хотя и не достоверном: носился слух, что Соломония, к ужасу и бесполезному раскаянию Великого Князя, оказалась после беременною, родила сына, дала ему имя Георгия, тайно воспитывала его и не хотела никому показать, говоря: «В свое время он явится в могуществе и славе». Многие считали то за истину, другие за сказку, вымышленную друзьями сей несчастной добродетельной Княгини. [1526 г.] Разрешив узы своего брака, Василий по уставу церковному не мог вторично быть

супругом: чья жена с согласия мужа постригается, тот должен сам отказаться от света. Но Митрополит дал благословение, и Государь чрез два месяца женился на Княжне Елене, дочери Василия Глинского, к изумлению наших Бояр, которые не думали, чтобы род чужеземных изменников удостоился такой чести. Может быть, не одна красота невесты решила выбор; может быть, Елена, воспитанная в знатном Владетельном доме и в обычаях Немецких, коими славился ее дядя, Михаил, имела более приятности в уме, нежели тогдашние юные Россиянки, научаемые единственно целомудрию и кротким, смиренным добродетелям их пола. Некоторые думали, что Великий Князь из уважения к достоинствам Михаила Глинского женился на его племяннице, дабы оставить в нем надежного советника и путеводителя своим детям. Сие менее вероятно: ибо Михаил после того еще более года сидел в темнице, освобожденный наконец ревностным ходатайством Елены. – Свадьба была великолепна. Праздновали три дни. Двор блистал необыкновенною пышностью. Любя юную супругу, Василий желал ей нравиться не только ласковым обхождением с нею, но и видом молодости, которая от него удалялась: обрил себе бороду и пекся о своей приятной наружности. В течение пяти лет Россия имела единственно мирные сношения с иными Державами. Еще при жизни Леона X один Генуэзский путешественник, называемый капитаном Павлом, с дружелюбным письмом от сего Папы и Немецкого Магистра Албрехта был в Москве, имея важное намерение проложить купеческую дорогу в Индостан через Россию посредством рек Инда, Окса, или Гигона, моря Каспийского и Волги. Прежде счастливого открытия Васка де-Гамы товары Индейские шли в Европу или Персидским заливом, Евфратом, Черным морем, или заливом Аравийским, Нилом и морем Средиземным; но Португальцы, в начале XVI века овладев берегами Индии, захватив всю ее торговлю и дав ей удобнейший путь океаном, мимо Африки, употребляли свою выгоду во зло и столь возвысили цену пряных зелий, что Европа справедливо жаловалась на безумное корыстолюбие Лиссабонских купцов. Говорили даже, что ароматы Индейские в дальнем плавании теряют запах и силу. Движимый ревностию отнять у Португалии исключительное право сей торговли, Генуэзский путешественник убедительно представлял нашим Боярам, что мы в несколько лет можем обогатиться ею; что казна Государева наполнится золотом от купеческих пошлин; что Россияне, любя употреблять пряные зелья, будут иметь оные в изобилии и дешево; что ему надобно только узнать течение рек, впадающих в Волгу, и что он просит Великого Князя отпустить его водою в Астрахань. Но Государь, как пишут, не хотел открыть иноземцу путей нашей торговли с Востоком. Павел возвратился в Италию по смерти Леона X, вручил ответную Василиеву грамоту Папе Адриану и в 1525 году вторично приехал в Москву с письмом от нового Папы, Климента VII, уже не по торговым делам, но в виде Посла, дабы склонить Великого Князя к войне с Турками и к соединению Церквей: за что Климент, подобно Леону, предлагал ему достоинство Короля. Сей опыт, как и все прежние, не имел успеха: Василий, довольный именем Великого Князя и Царя, не думал о Королевском, не хотел искать новых врагов и помнил худые следствия Флорентийского Собора; однако ж принял с уважением и Посла и грамоту, честил его два месяца в Москве и вместе с ним отправил в Италию гонца своего Димитрия Герасимова, о коем славный Историк того века Павел Иовий говорит с похвалою, сказывая, что он учился в Ливонии, знал хорошо язык Латинский, был употребляем Великим Князем в Посольствах Шведском, Датском, Прусском, Венском; имел многие сведения, здравый ум, кротость и приятность в обхождении. Папа велел отвести ему богато украшенные комнаты в замке Св. Ангела. Отдохнув несколько дней, Димитрий в великолепной Русской одежде представился Клименту, поднес дары и письмо Государево, наполненное единственно учтивостями. Великий Князь изъявлял желание быть в дружбе с Папою, утверждать оную взаимными Посольствами, видеть торжество Христианства и гибель неверных, прибавляя, что он издавна карает их в честь Божию. Ждали, что Димитрий объявит на словах какие-нибудь тайные поручения Государевы: он занемог в Риме и долго находился в опасности; наконец выздоровел, осмотрел все достопамятности древней столицы мира, новые здания, церкви; хвалил пышное служение Папы, восхищался музыкаю, присутствовал в Кардинальном Совете, беседовал с учеными мужами и в особенности с Павлом Иовием; рассказывал им много любопытного о своем отечестве; но, к неудовольствию Папы, объявил, что не имеет никаких повелений от Василия для переговоров о делах государственных и церковных. – Димитрий возвратился в Москву (в Июле 1526 года) с новым Послом Климентовым, Иоанном Франциском, Епископом Скаренским, коему надлежало доставить мир Христианству, то есть Литве. Явился и другой, еще знаменитейший посредник в сем деле. Кончина Максимилианова прервала сообщение нашего двора с Империею. Хитрый, властолюбивый юноша Карл V, заступив место деда на ее престоле, не имел времени мыслить о Севере, повелевая Испаниию,

Австриею, Нидерландами и спора о господстве над всею юго-западною Европою с прямодушным Героем, Франциском I. Долго ждав, чтобы Карл вспомнил о России, Великий Князь решился сам отправить к нему гонца с приветствием. За сим возобновились торжественные Посольства с обеих сторон. Австрийский Государственный Советник Антоний прибыл в Москву с дружественными грамотами, а Князь Иван Ярославский-Засекин ездил с такими же от Василия к Императору в Мадрид, в то самое время, когда несчастный Франциск I находился там пленником и когда Европа не без ужаса видела быстрые успехи Карлова властолюбия, угрожавшего ей *всемирною Монархией* или зависимостью всех Держав от единой сильнейшей, какой не бывало после Карла Великого в течение семи веков. Только Россия, хотя уже с любопытством наблюдающая государственные движения в Европе, но еще далее враждебной Литвы не зрячая для себя прямых опасностей, оставалась вдали спокойною и даже могла желать, чтобы Карл исполнил намерение деда присоединением Венгрии и Богемии ко владениям Австрийского дома (как и случилось): ибо сии две воинственные Державы, управляемые Сигизмундовым племянником Людовиком, служили опорой Литве и Польше. Не имея никакого совместничества с Императором и справедливо угадывая, что оно есть или будет между им и Королем Польским, Великий Князь предложил Карлу склонить Сигизмунда к твердому миру с Россиею, или благоразумными убеждениями, или страхом оружия, по торжественному Максимилианову обещанию. В удовольствие Василия Император, отпустив Князя Засекина из Мадрида, вместе с ним послал Графа Леонарда Нугарольского, а брат его, Эрцгерцог Австрийский Фердинанд, Барона Герберштейна в Польшу, чтобы объясниться с Королем в рассуждении мирных условий и ехать в Москву для окончания сего дела. Но Сигизмунд, уже опасаясь замыслов Императора на Венгрию, худо верил его доброжелательству и сказал Послам, что он не просил их Государей быть Миротворцами и может сам *унять Россию*, примолвив с досадою: «Какая дружба у Князя Московского с Императором? что они: ближние соседи или родственники?» Однако ж послал к Василию Воеводу своего, Петра Кишку, и Маршалка Богуша, которые вслед за Графом Леонардом и Герберштейном приехали в нашу столицу. Великий Князь был в Можайске, увеселяясь звериною ловлею: там и начались переговоры. Король возобновил старые требования на все отнятое у Литвы Иоанном, называя и Новгород и Псков ее достоянием; а мы хотели Киева, Полоцка, Витебска. Посредники, Епископ Скаренский, Леонард и Герберштейн, советуя обеим сторонам быть умереннее, предложили Василию уступить Королю хотя половину Смоленска: Бояре объявили сие невозможным; отвергнули и перемирие на двадцать лет, желаемое Сигизмундом; согласились единственно продолжить оное до 1533 года, и то из особенного уважения к Императору и Папе, как изъяснился Великий Князь, жалуясь на худое расположение Короля к истинному миру и нелепость его требований. Споры о наших границах с Литвою остались без исследования, а пленники в заточении. Послам Сигизмундовым была и личная досада: за столом Великокняжеским давали им место ниже Римского, Императорского и самого Фердинандова Посла. Утверждая перемирную грамоту, Василий говорил речь о своей приязни к Папе, Карлу, Эрцгерцогу; о любви к тишине, справедливости, и проч. На стене висел золотой крест: Думный Боярин, сняв его, обтер белым платом. Дьяк в обеих руках держал хартии договорные. Великий Князь встал с места; указывая на грамоту, сказал: «исполню с Божию помощью»; взглянул с умилением на крест и, тихо читая молитву, приложился к оному. То же сделали и Литовские чиновники. В заключение обряда пили вино из большого кубка. Государь снова уверял Послов в своем дружестве к Клименту и к Максимилиановым наследникам; обратился к Панам Литовским, кивнул головою, велел им кланяться Сигизмунду и желал счастливого пути. Они все вместе выехали из Можайска, а за ними наши Послы: Трусов и Лодыгин в Рим, Ляпун и Волосатый к Императору и к Эрцгерцогу, Окольный Лятцкий к Сигизмунду. – Хотя Король утвердил договор и клятвенно обязался быть нашим мирным соседом, но взаимные жалобы не могли прекратиться до самой кончины Василиевой; ибо Литовцы и Россияне пограничные вели, так сказать, явную всегдашнюю войну между собою, отнимая земли друг у друга. Тщетно судьи с обеих сторон выезжали на рубеж: то Литовские не могли дожидаться наших, то наши Литовских. К неудовольствию Сигизмунда, Василий принял к себе Князя Федора Михайловича Мстиславского, выдал за него дочь сестры своей, Анастасию, сносился с Господарем Молдавским, неприятелем Литвы и задержал (в 1528 году) бывших у нас Королевских Послов, сведав, что в Минске остановили Молдавского на пути его в Россию. Король не хотел именовать Василия *Великим Государем*, а мы не хотели называть Короля *Российским* и *Прусским*. По крайней мере пленников наших и Литовских, в силу перемирия, продолженного еще на год, выпустили из темниц и не обременяли цепями как злодеев.

Вследствие одной из достопамятнейших государственных перемен в мире, Швеция, после долговременного неустройства, угнетения, безначалия, как бы обновленная в своих жизненных силах, образовалась, восставала тогда под эгидою великого мужа Густава Вазы, который из рудокопни восшел на трон, озарил его славою, утвердил мудростию; возвеличил Государство, ободрил народ, был честью века, Монархов и людей. Освободив Королевство свое от ига Датчан, не думая о суетной воинской славе, думая только о мирном благоденствии Шведов, Густав искал дружбы Василия и подтвердил заключенное с Россиею перемирие на 60 лет. Советники его, Канут Эриксон и Биорн Классон, приезжали для того в Новгород к Наместнику, Князю Ивану Ивановичу Оболенскому, и Дворецкому Сабурову, а Эрик Флеминг в Москву. Уже Христиан, ненавистный и Шведам и Датчанам, скитался изгнанником по Европе: преемник сего Нерона, Король Фридерик, менее властолюбивый, признал независимость Швеции, и Василий, слыша о великих делах Густава, тем охотнее согласился жить с ним в мирном соседстве: дозволил Шведским купцам иметь свой особенный двор в Новгороде и торговать во всей России; обещал совершенную безопасность Финским земледельцам, которые боялись селиться близ нашей границы, и велел, в угодность Королю, заточить в Москве славного Датского Адмирала Норби. Сей воин мужественный, но свирепый, по изгнании Христиана завладел было Готландиею, сделался морским разбойником, не щадил никого, брал все корабли без исключения, и в особенности злодействовал Швеции; наконец, разбитый ее флотом, бежал в Россию, чтобы возбудить нас против Густава. Великий Князь объявил Норби мятежником и наказал его, в удостоверение, что хочет мира и тишины на Севере.

Утратив надежду иметь союзника в Султанах, Василий милостиво угощал его Посланника Скиндера, который еще три раза был в Москве, по торговым делам, и там внезапно умер с именем корыстолюбивого и злого клеветника: ибо он, несправедливо жалуясь на скупость и худой прием Великого Князя, хвалился, что убедит Солимана воевать с нами; но умный Султан не мог быть орудием подлого Грека и, не думая умножать числа своих неприятелей, оставался другом России, хотя и бесполезным, и в конце 1530 года писал к Василию последнее ласковое письмо с Турком Ахматом, коему надлежало купить в Москве несколько кречетов и мехов собольих.

[1527–1529 гг.] В сие время одни Крымские хищники тревожили Россию, несмотря на усилия великого Князя быть в мире с Ханом и на союзные грамоты, после многих переговоров утвержденные взаимною клятвою. Сайдет-Гирей, ненавидимый народом и Князьями за его любовь к Турецким обычаям, лил кровь знатнейших людей и не мог держаться на своем ужасном троне, быв два раза изгнан племянником, сыном Магмет-Гирея, Исламом; примирился с ним, дал ему сан Калги, грабил Литву и требовал денег от Василия, который, видя ненадежность Ханской власти, сделался тем умереннее в дарах. Послы Сайдет-Гиреевы находились в Москве, когда донесли Государю, что Царевич Ислам идет на Россию. Войско наше заняло берег Оки, стояло долго, не видало неприятеля и разошлось осенью по городам: вдруг запыхали села Рязанские: Ислам стремился к Коломне и Москве. Но Воеводы, Князья Одоевский и Мстиславский, оставались на Угре; не пустили разбойников за Оку и с великим уроном прогнали, в числе многих пленных захватив первого Исламова любимца, Янглыча Мурзу. Государь был в Коломне: раздраженный вероломством Хана, он велел утопить Крымских Послов. И с варварами не должно быть варваром. Сам Великий Князь устыдился такого дела и приказал объявить Хану, что Послы убиты Московскою чернью. Нимало не удивленный их казнию, столь несогласною с народным правом, Сайдет-Гирей винил только своего племянника, будто бы самовольно дерзнувшего напасть на Россию; снова клялся в истинном дружестве к Василию и, нагло ограбив его Посла, не мешал Крымцам злодействовать в областях Белевских и Тульских. Наконец, сверженный с престола Князьями и народом, бежал к Султану. Но Россия ничего не выиграла сею переменою: сперва Ислам, властвовав несколько месяцев в Тавриде, а после Саип, бывший Царь Казанский, утвержденный Султаном в достоинстве Хана, угрожали нам войною и пламенем, хотя оба, гонимые Сайдет-Гиреем, прежде искали милости в Великом Князе, *названом отце* Ислама и *брате* Саип-Гирея: они непрестанно хотели богатых даров.

К счастью, Казань усмирилась на время. Юный Сафа-Гирей, ненавистник России, исполняя желание народа, требовал решительного мира от Великого Князя, винился перед ним, обещался быть его верным присяжником. Посол Московский, Андрей Пильемов, взял с Царя, Вельмож и граждан клятвенную в том грамоту; а Василий отправил к ним свою с Князем Палецким. Но сей знатный чиновник узнал в Нижнем Новгороде, что Сафа-Гирей переменил мысли, умел злыми внушениями возбудить Казанцев против России, согласил их предложить ей новые

условия мира и даже с грубостью обесчестил посла Великокняжеского. Палецкий возвратился в Москву, и Государь прибегнул к оружию.

[1530 г.] Страшное многочисленностию войско в судах и берегом выступило весною из Нижнего к Казани под начальством Князей Ивана Федоровича Бельского, Михаила Глинского, Горбатого, Кубенского, Оболенских и других. Сафа-Гирей, одушевленный злобою, сделал всё, что мог для сильной обороны: призвал свирепых диких Черемисов и 30'000 Ногаев из Улусов тестя его Мамаю; укрепил предместия острогом с глубокими рвами, от Булака Арским полем до Казанки; примкнув новую стену с двух сторон к городу, осыпал ее землею и камением. Конные полки Московские, отразив пять или шесть нападений смелого неприятеля, соединились с пехотою, которая вышла из судов на луговой стороне Волги. Начались ежедневные, кровопролитные битвы. Казанцы, ободряемые Царем, не боялись смерти; но, изъявляя удивительную храбрость днем, не умели быть осторожными ночью: прекращая битву, обыкновенно пировали и спали глубоким сном до утра. Молодые воины полку Князя Оболенского, смотря издали при ясном свете луны на острог, видели там одну спящую стражу; вздумали отличить себя великим делом: тихо подползли к стене, натерли дерево смолою, серою; зажгли и спешили известить о том наших Воевод. В одно время запылал острог, и Россияне при звуке труб воинских, с грозным воплем устремились [16 Июля] на приступ, конные и пешие, одетые и полунагие; сквозь дым и пламя ворвались в укрепление; резали, давили изумленных Татар; взяли предместие; опустошили всё огнем и мечем; кроме сгоревших, убили, как пишут, 60'000 воинов и граждан, а в числе их и славного богатыря Казанского, Аталыка, ужасного видом и силою руки, омоченной кровию многих Россиян. Сафа-Гирей ушел в городок Арский: за ним гнался Князь Иван Телепнев-Оболенский с легким отрядом; а другие Воеводы стояли на месте, и так оплошно, что толпы Черемисские взяли наш обоз, семьдесят пушек, запас ядер и пороху, убив Князя Федора Оболенского-Лопату, Дорогобужского и многих чиновников. Тогда Россияне приступили к городу и могли бы овладеть крепостию, где не было ни 12'000 воинов; но Бельский, уже и прежде подозреваемый в тайном лихоимстве, согласился на мир: приняв, как пишут, серебро от жителей, с клятвою, что они немедленно отправят послов к Василию и не будут избирать себе Царей без его воли, сей главный Воевода отступил, к досаде всех товарищей; хвалился именем великодушного победителя и спешил в Москву, ожидая новых милостей от Государя, своего дяди по матери. Один Летописец уверяет, что Василий, с лицом грозным встретив племянника, объявил ему смерть и только из уважения к ревностному ходатайству Митрополита смягчил сей приговор: окованный цепями, Бельский сидел несколько времени в темнице в наказание за кровь, которую надлежало еще пролить для необходимого покорения Казани, два раза упущенной им из наших рук. Но сего известия нет в других Летописцах, и Бельский чрез три года снова начальствовал в ратях.

Послы Казанские, знатные Князя Тагай, Тевекел, Ибрагим, приехали и смиренно молили Государя, чтобы он простил народ и Царя; уверяли, что опыт снял завесу с их глаз и что они видят необходимость повиноваться России. Надлежало верить или воевать: Государь хотел отдохновения, ибо не мог бы без чрезвычайного усилия, тяжкого для земли, снарядить новую рать. Согласные на все условия, Послы остались в Москве; а Великий Князь отправил с гонцом клятвенные грамоты к Царю и народу Казанскому для утверждения, требуя, чтобы все наши пленники были освобождены и все огнестрельные орудия, взятые у нас Черемисами, присланы в Россию. Сей гонец не возвратился: Сафа-Гирей, задержав его, писал к Государю, что не может исполнить договора, ни присягнуть, пока чиновники Казанские не выедут из Москвы; пока Великий Князь сам не возвратит ему пленников и пушек, взятых Бельским, и пока, вместо гонца, кто-нибудь из знатнейших Вельмож Российских не приедет в Казань для размена клятвенных грамот. Бояре наши с укоризною объявили о том Послам Казанским. Князь Тагай отвечивал: «Слышали и знаем; но мы не лжецы и не клятвопреступники. Да исполнится воля Божия и великого Князя! Хотим служить ему усердно. Земля наша опустела; мужи знатные погибли или онемели в ужасе. Сафа-Гирей делает, что хочет, со своими Крымцами и Ногаями; распуская слух, что полки Московские идут на Казань, мутит умами, не держит слова и нас вводит в стыд. Не будет так: мы еще живы, имеем друзей и силу. Изгоним Сафа-Гирея! Да избрет Государь достойнейшего для нас властителя!» На сие Бояре именем Великого Князя сказали, что для России всё одно, кто ни Царствует в Казани, Сафа-Гирей или другой, если будет только нам послушен и верен в клятвах. Тагай продолжал: «Напоминаем о невинном Шиг-Алее; он был жертвою злодеев: да возвратится на престол верно служить Великому Князю и любить народ! Пусть едет с нами в город Василь: оттуда напишем к Казанцам, к горным и луговым Черемисам,

к Князьям Арским о милости Государя и скажем: *Царем мы умерли, а Великим Князем ожили: не хотим того, кто нас не хочет*. Казанские пленники, тоскующие в неволе, имеют отцев, братьев и друзей: все к нам пристанут, и будет мир вечный». Василий советовался с Боярами; наконец отпустили Послов Казанских с Алеем в Нижний Новгород, и Князь Тагай сдержал слово: написал к согражданам о гибельном для них упрямстве Царя, возмутил народ, свергнул Сафа-Гирея, который в порыве злобы хотел было умертвить всех задержанных в Казани Россиян; но граждане и Вельможи объявили ему, чтобы он немедленно удалился. Жену его отправили в Мамаевы Улусы и побили многих Ногаев, Вельмож Крымских, любимцев Сафа-Гиреевых. В сем благоприятном для нас происшествии немало участвовала Казанская Царевна Горшадна, сестра Магмет-Аминова. Сеит, Уланы, Князья, Мурзы известили Василия об изгнании Сафа-Гирея и, согласные быть подданными России, молили, чтобы вместо Шиг-Алея, коего мести они страшатся, Великий Князь пожаловал им в Цари меньшого пятнадцатилетнего брата его, Еналея, владевшего у нас городком Мещерским. Их желание исполнилось: Еналей со многочисленною дружиною был отправлен в Казань и возведен на престол Окольничим Морозовым, к удовольствию мятежных сановников и легкомысленного народа. Все, от Царевны и Сеита до последнего гражданина, с видом искреннего усердия присягнули нам в подданстве, славя милость Государеву и любезные свойства юного Царя, коему чрез несколько лет надлежало быть жертвою их неистовства! Но Василий не дожид до сей новой измены. Прошло три года в мире. В доказательство своего доброго расположения к Казанцам Великий Князь уступил им все бывшие у них в руках Московские пищали, чтобы они в случае неприятельского нападения имели способ обороняться, и дозволил Еналею жениться на дочери сильного Ногайского Мурзы Юсуфа, который мог примирить его с сею беспокойною Ордою. Важнейшие дела Казанские, не только политические, но и земские, решились в Москве Государевым словом. – Между тем Шиг-Алей, награжденный Коширою и Серпуховом, завидовал брату и, желая преклонить к себе Казанцев, тайно сносился с ними, с Астраханью, с Ногаями: происки его обнаружились, и злосчастный Алей, некогда верный слуга России, был как преступник заточен с женою на Белоозеро.

В сие время Василий, благоразумием заслуживая счастье в деяниях государственных, сделался и счастливым отцем семейства. Более трех лет Елена, вопреки желанию супруга и народа, не имела детей. Она ездила с Великим Князем в Переславль, Ростов, Ярославль, Вологду, на Белоозеро; ходила пешком в Святые Обители и Пустыни, раздавала богатую милостыню, со слезами молилась о чадородии, и без услышания. Добрые жалели о том: некоторые, осуждая брак Василиев как незаконный, с тайным удовольствием предсказывали, что Бог никогда не благословит оного плодом вожделенным. Наконец Елена оказалась беременною. Какой-то *юродивый муж*, именем Домитиан, объявил ей, что она будет матерью *Тита, широкого ума*, и – в 1530 году, Августа 25, в 7 часу ночи – действительно родился сын Иоанн, столь славный добром и злом в нашей истории! Пишут, что в самую ту минуту земля и небо потряслися от неслыханных громовых ударов, которые следовали один за другим с ужасною, непрерывною молниею. Вероятно, что гадатели Двора Великокняжеского умели растолковать сей случай в пользу новорожденного: не только отец, но и вся Москва, вся Россия, по словам Летописца, были в восторге. Чрез десять дней Великий Князь отвез младенца в Троицкую лавру, где Игумен Иоасаф Скрипицын вместе с благочестивейшими Иноками, столетним Кассианом Босым, Иосифова Волоколамского монастыря, и Св. Даниилом Переславским окрестили его. Обливаясь слезами умиления, родитель взял из их рук своего дражайшего первенца и положил на раку Св. Сергия, моля Угодника, да будет ему наставником и защитником в опасностях жизни. Василий не знал, как изъявить благодарность Небу: сыпал золото в казны церковные и на бедных; велел отворить все темницы и снял опалу со многих знатных людей, бывших у него под гневом: с Князя Федора Мстиславского, женатого на племяннице Государевой и ясно уличенного в намерении бежать к Польскому Королю; с Князей Щенятева, Суздальского Горбатого, Плещеева, Морозова, Аятцкою, Шигоны и других, подозреваемых в недоброжелательстве к Елене. С утра до вечера дворец наполнялся усердными поздравителями, не только Московскими, но и самых отдаленных городов жителями, которые хотели единственно взглянуть на счастливого Государя и сказать ему: «Мы счастливы вместе с тобою!» Пустынники, отшельники приходили благословить Державного младенца в пеленах и были угощаемы за трапезою Великокняжескою. В знак признательности к Угодникам Божиим, защитникам Москвы, Святым Митрополитам Петру и Алексию, Великий Князь заказал сделать для их мощей богатые раки: для первого *золотую*, для второго *серебряную*. Одним словом, никто живее Василия не чувствовал радости быть отцем, тем более, что он – вероятно, тревожимый совестью за развод с несчастною первою супругою –

мог видеть в сем благословенном плоде второго брака как бы знак Небесного умилоствления. – Елена чрез год и несколько месяцев родила еще сына Георгия. Тогда Государь женил меньшего брата своего, Андрея, на Княжне Хованской, Евфросинии. Братья Симеон и Димитрий Иоанновичи скончались безбрачными: первый в 1518, а второй в 1521 году. Василий, кажется, не позволял им жениться, пока не имел детей, чтобы отнять у них всякую мысль о наследовании престола.

[1532–1533 гг.]. Упомянем о разных Посольствах сего времени. Не уверенный ни в союзе Тавриды, ни в мирном расположении Литвы, Великий Князь тем благосклоннее отвечал на дружественные предложения Молдавского Воеводы, Петра, который (в 1533 году) писал к нему, чтобы он, будучи в перемирии с Королем Сигизмундом и в дружбе с Султаном, *берег* его от первого или убедил Солимана защитить оружием Молдавию от нападения Поляков. Великий Князь отправлял не только гонцов, но и важных чиновников к сему Воеводе мужественному, еще опасному для Польши, Литвы и Тавриды соседу.

Новый Царь Астраханский, Касым, также предлагал тесный союз Великому Князю; но едва посол его успел доехать до Москвы, Черкесы, взяв Астрахань, убили Царя и с богатою добычею удалились в горы. Место Касымово заступил Акубек, но также не надолго: в 1534 году уже другой Царь Астраханский, Абдыл-Рахман, дал на себя клятвенную грамоту Василию в истинном к нему дружестве. – Послы Ногайские тогда же находились в Москве единственно для исходатайствования купцам своим дозволения продавать лошадей в России. Но любопытнейшим Посольством было Индейское, от Хана Бабура, одного из Тамерлановых потомков, знаменитого основателя Империи Великих Моголов, о коем мы упоминали и который, будучи изгнан из Хоросана, бежал в Индостан, где мужеством и счастьем утвердил свое господство над прекраснейшими землями в мире. Обитав некогда на берегах Каспийского моря, Бабур имел сведение о России: желал, несмотря на отдаление, быть в дружелюбной связи с ее Монархом и писал к нему о том с своим чиновником, Хозею Уссеином, предлагая, чтобы Послы и купцы свободно ездили из Индии в Москву, а из Москвы в Индию. Великий Князь принял Уссеина милостиво; отвечал Бабуру, что рад видеть его подданных в России и не мешает своим ездить в Индию, но – как сказано в летописи – *не приказывал к нему о братстве*, ибо не знал, что он, Самодержец или *только Урядник* Индейского Царства?

После войны Казанской Россия наслаждалась спокойствием. Были только слухи о неприятельских замыслах Крымцев. Сафа-Гирей, изгнанный из Казани, дышал ненавистию, злобою и всячески убеждал Хана, дядю своего, ко впадению в Московские пределы. Наконец – когда Великий Князь по своему обыкновению готовился ехать с двором на любимую охоту в Волок Ламский, чтобы провести там всю осень – узнали в Москве (14 Августа), что войско Ханское идет к Рязани. Сам Царевич Ислам, тогдашний Калга, уведомил о сем Великого Князя, слагая всю вину на Сафа-Гирея; однако ж шел вместе с ним, будто бы склоняя его к миру. Увеличенные рассказы о силе неприятеля испугали двор, так что Государь, немедленно послав Воевод к берегам Оки и вслед за ними сам 15 Августа выехав в Коломну, велел Боярам Московским изготвиться к осаде, а жителям с их имением перевозиться в Кремль. На пути встретились ему гонцы из Рязани от Наместника, Князя Андрея Ростовского, с вестиею, что Ислам и Сафа-Гирей выжгли посады Рязанские, но что город будет крепким щитом Москвы, если разбойники захотят осаждать его. Василий в тот же час отрядил легкую конницу за Оку *добывать языков*. Смелый Воевода, Князь Димитрий Палецкий, нашел толпы хищников близ Зарайска; разбил их и взял многих пленников. Другой Воевода, Князь Оболенский-Телепнев-Овчина, с Московскими дворянами гнал и потопил стражу неприятельскую в Осетре, но, в горячности наскочав на главную силу Царевичей, спасся только необычайным мужеством. Ожидая за ними Великого Князя со всеми полками, Татары ушли в степи. Война кончилась в пять дней; но мы не могли отбить своих пленников, увиденных неприятелем в Улусы. Многолюдные села Рязанские снова опустели, и Хан Саип-Гирей хвалился, что Россия лишилась тогда не менее ста тысяч людей. «Царевичи, – писал он к Василию, – сделали по-своему, а не по-моему; я велел им воевать Литву: они воевали Россию. Но упрекай себя. Князья говорят мне: *что дает нам дружба с Москвою? по соболю в год. А рать? тысячи*. Я не умел ничего ответственать им. Избирай любое: хочешь ли мира и союза? да будут дары твои по крайней мере в цену трех или четырех сот пленников». Он требовал от Великого Князя денег, ловчих птиц, *хлебника* и *повара*. Калга Ислам уверял Василия, как *названного* отца, в непрременном дружестве; а Сафа-Гирей писал к нему с такими угрозами: «Я был некогда тебе сыном; но ты не захотел моей любви – и сколько бедствий пало на твою голову? Видишь землю свою в пепле и в разорении. Еще

снова можешь сделаться нам другом, или не престанем воевать, пока здравствуют дяди мои, Царь и Калга; где узнаю врага твоего, соединюсь с ним на тебя и довершу месть ужасную. Ведай!» Сии грамоты были отданы чиновникам Великокняжеским Декабря 1: Государь уже находился при последнем издыхании.

Летописцы говорят, что странное небесное знамение еще 24 Августа [1533 г.] предвестило смерть Василиеву; что в первом часу дня круг солнца казался вверху будто бы срезанным; что оно мало-помалу темнело среди ясного неба и что многие люди, смотря на то с ужасом, ожидали какой-нибудь великой государственной перемены. Василий имел 54 года от рождения; бодрствовал духом и телом; не чувствовал дотоле никаких припадков старости; не знал болезней; любил всегда деятельность и движение. Радуюсь изгнанию неприятеля, он с супругою и детьми праздновал 25 Сентября, день Св. Сергия, в Троицкой Лавре; поехал на охоту в Волок Ламский и в своем селе Озерецком занемог таким недугом, который сперва нимало не казался опасным. На сгибе левого стегна явилась болячка с булавочную головку, без верха и гноя, но мучительная. Великий Князь с нуждою доехал до Волока; однако ж был на пиру у Дворецкого, Ивана Юрьевича Шигоны, а на другой день ходил в мыльню и обедал с Боярами. Время стояло прекрасное для охоты: Государь выехал с собаками; но от сильной боли возвратился с поля в село Колпь и лег в постелю. Немедленно призвали Михаила Глинского и двух Немецких Медиков, Николая Люева и Феофила. Лекарства употреблялись Русские: мука с медом, печеный лук, масть, горшки и семенники. Сделалось воспаление: гной шел целыми тазами из чирья. Боярские Дети перенесли Государя в Волок Ламский. Он перестал есть; чувствовал тяжесть в груди и, скрывая опасность не от себя, но единственно от других, послал Стряпчего Мансурова с Дьяком Путятиним в Москву за духовными грамотами своего отца и деда, не велел им сказывать того ни Великой Княгине, ни Митрополиту, ни Боярам. С ним находились в Волоке, кроме брата, Андрея Иоанновича, и Глинского, Князя Бельский, Шуйский, Кубенский: никто из них не знал сей печальной тайны, кроме Дворецкого Шигоны. Другой брат Василиев, Юрий Иоаннович, спешил к нему из Дмитрова: Великий Князь отпустил его с утешением, что надеется скоро выздороветь; приказал вести себя в Москву шагом, в санях, на постеле; заехал в Иосифову обитель, лежал в церкви на одре, и когда Диакон читал молитву о здравии Государя, все упали на колени и рыдали: Игумен, Бояре, народ. Василий желал въехать в Москву скрытно, чтобы иноземные Послы, там бывшие, не видали его в слабости, в изнеможении; остановился в Воробьеве, принял Митрополита, Епископов, Бояр, воинских чиновников, и только один показывал твердость: Духовные и миряне, знатные и простые граждане обливались слезами. Навели мост на реке, просекая тонкий лед. Едва сани Государевы въехали, сей мост обломился: лошади упали в воду, но Боярские Дети, обрезав гужи, удержали сани на руках. Великий Князь запретил наказывать строителей. Внесенный в Кремлевские *постельные хоромы*, он созвал Бояр, Князей Ивана и Василия Шуйских, Михайла Юрьевича Захарьина, Михаила Семеновича Воронцова, Тучкова, Глинского, Казначей Головина, Дворецкого Шигону и велел при них Дьякам своим писать новую духовную грамоту, уничтожив прежнюю, сочиненную им во время Митрополита Варлаама; объявил трехлетнего сына, Иоанна, наследником Государства под опекою матери и Бояр до пятнадцати лет его возраста; назначил Удел меньшему сыну; устроил Державу и Церковь; не забыл ничего, как сказано в летописях: но, к сожалению, сия важная хартия утратилась, и мы не знаем ее любопытных подробностей.

Желая утвердить душу свою в сии торжественные минуты, Государь тайно причастился. Быв дотоле на одре недвижим, он с легкою помощью Боярина Захарьина встал, принял Святые Дары с верою, любовью и слезами умиления; лег снова и хотел видеть Митрополита, братьев, всех Бояр, которые, узнав о недуге его, съехались из деревень в столицу; сказал им, что поручает юного Иоанна Богу, Деве Марии, Святым Угодникам и Митрополиту; что дает ему Государство, наследие великого отца своего; что надеется на совесть и честь братьев, Юрия и Андрея; что они, исполняя крестные обеты, должны служить племяннику усердно в делах земских и ратных, да будет тишина в Московской Державе и да высится рука Христиан над неверными. Отпустив Митрополита и братьев, так говорил Боярам: «Ведаете, что Державство наше идет от Великого Князя Киевского, Святого Владимира; что мы природные вам Государя, а вы наши *извечные* Бояре. Служите сыну моему, как мне служили: блюдите *крепко*, да царствует над землею; да будет в ней правда! Не оставьте моих племянников, Князей Бельских; не оставьте Михаила Глинского: он мне ближний по Великой Княгине. Стойте все заедино как братья, ревностные ко благу отечества! А вы, любезные племянники, усердствуйте нашему юному Государю в правле-

нии и в войнах; а ты, Князь Михаил, за моего сына Иоанна и за жену мою Елену должен охотно пролить всю кровь свою и *дать тело свое на раздробление!*»

Василий изнемогал более и более. Выслав всех, кроме Глинского, Захарьина, ближних Детей Боярских и двух врачей, Люева и Феофила, он требовал, чтобы ему впустили в рану чего-нибудь крепкого: ибо она гнила и смердела. Захарьин утешал его вероятностию скорого выздоровления. Великий Князь сказал Немцу Люеву: «Друг и брат! ты добровольно пришел ко мне из земли своей и видел, как я любил тебя и жаловал: можешь ли исцелить меня?» Люев отвечив: «Государь! слышав о твоей милости и ласке к добрым иноземцам, я оставил отца и мать, чтобы служить тебе; благодеяний твоих не могу исчислить; но, Государь! не умею воскрешать мертвых: я не Бог!» Тут Великий Князь обратился к Детям Боярским и молвил с улыбкою: «Друзья! слышите, что я уже не ваш!» Они горько заплакали; не хотели растрогать его, вышли вон и пали на землю, как мертвые. Он забылся на несколько минут; открыл глаза и громко произнес: «да исполнится воля Божия! буди имя Господне благословенно отныне и до века».

Сие было 3 Декабря [1533 г.]. Игумен Троицкий, Иоасаф, тихо приблизился к одру болящего. Василий сказал ему: «Отче! молись за Государство, за моего сына и за бедную мать его! У вас я крестил Иоанна, отдал Угоднику Сергию, клал на гроб Святого, поручил вам особенно: молитесь о младенце Государе!» Он не велел Иоасафу выезжать из Москвы и, пользуясь слабыми остатками жизни, еще призвал Думных Бояр: Шуйских, Воронцова, Тучкова, Глинского, Шигону, Головина и Дьяков; беседовал с ними от третьего до седьмого часа о новом правлении, о сношениях Бояр с Великою Княгинею Еленою во всех важных делах, изъясняя удивительную твердость, хладнокровие и заботливость о судьбе оставляемой им Державы. Пришли братья и неотступно молили его, чтобы он подкрепил свои силы пищею; но Василий не мог есть и сказал: «Смерть предо мною; желаю благословить сына, видеть жену, проститься с нею... Нет! боюсь ее горести; вид мой утешит младенца». Братья и Бояре настояли, чтобы он призвал Елену. Князь Андрей Иоаннович и Михаил Глинский пошли за нею. Государь возложил на себя крест Св. Петра Митрополита и хотел прежде видеть сына. Брат Еленин, Князь Иван Глинский, принес его на руках. Держа крест, Василий сказал младенцу: «Буди на тебе милость Божия и на детях твоих! Как Св. Петр благословил сим крестом нашего прародителя, Великого Князя Иоанна Даниловича, так им благословляю тебя, моего сына». Он просил надзирательницу, Боярыню Агриппину, чтобы она неусыпно берегла своего державного питомца и, слыша голос супруги, велел унести Иоанна. Князь Андрей и Боярыня Челяднина вели Елену под руки: она страшно вопила и билась об землю в отчаянии. Великий Князь утешал ее, говоря: «мне лучше; не чувствую никакой боли», – и с нежностью молил успокоиться. Елена наконец ободрилась и спросила: «Кому же поручаешь бедную супругу и детей?» Василий отвечал: «Иоанн будет Государем; а тебе, следуя обыкновению наших отцев, я назначил в духовной своей грамоте особенное достояние». Исполняя желание супруги, он велел принести и меньшего сына, Юрия; также благословил его крестом и сказал, что он не забыт в духовной. – Умилительное прощание с Еленою раздирало сердца жалостию: все плакали и стонали. Она не хотела удалиться: Василий приказал вывести ее и, заплатив последнюю дань миру, Государству и чувствительности, уже думал только о Боге.

Еще находясь в Волоке, он говорил Духовнику своему, Протоиерею Алексию, и любимому старцу Мисаилу: «Не предайте меня земле в белой одежде! Не останусь в мире, если и выздоровлю». Отпустив Елену, Государь велел Мисаилу принести Монашескую ризу и спросил Игумена Кирилловской обители, в которой он издавна желал быть постриженным; но сего Игумена не было в Москве. Послали за Иоасафом Троицким, за образами Владимирской Богоматери и Св. Николая Гостунского. Духовник Алексей пришел с Запасными Дарами, чтобы дать их Василию в самую минуту кончины. «Будь передо мною, – сказал Великий Князь, – смотри и не пропусти сего мгновения». Подле Духовника стоял Стряпчий Государев, Феодор Кучецкой, бывший свидетелем Иоанновой смерти. Читали канон на исход души. Василий лежал в усыплении; потом, кликнув ближнего Боярина, Михайла Воронцова, обнял его с горячностью; сказал брату Юрию: «Помнишь ли преставление нашего родителя? я так же умираю», – и требовал немедленного пострижения, одобряемого Митрополитом и некоторыми Боярами; но Князь Андрей Иоаннович, Воронцов и Шигона говорили, что Св. Владимир не хотел быть Монахом и называн Равноапостольным; что Герой Донской также скончался мирянином, но своими добродетелями без сомнения заслужил Царствие Небесное. Шумели, спорили, а Василий крестился и читал молитвы; уже язык его тупел, взор меркнул, рука упала: он смотрел на образ Богоматери и целовал простыню, с явным нетерпением ожидая священного обряда. Митрополит

Даниил взял черную ризу и подал Игумену Иоасафу: Князь Андрей и Воронцов хотели вырвать ее. Тогда Митрополит с гневом произнес ужасные слова: «*Не благословляю вас ни в сей век, ни в будущий.* Никто не отнимет у меня души его. Добр сосуд серебряный, но лучше позлащенный!» Василий отходил. Спешили кончить обряд. Митрополит, надев епитрахиль на Игумена Иоасафа, сам постриг Великого Князя, переименованного Варлаамом. Второпях забыли мантию для нового Инока: Келарь Троицкий Серапион дал свою. Евангелие и Схима Ангельская лежали на груди умирающего. Несколько минут продолжалось безмолвие: Шигона, стоя подле одра, первый воскликнул: «Государь скончался!» и все зарыдали. – Пишут, что лицо Василиево сделалось вдруг светло, что, вместо бывшего несносного запаха от его раны, комната наполнилась благоуханием. Митрополит омыл тело и вытер хлопчатую бумагою.

Была полночь. Никто не спал в Москве. С ужасом ждали вести: народ толпился в улицах. Плач и вой раздался от дворца до Красной площади. Напрасно Бояре, сами заливаясь слезами, удерживали других от громкого стенания, представляя, что Великая Княгиня еще не знает о кончине супруга. Митрополит, облачив умершего в полное Монашеское одеяние, вывел его братьев в переднюю горницу и взял с них клятву быть верными слугами Иоанна и матери его, не мыслить о Великом Княжении, не изменять ни делом, ни словом. Обязав такую же присягою и всех Вельмож, чиновников, Детей Боярских, он пошел с знатнейшими людьми к Елене, которая, видя их, упала в обморок и два часа не открывала глаз. Бояре безмолвствовали: говорил один Митрополит именем Веры, утешая со слезами.

Между тем ударили в большой колокол: тело положили на одр, принесенный из Чудова монастыря, и растворили двери: народ с воплем устремился лобызать хладные руки мертвого. Любимые певчие Василиевы хором пели: *Святый Боже!* Их никто не слышал. Иноки Иосифова и Троицкого монастыря несли тело в церковь Св. Михаила. Елена не могла идти. Дети Боярские взяли ее на руки. Все Бояре окружали гроб: Князя Василий Шуйский, Михаил Глинский, Иван Телепнев-Оболенский и Воронцов шли за Еленю, вместе с знатнейшими Боярынями. Погребение было великолепно и скорбь неописанная в народе. «Дети хоронили своего отца», по словам Летописцев, которые с чувствительностию называют Василия *добрым, ласковым государем*: имя скромное, но умильное, и простота его ручается за его истину.

Василий стоит с честью в памятниках нашей Истории между двумя великими характерами, Иоаннами III и IV, и не затмевается их сиянием для глаз наблюдателя; уступая им в редких природных дарованиях – первому в обширном, плодотворном уме государственном, второму в силе душевной, в особенной живости разума и воображения, опасной без твердых правил добродетели, – он шел путем, указанным ему мудростию отца, не устранился, двигался вперед шагами, размеренными благоразумием, без порывов страсти, и приблизился к цели, к величию России, не оставив преемникам ни обязанности, ни славы исправлять его ошибки; был не Гением, но добрым Правителем; любил Государство более собственного великого имени и в сем отношении достоин истинной, вечной хвалы, которую не многие Венценосцы заслуживают. Иоанны III творят, Иоанны IV прославляют и нередко губят; Василии сохраняют, утверждают Державы и даютя тем народам, коих долговременное бытие и целость угодны Провидению.

Василий имел наружность благородную, стан величественный, лицо миловидное, взор пронизательный, но не строгий; казался и был действительно более мягкосердечен, нежели суров, по тогдашнему времени. Читая письма его к Елене, видим нежность супруга и отца, который, будучи в разлуке с женою и детьми, непрестанно обращается к ним в мыслях, изъясняемых простыми словами, но внушаемыми только чувствительным сердцем. Рожденный в век еще грубый и в Самодержавии новом, для коего строгость необходима, Василий по своему характеру искал середины между жестокостию ужасною и слабостию вредною: наказывал Вельмож, и самых ближних, но часто и миловал, забывал вины. Умный Боярин Беклемишев заслужил его гнев: удаленный от двора, жаловался на Великого Князя с нескромною досадою; находил в нем пороки и предсказывал несчастья для Государства. Беклемишева судили, уличили в дерзости и казнили смертью на Москве-реке; а Дьяку Федору Жареному отрезали язык за лживые слова, оскорбительные для Государевой чести. Тогда не отличали слов от дел и думали, что государь, как земной Бог, может наказывать людей и за самые мысли, ему противные! Опасались милосердия в таких случаях, где святая особа Венценосца могла унизиться в народном мнении; боялись, чтобы вина отпускаемая не показалась народу виною малою. – Кроме двух несчастных жертв Политики, юного Великого Князя Димитрия и Шемякина, сын Героя Даниила Холмского, Воевода и Боярин Князь Василий, супруг Государевой сестры Феодосии, в 1508 году был сослан на Белоозеро и в темнице умер. Такую же участь имел и знатный Дьяк

Долматов: назначенный в Посольство к Императору Максимилиану, он не хотел ехать, отговариваясь своею бедностию: велели опечатать его дом, нашли в оном 3000 рублей денег и наказали Долматова как преступника. Государь простил Князей Ивана Воротынского и Шуйских, которые думали уйти в Литву. Иван Юрьевич Шигона, быв несколько лет в опале, сделался после одним из первых любимцев Василиевых, равно как и Георгий Малый Траханиот, Грек, выехавший с великою Княгинею Софиею: пишут, что он впал в немилость от тайной связи с купцем Греческим Марком, осужденным в Москве за какую-то опасную для Церкви ересь. Зная способности и необыкновенный разум Георгия, Великий Князь возвратил ему свою милость, советовался с ним о важнейших делах и для того приказывал знатным чиновникам возить его нездорового во дворец на тележке. Муж славный в нашей церковной истории, Инок Максим Грек, был также в числе знаменитых, виновных или невинных страдальцев сего времени. Судьба его достопамятна: расскажем обстоятельства.

Василий, в самые первые дни своего правления осматривая богатства, оставленные ему родителем, увидел множество Греческих духовных книг, собранных отчасти древними Великими Князьями, отчасти привезенных в Москву Софиею и лежавших в пыли, без всякого употребления. Он хотел иметь человека, который мог бы рассмотреть оные и лучшие перевести на язык Славянский: не нашли в Москве и писали в Константинополь. Патриарх, желая угодить Великому Князю, искал такого *Философа* в Болгарии, в Македонии, в Фессалонике; но иго Оттоманское задушило все остатки древней учености: тьма и невежество господствовали в областях Султанских. Наконец узнали, что в славной обители Благовещения, на горе Афонской, есть два Инока, Савва и Максим, богословы искусные в языках Греческом и Славянском. Первый в изнеможении старости не мог предпринять дальнего путешествия в Россию: второй согласился исполнить волю Патриарха и Великого Князя. В самом деле нельзя было найти человека, способнейшего для замышляемого труда. Рожденный в Греции, но воспитанный в образованной Западной Европе, Максим учился в Париже, во Флоренции; много путешествовал, знал разные языки, имел сведения необыкновенные, приобретенные в лучших университетах и беседах с мужами просвещенными. Василий принял его с отменною милостию. Увидев нашу библиотеку, изумленный Максим сказал в восторге: «Государь! вся Греция не имеет ныне такого богатства, ни Италия, где Латинский фанатизм обратил в пепел многие творения наших богословов, спасенные моими единоземцами от варваров Магометовых». Великий Князь слушал его с живейшим удовольствием и поручил ему библиотеку; а ревностный Грек, описав все, еще неизвестные Славянскому народу книги, по желанию Государеву перевел Толковую Псалтирь с помощью трех Москвитян, Власия, Димитрия и Михайла Медоварцова. Одобренная Митрополитом Варлаамом и всем духовным Собором, сия важная книга, прославив Максима, сделала его любимцем Великого Князя, так что он не мог с ним расстаться и ежедневно беседовал о предметах Веры. Умный Грек не ослепился сею честью: благодаря Василия, убедительно требовал отпуска в тишину своей Афонской обители и говорил: «Там буду славить имя твое, скажу моим единоземцам, что мир еще имеет Царя Христианского, сильного и великого, который, если угодно Всевышнему, может освободить нас от тиранства неверных». Но Василий ответственал ему новыми знаками благоволения и держал его девять лет в Москве: время, употребленное Максимом на переводы разных книг, на исправление ошибок в старых переводах и на сочинения душеспасительные, из коих знаем более ста. Имея свободный доступ к Великому Князю, он ходатайствовал иногда за Вельмож, лишаемых Государевою милости, и возвращал им оную, к неудовольствию и зависти многих людей, в особенности Духовенства и суетных Иноков Иосифова монастыря, любимых Великим Князем. Смиранный Митрополит Варлаам мало думал о земном; но преемник Варлаамов, гордый Даниил, не замедлил объявить себя врагом чужеземца. Говорили: «Кто сей человек, дерзающий искажать древнюю святыню наших церковных книг и снимать опалу с Бояр?» Одни доказывали, что он еретик; другие представили его Великому Князю злоязычником, неблагодарным, втайне осуждающим дела Государевы. Сие было во время развода Василиева с несчастною Соломониюю: уверяют, что сей благочестивый муж действительно не хвалил оного; по крайней мере находим в Максимовых творениях «*Слово к оставляющим жен своих без вины законны*». Любя вступаться за гонимых, он тайно принимал их у себя в келье и слушал иногда речи, оскорбительные для Государя и Митрополита. Например: несчастный Боярин Иван Беклемишев, жалуюсь ему на вспыльчивость Великого Князя, сказал, что прежде достойные Церковные Пастыри удерживали Государей от страстей и несправедливости, но что Москва уже не имеет Митрополита; что Даниил носит только имя и личину Пастыря, не мысля быть наставником совести, ни покровителем невинных; что Максима никогда не выпустят из

России: ибо Великий Князь и Митрополит опасаются его нескромности в чужих землях, где он мог бы огласить их слабости. Наконец умели довести Государя до того, что он велел судить Максима: обвинили его и заточили в один из тверских монастырей как уличенного в ложных толкованиях Св. Писания и догматов церковных: что, по мнению некоторых современников, было клеветою, вымышленною Чудовским Архимандритом Ионою, Коломенским Епископом Вассианом и Митрополитом.

В государственных бумагах сего времени находим, что знатные люди, недовольные Василием, обвиняли его в излишней надежности на самого себя, в неуважении советов, в упрямстве, нетерпении противоречий, несмотря на то, что он решил все дела *именем Боярским*. «Иоанн, – говорили они, – не употреблял сего выражения в бумагах, но охотно слушал противоречия и любил смелых; а Василий не чтит старых людей и делает все дела запершиися сам-третей, у постели». Жаловались также на любовь его к *новым обычаям*, привезенным в Москву с Софииными Греками, которые, по их словам, *замешали Русскую* землю. Но все такие, можно сказать, легкие обвинения, если и справедливые, доказывая, что Василий не был чужд обыкновенных слабостей человеческих, опровергают ли сказание Летописцев о природном его добродушии? Снискав общую любовь народа, он, по словам Историка Иовия, не имел воинской стражи во дворце: ибо граждане служили ему верными телохранителями.

Великий Князь, как говорили тогда, *судил и рядил землю* всякое утро до самого обеда, после коего уже не занимался делами; любил сельскую тишину; жывал летом в Острове, Воробьева или в Москве на Воронцове поле до самой осени; часто ездил по другим городам и на псовую охоту, в Можайск и Волок Ламский; но и там не забывал Государства: трудился с Думными Боярами и Дьяками; иногда принимал Послов иноземных. Барон Герберштейн описывает так охоту Великокняжескую: «Мы увидели Государя в поле; оставили лошадей своих и приблизились к нему. Он сидел на гордом коне, в богатом терлике, в высокой, осыпанной драгоценными камнями шапке, с золотыми перьями, которые развевались ветром; на бедре висели кинжал и два ножа; за спиною, ниже пояса, кистень. Подле него ехали с правой стороны Царь Казанский, Алей, вооруженный луком и стрелами, а с левой два Князя молодые, из коих один держал секиру, другой булаву, или шестопер; вокруг более трехсот всадников». Перед вечером сходили с коней; расставляли шатры на лугу. Государь, переменяв одежду, садился в своем шатре на кресла, призывал Бояр и весело беседовал с ними о подробностях счастливой или неудачной ловли того дня. Служители подавали закуски, вино и мед. – Самые древние Князья наши, Всеволод I, Мономах и другие любили звериную ловлю; но Василий едва ли не первый завел псовую охоту: ибо Россияне в старину считали псов животными нечистыми и гнушались ими.

Двор его был великолепен. Василий умножил число сановников оного, прибавив к ним *Оружничего, Ловчих, Крайчего и Рынд*. *Крайчий* был то же, что ныне обер-шенк; а *Рындами* именовались Оруженосцы, молодые знатные люди, избираемые по красоте, нежной приятности лица, стройному стану: одетые в белое атласное платье и вооруженные маленькими серебряными топорицами, они ходили перед Великим Князем, когда он являлся народу; стояли у трона и казались иноземцам подобием Ангелов Небесных; а в воинских походах хранили доспех Государев. – Смирный в церкви, где – удаляя от себя многочисленных Царедворцев, он стоял всегда один у стены, близ дверей, опираясь на свой посох, – Василий любил пышность во всех иных торжественных собраниях, особенно в приеме иноземных Послов. Чтобы они видели множество и богатство народа, славу и могущество Великого Князя, для того в день их представления запирались все лавки, останавливались все работы и дела: граждане в лучшем своем платье спешили к Кремлю и густыми толпами окружали стены его. Из окрестных городов призывали Дворян и Детей Боярских. Войско стояло в ружье. Чиновники за чиновниками, одни других знатнее, выходили навстречу к Послам. В приемной палате, наполненной людьми, Царствовало глубокое молчание. Государь сидел на троне; близ него, на стене, висел образ; перед ним, с правой стороны, лежал *колтак*, с левой посох. Бояре сидели на скамьях в одежде, усеянной жемчугом, в высоких *горлатных* шапках. Обеды Великокняжеские продолжались иногда до самой ночи. В большой комнате накрывались столы в несколько рядов. Подле Государя занимали место братья его или Митрополит; далее Вельможи и чиновники, между коими угощались иногда и простые воины, отличные заслугами. В середине, на высоком столе, сияло множество золотых сосудов, чаш, кубков и проч. Первым блюдом были всегда жареные лебеди. Разносили кубки с мальвазиею и с другими Греческими винами. Государь в знак милости сам к некоторым посылал кушанье: тогда они вставали и кланялись ему; другие также вставали, из учтивости к ним: за что

надлежало их благодарить особенными поклонами. Для сокращения времени гости могли свободно разговаривать друг с другом. Беседы веселые, благочинные без принуждения, нравились Василию. С иноземцами говаривал он за обедом весьма ласково; называл их Монархов великими; желал, чтобы они, утружденные дальним путем, насладились в Москве отдохновением и собрали новые силы для пути обратного; предлагал им вопросы, и проч. «Когда мы, – пишет Франциск да-Колло, Посол Максимилианов – ночью возвращались домой из Кремля, все улицы были освещены так ярко, что ночь казалась днем». – Сверх даров Послам ежедневно отпускалось в изобилии всё для них нужное; считалось за обиду, если они что-нибудь покупали. Приставы смотрели им в глаза, ответствуя за малейшее неудовольствие сих почетных гостей.

Василий так же, как и родитель его, назывался только Великим Князем для России, употребляя следующий титул *в сношениях с Державами иноземными*: «Великий Государь Василий, Божию милостию Царь и Государь всея Руси и Великий Князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода Низовской земли, и Черниговский, и Рязанский, и Волоцкий, и Ржевский, и Бельский, и Ростовский, и Ярославский, и Белозерский, и Удорский, и Обдорский, и Кондинский, и иных». Иоанн на предложение Императора дать ему Королевское достоинство отвечал, как мы видели, гордо; а Василий на такое же предложение Папы Леона X не отвечал ни слова, вопреки басням иностранных Писателей, которые думали, что наши Великие Князья издревле домогались Королевского титула.

Следуя во всем Иоанну, Василий старался привлекать иноземцев полезных в Россию. Кроме людей, искусных в деле воинском, он первый из Великих Князей имел Немецких Лекарей при дворе. Мы упоминали о Люеве и Феофиле: сей последний был Любчанин, взятый в плен Воеводою Сабуровым в Литве. Магистр Прусский ходатайствовал о свободе его; но Великий Князь сказал, что сей немец лечит одного из наших Вельмож и должен прежде возратить ему здоровье, а после требовать отпуска в свою землю. Волею или неволею Феофил остался в Москве, где находился и третий знаменитый Лекарь, родом Грек, именем Марко, коего жена и дети жили в Цареграде. Султан писал к Великому Князю: «Отпусти Марка к его семейству; он заехал в Россию единственно для торговли»; но Государь отвечал: «Марко издавна служит мне добровольно и лечит моего Новгородского Наместника; пришли к нему жену и детей». Иноземцам с умом и с дарованием легче было тогда въехать в Россию, нежели выехать из нее.

Василий издал многие законы для внутреннего благоустройства государственного, которые вместе с Уложением отца его вошли в Судебник Царя Иоанна Василиевича. Например, сей Великий Князь оставил, чтобы Владельцы Тверские, Оболенские, Белозерские и Рязанские не продавали отчин своих жителям других областей; чтобы наследники людей, отказавших имение монастырям, не выкупали оно, если в завещании не дано им право на сей выкуп, и проч. Жалованная Смоленская грамота велит Наместникам отдавать всякое поличное истцам, искоренять ябедников и немедленно освобождать судимого, представляющего надежных порук; дозволяет мещанам без явки рубить лес около города; запрещает Боярам кабалить вольных людей и держать корчмы; определяет пошлину судную, мировую, брачную, *стадную*, *убойную* и показывает нам тогдашнюю многосложную, запутанную, мелочную систему казенных доходов, изобретенную в веки невежества. Важное и любопытное судное постановление сделано было Василием в Новгороде: узнав, что Наместники и Тиуны кривят душою в решении тяжб, он велел избрать там 48 Целовальников или Присяжных, с тем, чтобы сии люди, достойные общего уважения, по очереди судили все дела с Тиунами. Для чего не распространил он столь мудрого и благодетельного учреждения на всё Государство? Может быть, другие Россияне еще не имели довольно гражданского ума и навыка: они молчали, а Новгородцы, вспоминая старину, жаловались и требовали. Самодержавие не мешало Государю дать лучшим гражданам участие в судном праве. – Летописцы хвалят еще Василия за утверждение тишины и безопасности в Новгороде: он учредил там пожарную и ночную стражу; велел, как и в Москве, замыкать ввечеру улицы рогатками и совершенно прекратил воровство. Лишенные способа жить кражею и злодействами, негодники ушли или обратились к трудолюбию, выучились ремеслам и сделались людьми полезными.

При сем Великом Князе построены четыре важные крепости с каменными стенами: в Нижнем Новгороде, Туле, Коломне и Зарайске; первую строил Петр Фрязин: она еще цела. Коширу и Чернигов укрепили только валом и деревянными башнями. В Москве Фрязин Алевиз обложил Кремлевские рвы кирпичом и выкопал несколько прудов в предместьях. В Новгороде, опустошенном пожарами, чиновники Великокняжеские измерили улицы, площади, ряды на

образец Московских. – Из храмов, созданных Василием, доныне существуют в Москве Кремлевская церковь Св. Николая Гостунского (на том месте, где была деревянная) и Девичий монастырь, основанный в знак благодарности ко Всевышнему за взятие Смоленска. Государь из собственной казны своей отложил на то 3000 рублей (около шестидесяти тысяч нынешних), кроме дворцовых сел и деревень, данных сему монастырю. Главным строителем церковным был тогда Фрязин Алевиз Новый. Довершив храм Михаила Архангела, Василий (в 1507 году) перенес туда гробы своих предков и сам назначил себе могилу подле родителя. Собор Успенский был (в 1515 году) украшен живописью, *чудною* и столь искусною, говорят Летописцы, что Великий Князь, Святители и Бояре, вступив в церковь, сказали: «Мы видим небеса!» Между иконописцами славился Россиянин Федор Едикеев, который расписывал церковь Благовещения, соединенную с новым великолепным дворцом, куда Василий перешел в Мае 1508 года.

Церковная история Василиева государствования, кроме мнимой ереси Максима Грека в исправлении священных книг, представляет не много достопамятных случаев. Уже давно мощи Алексия Митрополита, по сказанию Летописцев, исцеляли недужных: но в 1519 году были священным обрядом утверждены во славе чудотворения. Митрополит Варлаам донес Государю, что многие слепцы, с усердием лобызая руку Алексия, прозрели. Собралось всё Духовенство и несметное число людей при колокольном звоне. Объявили чудеса и доказательства оных. Пели молебен над Святым гробом: Великий Князь, обливаясь слезами умиления, первый поклонился оному и восхвалил милость Неба, которая во дни его Царствования открыла *второй источник* благодати и спасения для Москвы. Светло праздновали сей день, и Св. Алексий, в народном мнении, стал наряду с древним Московским Угодником Божиим, Митрополитом Петром.

Немалым соблазном для Духовенства и мирян была тогдашняя ссора Архиепископа Новгородского, Серапиона, с Св. Иосифом Волоцким за то, что сей последний с монастырем своим отложился от его ведомства к Митрополии. Великий Князь в гневе лишил Серапиона Епархии, и Новгородцы, 17 лет не имел Святителя, с радостию встретили наконец знаменитого Макария, бывшего Архимандрита Лужковского, согласно с древним обычаем поставленного к ним в Архиепископы. Летописец их славит сие время как счастливейшее для его отчины, где молитвами ревностного Пастыря вселилась тишина, сопутствуемая здравием людей, обилием и веселием. Макарий первый учредил *общежительство* в монастырях Новгородских и тем умножил везде число Иноков, доставив им способ жить беспечно: ибо прежде каждый из них имел свое хозяйство, соединенное с заботами. Строгий в наблюдении благочиния, он вывел Игуменов из всех женских монастырей и дал Инокням настоятельство; отличался также усердием к лепоте церковной: сделал в Софии, на место обветшалых, новые богатые царские двери и великолепный амвон; расписал стены, обновил иконы, между которыми древнейшие были Греческие: Спасителя и Апостолов, Петра и Павла, *устроенные* (как сказано в летописи) *из золота и серебра*. – В первые годы Макариево Архиепископства Лапландские Поморяне, обитавшие близ устья реки Нивы и Кандаджской Губы, прислали старейшин к Великому Князю, моля его дать им учителей Христианских; а Государь велел Макарию отправить туда Софийского Иерея с Диаконом, которые просветили жителей истинною Евангельскою. Через несколько лет еще отдаленнейшие дикари, Лапландцы Кольские, изъявили Макарию желание креститься и с великим усердием приняли Священников. Так Россияне, от самых древних времен до новейших, насаждали Веру Спасителю, не употребляя ни малейшего принуждения. Но сии люди полудикие, уже веруя во Христа, еще держались старых обычаев: в пятине Вотской, в Ижере, около Иванягорода, Ямы, Копорья, Ладоги, Невы, до Каянии и Лапландии, на пространстве тысячи верст или более, народ еще обожал солнце, луну, звезды, озера, источники, реки, леса, камни, горы; имел жрецов, именуемых арбуями, и, ходя в церкви Христианские, не изменял и кумирам. Макарий, с дозволения Государева, послал туда многого Монаха Илию с наставительною грамотою к жителям, которые, уверяя его в их ревности к Христианству, говорили, что они не смеют коснуться своих идолов, хранимых ужасными духами. Илия зажег мнимые леса священные, бросил в воду кумиры, удивил народ и проповедью слова Божия довершил торжество Христианства. Летописец рассказывает, что пятилетние младенцы помогали сему добродетельному Иноку сокрушать мольбища идолопоклонников. – Заметим, что не только чужд, но и самые Россияне в XVI веке еще усердно следовали некоторым языческим обыкновениям. Жители Псковской области 24 июня праздновали день Купала: собирали травы в пустынях и в дубравах с какими-то суеверными обрядами, а ночью веселились, били в бубны, играли на сопелях, на гудках; молодые жены, девицы плясали, обнимались с юношами, забывая стыд и

целомудрие: о чем ревностный Игумен Елеазаровской Обители старец Памфил с укоризною писал к Наместнику и сановникам Пскова в 1505 году.

Угнетенное игом неверных и бедностию, Духовенство Греческое, как и прежде, искало утешения и благодеяний в России. Константинопольский Патриарх Феопит (в 1518 году) присылал к нам Янинского Митрополита Григория с Афонскими Иноками, чтобы разжалобить Великого Князя описанием их печального состояния. Благословляя Христианскую добродетель Россиян, они выехали из Москвы с богатыми дарами. Будучи в дружбе с Султаном, Государь и сам посылал милостыню в Грецию с своими чиновниками.

При Василии (в 1509 году) был церковный Собор в Литовской России, в Вильне: Духовенство наше не имело участия в оном. Киевский Митрополит Иосиф с семью Епископами устави там весьма строгие законы для нравственности Священников, взяв меры, чтобы мирская власть не вмешивалась в права духовной. Деяния сего достопамятного Собора свидетельствуют, что Церковь Греческая пользовалась тогда в Литве свободою, независимостью и была верною коренным уставам Православия.

В 27 лет Василиева государствования Россия испытала немалые физические бедствия: от 1507 до 1509 года свирепствовала язва с *железою* в Новгороде, и в одну осень схоронено там 15 000 человек; зимою в 1512 году во многих областях люди умирали кашлем; в 1521 и 1532 году было во Пскове ужасное поветрие, от коего все государственные чиновники разбежались и которое миновалось, по известию Летописцев, от употребления святой воды, присланной Архиепископом Макарием, Великим Князем и Митрополитом. Тогда же и в Новгороде умерло более тысячи жителей *от прыщей*. Были чрезвычайные засухи: пишут, что летом в 1525 году около четырех недель солнце и луна не показывались на небе от густой мглы; что в 1533 году от 29 Июня до Сентября не упало ни одной дождевой капли на землю; что болота и ключи иссохли, леса горели: солнце тусклое, багровое, скрывалось за два часа до захождения; люди в день не распознавали друг друга в лицо и задыхались от дымного смрада; путешественники, плователи не видали пути; птицы не могли парить в воздухе. Напротив того летом в 1518 году недель пять шли непрестанно сильные дожди: реки выступили из берегов; поля залились водою; прервалось сообщение между городами и селами. Великий Князь торжественными молебствиями старался умилостивить небо: двор и народ постились: – Общий неурожай в 1512 году произвел неслыханную дороговизну: бедные умирали с голоду. В Сентябре 1515 года Москва имела недостаток в хлебе: нельзя было купить ни четверти ржи. В 1525 году всё съестное продавалось там в десять раз дороже обыкновенного. – Летописцы жалуются на частые пожары (обвиняя в том учреждения пороховых заводов): в Москве, Пскове, особенно в Новгороде, где (в 1508 году) самые каменные палаты распались от силы огня и сгорело 5314 человек. – Явление трех комет (от 1531 до 1533 года) во всей России приводило народ в ужас.

Описав деяния и случаи сего времени, напомним читателю, что оно, будучи достопамятно для России благоразумием ее правления, славно в летописях Европы, *во-первых*, редким собранием Венценосцев, знаменитых делами и характером, *во-вторых*, важным церковным преобразованием. Не многие веки хвалятся такими Государями *современными*, каковы были Максимилиан, Карл V, Людовик XII, Франциск I, Селим, Солиман, Генрик VIII, Густав Ваза: можем прибавить к ним и папу Леона X, и врага нашего, Сигизмунда. Все они, за исключением Английского и Французских Королей, находились в сношениях с Василием, их достойным современником; все имели ум и дарования отличные. Но была ли счастлива Европа? Видим, как обыкновенно, необузданность властолюбия, зависть, козни, битвы и бедствия: ибо не один ум, но и страсти действуют на феатре мира. Ужасаемая могуществом Оттоманской Империи, волнуемая борением Франции с силами Испании и Австрии, Европа в то же время была потрясена церковным мятежом, который скоро сделался государственным. Уже духовная власть, или Папская, очерненная многими злоупотреблениями, давно слабела в западных Державах, но упорствовала в своих гордых требованиях и не хотела обратиться к истинному духу Христианства; вопреки успехам просвещения. Явился бедный Инок Мартин Лютер, который, свергнув с себя Монашескую одежду и держа в руке Евангелие, смел назвать Папу Антихристом: уличал его в обманах, в корыстолюбии, в искажении святыни и, несмотря на церковные клятвы, Соборы и гнев Карла V, основал новую Веру, хотя также на Евангельском учении, но с отвержением многих важных, значительных обрядов, введенных в самом начале Христианства и без сомнения полезных: ибо люди имеют не только разум, но и воображение, не менее первого действующее на сердце. Обнажив богослужение, лишив оное торжественности и как бы закрыв для мысли Небо, куда взор и дух молящихся устремляются от велелепия олтарей, от таинственного священ-

нодействия Литургии, сей решительный преобразователь удовольствовался одною нравственною проповеديو; оказал еще более ненависти к Риму, нежели усердия к Сиону; ссылаясь единственно на Христа и Апостолов, не подражал им в кротости: подвергая Догматы Церкви суду ума, говорил языком страстей, и, лишив Папу духовной власти во многих землях Германии, в трех Северных Королевствах, в бывших владениях Немецкого Ордена и в Ливонии, сам представлял лицо начальника церковного, обязанный своим торжеством не фанатизму народному, а земным расчетам Правителей: удерживая имя Христиан и святыню Евангелия, новым исповеданием они свергали с себя иго зависимости от гордого, взыскательного, корыстолюбивого Рима; присоединяли дани и пошлины церковные к своим доходам и могли в делах совести уже не бояться духовного запрещения. Многие толкователи всемирных происшествий говорят о Лютеранской Вере как о великом благодеении для человечества: она неоспоримо способствовала успехам просвещения и лучшей нравственности, соединенной с оными; но первым ее следствием были кровопролития и новые секты Христианские, отчасти вредные для самых Правительств и спокойствия гражданского. Генрик VIII, написав книгу против Лютера, сам последовал его примеру: оставил Римское исповедание и сделался главою Англиканского, связав оное крепким узлом с пользою Королевской власти и дав себе волю удовлетворять своему гнусному любострастию переменою жен. Одним словом, если враги Латинской Церкви справедливо винили ее в неверности к истинному Христианству, то и ревностные Католики по совести могли винить их в лицемерии, в обманах и в беззаконии.

Сия важная перемена церковная не укрылась от внимания наших современных Богословов: об ней рассуждали в Москве, и Грек Максим написал *Слово о Лютеровой ереси*, где, не хваля мирского властолюбия Пап, строго осуждает новости в Законе, внушаемые страстями человеческими.

Глава IV. Состояние России. Г. 1462–1533

Правление. Войско. Правосудие. Торговля. Деньги. Бережливость Государей. Дороги и почта. Москва. Свойства и обычаи. Великокняжеская свадьба. Въезд Послов. Иноземцы. Словесность. Известия о Востоке и Севере России.

В сие время отечество наше было как бы новым светом, открытым Царевною Софиею для знатнейших Европейских Держав. Вслед за нею Послы и путешественники, являясь в Москве, с любопытством наблюдали физические и нравственные свойства земли, обычаи Двора и народа; записывали свои примечания и выдавали оные в книгах, так что уже в первой половине XVI века состояние и самая древняя История России были известны в Германии и в Италии. Контарини, Павел Иовий, Франциск да-Колло, в особенности Герберштейн старались дать современникам ясное, удовлетворительное понятие о сей новой Державе, которая вдруг обратила на себя внимание их отечества.

Ничто не удивляло так иноземцев, как самовластие Государя Российского и легкость употребляемых им средств для управления землею. «Скажет, и сделано, – говорит Барон Герберштейн: – жизнь, достояние людей, мирских и Духовных, Вельмож и граждан, совершенно зависит от его воли. Нет противоречия, и всё справедливо, как в делах Божества: ибо Русские уверены, что Великий Князь есть исполнитель воли Небесной. Обыкновенное слово их: *так угодно Богу и Государю; ведает Бог и Государь*. Усердие сих людей невероятно. Я видел одного из знатных Великокняжеских чиновников, бывшего Послом в Испании, седого старца, который, встретив нас при въезде в Москву, скакал верхом, суетился, бегал как молодой человек; пот градом тек с лица его. Когда я изъявил ему свое удивление, он громко сказал: *ах, господин Барон! мы служим Государю не по-вашему!* Не знаю, свойство ли народа требовало для России таких самовластителей, или самовластители дали народу такое свойство». Без сомнения дали, чтобы Россия спаслась и была великою Державою. Два Государя, Иоанн и Василий, умели навеки решить судьбу нашего правления и сделать Самодержавие как бы необходимою принадлежностью России, единственным уставом государственным, единственною основою целости ее, силы, благоденствия. Сия неограниченная власть Монархов казалась иноземцам *тираниею*, они в легкомысленном суждении своем забывали, что *тирания* есть только злоупотребление Самодержавия, являясь и в Республиках, когда сильные граждане или сановники утесняют общество.

Самодержавие не есть отсутствие законов: ибо где *обязанность*, там и *закон*: никто же и никогда не сомневался в обязанности Монархов блюсти счастье народное.

Сии иноземные наблюдатели сказывают, что Великий Князь, будучи для подданных образом Божества, превосходя всех иных Венценосцев в *нравственном могуществе*, не уступал никому из них и в воинских силах, имея *триста тысяч* Боярских Детей и *шестьдесят тысяч* сельских ратников, коих содержание ему ничего или мало стоило: ибо всякий Боярский сын, наделенный от казны землею, служил без жалованья, кроме самых беднейших из них и кроме Литовских или Немецких пехотных воинов, числом менее двух тысяч. Конница составляла главную силу; пехота не могла с успехом действовать в степях против неприятелей конных. Оружием были лук, стрелы, секира, кистень, длинный кинжал, иногда меч, копье. Знатнейшие имели кольчуги, латы, нагрудники, шлемы. Пушки не считались весьма нужными в поле: вылитые Италианскими художниками для защиты и осады городов, они стояли неподвижно в Кремле на лафетах. В битвах мы надеялись более на силу, нежели на искусство; обыкновенно старались зайти в тыл неприятелю, окружить его, вообще действовать издали, не врукопашь; а когда нападали, то с ужасным стремлением, но непродолжительным. «Они, – пишет Герберштейн, – в быстрых своих нападениях как бы говорят неприятелю: *беги, или мы сами побежим!* И в общежитии и в войне народы удивительно разнятся между собою. Татарин, сверженный с коня, обгаренный кровию, лишенный оружия, еще не сдается в плен: машет руками, толкает ногою, грызет зубами. Турок, видя слабость свою, бросает саблю и молит победителя о милосердии. Гонись за Русским: он уже не думает обороняться в бегстве; но никогда не требует пощады. Коли, руби его: молчит и падает». – Щадя людей и худо употребляя снаряд огнестрельный, мы редко брали города приступом, надеясь изнурить жителей долговременною осадой и голодом. Располагались станом обыкновенно вдоль реки, недалеко от леса, в местах паственных. Одни чиновники имели наметы; воины строили себе шалаши из прутьев и крыли их подседельными войлоками в защиту от дождя. Обозов почти не было: возили всё нужное на вьючных лошадях. Каждый воин брал с собою в поход несколько фунтов толокна, ветчины, соли, перцу; самые чиновники не знали иной пищи, кроме Воевод, которые иногда давали им вкуснейшие обеды. Полки имели своих музыкантов или трубачей. На Великокняжеских знаменах изображался Иисус Навин, останавливающий солнце. – В каждом полку особенные сановники записывали имена храбрых и малодушных, означая первых для благоволения Государева и наград, а других для его немилости или общественного стыда. – Молодые люди обыкновенно готовили себя к воинской службе богатырскими играми: выходили в поле, стреляли в цель; скакали на конях, боролись, и победителям была слава.

Хваля ясность, простоту наших законов и суда, не имевших нужды ни в толкователях, ни в Стряпчих – не менее хваля и Василиеву любовь к справедливости – иноземцы замечали, однако ж, что богатый реже бедного оказывался у нас виновным в тяжбах; что судьи не боялись и не стыдились за деньги кривить душою в своих решениях. Однажды донесли Василию, что судья Московский, взяв деньги с истца и с ответчика, обвинил того, кто ему дал менее. Великий Князь призвал его к себе. Судья не запирался и с видом невинного отвечал: «Государь! я всегда верю лучше богатому, нежели бедному», разумея, что первому менее нужды в обманах и в чужом. Василий улыбнулся, и корыстолюбец остался по крайней мере без тяжкого наказания. – Не только законодательная, но и судная власть, как в самую глубокую древность, принадлежала единственно Государю: все другие судьи были только его временными или чрезвычайными поверенными, от Великокняжеских Думных советников до Тиунов сельских. Государь нередко уничтожал их приговоры. Они не могли лишить жизни ни крестьянина, ни раба или холопа. Мирская власть наказывала и Духовных. Иногда Митрополит жаловался на уголовных судей, которые приговаривали Священников к кнуту и к виселице; судьи отвечали: «Казним не Священников, а негодяев, по древнему уставу наших отцев». – В сочинении Иовия и Герберштейна находим первое известие о жестоких судных пытках, коими заставляли у нас преступников виниться в их злодеяниях: воров били по пятам; разбойникам капали сверху на голову и на всё тело самую холодную воду и вбивали деревянные спицы за ногти. Обыкновение ужасное, данное нам Татарским игом вместе с кнутом и всеми телесными мучительными казнями.

Торговля сего времени была в цветущем состоянии. К нам привозили из Европы серебро в слитках, сукна, сученое золото, медь, зеркала, ножи, иглы, кошельки, вина; из Азии шелковые ткани, парчи, ковры, жемчуг, драгоценные камни; от нас вывозили в Немецкую землю меха, кожи, воск; в Литву и в Турцию меха и моржовые клыки; в Татарию седла, узды, холсты, сукна, одежду, кожи, в обмен на лошадей Азиатских. Оружие и железо не выпускалось из России. В

Москву ездили Польские и Литовские купцы; Датские, Шведские и Немецкие торговали в Новгороде; Азиатские и Турецкие на Мологе, где существовал прежде Холопий городок и где находилась тогда одна церковь. Сия ярмонка еще славилась своею знатною меною. Иноземцы обязывались показывать товары свои в Москве Великому Князю: он выбирал для себя, что ему нравилось; платил деньги и позволял продажу остальных. Пряные зелия, шелковые ткани и многие иные вещи были у нас дешевле в сравнении с их ценою в Германии. Лучшие меха шли из земли Печорской и Сибири. Платили иногда за соболя 20 и 30 золотых флоринов, за черную лисицу (употребляемую на Боярские шапки) пятнадцать. Весьма уважались и бобры: ими опушивали нарядные платья. Волчьи меха были дороги, рысьи дешевы. Горностай стоил три или четыре, белка две деньги и менее. – С товаров ввозимых и вывозимых брали в казну пошлины, семь денег с рубля, а за воск четыре деньги с пуда сверх цены оною. Россия считалась в Европе землею изобильнейшею диким или бортевым медом. – Монастырь Троицкий в Смоленской области, на берегу Днепра, был главным пристанищем для купцов Литовских: они жили там в гостиницах и грузили товары, покупаемые ими в России для отправления в их землю. – Некоторые места особенно славилась своими произведениями для внутренней торговли: например, Калуга деревянною, красивою посудою, Муром вкусною рыбою, Переяславль сельдями, а еще более Соловки, где находились лучшие соляные варницы. – Многие судоходные реки облегчали перевоз товаров; но Россия еще не имела морей, кроме Северного океана, к коему она примыкала своими полунощными хладными пустынями. Иногда небольшие суда ходили от устья Двины Белым морем мимо Святого Носа, Семи островов и Шведской Лапландии в Норвегию и в Данию. Сим путем Датский Посол возвращался из Москвы в Норвегию с нашим толмачом Истоною. Другой толмач, именем Власий, плыл Сухоною, Югом и Двиною до Белого моря, чтобы ехать оттуда в Копенгаген. Сие плавание считалось весьма опасным и затруднительным: купцы Скандинавские не смели вверять оному своих товаров и держались Новгорода. – Любопытно знать, что Россияне уже имели тогда сведение о Китае и думали, что можно Северным океаном достигнуть берегов сей отдаленной Империи.

В России ходили серебряные и медные деньги: Московские, Тверские, Псковские, Новгородские; серебряных считалось 200 в рубле (который стоил два червонца), а медных *пул* 1200 в гривне. Новгородские деньги имели почти двойную цену: их было только 140 в рубле. На сих монетах изображался Великий Князь, сидящий в креслах, и другой человек, склоняющий пред ним голову; на Псковских голова в венце; на Московских – всадник с мечом: *новые* были ценою в половину менее старых. Золотые деньги ходили только иностранные: Венгерские червонцы, Римские гульдены и Ливонские монеты, коих цена переменалась. – Всякий серебряник бил и выпускал монету: правительство наблюдало, чтобы сии *денежники* не обманывали в весе и чистоте металла. Государь не запрещал вывозить монету из России, однако ж хотел, чтобы мы единственно менялись товарами с иноземцами, а не покупали их на деньги. – Вместо нынешнего *ста*, обыкновенным торговым счетом было *сорок* и *девяносто*, говорили: *сорок*, *два сорока*, или *девяносто*, *два девяносто*, и проч.

Успехи торговли более и более умножали доходы Государевы. Современники славят богатство и бережливость Василия. Главная казна его хранилась на Белеозере и в Вологде, как в безопаснейших и недоступных для неприятеля местах, окруженных лесами и болотами непроходимыми. «Удивительно ли, пишут иноземцы, что Великий Князь богат? Он не дает денег ни войску, ни Послам и даже берет у них, что они вывозят драгоценного из чужих земель: так Князь Ярославский, возвратясь из Испании, отдал в казну все тяжелые золотые цепи, ожерелья, богатые ткани, серебряные сосуды, подаренные ему Императором и Фердинандом Австрийским. Сии люди не жалуются, говоря: *Великий Князь возьмет, Великий Князь и наградит*». Не тем, без сомнения, Иоанн и Василий богатели, что не давали серебром жалованья войску (ибо поместья стоили серебра), и не тем, что брали иногда у Послов вещи, которые им отменно нравились; но мудрою бережливостию, точным соображением предприятий с государственными способами, запасом на случай нужды: правило важное для благоденствия Держав. Карл V с сокровищами Нового Света часто не имел денег, а Великие Князья наши могли хвалиться богатством, издерживая менее, нежели получая.

Несмотря на деятельность торговли, Россия казалась путешественникам малонаселенною в сравнении с иными Европейскими странами: редкие жительствова, степи, дремучие леса, худые, пустынные, уединенные дороги свидетельствовали, что сия Держава была еще новою в гражданском образовании. С ужасом говоря о наших распутицах, тленных мостах, опасностях, неудобствах в пути, чужестранцы хвалят исправность и скорость нашей почты: из Новгорода в

Москву приезжали они в 72 часа, платя 6 денег за 20 верст. Лошадей было множество на учрежденных ямах: кто требовал десяти или двенадцати, тому приводили сорок или пятьдесят. Усталых кидали на дороге; брали свежих в первом селении или у проезжих.

Чем ближе к столице, тем более селений и людей встречалось глазам путешественника. Всё оживлялось: на дороге обозы, вокруг частые поля, луга представляли картину человеческой деятельности. Необозримая Москва величественно возвышалась на равнине с блестящими куполами своих несметных храмов, с красивыми башнями, с белыми стенами Кремлевскими, с редкими каменными домами, окруженными темною грудю деревянных зданий, среди зеленых садов и рощей. Окрестные монастыри казались маленькими, прелестными городками. В слободах жили кузнецы и другие ремесленники, которые непрерывным употреблением огня могли быть опасны в соседстве: расселенные на большом пространстве, они сеяли хлеб и косили траву перед их домами, на обеих сторонах улицы. Один Кремль считался городом: все иные части Москвы, уже весьма обширной, назывались предместьями, ибо не имели никаких укреплений, кроме рогаток. На крутоберегой Яузе стояло множество мельниц. Неглинная, будучи запружена, уподоблялась озеру и наполняла водою ров Кремлевский. Некоторые улицы были тесны и грязны; но сады везде чистили воздух, так что в Москве не знали никаких заразительных болезней, кроме наносных. В 1520 году, как пишут, находилось в ней 41 500 домов, исчисленных по указу Великого Князя; а сколько жителей, неизвестно: но можно полагать их гораздо за 100 000. В Кремле, в разных улицах, в огромных деревянных домах (между многими, отчасти также деревянными церквами) жили знатнейшие люди, Митрополит, Князья, Бояре. Гостиный двор (там же, где и ныне, на площади Китая-города), обнесенный каменною стеною, прельщал глаза не красотою лавок, но богатством товаров, Азиатских и Европейских. Зимой хлеб, мясо, дрова, лес, сено обыкновенно продавались на Москве-реке в лавках или в шалашах.

Наши свойства казались наблюдателям и худыми и добрыми, обычаи любопытными и странными. Контарини пишет, что Москвитяне толпятся с утра до обеда на площадях, на рынках, а заключают день в питейных домах: глазают, шумят, а дела не делают. Герберштейн напротив того с удивлением видел их работающих в праздники. В будни запрещалось им пить; одни иноземные воины, служа Государю за деньги, имели право быть невоздержными в употреблении хмельного: для чего слобода за Москвою-рекою, где они жили, именовалась *Налетами*, от слова *наливай*. Великий Князь Василий, опасаясь действий худого примера, не позволял своим подданным жить вместе с ними. У всякой рогатки на улицах стоял караул: никто не смел ходить ночью без особенной важной причины и без фонаря. Тишина царствовала в городе. Замечали, что Россияне не злы, не сварливы, терпеливы, но склонны (особенно Москвитяне) к обманам в торговле. Славил древнюю честность Новгородцев и Псковитян, которые тогда уже начинали изменяться в характере. Пословица: *товар лицом продать* служила уставом в купечестве. Лихоимство не считалось стыдом: ростовщики брали обыкновенно 20 на 100 и еще хвалились умеренностию: ибо в древние времена должники платили у нас 40 на 100. – «Рабство, несовместимое с душевным благородством, было (по словам Герберштейна) общим в России: ибо и самые Вельможи назывались *холопами* Государя»; но имя не вещь: оно изображало только неограниченную преданность Россиян к Монарху; а в самом деле народ пользовался гражданскою свободою. Рабами были единственно крепостные холопы, или дворовые или сельские, потомки людей купленных, военнопленных, законом лишенных вольности. В XI веке они не имели у нас ни гражданских, ни человеческих прав (так и в древнем Риме): господин мог располагать ими как собственностию, как *вещию*, мог своевольно отнимать у них жизнь, никому не ответственю. Но в сие время – или в XVI веке – уже одна государственная власть смертию казнила холопа, следственно уже *человека*, уже *гражданина*, *покровительствуемого законом*. Здесь видим успех нравственности и действие лучших гражданских понятий. Вообще судьба сих природных рабов не казалась им тяжкою: ибо многие из них, освобождаемые по духовным завещаниям, немедленно искали себе новых господ и шли к ним в кабалу или в новую крепость, не для того, чтобы не находили способа жить своими трудами (ибо хороший поденщик в Москве выработывал с утра до вечера две деньги, или около двадцати копеек нынешних), но для того, что любили домашнюю легкую службу и беспечность: раб-отец не заботился о многочисленном семействе, не боялся ни старости, ни болезни. Закон молчал о должности господ: общее мнение предписывало им человеколюбие и справедливость; тираном гнушались как бесчестным гражданином; никто из вольных людей не хотел идти к нему в услужение; именем его бранились на площадях. Гораздо несчастнее холопства было состояние земледельцев свободных, которые, нанимая землю в поместьях или в отчинах у Дворян, обязывались трудиться для них свыше сил

человеческих, не могли ни двух дней в неделю работать на себя, переходили к иным владельцам и обманывались в надежде на лучшую долю: ибо временные, корыстолюбивые Господа или Помещики нигде не жалели, не берегли их для будущего. Государь мог бы отвести им степи, но не хотел того, чтобы поместья не опустели, и сей многочисленный род людей, обогащая других, сам только что не умирал с голоду: старец, бездомок от юности, изнузив жизненные силы в работе наемника, при дверях гроба не знал, где будет его могила. Бедность рождает презрение: в старину называли у нас земледельцев *смердами*, в XVI веке *крестьянами*, то есть *христианами*, но в худом, варварском смысле: ибо долговременные наши тираны, Батыевы Моголы, поносили Россиян сим именем. – Вероятно, что многие земледельцы шли тогда в кабалу к Дворянам; по крайней мере знаем, что многие отцы продавали своих детей, не имея способа кормиться. Сын мог быть несколько раз продан отцем; но в четвертый раз отпущенный Господином на волю, уже зависел единственно от себя.

Здесь представляется любопытный вопрос: неужели никогда не бывало в России *крестьян-владельцев*? По крайней мере не знаем, когда они были. Видим, что Князья, Бояре, воины и купцы – то есть *городские жители*, – искони владея землями, отдавали их в наем крестьянам свободным. Всякая область принадлежала городу; все ее земли считались как бы законною собственностью его жителей, древних Господ России, купивших, вероятно, сие право мечом в такое время, до коего не восходят летописи, ни предания. Но крестьяне, платя дань или оброк владельцам, имели свободу личную и движимую собственность.

Не только Бояре знатные, но и самые простые, бедные Дворяне казались спесивыми, недоступными. К первым никто не смел въехать на двор: оставляли лошадей у ворот. Благородные стыдились ходить пешком и не имели знакомства с мещанами, опасаясь тем унизиться. Они вообще любили сидячую жизнь и не понимали, как можно заниматься делами стоя или ходя. Молодые женщины были совершенными затворницами: боялись показываться чужим людям и в церковь ходили редко; дома шили, пряли. Одна забава считалась для них позволенною: качели. Богатые не пеклись о домашнем хозяйстве, которое лежало единственно на слугах и служанках. Бедные поневоле трудились; но самая беднейшая, готовя для себя кушанье, не могла умертвить никакого животного: стояла у ворот с курицею или с уткою и просила мимоходящих, чтобы они закололи сию птицу ей на обед. – Несмотря на строгое заключение жен, бывали, как и везде, примеры неверности, тем естественнее, что взаимная любовь не участвовала в браках и что мужья-Дворяне, находясь в Государевой службе, редко живали дома. Не жених обыкновенно сватался за невесту, но отец ее выбирал себе зятя и говорил о том с отцем его. Назначали день свадьбы, а будущие супруги еще не знали друг друга в глаза. Когда нетерпеливый жених домогался видеть невесту, то родители ее всегда отвечали ему: «Спроси у добрых людей, какова она?» Приданое состояло в одежде, в драгоценных украшениях, в слугах, в конях и проч.; а что родственники и приятели дарили невесте, то муж должен был после свадьбы возвращать им или платить деньгами. Герберштейн первый сказал, что жена Россиянка не уверена в любви супруга без частых от него побоев: сие вошло в пословицу, хотя могло быть только отчасти истиною, объясняемою для нас древними обычаями Славянскими и грубою нравственностью времен Батыева ига.

Спесивые против бедных мещан, Дворяне и богатые купцы были гостеприимны и вежливы между собою. Гость, входя в комнату, глазами искал Святых Образов, шел к ним, крестился и, несколько раз сказав вслух: *Господи помилуй*, – обращался к хозяину с приветствием «*дай Боже тебе здравия!*» Они целовались, кланялись друг другу и чем ниже, тем лучше; переставали и снова начинали кланяться; садились, беседовали, и гость, взяв шапку, шел опять к образам; хозяин провожал его до крыльца, а любимого до самых ворот. Потчевали приятелей медом, пивом, винами иноземными: романею, мушкателем, Канарским, белым Рейнским; лучшим считалась мальвазия, употребляемая однако ж более в лекарство и во дворце за Великокняжескою трапезою. Ужинов не знали: обеды были изобильные и вкусные для самых иноземцев, которые дивились у нас множеству и дешевизне всякого скота, рыбы, птиц, дичины, добываемой охотою псовою, соколиною, тенетами. Вообще роскошь тогдашняя состояла в избытке обыкновенных, дешевых вещей; умели хвалиться ею не разоряясь; бережливость не славилась добродетелию, ибо казалось естественною людям, которые еще не ведали прелестей изнеженного вкуса. Дорогие одежды означали первостепенных государственных сановников: если не закон, то обыкновение воспрещало другим равняться с ними в сих принадлежностях знатности, соединенной всегда с богатством. Сии наряды употреблялись бережно; ветреная мода не изменяла оных, и Вельможа оставлял свою праздничную одежду в наследство сыну. Платье Боярское, дворянское,

купеческое не различалось покроем: верхнее с опушкою, широкое, длинное называлось *однорядками*, другое *охабнями*, с воротником; третье *ферезями*, с пуговицами до подола, с нашивками или без нашивок, такое же длинное, с нашивками или только с пуговицами до пояса, *кунтышами*, *доломанами*, *кафтанами*, у всякого были клинья, а на боках прорехи. Полукафтаны носили с козырем; рубахи с вышитым разноцветным воротником и с серебряною пуговицею; сапоги сафьянные, красные, с железными подковами; шапки высокие, шляпы пояркового, черные и белые. Мужчины стригли себе волосы. – Домы не блистали внутренним украшением: самые богатые люди жили в голых стенах. Сени огромные, а двери низкие, и входящий всегда наклонялся, чтобы не удариться головою об верхний косяк.

Опишем некоторые достопамятные обыкновения. Посланник Великокняжеский, Димитрий, будучи в Риме и беседуя с Павлом Иовием о нравах своего отечества, сказывал ему, что Россияне, искони набожные, любя чтение душевспасительных книг, не терпят проповеди в церквах, дабы слышать в них единственно слово Господне, без примеса мудрований человеческих, несогласных с простотою Евангельскою; что нигде не имеют такого священного уважения к храмам, как у нас; что муж и жена, вкусив удовольствие законной любви, не дерзают войти в церковь и слушают Обедню, стоя на паперти; что молодые нескромные люди, видя их там, угадывают причину и своими насмешками заставляют женщин краснеть; что мы весьма не любим Католиков, а Евреями гнушаемся и не позволяем им въезжать в Россию. – Сие время особенно славилось открытием многих Святых целебных Мощей; но Иоанн и Василий не всегда верили молве и рассказам народным; а без согласия Государева Духовенство не умножало числа Святых: когда же строгое исследование и достоверные свидетельства убеждали Великого Князя в истине чудес, то объявляли их всенародно, звонили в колокола, пели молебны, и недужные со всех сторон спешили ко праху новых Угодников, как ныне спешат к новым славным врачам, чтобы найти исцеление. – Тогдашняя Христианская набожность произвела один умилительный обычай. Близ Москвы было кладбище, называемое *селом скудельничим*, где люди добролюбивые в Четверток перед Троицыным днем сходились рыть могилы для странников и петь панихиды, в успокоение души тех, коих имена, отечество и Вера были им неизвестны; они не умели назвать их, но думали, что Бог слышит и знает, за кого воссылаются к нему сии чистые, бескорыстные, истинно Христианские молитвы. Там погребались тела, находимые в окрестностях города, а может быть, и всех иноземцев.

Иовий пишет, что Великие Князья, подобно Султанам, избирают себе жен за красоту и добродетель, нимало не уважая знатности; что невест привозят из всей России; что искусные, опытные бабки осматривают их тайные прелести; что совершеннейшая или счастливейшая выходит за Государя, а другие в тот же день за молодых придворных чиновников. Сие известие может относиться единственно к двум бракам Василия: ибо отец, дед и предки его женились обыкновенно на Княжнах Владетельных. – Сообщим здесь любопытные подробности из описания Василиевой свадьбы 1526 года.

«Державный жених, нарядясь, сидел в *брусной столовой избе* с своим поездом; а невеста, Елена Глинская, с женою Тысяцкого, двумя свахами, Боярынями и многими знатными людьми шла из дому в *среднюю палату*. Перед нею несли две *брачные* свечи в фонарях, два корова и серебряные деньги. В сей палате были сделаны два места, одетые бархатом и камками; на них лежали два зголовья и два сорока черных соболей; а третьим сороком надлежало опаживать жениха и невесту. На столе, покрытом скатертью, стояло блюдо с калачами и солью. Елена села на своем месте; сестра ее, Княжна Анастасия, на жениховом; Боярыни вокруг стола. Василий прислал туда брата, Князя Юрия, который, заняв *большое место*, велел звать жениха. *Государь!* сказали ему: *иди с Богом на дело*. Великий Князь вошел с Тысяцким и со всеми чиновниками, поклонился иконам, свел Княжну Анастасию с своего места и сел на оное. Читали молитву. Жена Тысяцкого гребнем чесала голову Василию и Елене. Свечами *богоявленскими* зажгли *брачные*, обогнутые соболями и вдетые в кольца. Невесте подали кикю и фату. На золотой мисе, в трех углах, лежали хмель, соболи, одноцветные платки бархатные, атласные, камчатные, и пенязи, числом по девяти в каждом угле. Жена Тысяцкого осыпала хмелем Великого Князя и Елену, опаживаемых соболями. Дружка Государев, благословясь, изрезал перепечу и сыры для всего поезда; а Еленин дружка раздавал ширинки. Поехали в церковь Успения: Государь с братьями и Вельможами, Елена в одних санях с женою Тысяцкого и с двумя *Большими* свахами; за нею шли некоторые Бояре и чиновники; перед нею несли свечи и короваи. Жених стоял в церкви на правой стороне у столпа, невеста на левой. Они шли к венчанию по камкам и соболям. Знатнейшая Боярыня держала склянницу с вином Фряжским: Митрополит подал ее Государю и

Государыне: первый выпив вино, растоптал скляницу ногою. Когда священный обряд совершился, новобрачные сели на двух красных зголовьях. Митрополит, Князья и Бояре поздравляли их; певчие пели многолетие. Возвратились во дворец. Свечи с короваями отнесли в спальню, или в сенник, и поставили в кадь пшеницы. В четырех углах сенника были воткнуты стрелы, лежали калачи с соболями, у кровати два зголовья, две шапки, одеяло кунье, шуба; на лавках стояли оловянки с медом; в головах кровати икона Рождества Христова, Богоматери и Крест Воздвизальный; на стенах также иконы Богоматери со младенцем; над дверью и над всеми окнами, внутри и снаружи, кресты. Постелю стлали на двадцати семи ржаных снопах. Великий Князь завтракал с людьми ближними; ездил верхом по монастырям и обедал со всем Двором. Князь Юрий Иоаннович сидел опять на *большом месте*, а Василий рядом с Еленюю; перед ними поставили жареного петуха: дружка взял его, обернул верхнюю скатертью и отнес в спальню, куда повели и молодых из-за стола. В дверях знатнейший Боярин выдавал Великую Княгиню и говорил речь. Жена Тысяцкого, надев две шубы, одну наизворот, вторично осыпала новобрачных хмелем; а дружки и свахи кормили их петухом. Во всю ночь Конюший Государев ездил на жеребце под окнами спальни с обнаженным мечом. На другой день супруги ходили в мыльню и ели кашу на постеле». Легко угадать разум сих обрядов, без сомнения весьма древних, отчасти, может быть, Славянских, отчасти Скандинавских: некоторые образовали любовь, согласие, чадородие, богатство; другие должны были удалять действие злого волшебства.

Василий, находясь в частых сношениях с Государями Европейскими, любил хвалиться ласкою, оказываемую их Послам в России; но иноземцы жаловались на сей милостивый прием, соединенный с обрядами скучными и тягостными. Приближаясь к границе, Посол давал о том знать Наместникам ближайших городов. Ему предлагали множество вопросов: «из какой земли, от кого едет? знатный ли человек? какого именно звания? бывал ли прежде в России? говорит ли нашим языком? сколько с ним людей и каких?» О сем немедленно доносили Великому Князю; а к послу высылали чиновника, который, встретив его, не уступал ему дороги и всегда требовал, чтобы он стоя выслушивал Государево приветствие со всем Великокняжеским титулом, несколько раз повторяемым. Назначали дорогу и места, где надлежало обедать, ночевать. Ехали тихо, иногда не более пятнадцати или двадцати верст в день: ибо ждали ответа из Москвы. Иногда останавливались в поле, несмотря на зимний мороз; иногда худо ели. За то пристав терпеливо сносил брань иноземцев. Наконец Государь высылал Дворян своих к Послу: тут везли его уже скорее и лучше содержали. Встреча перед Москвою была всегда пышная: являлось вдруг несколько чиновников в богатых одеждах и с отрядом конницы; говорили речи, спрашивали о здоровье, и проч. Двор Посольский находился близ Москвы-реки: большое здание со многими комнатами, но совершенно пустыми; никто не жил в сем доме. Приставы служили гостям, непрестанно заглядывая в роспись, где было всё исчислено, всё измерено, что надлежало давать Послам Немецким, Литовским, Азиатским: сколько мясных блюд, меду, луку, перцу, масла, даже дров. Между тем придворные чиновники ежедневно спрашивали у них, довольны ли они угощением? Не скоро назначался день представления: ибо любили долго изготавляться к оному. Послы сидели одни, не могли заводить знакомств и скучали. Великий Князь к сему дню, для их торжественного въезда в Кремль, обыкновенно дарил им коней с богатыми седлами.

Кроме зодчих, денежников, литейщиков, находились у нас тогда и другие иноземные художники и ремесленники. Толмач Димитрий Герасимов, будучи в Риме, показывал Историку Иовию портрет Великого Князя Василия, писанный без сомнения не Русским живописцем. Герберштейн упоминает о Немецком слесаре в Москве, женатом на Россиянке. Искусства Европейские с удивительною легкостью переселялись к нам: ибо Иоанн и Василий, по внушению истинно великого ума, деятельно старались присвоить оные России, не имея ни предрассудков суеверия, ни боязливости, ни упрямства, и мы, послушные воле Государей, рано выучились уважать сии плоды гражданского образования, собственность не Вер и не языков, а человечества; мы хвалились исключительным Православием и любили святую древних нравов, но в то же время отдавали справедливость разуму, художеству западных Европейцев, которые находили в Москве гостеприимство, мирную жизнь, избыток. Одним словом, Россия и в XVI веке следовала правилу: «хорошее от всякого хороню» и никогда не была вторым Китаем в отношении к иноземцам.

Язык наш, то есть Славянский, был в сие время известен от Каменного Пояса до Адриатического моря, Воспора Фракийского и Нила: им говорили при дворе Турецкого и Египетского Султанов, жены их, Ренегаты, Мамелюки. Мы имели в переводах сочинения св. Амвросия, Августина, Иеронима, Григория, Историю Римских Императоров (вероятно, Светонову), Марка

Антония и Клеопатры; но Иовий укоряет нас совершенным невежеством в науках: в Философии, Астрономии, Физике, Медицине, сказывая, что мы именуем лекарем всякого, кто знает некоторые целебные свойства растений. Успехи словесности примечались в чистейшем слоге летописей, Пастырских Духовных посланий, Святых Житий и проч. Старец, Архиепископ Ростовский Вассиан, мог назваться Демосфеном сего времени, если истинное красноречие состоит в сильном выражении мыслей и чувств: славное Послание его к Иоанну уже известно читателю. Житие Св. Даниила Переяславского писано не без искусства, умно и приятно. Особенного замечания достойны два Слова: первое о рождении Царя Иоанна, второе похвальное Василию; в том и в другом есть прекрасные места; выпишем некоторые:

«Кто поведает силу Господню и все чудеса Его? Во дни наши совершилось дело Небесной любви, коего примеры видели мы в Ветхом и Новом завете: молитва отверзает ложесна неплодные! Господь милостию утешает людей Своих в отчаянии: ибо славный и великий во Царях не скудеет в Вере, припадая ко Всевышнему; уже вступает в шестое десятилетие жизни и еще надеется благословить чадо милое, вожделенное не только родителю, но и всей Державе Христианской: она требует Пастыря для дней будущих. Слышит Господь молитву и долго не исполняет, да более и более разгорается усердием сердце Державного. О диво! Монарх оставляет престол и величие, идет с жезлом как бедный странник в обители дальние, смиренный видом и душою: се Царские стопы его изображаются на песках дикой пустыни! За ним добродетельная, премудрая Царица, ему подобная. Оба исполнены смирения и надежды; оба ведают, что *Вера возмозгает и надежда не посрамит*. И бысть! лобызаем наследника Державы!.. Когда бы Всевышний даровал Василию дочь, и тогда бы сердце родителя возвеселилось, но едино: Господь дарует ему сына, да веселится и блаженствует с ним вся Россия!» – В похвальном слове Василию так описаны дела и свойства его: «Сей Государь *добре правил хоругвями* отечества, твердо укоренного Богом, подобно вековому древу; всегда благословляемый успехом, всегда спасаемый от врагов видимых и невидимых, покорял страны мечом и миром, а в своей наблюдал правду, не усыпая ни умом, ни сердцем; бодрствовал над душами, питал в них добродетель, гнал злобу, да не погрязнет корабль великой Державы его в волнах беззакония! Душа Царева светилась яко зеркало, блистая в лучах Божественной премудрости. Мы знаем, что Государь естеством телесным равен всем людям; но властью не подобен ли Богу Единому? Неприступен во славе земного Царствия: но есть вышнее, Небесное, для коего он должен быть приступен и снисходителен к людям. Телу дано око, а миру Царь, да промышляет о благе его. Царь истинный Царствует над страстями, в венце святого целомудрия, в порфире закона и правды. Таков был Великий Князь Василий, Правитель *велеумный*, наказатель добродетельный, истинный кормчий, образ благодати, столп твердости и терпения; защитник Государства, отец Вельмож и народа, мудрый *соглагольник* Духовенства; высокий житием на престоле, смиренный сердцем яко в пещере, кроток взором, почтен Божию благодатию; всех любил и любим всеми: ближние и дальние припадали к нему, от Синая и Палестины, от Италии и Антиохии, да узрят лицо его, да услышат слово. Кто опишет его достоинства? Как саламандра, по сказанию богослова, среди огня не сгорает; как светлая река, именуемая Кафос, течет сквозь море и не теряет сладости вод своих: так огонь страстей человеческих, так бурное житейское море не повредило душе Василия: она чистою, благою воспарила от земли на небо. Одним словом, сей Великий Князь в житии богомудром уподоблялся Димитрию Иоанновичу Донскому». Мы предложили здесь читателю не точные слова, но точные мысли авторов, слова принадлежат веку, а мысли векам.

Судя по слогу, можем отнести к сему времени сочинение двух Русских сказок: *о купце Киевском и Дракуле, мутьянской Воеводе*. В первой описывается мучитель, именем *Смиян гордый*, Владетель неизвестной приморской страны, гибельный для всех плователей, которые искали там убежища от бурь и не умели отгадать царских загадок: им надлежало отвергнуться Христа или умереть. Сын путешествующего Киевлянина Борзосмысл, юный отрок, вдохновенный небесною мудростию, как новый Эдип решит все хитрые задачи Смьяна, отсекает ему голову в присутствии народа, садится на трон, проповедует Веру Христову, пленяет граждан, остается у них Царем и женится на Смьяновой дочери. Вот содержание. Красот пиитических мало, остроумия также; рассказ довольно складен. – Вторая повесть любопытнее. Дракула, хищник Мутьянской, или Волошской Державы (о коем упоминается в Византийской Истории Дуки около 1430 года) представлен гонителем всякой неправды, обманов, воровства и свирепым кровопийцею. Никто в земле Волошской не дерзает взять чужого, ни обидеть слабого. Испытывая народ, он поставил золотую чару у колодезя, отдаленного от домов: мимоходящие пили воду и не трогали богатого сосуда. Искоренив злодеев, сей Воевода казнил и за самые

легкие вины. Не только жена вероломная, любострастная, но и ленивая, у которой в доме было не чисто или муж не имел хорошего белья, лишалась жизни. На площади, вместо украшений, висели трупы. Однажды пришли к нему два Монаха из Венгрии: Дракула желал знать их мысли о себе. «Ты хочешь быть правосудным, – отвечал старейший из них, – но делаешься тираном, наказывая тех, коих должны наказывать единственно Бог и совесть, а не закон гражданский». Другой хвалил тирана, как исполнителя судов Божественных. Велев умертвить первого Монаха, Дракула отпустил его товарища с дарами и наконец увенчал свои подвиги сожжением всех бедных, дряхлых, увечных в земле Волошской, рассуждая: «На что жить людям, живущим в тягость себе и другим?» Автор мог бы заключить сию сказку прекрасным нравоучением, но не сделал того, оставляя читателям судить о *философии* Дракулы, который лечил подданных от злодейства, пороков, слабостей, нищеты и болезней одним лекарством: смертию! – Заметим, что древние Русские *писцы* имели более гордости, нежели *Писатели*: первые почти всегда означали имя свое в конце переписанной ими книги, а вторые почти никогда, укрываясь таким образом от хвалы и критики: знаем творения, не зная творцов. По крайней мере видим, что предки наши занимались не только историческими или богословскими сочинениями, но и романами; любили произведение остроумия и воображения.

В окончании сей статьи предложим некоторые известия из Герберштейновой книги о соседственных с Россиею землях, восточных и северных. Ногайские Татары, кочуя близ моря Каспийского, разделялись в Василиево время на три Улуса, принадлежащие трем Князьям-братьям: Шидаку, Кошуму и Шиг-Мамаю; первый жил в городе Сарайчике на Яике; второй повелевал всю землю между Кумою, Яиком и Волгою; третий господствовал над частию Сибири. В двадцати днях пути от Шидаковых владений, к востоку, обитали Юргенские, или Хивинские, Татары, повинувась Барак-Солтану, брату соседственного Хана Китайского, или Киргиз-Кайсакского, Бебейда. За Вяткою и Пермью жили в лесах Тюменские и Шибанские Моголы; первых считалось не более десяти тысяч. За Волгою находились еще Улусы Калмыков: сие имя дано им для того, что они не стригли волос на голове, как другие Моголы. Астрахань, знатнейший *базар Татарский*, славилась богатством, а Шамаха, уже подвластная тогда Персии, своими прекрасными шелковыми тканями. На Дону, в двенадцати милях от Азова, был город *Ахас* (где ныне Старый Черкасск), изобильный плодами, рыбою, дичью, веселый местоположением, окруженный садами природными, богатый всем, что нужно человеку для самой роскошной жизни. Говорили: «имей только огонь и соль: всё прочее найдешь в Ахасе!» – На восточном берегу Черного моря жили Авхасы; далее в горах вольные Черкесы, не подвластные ни Туркам, ни Татарам, ужасные разбойники; текущими из гор реками выплывая на лодках в море, они грабили суда купеческие; исповедовали Христианскую Греческую Веру, употребляли в богослужении язык Славянский, впрочем мало думали о Законе. Близ устья реки Фазиса, или Риона, показывали остров, где будто бы стоял корабль Язонов.

Описывая наружность Татар, Герберштейн рассказывает, что они были среднего роста, черноволосые, широколицые, с маленькими, впалыми глазами и что знатнейшие носили длинные плетенки, или косы: в сем изображении еще узнаем истинных Моголов, нынешних Калмыков и Киргизов. Сему же писателю обязаны мы изъяснением достоинств и чинов Татарских. Солтанами назывались сыновья Ханские, Уланами главнейшие по Хане сановники, Беями Князья, их дети Мурзаны, Первосвященники (Магометова рода) Сеитами.

Север России был еще предметом баснословия для самых Москвитян. Уверяли, что там, на берегах океана, в горах, пылает неугасимый огонь чистилища; что в Лукоморье есть люди, которые ежегодно 27 Ноября, в день Св. Георгия, умирают, а 24 Апреля оживают снова; что они перед смертию сносят товары свои в одно место, где соседи в течение зимы могут брать оные, за всякую вещь оставляя должную плату и не смея обманывать: ибо мертвецы, воскресая весною, рассчитываются с ними и всегда наказывают бессовестных; что там есть и другие чудесные люди, покрытые звериною шерстью, с собачьими головами, с лицом на груди, с длинными руками, но безногие; есть рыбы человекообразные, но только немые, и проч. Сии басни питали любопытство грубых умов. Однако ж Москвитяне уже знали имена всех главных рек Западной Сибири. Они сказывали, что Обь вытекает из озера (Телейского); что за сею рекою и за Иртышом находятся два города, *Серпонов* и *Грустина*, коих жители получают жемчуг и драгоценные камни от *черных людей*, обитающих близ озера Китая. Мы обязаны были сими сведениями господству Великих Князей над землею Пермскою и Югорскою. Лапландия также платила нам дань. Дикие жители ее приходили иногда в соседственные Российские области, начинали

заимствовать некоторые гражданские обыкновения и ласково угощали купцов иноземных, которые привозили к ним вещи, нужные для хозяйства.

Вообще Герберштейново описание России есть важное творение для нашей Истории XVI века, хотя и содержит в себе некоторые ошибки.

Том VIII

Глава I. Великий князь и царь Иоанн IV Васильевич II. Г. 1533–1538

Беспокойство Россиян о малолетстве Иоанна. Состав Государственной Думы. Главные Вельможи, Глинский и Телепнев. Присяга Иоанну. Заключение Князя Юрия Иоанновича. Общий страх. Измена Кн. Симеона Бельского и Ляцкого. Заключение и смерть Михаила Глинского. Смерть Князя Юрия. Бегство, умысел и заключение Кн. Андрея Иоанновича. Дела внешние. Перемирие с Швециею и с Ливониею. Молдавия. Посланник Турецкий. Астрахань. Дела Ногайские. Посольство к Карлу V. Присяга Казанцев. Гордый ответ Сигизмундов. Нападение Крымцев. Война с Литвою. Ислам господствует в Тавриде. Строение крепостей в Литве. Набег Крымцев. Литовцы берут Гомель и Стародуб. Мятеж Казани. Шиг-Алей в милости. Война с Казанью. Победа над Литвою. Крепости на Литовской границе. Перемирие с Литвою. Дела Крымские. Смерть Ислама. Угрозы Саип-Гирея. Строение Китая-города и новых крепостей. Перемена в цене монеты. Общая нелюбовь к Елене. Кончина Правительницы.

[1533 г.] Не только искренняя любовь к Василию производила общее сетование о безвременной кончине его; но и страх, что будет с Государством? волновал души. Никогда Россия не имела столь малолетнего Властителя; никогда – если исключим древнюю, почти баснословную Ольгу – не видала своего кормила государственного в руках юной жены и чужеземки, Литовского ненавистного рода. На троне не бывает предателей: опасались Елениной неопытности, естественных слабостей, пристрастия к Глинским, коих имя напоминало измену. Хотя лесть придворная славил добродетели Великой Княгини, ее боголюбие, милость, справедливость, мужество сердца, проникание ума и явное сходство с бессмертною супругою Игоря, но благоразумные уже и тогда умели отличать язык Двора и лести от языка истины: знали, что добродетель Царская, трудная и для мужа с крепкими мышцами, еще гораздо труднее для юной, нежной, чувствительной жены, более подверженной действию слепых, пылких страстей. Елена опиралась на Думу Боярскую: там заседали опытные советники трона; но Совет без Государя есть как тело без главы: кому управлять его движением, сравнивать и решить мнения, обуздывать самолюбие лиц пользою общею? Братья Государевы и двадцать Бояр знаменитых составляли сию Верховную Думу: Князя Бельские, Шуйские, Оболенские, Одоевские, Горбатый, Пеньков, Кубенский, Барбашин, Микулинский, Ростовский, Бутурлин, Воронцов, Захарьин, Морозовы; но некоторые из них, будучи областными Наместниками, жили в других городах и не присутствовали в оной. Два человека казались важнее всех иных по их особенному влиянию на ум правительницы: старец Михаил Глинский, ее дядя, честолюбивый, смелый, самим Василием назначенный быть ей главным советником, и Конюший Боярин, Князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский, юный летами и подозреваемый в сердечной связи с Еленою. Полагали, что сии два Вельможи, в согласии между собою, будут законодателями Думы, которая решила дела внешние именем Иоанна, а дела внутренние именем Великого Князя и его матери.

Первым действием нового правления было торжественное собрание Духовенства, Вельмож и народа в храме Успенском, где Митрополит благословил державного младенца властвовать над Россиею и давать отчет единому Богу. Вельможи поднесли Иоанну дары, послали чиновников во все пределы Государства известить граждан о кончине Василия и клятвенным обетом утвердить их в верности к Иоанну.

Едва минула неделя в страхе и надежде, вселяемых в умы государственными переменами, когда столица была поражена несчастною судьбою Князя Юрия Иоанновича Дмитровского, старшего дяди Государева, или оклеветанного, или действительно уличенного в тайных видах незаконного властолюбия: ибо сказания Летописцев несогласны. Пишут, что Князь Андрей Шуйский, сидев прежде в темнице за побег от Государя в Дмитров, был милостиво освобожден вдовствующею Великою Княгинею, но вздумал изменить ей, возвести Юрия на престол и в сем

намерении открылся Князю Борису Горбатову, усердному Вельможе, который с гневом изобразил ему всю гнусность такой измены. Шуйский увидел свою неосторожность и, боясь доноса, решился прибегнуть к бесстыдной лжи: объявил Елене, что Юрий тайно подговаривает к себе знатных чиновников, его самого и Князя Бориса, готового немедленно уехать в Дмитров. Князь Борис доказал клевету и замысел Шуйского возмутить спокойствие Государства: первому изъявили благодарность, а второго посадили в башню. Но Бояре, излишне осторожные, представили Великой Княгине, что если она хочет мирно царствовать с сыном, то должна заключить и Юрия, властолюбивого, приветливого, любимого многими людьми и весьма опасного для Государя-младенца. Елена, непрестанно оплакивая супруга, сказала им: «Вы видите мою горесть: делайте, что надобно для пользы Государства». Между тем некоторые из верных слуг Юриевых, сведав о намерении Бояр Московских; убеждали Князя своего, совершенно невинного и спокойного, удалиться в Дмитров. «Там, – говорили они, – никто не посмеет косо взглянуть на тебя; а здесь не минуешь беды». Юрий с твердостью отвечивал: «Я приехал в Москву закрыть глаза Государю брату и клялся в верности к моему племяннику; не преступлю целования крестного и готов умереть в своей правде».

Но другое предание обвиняет Юрия, оправдывая Боярскую Думу. Уверяют, что он действительно чрез Дьяка своего, Тишкова, подговаривал Князя Андрея Шуйского вступить к нему в службу. «Где же совесть? – сказал Шуйский: – вчера Князь ваш целовал крест Государю, Иоанну, а ныне манит к себе его слуг». Дьяк изъяснял, что сия клятва была невольная и незаконная; что Бояре, взяв ее с Юрия, сами не дали ему никакой, вопреки уставу о присягах взаимных. Шуйский известил о том Князя Бориса Горбатого, Князь Борис Думу, а Дума Елену, которая велела Боярам действовать согласно с их обязанностию.

Заметим, что *первое* сказание вероятнее: ибо Князь Андрей Шуйский во всё правление Елены сидел в темнице. Как бы то ни было, 11 декабря взяли Юрия, вместе со всеми его Боярами, под стражу и заключили в той самой палате, где кончил жизнь юный великий Князь Димитрий. Предзнаменование бедственное! ему надлежало исполниться.

[1534–1538 гг.] Такое начало правления свидетельствовало грозную его решительность. Жалели о несчастном Юрии; боялись тиранства: а как Иоанн был единственно именем Государь и самая правительница действовала по внушениям Совета, то Россия видела себя под жезлом возникающей олигархии, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться от одного, нежели от двадцати гонителей. Самодержец гневный уподобляется раздраженному Божеству, пред коим надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имеют сей выгоды в глазах народа: он видит в них людей ему подобных и тем более ненавидит злоупотребление власти. Говорили, что Бояре хотели погубить Юрия, в надежде своевольствовать, ко вреду отечества; что другие родственники Государевы должны ожидать такой же участи – и сии мысли, естественным образом представляясь уму, сильно действовали не только на Юриева меньшого брата Андрея, но и на их племянников, Князей Бельских, столь ласково порученных Василием Боярам в последние минуты его жизни. Князь Симеон Феодорович Бельский и знатный Окольничий Иван Лятцкий, родом из Пруссии, муж опытный в делах воинских, готовили полки в Серпухове на случай войны с Литвою: недовольные Правительством, они сказали себе, что Россия не есть их отечество, тайно снеслись с Королем Сигизмундом и бежали в Литву. Сия неожиданная измена удивила Двор, и новые жестокости были ее следствием. Князь Иван Бельский, главный из Воевод и член Верховного Совета, находился тогда в Коломне, учреждая стан для войска: его и Князя Воротынского с юными сыновьями взяли, оковали цепями, заточили как единомышленников Симеоновых и Лятцкого, без улики, по крайней мере без суда торжественного; но старшего из Бельских, Князя Димитрия, также Думного Боярина, оставили в покое как невинного. – Дотоле считали Михаила Глинского душою и вождем Совета: с изумлением узнали, что он не мог ни губить других, ни спасти самого себя. Сей человек имел великодушие и бедственным концом своим оправдал доверенность к нему Василиеву. С прискорбием видя нескромную слабость Елены к Князю Ивану Телепневу-Оболенскому, который, владея сердцем ее, хотел управлять и Думою и Государством, Михаил, как пишут, смело и твердо говорил племяннице о стыде разврата, всегда гнусного, еще гнуснейшего на троне, где народ ищет добродетели, оправдывающей власть Самодержавную. Его не слушали, возненавидели и погубили. Телепнев предложил: Елена согласилась, и Глинский, обвиняемый в мнимом, нелепом замысле овладеть Государством, вместе с ближним Боярином и другом Василиевым, Михаилом Семеновичем Воронцовым, без сомнения также добродетельным, был лишен вольности, а скоро и жизни в той самой темнице, где он сидел прежде: муж,

знаменитый в Европе умом и пылкими страстями, счастьем и бедствием, Вельможа и предатель двух Государств, помилованный Василием для Елны и замученный Еленою, достойный гибели изменника, достойный и славы великодушного страдальца в одной и той же темнице! Глинского схоронили без всякой чести в церкви Св. Никиты за Неглинною; но одумались, вынули из земли и отвезли в монастырь Троицкий, изготовив там пристойнейшую могилу для Государева деда; но Воронцов, только удаленный от двора, пережил своих гонителей, Елену и Князя Ивана Телепнева: быв Наместником Новгородским, он умер уже в 1539 году с достоинством Думного Боярина.

Еще младший дядя Государев, Князь Андрей Иоаннович, будучи слабого характера и не имея никаких свойств блестящих, пользовался наружными знаками уважения при Дворе и в совете Бояр, которые в сношениях с иными державами давали ему имя первого попечителя государственного; но в самом деле он нимало не участвовал в правлении; оплакивал судьбу брата, трепетал за себя и колебался в нерешимости: то хотел милостей от двора, то являл себя нескромным его хулителем, следуя внушениям своих любимцев. Через шесть недель по кончине Великого Князя, находясь еще в Москве, он смиренно бил челом Елене о прибавлении новых областей к его Уделу: ему отказали, но, согласно с древним обычаем, дали, в память усопшего, множество драгоценных сосудов, шуб, коней с богатыми седлами. Андрей уехал в Старицу, жалуюсь на Правительницу. Вестовщики и наушники не дремали: одни сказывали сему Князю, что для него уже готовят темницу; другие доносили Елене, что Андрей злословит ее. Были разные объяснения, для коих Боярин, Князь Иван Шуйский, ездил в Старицу и сам Андрей в Москву: уверяли друг друга в любви и с обеих сторон не верили словам, хотя Митрополит ручался за истину оных. Елена желала знать, кто ссорит ее с деверем? Он не именовал никого, ответствуя: «Мне самому так казалось!» Расстались ласково, но без искреннего примирения.

В сие время – 26 Августа 1536 года – Князь Юрий Иоаннович умер в темнице *от голода*, как пишут. Андрей был в ужасе. Правительница звала его в Москву на совет о делах внешней политики: он сказался больным и требовал врача. Известный лекарь Феофил не нашел в нем никакой важной болезни. Елену тайно известили, что Андрей не смеет ехать в столицу и думает бежать. Между тем сей несчастный писал к ней: «В болезни и тоске *я отбыл ума и мысли*. Согрей во мне сердце милостию. Неужели велит Государь влачить меня отсюда на носилках?» Елена послала Крутицкого Владыку Досифея вывести его из неосновательного страха или, в случае злого намерения, объявить ему клятву церковную. Тогда же Боярин Андреев, отправленный им в Москву, был задержан на пути, и Князя Оболенские, Никита Хромый с конюшим Телепневым, предводительствуя многочисленною дружиною, вступили в Волок, чтобы гнаться за беглецом, если Досифеевы увещания останутся бесполезными. Андрею сказали, что Оболенские идут схватить его; он немедленно выехал из Старицы с женою и с юным сыном; остановился в шестидесяти верстах, думал и решился – быть преступником: собрать войско, овладеть Новгородом и всею Россиею, буде возможно; послал грамоты к областным Детям Боярским и писал к ним: «Великий Князь младенец; вы служите только Боярам. Идите ко мне: я готов вас жаловать». Многие из них действительно явились к нему с усердием; другие представили мятежные грамоты в Государственную Думу. Надлежало взять сильные меры: Князь Никита Оболенский спешил защитить Новгород, а Князь Иван Телепнев шел с дружиною вслед за Андреем, который, оставив большую дорогу, поворотил влево к Старой Русе. Князь Иван настиг его в Тюхоли; устроил воинов, распустил знамя и хотел начать битву. Андрей также вывел свою дружину, обнажив меч; но колебался и вступил в переговоры, требуя клятвы от Телепнева, что Государь и Елена не будут ему мстить. Телепнев дал сию клятву и вместе с ним приехал в Москву, где Великая Княгиня, по словам Летописца, изъявила гнев своему любимцу, который будто бы сам собою, без ведома Государева, уверил мятежника в безопасности, и велела Андрея оковать, заключить в тесной палате; к Княгине его и сыну приставили стражу; Бояр его, советников, верных слуг пытали, несмотря на их знатный Княжеский сан: некоторые умерли в муках, иные в темницах; а Детей Боярских, взявших сторону Андрееву, числом тридцать, повесили как изменников на дороге Новгородской, в большом расстоянии один от другого. – Андрей имел участь брата: умер насильственною смертию чрез шесть месяцев и, подобно ему, был с честью погребен в церкви Архангела Михаила. Он, конечно, заслуживал наказание, ибо действительно замышлял бунт; но казни *тайные* всегда доказывают малодушную злобу, всегда незаконны, и притворный гнев Елены на Князя Телепнева не мог оправдать вероломства.

Таким образом в четыре года Еленина правления именем юного Великого Князя умертвили двух единоутробных братьев его отца и дядю матери, брата внучатного ввергнули в темницу,

обесчестили множество знатных родов торговою казнию Андреевых Бояр, между коими находились Князья Оболенские, Пронский, Хованский, Палецкий. Опасаясь гибельных действий слабости в малолетство Государя самодержавного, Елена считала жестокость твердостью но сколь последняя, основанная на чистом усердии к добру, необходима для государственного блага, столь первая вредна оному, возбуждая ненависть; а нет Правительства, которое для своих успехов не имело бы нужды в любви народной. – Елена предавалась в одно время и нежностям беззаконной любви и свирепству кровожадной злобы!

В делах внешней политики Правительница и Дума не уклонялись от системы Василиевой: любили мир и не страшились войны.

Известив соседственные Державы о восшествии Иоанновом на престол, Елена и Бояре утвердили дружественные связи с Швециею, Ливониею, Молдавию, с Князьями Ногайскими и с Царем Астраханским. В 1535 и 1537 году послы Густава Вазы были в Москве с приветствием, отправились в Новгород и заключили там шестидесятилетнее перемирие. Густав обязался не помогать Литве, ни Ливонскому Ордену в случае их войны с нами. Условились: 1) выслать послов на Оксу-реку для восстановления древних границ, бывших между Швециею и Россиею при Короле Магнусе; 2) Россиянам в Швеции, Шведам в России торговать свободно, под охранением законов; 3) возвратить беглецов с обеих сторон. Поверенными Густава были Кнут Андерсон и Биорн Классон, а Российскими Князь Борис Горбатый и Михайло Семенович Воронцов, Думные Бояре, Наместники Новгородские, которые в 1535 году утвердили мир и с Ливониею на семнадцать лет. Уже старец Плеттенберг, знаменитейший из всех Магистров Ордена, скончался: преемник его, Герман фон Брюнгеней, и Рижский Архиепископ от имени всех *Златоносцев* или Рыцарей, *Немецких Бояр* и *Ратманов* Ливонии убедительно молили Великого Князя о дружбе и покровительстве. Уставили, чтобы река Нарова, как и всегда, служила границею между Ливониею и Россиею; чтобы не препятствовать взаимной торговле никакими действиями насилия и даже в случае самой войны не трогать купцов, ни их достояния; чтобы не казнить Россиян в Ливонии, ни Ливонцев в России без ведома их правительств; чтобы Немцы *берегли* церкви и жилища Русские в своих городах, и проч. В окончании договора сказано: «А кто преступит клятву, на того Бог и клятва, мор, глад, огонь и меч».

Воевода Молдавский, Петр Стефанович, также ревностно искал нашего покровительства; хотя уже и платил легкую дань Султану, но еще именовался Господарем вольным: имел свою особенную политическую систему, воевал и мирился с кем хотел и правил землею как Самодержец. Россия единоверная могла вступаться за него в Константинополе, в Тавриде и вместе с ним обуздывать Литву. Именитый Боярин Молдавский, Сунжар, в 1535 году был в Москве, а наш Посол Заболоцкий ездил к Петру с уверением, что Великий Князь не оставит его ни в каком случае. Россия действительно имела в нем весьма усердного союзника против Сигизмунда, коему он не давал покоя, готовый всегда разорять Польские земли; но не могла быть ему щитом от грозного Солимана, который (в 1537 году) огнем и мечем опустошил всю Молдавию, *требуя урочной*, знатной дани и совершенного подданства от жителей. Они не смели противиться, однако ж вымолили у Султана право избирать собственных Владетелей и еще около ста лет пользовались оным. Турки взяли казну Господарскую, множество золота, несколько диадем, богатых икон и крестов Стефана Великого. В Москве жалели о бедствии сей единоверной Державы, не думая о способах облегчить ее судьбу. Правительница и Бояре не рассудили за благо возобновить сношения с Константинополем, и Солиман (в 1538 году), прислав в Москву Грека Андреяна для разных покупок, в ласковом письме к юному Иоанну жаловался на сию холодность, хваляся своею дружбою с его родителем.

К Царю Астраханскому, Абдыл-Рахману, посылали Боярского сына с предложением союза: опасаясь и Хана Крымского и Ногаев, Царь с благодарностию принял оное, но чрез несколько месяцев лишился трона: Ногаи взяли Астрахань, изгнали Абдыл-Рахмана и на его место объявили Царем какого-то Дервешелея. Имея с Россиею выгодный торг, Князья сих многолюдных степных Орд, Шийдяк, Мамай, Кошум и другие, хотели быть в мире с нею, но жаловались, что наши Козаки Мещерские не дают им покоя, тысячами отгоняют лошадей и берут людей в плен; требовали удовлетворения, даров (собольих шуб, сукон, доспехов), уважения и чести: например, чтобы Великий Князь называл их в письмах *братьями* и *Государями*, как Ханов, не уступающих в достоинстве Крымскому, и посылал к ним не малочиновных людей, а Бояр для переговоров; грозили в случае отказа местию, напоминая, что отцы их видали Москву, а дети также могут заглянуть в ее стены; хвалились, что у них 300 тысяч воинов и летают как птицы. Бояре обещали им управу и договаривались с ними о свободной торговле, которая обогащала Россию лошадьми

и скотом: например, с Ногайскими Послами в 1534 году было 5'000 купцов и 50'000 лошадей, кроме другого скота. Сверх того сии Князья обязывались извещать Государя о движениях Крымской Орды и не впускать ее разбойников в наши пределы. Шийдяк считал себя главою всех ногаев и писал к Иоанну, чтобы он давал ему, как Хану, *урочные поминки*. Бояре ответствовали: «Государь *жалует* и Ханов и Князей, смотря по их *услугам*, а не дает *никому урока*». Мамай, именуясь Калгою Шийдяковым, отличался в грамотах своих красноречием и какою-то философиею. Изъявляя Великому Князю сожаление о кончине его родителя, он говорил: «Любезный брат! Не ты и не я произвели смерть, но Адам и Ева. Отцы умирают, дети наследуют их достояние. Плачу с тобою; но покоримся необходимости!» Сии Ногайские грамоты, писанные высокопарным слогом Восточным, показывают некоторое образование ума, замечательное в народе кочующем.

Правительница и Бояре хотели возобновить дружественную связь и с Императором: в 1538 году Послы наши, Юрий Скобельцын и Дмитрий Васильев, ездили к Карлу V и к его брату Фердинанду, Королю Венгерскому и Богемскому. Мы не имеем их наказа и донесений. Но главным предметом нашей политики были Таврида, Литва и Казань. Юный Иоанн предлагал союз Хану Саип-Гирею, мир Сигизмунду и покровительство Еналею. Царь и народ Казанский новыми клятвенными грамотами обязались совершенно зависеть от России. Король Сигизмунд отвечал гордо: «Могу согласиться на мир, если юный Великий Князь уважит мою старость и пришлет своих Послов ко мне или на границу». Надеясь воспользоваться малолетством Иоанновым, Король требовал всех городов, отнятых у него Василием: предвидя отказ, вооружался и склонил Хана к союзу с Литвою против России. Еще гонец наш не возвратился от Саип-Гирея, когда узнали в Москве о впадении Татар Азовских и Крымских в Рязанские области, где, на берега Прони, Воеводы Князья Пунков и Гатев побили их наголову. За сей первый воинский успех Иоаннова государствования Воеводам торжественно изъявили благоволение Великого Князя.

Хотя, уверенные в неминуемой войне с Королем, Правительница и Бояре спешили изготавиться к ней, но Сигизмунд предупредил их. С особенною милостию приняв наших изменников, Князя Симеона Бельского и Лятцкого, дав им богатые поместья и слушая их рассказы о слабостях Елены, о тиранстве Вельмож, о неудовольствии народа, Король замыслил вдруг отнять у нас все Иоанновы и Василиевы приобретения в Литве. Киевский Воевода, Андрей Немиров, со многочисленною ратиею вступив в пределы Северские, осадил Стародуб и выжег его предместье; но смелая вылазка Россиян под начальством храброго мужа Андрея Левина так испугала Литовцев, что они ушли в беспорядке, а Наместник Стародубский, Князь Александр Кашин, прислал в Москву 40 неприятельских пушкарей со всем их снарядом и с знатным чиновником Суходольским, взятым в плен. Чтобы загладить первую неудачу, Литовцы сожгли худо укрепленный Радогощ (где сгорел и мужественный Воевода Московский, Матвей Лыков), пленили многих жителей, обступили Чернигов и несколько часов стреляли в город из больших пушек. Там был Воеводою Князь Феодор Мезецкий, умный и бодрый. Он не дал неприятелю приблизиться к стенам, искусно действуя снарядом огнестрельным; и когда пальба ночью затихла, выслал Черниговцев ударить на стан Литовский, где сие неожиданное нападение произвело страшную тревогу: томные, сонные Литовцы едва могли обороняться; во тьме убивали друг друга; бежали во все стороны; оставили нам в добычу обоз и пушки. На рассвете уже не было ни одного неприятеля под городом: Сигизмундов Воевода с отчаянием и стыдом ушел в Киев. Так Король обманулся в своей надежде завоевать Украйну, беззащитную, как ему говорили наши изменники, Бельский и Лятцкий, В то же время другой Воевода его, Князь Александр Вишневецкий, явился под стенами Смоленска: тамошний Наместник, Князь Никита Оболенский, не дал ему сжечь посада, отразил и гнал его несколько верст.

Узнав о сих неприятельских действиях, наша Боярская Дума, в присутствии юного Великого Князя и Елены, требовала благословения от Митрополита на войну с Литвою; а Митрополит, обратясь к державному младенцу, сказал: «Государь! защити себя и нас. Действуй: мы будем молиться. Гибель зачинающему, а в правде Бог помощник!» Полки в глубокую осень выступили из Москвы с двумя Главными Воеводами, Князьями Михайлом Горбатым и Никитою Оболенским; любимец Елены, Телепнев, желая славы мужества, вел передовой полк. От границ Смоленска запылали села и предместья городов Литовских: Дубровны, Орши, Друцка, Борисова. Не встречая неприятеля в поле и не занимаясь осадю крепостей, Воеводы Московские с огнем и мечем дошли до Молодечны, где присоединился к ним, с Новгородцами и Псковитянами, Наместник Князь Борис Горбатый, опустошив все места вокруг Полоцка, Витебска, Браславля.

Несмотря на глубокие снега и жестокие морозы, они пошли к Вильне: там находился сам Король, встревоженный близостью врагов; заботился, приказывал и не мог ничего сделать Россиянам, коих было около 150 000. Легкие отряды их жгли и грабили в пятнадцати верстах от Вильны. Но Воеводы наши, довольные его ужасом и разорением Литвы – истребив в ней жилища и жителей, скот и хлеб, до пределов Ливонии, – не потеряв ни одного человека в битве, с пленниками и добычею возвратились в Россию, чрез область Псковскую, в начале Марта. – Другие Воеводы, Князя Федор Телепнев и тростенские, ходили из Стародуба к Мозырю, Турову, Могилеву, и с таким же успехом: везде жгли, убивали, пленяли и нигде не сражались. Не личная слабость престарелого Сигизмунда, но государственная слабость Литвы объясняет для нас возможность таких истребительных *воинских прогулок*. Не было устроенного, всегдашнего войска; надлежало собирать его долго, и Правительство Литовское не имело способов нашего – то есть сильного, твердого Самодержавия; а Польша, с своими Вельможными Панами составляя еще особенное Королевство, неохотно вооружалась для защиты Литвы. К чести Россиян Летописец сказывает, что они в грабежах своих не касались церковей Православных и многих единоверцев великодушно отпускали из плена.

[1535 г.] Следствием Литовского союза с Ханом было то, что Царевич Ислам восстал на Саип-Гирея за Россию, как пишут, вспомнив старую с нами дружбу; преклонил к себе Вельмож, свергнул Хана и начал господствовать под именем Царя; а Саип засел в Киркоре, объявив Ислама мятежником, и надеялся смирить его с помощью Султана. Сия перемена казалась для нас счастливою: Ислам, боясь Турков, предложил тесный союз Великому Князю и писал, что 20 000 Крымцев уже воюют Литву. Бояре Московские, нетерпеливо желая воспользоваться таким добрым расположением нового Хана, велели ехать Князю Александру Стригину Послом в Тавриду: сей чиновник своевольно остался в Новгороде и написал к Великому Князю, что Ислам обманывает нас: будучи единственно Калгою, именуется Царем и недавно, в присутствии Литовского Посла Горностаевича, дал Сигизмунду клятву быть врагом России, исполняя волю Саип-Гирееву. Сие известие было несправедливо: Стригину объявили гнев Государев и вместо его отправили Князя Мезецкого к Исламу, чтобы как можно скорее утвердить с ним важный для нас союз. Хан не замедлил прислать в Москву и договорную, *шертную* грамоту; но Бояре, увидев в ней слова: «кто недруг Великому Князю, а мне друг, тот и ему друг», не хотели взять ее. Наконец Ислам согласился исключить сие оскорбительное для нас условие, клялся в любви к младшему своему брату Иоанну и хвалился великодушным бескорыстием, уверяя, что он презрел богатые дары Сигизмундовы, 10 000 золотых и 200 поставов сукна; требовал от нас благодарности, пушек, пятидесяти тысяч *денег* и жаловался, что Великий Князь не исполнил родительского духовного завещания, коим будто бы умирающий Василий в знак дружбы отказал ему (Исламу) половину казны своей. Хан ручался за безопасность наших пределов, известив Государя, что Саип-Гиреев Вельможа, Князь Булгак, вышел из Перекопи с толпами разбойников, но, конечно, не посмеет тревожить России. Хотя Булгак, в противность Исламову уверению, вместе с Дашковичем, Атаманом Днепровских Козаков, нечаянным впадением в Северскую область сделал немало вреда ее жителям; хотя Бояре Московские именем Великого Князя жаловались на то Исламу: однако ж соблюдали умеренность в упреках, не грозили ему местию и показывали, что верят его искренней к нам дружбе.

Тогда прибежали из Вильны в Москву люди Князя Симеона Бельского и Лятцкого: не хотев служить изменникам, они пограбили казну господ своих и донесли нашим Боярам, что Сигизмунд шлет сильную рать к Смоленску. Надлежало предупредить врага. Полки были готовы: Князь Василий Шуйский, Главный Воевода, с Елениным любимцем, Телепневым, который вторично принял начальство над передовым отрядом, спешили встретить неприятеля; нигде не видали его, выжгли предместье Мстиславля, взяли острог, отправили пленников в Москву и шли беспрепятственно далее. Новгородцы и Псковитяне должны были с другой стороны также вступить в Литву, основать на берегах Себежского озера крепость и соединиться с Шуйским; но предводители их, Князь Борис Горбатый и Михайло Воронцов, только отчасти исполнили данное им повеление: отрядив Воеводу Бутурлина с Детьми Боярскими к Себежу, стали в Опочках, и не хотели соединиться с Шуйским. Бутурлин заложил Иваньгород на Себеже, в земле Литовской как бы в нашей собственной; укрепил его, наполнил всякими запасами, работал около месяца: никто ему не противился; не было слуха о неприятеле.

Однако ж Сигизмунд не тратил времени в бездействии: дав Россиянам волю свирепствовать в восточных пределах Литвы, послал 40 000 воинов в наши собственные южные владения и между тем, как Шуйский жег окрестности Кричева, Радомля, Могилева, Воеводы Литовские, Пан

Юрий Радзивил, Андрей Немиров, Гетман Ян Тарновский, Князь Илья Острожский и наш изменник, Симеон Бельский, шли к Стародубу. Сведав о том, Московские Бояре немедленно выслали новые полки для защиты сего края; но вдруг услышали, что 15 000 Крымцев стремятся к берегам Оки; что Рязанские села в огне и кровь жителей льется рекою; что Ислам обманул нас: прельщенный золотом Литовским, услужил Королю сим набегом, всё еще именуясь Иоанновым союзником и бессовестно уверяя, что не он, а Саип-Гирей воюет Россию. Послов Исламовых взяли в Москве под стражу; немедленно возвратили шедшее к Стародубу войско; собрали в Коломне несколько тысяч людей. Князя Дмитрий Бельский и Мстиславский отразили хищников от берегов Оки, гнались за ними, принудили их бежать в степи.

Но Литовцы, пользуясь содействием Крымцев и беззащитным состоянием Малороссии, приступили к Гомелю: тут начальствовал малодушный Князь Оболенский-Щепин: он ушел со всеми людьми воинскими и с огнестрельным снарядом в Москву, где ввергнули его в темницу. Гомель сдался. Литовцы надеялись взять и Стародуб; но там был достойный Вождь, Князь Федор Телепнев: мужественный отпор ежедневно стоил им крови. Воеводы Сигизмундовы решились продлить осаду, сделали тайный подкоп и взорвали стену: ужасный гром потряс город; дома запылали; неприятель сквозь дым ворвался в улицы. Князь Телепнев с своею дружиною оказал геройство; топтал, гнал Литовцев; два раза пробивался до их стана: но, стесненный густыми толпами пехоты и конницы, в изнеможении сил, был взят в полон вместе с Князем Ситцким. Знатный муж, Князь Петр Ромодановский, пал в битве; Никита Колычев умер от раны чрез два дни. 13 000 граждан обоего пола изгибло от пламени или меча; спаслися немногие и своими рассказами навели ужас на всю землю Северскую. В Почепе, худо укрепленном, начальствовал бодрый Москвитянин Федор Сукин: он сжег город, велел жителям удалиться и зарыть, чего они не могли взять с собою. Литовцы, завоевав единственно кучи пепла, ушли восвояси; а Шуйский, предав огню все места вокруг Княжичей, Шклова, Копоса, Орши, Дубровны, отступил к Смоленску.

Число врагов наших еще умножилось новою изменою Казани. Недовольные, как и всегда, господством России над ними; возбуждаемые к бунту Саип-Гиреем: презирая юного Царя своего и думая, что Россия с Государем-младенцем ослабела и в ее внутренних силах, тамошние Вельможи под руководством Царевны Горшадны и Князя Булата свергнули, умертвили Еналея за городом на берегу Казанки и, снова призвав к себе Сафа-Гирея из Тавриды, чтобы восстановить их свободу и независимость, женили его на Еналеевой супруге, дочери Князя Ногайского, Юсуфа. Желая узнать обстоятельства сей перемены, Бояре послали гонца в Казань с письмами к Царевне и к Уланам: он еще не возвратился, когда наши Служивые Городецкие Татары привезли весть, что многие из знатных людей Казанских тайно виделись с ними на берегу Волги; что они не довольны Царевною и Князем Булатом, имеют до пятисот единомышленников, хотят остаться верными России и надеются изгнать Сафа-Гирея, ежели Великий Князь освободит Шиг-Алея и торжественно объявит его их Царем. Бояре советовали Елене немедленно послать за Шиг-Алеем, который всё еще сидел в заключении на Белеозере: ему объявили Государеву милость, велели ехать в Москву и явиться во дворце. Опишем достопамятные подробности сего представления.

[1536 г.] Шестилетний Великий Князь сидел на троне: Алей, обрадованный счастливою переменою судьбы своей, пал ниц и стоя коленях, говорил речь о благодеяниях к нему отца Иоаннова винился в гордости, в лукавстве, в злых умыслах; славил великодушие Иоанна и плакал. На него надели богатую шубу. Он желал представиться и Великой Княгине. Василий Шуйский и Конюший Телепнев встретили Алея у саней. Государь находился у матери, в палате Св. Лазаря. Подле Елены сидели знатные Боярыни; далее, с обеих сторон, Бояре. Сам Иоанн принял Царя в сенях и ввел к Государыне. Ударив ей челом в землю, Алей снова клял свою неблагодарность, назывался холопом, завидовал брату Еналею, умершему за Великого Князя, и желал себе такой же участи, чтобы загладить преступление. Вместо Елены отвечал ему сановник Карпов, гордо и милостиво. «Царь Шиг-Алей! – сказал он: – Василий Иоаннович возложил на тебя опалу: Иоанн и Елена простили вину твою. Ты удостоился видеть лицо их! Дозволяем тебе забыть минувшее; но помни новый обет верности!» Алея отпустили с честью и с дарами. Жена его, Фатьма-Салтан, встреченная у саней Боярынями, а в сенях самою Еленою, обедала у нее в палате. Иоанн приветствовал гостью на языке Татарском и сидел за особенным столом с Вельможами: Царица же с Великою Княгиною и с Боярынями. Служили Стольники и Чашники. Князь Репнин был Кравчим Фатьмы. Елена в конце обеда подала ей чашу и – никогда, по сказанию Летописцев, не бывало великолепнейшей трапезы при Дворе Московском. Правительница любила пышность и не упускала случая показывать, что в ее руке держава России.

Между тем война с Казанью началась: ибо заговор некоторых Вельмож ее против Сафа-Гирея не имел действия, и сей Царь отвечал грубо на письмо Иоанново. Московские Полководцы, Князь Гундоров и Замыцкий, должны были идти из Мещеры на Казанскую землю; но, встретив Татар близ Волги, ушли назад и даже не уведомили Государя о неприятеле, который, нечаянно вступив в Нижегородскую область, злодействовал в ней свободно. Жители Балахны, имея более храбрости, нежели искусства, вышли в поле и были разбиты. Воеводы Нижегородские сошлись с Татарами под Лысковом: ни те, ни другие не хотели битвы; пользуясь темнотою ночи, Казанцы и Россияне бежали в разные стороны. Сие малодушие Московских Военачальников требовало примера строгости: Князя Гундорова и Замыцкого посадили в темницу, а на их место отправили Сабурова и Карпова, которые одержали наконец победу над многочисленными Казанскими и Черемисскими толпами в Корякове. Пленников отослали в Москву, где их, как вероломных мятежников, всех без исключения осудили на смерть.

Война Литовская продолжалась для нас с успехом, и существование новой Себежской крепости утвердилось знаменитою победою. Сигизмунд не мог равнодушно видеть сию крепость в своих пределах: он велел Киевскому Наместнику Немирову взять ее, чего бы то ни стоило. Войско его, составленное из 20 000 Литовцев и Поляков, обступило [27 Февраля] город. Началась ужасная пальба; земля дрожала, но стены были невредимы: худые пушкеры Литовские, вместо неприятелей, били своих; ядра летели вправо и влево: ни одно не упало в крепость. Россияне же стреляли метко и сделали удачную вылазку. Осаждающие пятились к озеру, коего лед с треском обломился под ними. Тут Воеводы Себежские, Князь Засекин и Тушин, не дали им опомниться: ударили, смяли, топили несчастных Литовцев; взяли их знамена, пушки и едва не всех истребили. Немиров на борзом коне ускакал от плена, чтобы донести старцу Сигизмунду о гибели его войска – и как сетовали в Киеве, в Вильне, в Кракове, так веселились в Москве; показывали народу трофеи – честили, славили мужественных Воевод. Елена в память сего блестящего успеха велела соорудить церковь Живоначальной Троицы в Себеже. Мы не давали покоя Литве: возобновив Почеп, Стародуб, – основав на ее земле, в Ржевском уезде, город Заволочье и Велиж в Торопецком, Князя Горенский и Барбашев выжгли посады Любеча, Витебска, взяли множество пленников и всякой добычи.

Следуя правилам Иоанна и Василия, Дума Боярская не хотела действовать наступательно против Хана. Толпы его разбойников являлись на берегах Быстрой Сосны и немедленно уходили, когда показывалось наше войско. Они дерзнули (в Апреле 1536 года) приступить к Белеву; но тамошний Воевода разбил их наголову. Хотя Ислам, осыпанный Королевскими дарами, примирился было с Саип-Гиреем, чтобы вместе тревожишь Россию нападениями: однако ж, уступая ему имя Царя, не уступал власти; началась новая ссора между ими, и вероломный Ислам отправлял в Москву гонца за гонцом с дружескими письмами, изъявляя ненависть к Саипу и к Царю Казанскому Сафа-Гирею.

Уже Сигизмунд – видя, что Россия и с Государем-младенцем сильнее Литвы, – думал о мире; изъявлял негодование нашим изменникам: держал Лятцкого под стражею и столь немилостиво обходился с Князем Симеоном Бельским, что он, пылая ненавистию к России, с досады уехал в Константинополь искать защиты и покровительства Султанова. Еще в Феврале 1536 года Королевский Вельможа, пан Юрий Радзивил, писал к любимцу Елены, Князю Телепневу (через его брата, бывшего Литовским пленником) о пользе мира для обеих Держав: Телепнев отвечал, что Иоанн не враг тишины. Но долго спорили о месте переговоров. Сигизмунд, прислав знатного чиновника поздравить Иоанна с восшествием на трон, желал, чтобы он, будучи юнейшим, из уважения к его летам отправил своих Вельмож в Литву для заключения мира; а Бояре Московские считали то несогласным с нашим государственным достоинством. Сигизмунд должен был уступить, и в начале 1537 года приехал в Москву Ян Глебович, Полоцкий Воевода, с четырьмястами знатных Дворян и слуг. Следуя обыкновению, обе стороны требовали невозможного: Литовцы Новагорода и Смоленска, мы Киева и всей Белоруссии; не только спорили, но и бранились; устали и решились заключить единственно перемирие на пять лет с условием, чтобы мы владели новыми крепостями Себежем и Заволочьем, а Литва Гомелем. Следственно, война кончилась уступкою и приобретением с обеих сторон, хотя и неважным. Боярин Морозов и Князь Палецкий отвезли перемирную грамоту к Сигизмунду. Они не могли склонить его к освобождению пленных Россиян. Дозволив Великокняжеским Послам свободно ездить через Литву к Императору и Королю Венгерскому, Сигизмунд не согласился пропустить Молдавского чиновника к нам, сказав, что Воевода Петр есть мятежник и злодей Польши. Если Политика Великих Князей не терпела согласия Литвы с Ханами

Крымскими, всячески питая вражду между ими: то и Крымцы не любили видеть нас в мире с Литвою, ибо война представляла им удобность к грабежу в наших и Королевских областях. Ислам, с неудовольствием сведав о мирных переговорах, уверял Иоанна в своей готовности наступить на Короля всеми силами и, в доказательство ревностной к нам дружбы, уведомлял, что Князь Симеон Бельский, приехав из Константинополя в Тавриду, хвалится с помощью Султана завоевать Россию. «Остерегись, – писал Ислам: – властолюбие и коварство Солимана мне известны: ему хочется поработить и северные земли Христианские, твою и Литовскую. Он велел Пашам и Саип-Гирею собирать многочисленное войско, чтобы изменник твой, Бельский, шел с ним на Россию. Один я стою в дружбе к тебе и мешаю их замыслу». Бельский действительно искал гибели отечества и, чтобы злодействовать тем безопаснее, хотел усыпить Правительницу уверениями в его раскаянии: писал к ней и требовал себе *опасной грамоты*, обещаясь немедленно быть в Москве, чтобы загладить вину своего бегства усердною службою. Мог ли такой преступник ждать милосердия от Елены? Сие мнимое раскаяние было новым коварством, и правительство наше не усомнилось также прибегнуть к обману, чтобы наказать злодея. Именем Иоанновым Бояре ответствовали ему, что преступление его, извиняемое юностию лет, забывается навеки; что и в древние времена многие знаменитые люди уходили в чужие земли, возвращались и снова пользовались милостию Великих Князей; что Иоанн с любовью встретит родственника, исправленного летами и опытностью. В то же время послали из Москвы гонца и дары к Исламу с убедительным требованием, чтобы он выдал нам или умертвил сего изменника. Но Ислама не стало: один из Князей Ногайских; Багый, друг Саип-Гиреев, в нечаянном нападении убил его и, пленив многих Крымцев, захватил между ими и Бельского, спасенного судьбою для новых преступлений: ибо Елена и Бояре тщетно хотели выкупить его, посылая деньги в Ногайские Улусы будто бы от матери и братьев Симеоновых: Князь Багый, в угодность Хану, отослал к нему сего важного пленника как его друга.

Смерть Исламова и восстановленное тем единовластие Саип-Гирея в Тавриде были для нас весьма неприятны. Ислам вероломствовал, но, будучи врагом сверженного им Хана и Казанского Царя, находил собственные выгоды в союзе с Россиею; а Саип-Гирей, покровительствуемый Султаном, имел тесную связь с мятежною Казанью и не без досады видел нашу дружбу к Исламу, хотя мы, более уважая последнего как сильнейшего, от времени до времени писали ласковые грамоты и к Саипу. Хан не замедлил оскорбить Великого Князя: ограбил Посла Московского в Тавриде; однако ж, как бы удовольствованный сею местию, известил нас о гибели своего злодея и предлагал Иоанну братство, желая даров и *запрещая* ему тревожить Казань. «Я готов жить с тобою в любви, – велел он сказать Великому Князю, – и прислать в Москву одного из знатнейших Вельмож своих, если ты пришлешь ко мне или Князя Василия Шуйского, или конюшего Телепнева, примиришься с *моею* Казанью и не будешь требовать дани с ее народа; но если дерзнешь воевать, то не хотим видеть ни послов, ни гонцов твоих: мы неприятели; вступим в землю Русскую, и всё будет в ней прахом!»

В сие время полки наши готовились идти на Казань. Ее хищники, рассеянные близ Волги верными Мещерскими Козаками, одержали верх над двумя Воеводами Московскими, Сабуровым и Князем Засекиным-Пестрым, убитым в сражении между Галичем и Костромою; а в Генваре 1537 года сам Царь Казанский нечаянно подступил к Мурому, сжег предместье, не взял города и бежал, увидев вдали наши знамена. Елена и Бояре, уже не опасаясь Литвы, хотя и сильно действовать против Казани, отвергнуть все мирные предложения Сафа-Гирея; но угрозы Хана казались столь важными, что государственный наш совет решился отложить войну, известив Саип-Гирея и Казанского Царя о согласии Великого Князя на мир с условием, чтобы Сафа-Гирей остался присяжником России. Бояре ответствовали Хану именем Иоанна: «Ты называешь Казань *своею*, но загляни в *старые летописи*: не тому ли всегда принадлежит Царство, кто завоевал его? Можно отдать оное другому; но сей будет уже подданным первого, как верховного владыки. Говоря о твоих мнимых правах, молчишь о существенных правах России. Казань наша, ибо дед мой покорил ее; а вы только обманом и коварством присвоивали себе временное господство над нею. Да будет всё по-старому, и мы останемся в братстве с тобою, забывая вины Сафа-Гиреев. Отправим к тебе знатного Посла, но не Шуйского и не Телепнева, которые по моей юности необходимы в Государственной Думе».

Сим заключились дела внешней политики Еленина правления, ознаменованного и некоторыми внутренними полезными учреждениями, в особенности строением новых крепостей, нужных для безопасности России.

Еще Великий Князь Василий, находя Кремль тесным для многолюдства Московского и недостаточным для защиты оного в случае неприятельского нашествия, хотел оградить столицу новою, обширнейшею стеною. Елена исполнила его намерение, и в 1534 году, Маия 20, начали копать глубокий ров от Неглинной вокруг посада (где были все купеческие лавки и торги) к Москве-реке через площадь Троицкую (место судных поединков) и Васильевский луг. Работали слуги придворные, Митрополитовы, Боярские и все жители без исключения, кроме чиновников или знатных граждан, и в Июне кончили; а в следующем году, Маия 16, после крестного хода и молебна, отпетою Митрополитом, Петрок Малой, *новокрещеный* Италиянец, заложил около рва каменную стену и четыре башни с воротами Сретенскими (Никольскими), Троицкими (Ильинскими), Всесвятскими (Варварскими) и Козмодемьянскими на Великой улице. Сей город был назван по-Татарски *Китаем*, или *средним*, как изъясняют. Кроме двух крепостей на Литовской границе, Елена основала 1) в Мещере город Мокшан, на месте, издревле именуемом *Мурунза*, 2) Буй город в Костромском уезде; 3) крепость Балахну у *Соли*, где прежде находился посад; 4) Пронск на старом городище. Владимир, Ярославль, Тверь, пожаром обращенные в пепел, были снова выстроены; Темников перенесен на удобное место; Устюг и Софийскую сторону в Новгороде окружили стенами; Вологду укрепили и распространили. Правительница, зная главную потребность Государства столь обширного и столь мало населенного, вызывала жителей из Литвы, давала им земли, преимущества, льготу и не жалела казны для искупления многих Россиян, увлекаемых Татарами в плен: для чего требовала вспоможения от Духовенства и богатых монастырей. Например, Архиепископ Макарий (в 1534 году) послал ей с своей Епархии 700 рублей, говоря: «душа человеческая дороже золота». Сей умный Владыка Новгородский, пользуясь уважением Двора, ездил в Москву не только молиться с Митрополитом о благоденствии России, но и способствовать оному мудрыми советами в Государственной Думе.

К чести Еленина правления Летописцы относят еще перемену в цене государственной монеты, вынужденную обстоятельствами. Из фунта серебра делали прежде обыкновенно *пять рублей и две гривны*, но, корыстолюбие изобрело обман: стали обрезать и переливать деньги для подмеси так, что из фунта серебра выходило уже десять рублей. Многие люди богатели сим ремеслом и произвели беспорядок в торговле: цены изменились, возвысились; продавец боялся обмана, весил, испытывал монету или требовал клятвы от купца, что она не поддельная. Елена запретила ход обрезных, нечистых и всех старых денег; указала перелить их и чеканить из фунта шесть рублей без всякого примеса; а *поддельщиков* и *обрезчиков* велела казнить (им лили растопленное олово в рот и отсекали руки). Изображение на монетах осталось прежнее: Великий Князь на коне, но не с мечом в руке, как дотоле, а с *копьем*, отчего стали они именоваться *копейками*.

Но Елена ни благоразумием своей внешней политики, ни многими достохвальными делами внутри Государства не могла угодить народу: тиранство и незаконная, уже всем явная любовь ее к Князю Ивану Телепневу-Оболенскому возбуждали к ней ненависть и даже презрение, от коего ни власть, ни строгость не спасают Венценосца, если святая добродетель отвращает от него лицо свое. Народ безмолвствовал на стогах: тем более говорили в тесном, для тиранов непроницаемом кругу семейств и дружества о несчастье видеть соблазн на троне. Правительница, желая обмануть людей и совесть, часто ездила с Великим Князем на богомолье в монастыри; но лицемерие, хитрость слабодушных, заслуживает единственно хвалу лицемерную и бывает пред неумолимым судилищем нравственности новым обвинением. – Ко гласу оскорбляемой добродетели присоединялся и глас зависти: один Телепнев был истинным Вельможею в Думе и в Государстве; другие, старейшие, назывались только именем Бояр: никто не имел заслуг, если не мог угодить любимцу Двора. Желали перемены – и Великая Княгиня, юная летами, цветущая здоровьем, вдруг скончалась [3 Апреля 1538 г.]. Современник, барон Герберштейн, в записках своих говорит утвердительно, что Елену отравили ядом. Он видит в сем случае одну *справедливую месть*, но ее нет ни для сына против отца, ни для подданного против Государя: а Елена, по малолетству Иоанна, законно властвовала в России. Худых Царей наказывает только Бог, совесть, история: их ненавидят в жизни, клянут и по смерти. Сего довольно для блага гражданских обществ, без яда и железа; или мы должны отвергнуть необходимый устав Монархии, что особа Венценосцев *неприкосновенна*. Тайна злодеяния не уменьшает его. Гнушаясь оным, согласимся, что известие Герберштейна вероятно. Летописцы не говорят ни слова о болезни Елены. Она преставилась во втором часу дня и в тот же день погребена в Вознесенском монастыре. Не сказано даже, чтобы Митрополит отпевал ее тело. Бояре и народ не изъявили, кажется, ни самой притворной горести. Юный Великий Князь плакал и бросился в

объятия к Телепневу, который один был в отчаянии, ибо только один мог всего лишиться и не мог уже ничего приобрести кончиною Елены. Народ спрашивал с любопытством: кто будет править Государством?

Глава II. Продолжение государствования Иоанна IV. Г. 1538–1547

Падение и смерть Кн. Телепнева. Господство Кн. Василия Шуйского. Освобождение Кн. Ивана Бельского и Андрея Шуйского. Смута Боярская. Кн. Иван Бельский снова заключен. Смерть к. Василия Шуйского. Господство его брата. Свержение Митрополита: избрание Иоасафа. Характер Кн. Ивана Шуйского и грабежи внутри Государства. Набеги внешних неприятелей. Посольства в Царь-град; в Стокгольм. Договор с Ганзою. Союз с Астраханью. Посольства Ногайские. Заговор против Шуйского. Освобождение Кн. Ивана Бельского и власть его. Прощение Кн. Владимира Андреевича и его матери. Облегчают судьбу Кн. Димитрия Углицкого. Прощение Кн. Симеона Бельского. Впадение Царя Казанского. Нашествие Хана Крымского. Великодушие народа и войска. Бегство неприятеля. Смута Бояр: падение Кн. Ивана Бельского. Ссылка Митрополита. Новое господство Кн. Ивана Шуйского. Посвящение Макария. Перемирие с Литвою. Набеги Крымцев, Ногаев. Дела Казанские. Сношения с Астраханью, с Молдавиею. Перемена в правлении. Наглость Шуйских. Худое воспитание Иоанна. Заговор против главных Вельмож. Падение Шуйских. Власть Глинских. Жестокость правления. Доброе согласие с Литвою. Рать на Казань. Шиг-Алей Царем в Казани и бежит оттуда. Поход к устью Свяги. Путешествия Великого Князя и неудовольствия народа.

Несколько дней протекло в неизвестности и в тишине для народа, в тайных совещаниях и в кознях для Вельмож честолюбивых. Доселе Правительница заменяла Государя: настало время совершенной Аристократии или державства Бояр при семилетнем Государе. Не многие из них смели желать верховного владычества над Россиею: прочие готовились единственно взять сторону тою или другого на выгоднейших для своей личной пользы условиях. Любимец Еленин, Князь Иван Телепнев, не дремал в бездействии: будучи другом и братом Иоанновой надзирательницы, Боярыни Агриппины Челядниной, он думал овладеть юным Монархом, не отходил от него, ласкался к нему и надеялся на усердие своих бывших друзей; но число их, с переменою обстоятельств, уменьшилось и ревность охладела. Внезапная кончина Еленина – и не естественная, как мнили – предвещала явление новых, сильнейших Властителей: чтобы узнать, кто мог быть ее тайным виновником, любопытные ждали, кто воспользуется оною? Сие справедливое, или, несмотря на вероятность (как часто бывает), ложное подозрение обратилось на старейшего Боярина Василия Васильевича Шуйского, потомка Князей Суздальских, изгнанных еще сыном Донского из их наследственного владения: злобствуя на Московских Государей, они служили Новугороду, и в последний день его свободы Князь Шуйский-Гребенка был там главным Воеводою. Видя решительное торжество Самодержавия в России, сии изгнанники, один за другим, вступили в службу Московскую и были знаменитейшими Вельможами. Князь Василий Васильевич, занимая первое место в Совете при отце Иоанновом, занимал оное и при Елене и тем более ненавидел ее временщика, который, уступая ему наружную честь, исключительно господствовал над Думою. Изготовив средства успеха, преклонив к себе многих Бояр и чиновников, сей властолюбивый Князь жестоким действием самовольства и насилия объявил себя главою правления: в седьмой день по кончине Елениной велел схватить любезнейших юному Иоанну особ: его надзирательницу, Боярыню Агриппину, и брата ее, Князя Телепнева, – оковать цепями, заключить в темницу, несмотря на слезы, на вопль державного, беззащитного отрока. Не суд и не праведная, но беззаконная, лютая казнь была жребием несчастного Вельможи, коему за неделю пред тем раболепствовали все Князья и Бояре. Телепнева уморили голодом, как Правительница или сам он уморил Глинского и дядей Иоанновых; но злодейство не оправдывает злодейства, и Летописцы осуждают сию личную месть, внушенную завистью к бывшему любимцу Елены, который хотел быть и любимцем сына ее. Телепнев имел ум, деятельность, благородное честолюбие; не боялся оставлять Двора для войны и, еще не довольный властью, хотел славы, которую дают дела, а не милость Государей. Сестру его, Боярыню Агриппину, сослали в Каргополь и постригли в Монахини. Дума, Государство и сам Государь сделались подвластны Василию Шуйскому и брату его, Князю

Ивану, также знаменитому члену Совета, где только один Боярин мог спорить с ними о старейшинстве, Князь Димитрий Бельский, родственник Иоаннов: они искали его дружбы. Брат Димитриев, Князь Иван Федорович, и Шуйский, Андрей Михайлович, сидели в темнице: их вместе освободили с честью как невинных; первый занял в Думе свое прежнее место; второго пожаловали в Бояре. Ослепленный гордостью, Князь Василий Шуйский хотел утвердить себя на вышней степени трона свойством с Государем и, будучи вдовцом лет пятидесяти или более, женился на, юной сестре Иоанновой, Анастасии, дочери Петра, Казанского Царевича. Но беспрекословное владычество сего Вельможи продолжалось только месяцев шесть: Князь Иван Бельский, им освобожденный, сделался его неприятелем, будучи в согласии с Митрополитом Даниилом, с Дворецким Михайлом Тучковым и с иными важными сановниками. Началось тем, что Бельский просил юного Иоанна дать Князю Юрию Булгакову-Голицыну Боярство, а сыну знаменитого Хабары Симского сан Окольничего, не сказав ни слова Шуйским, которые вспыхнули гневом. Вражда усилилась бранью: с одной стороны говорили о подлой неблагодарности, о гнусных кознях; с другой о самовластии, о тиранстве. Наконец Шуйские доказали свое могущество: снова заключили Князя Ивана Бельского в темницу, советников его разослали по деревням, а главному из них, Дьяку Федору Мишуруину, измученному воинами, раздетому, обнаженному, отсекли голову на плахе пред городской тюрьмою. Всё сие делалось именем Шуйских и Бояр, им преданных, а не именем Государя: то есть незаконно и нагло. Достойно замечания, что старший Князь Бельский, Димитрий, опять не имел участия в бедственной судьбе брата, спасаемый, как вероятно, своим осторожным, спокойным характером.

Уже самовластный Вельможа, Князь Василий, считал себя как бы Царем России: вдруг узнали об его болезни и смерти, которая могла быть естественною, но без сомнения служила поводом к разным догадкам и заключениям. Явив суетность властолюбия, она не исправила Бояр Московских, и брат Василиев, Князь Иван Шуйский, став их главою, мыслил единственно о том, чтобы довершить месть над врагами и сделать, чего не успел или не дерзнул исполнить умерший брат его. Ни святость сана, ни хитрость ума не спасли Митрополита Даниила: замышляв с Князем Иваном Бельским свергнуть Шуйских он сам был свержен с Митрополии указом Боярским и сослан в монастырь Иосифов, где строгою, постною жизнью имел способ загладить грехи своего придворного честолюбия и раболепства. Опасаясь упреков в беззаконии, Вельможи взяли с Даниила запись, коею сей бывший Архипастырь будто бы добровольно отказался от Святительства чтобы молиться в тишине уединения о Государе и Государстве. На его место Епископы поставили – *судьбами Божественными и Великокняжеским* (то есть Боярским) *изволением*) как сказано в летописи Иоасафа Скрыпицина, игумена Троицкого.

[1539 г.] Среди таких волнений и беспокойств, производимых личным властолюбием Бояр, Правительство могло ли иметь надлежащую твердость, единство, неусыпность для внутреннего благоустройства и внешней безопасности? Главный Вельможа, Князь Иван Шуйский не оказывал в делах ни ума государственного, ни любви к добру; был единственно грубым самолюбцем; хотел только помощников, но не терпел совместников; повелевал в Думе как деспот, а во дворце как хозяин, и величался до нахальства; например, никогда не стоял пред юным Иоанном, садился у него в спальне, опирался локтем о постелю, клал ноги на кресла Государевы; одним словом, изъяснял всю низкую малодушную спесь раба-господина. Упрекали Шуйского и в гнусном корыстолюбии; писали, что он расхитил казну и наковал себе из ее золота множество сосудов, велел вырезать на них имена своих предков. По крайней мере его ближние, клеветы, угодники грабили без милосердия во всех областях, где давались им нажиточные места или должности государственные. Так Боярин Андрей Михайлович Шуйский и Князь Василий Репнин-Оболенский, будучи Наместниками во Пскове, *свирепствовали как львы*, во выражении современника: не только угнетали земледельцев, граждан незаконными налогами, вымышляли преступления, ободряли лживых доносителей, возобновляли дела старые, требовали даров от богатых, безденежной работы от бедных: но и в самых святых обителях искали добычи с лютостию Могольских хищников; жители пригородов не смели ездить во Псков как в вертеп разбойников; многие люди бежали в иные страны; торжища и монастыри опустели. – К сему ужасному бедствию неправосудия и насилия присоединялись частые, опустошительные набеги внешних разбойников. Мы были, говорят Летописцы, жертвою и посмешищем неверных: Хан Крымский давал нам законы, Царь Казанский нас обманывал и грабил. Первый, задержав Великокняжеского чиновника, посланного к Господарю Молдавскому, писал к Иоанну: «Я сделал то, что вы несколько раз делали. Отец и мать твоя, не разумея государственных уставов, ловили, злодейски убивали моих Послов на пути в Казань: я также имею право мешать твоему

сообщению с моим недругом Молдавским. Ты хочешь от меня приязни: для чего же изъясняешься грубо? Знаешь ли, что у меня более ста тысяч воинов? Если каждый из них пленит хотя одного Русского; сколько тебе убытка, а мне прибыли? Не таюсь, ибо чувствую силу свою; всё объявляю наперед, ибо сделаю, что говорю. Где желаешь видеться со мною? в Москве, или на берегах Оки? Знай, что буду к тебе не один, но с Великим Султаном, который покорил вселенную от Востока до Запада. Укажу ему путь к твоей столице. Ты же что мне сделаешь? Злобствуй как хочешь, а в моей земле не будешь». Не только Иоанн III и Василий, но и Правительница, от времени до времени удовлетворяя корыстолюбию Ханов, изъясляли по крайней мере благородную гордость в переписке с ними и не позволяли им забываться. Владычество Шуйских ознаменовалось слабостию и робким малодушием в Политике Московской: Бояре даже не смели ответствовать Саип-Гирею на его угрозы; спешили отправить в Тавриду знатного Посла и купить вероломный союз варвара обязательством не воевать Казани; а Царь Казанский, уверяя нас в своем миролюбии, хотел, чтобы мы ежегодно присылали ему дары в знак уважения. Напрасно ждали его уполномоченных в Москву: они не ехали, а Казанцы два года непрестанно злодействовали в областях Нижнего, Балахны, Муром, Мещеры, Гороховца, Владимира, Шуи, Юрьевца, Костромы, Кинешмы, Галича, Тотьмы, Устюга, Вологды, Вятки, Перми; являлись единственно толпами, жгли, убивали, пленили, так что один из Летописцев сравнивает бедствия сего времени с Батыевым нашествием, говоря: «Батый протек молниею Русскую землю: Казанцы же не выходили из ее пределов и лили кровь Христиан как воду. Беззащитные укрывались в лесах и в пещерах; места бывших селений заросли диким кустарником. Обратив монастыри в пепел, неверные жили и спали в церквах, пили из святых сосудов, обдирали иконы для украшения жен своих усерзиями и монистами; сыпали горящие уголья в сапоги Инокам и заставляли их плясать; оскверняли юных Монахинь; кого не брали в плен, тем выкалывали глаза, обрезывали уши, нос; отсекали руки, ноги и – что всего ужаснее – многих приводили в Веру свою, а сии несчастные сами гнали Христиан как лютые враги их. Пишу не по слуху, но виденное мною и чего никогда забыть не могу». Что делали Правители Государства, Бояре? Хвалились своим терпением пред Ханом Саип-Гиреем, изъясняясь, что Казанцы терзают Россию, а мы, в угодность ему, не *двигаем ни волоса* для защиты своей земли! Бояре хотели единственно мира и не имели его; заключили союз с Ханом Саип-Гиреем и видели бесполезность оною. Послы Ханские были в Москве, а сын его, Иминь, с шайками своих разбойников грабил в Коширском уезде. Мы удовольствовались извинением, что Иминь не слушается отца и поступает самовольно.

Другие внешние действия России более соответствовали ее государственному достоинству. Чиновник Адашев ездил из Москвы с дружественными письмами к Султану и к Патриарху, Замыцкий из Новгорода к Королю Шведскому: в Константинополе и в Стокгольме оказали великую честь нашим Посланникам. Бояре подтвердили купеческий договор с Ганзою и возобновили союз с Астраханью, где опять Царствовал Абдыл-Рахман. Послы Ногайские одни за другими являлись в Москве, предлагая нам свои услуги и требуя единственно свободной торговли как милости. Литва, соблюдая перемирие, не тревожила России: старец Сигизмунд в покое доживал век свой.

[1540 г.] В сие время сделалась перемена в нашей Аристократии. Свергнув Митрополита Даниила, Князь Иван Шуйский считал нового Первосвятителя другом своим, но обманулся. Руководствуясь, может быть, любовью к добродетели, усердием к отечеству и видя неспособность Шуйского управлять Державою или по иным, менее достохвальным причинам, Митрополит Иоасаф осмелился ходатайствовать у юного Государя и в Думе за Князя Ивана Бельского. Многие Бояре пристали к нему: одни говорили только о милосердии, другие о справедливости, и вдруг именем Иоанновым, с торжеством вывели Бельского из темницы, посадили в Думу, а Шуйский, изумленный дерзостию Митрополита и Бояр, не успел отвратить удара: трепетал в злобе, клялся отмстить им за измену и с того дня не хотел участвовать в делах, ни присутствовать в Думе, где сторона Бельских, одержав верх, начала господствовать с умеренностию и благоразумием. Не было ни опал, ни гонения. Правительство стало попечительнее, усерднее к общему благу. Злоупотребления власти уменьшились. Сменили некоторых худых Наместников, и Псковитяне освободились от насилий Князя Андрея Шуйского, отозванного в Москву. Дума сделала для них то же, что Василий сделал для Новгородцев: возвратила им судное право. *Целовальники*, или присяжные, избираемые гражданами, начали судить все уголовные дела независимо от Наместников, к великой досаде сих последних, лишенных тем способа беззаконствовать и наживаться. Народ отдохнул во Пскове; славил

милость Великого Князя и добродетель Бояр. – Правительство заслужило еще хвалу освобождением двоюродного брата Иоаннова, юного Князя Владимира Андреевича, и матери его, заключенных Еленю: они переехали в свой дом и жили уединенно; а чрез год, в день Рождества Христова, мать и сын были представлены Иоанну. Им возвратили богатые поместья Андреевы и дозволили иметь Двор, Бояр и слуг Княжеских. – Назовем ли милостию скудное, жалостное благодеяние, оказанное тогда же другому родственнику Иоаннову? Внук Василия Темного, сын Андрея Углицкого, именем Димитрий, еще находился в числе живых, забвенный всеми, и сорок девять ужасных лет, от нежной юности до глубокой старости, сидел в темнице, в узах, один с Богом и мирною совестью, не оскорбив никого в жизни, не нарушив никакого устава человеческого, только за вины отца своего, имел несчастье родиться племянником Самодержца, коему надлежало истребить в России вредную систему Уделов и который любил единовластие более, нежели единокровных. Правители, желая быть милосердными, не решились возвратить Димитрия, как бы из могилы, чуждому для него миру: велели только освободить его от тягости цепей, впустить к нему в темницу более света и воздуха! Ожесточенный бедствием, Димитрий, может быть, в первый раз смягчился тогда душою и пролил слезы благодарности, уже не гнетомый, не язвимый оковами, видя солнце и дыша свободнее. Он содержался в Вологде: там и кончил жизнь. Брат его, Князь Иван, умер за несколько лет перед тем в Монашестве. Оба лежат вместе в Вологодской церкви Спаса на Прилуке.

Милуя или облегчая судьбу гонимых, первый Вельможа, Князь Иван Бельский, хотел и виновного брата своего, Симеона, возвратить отечеству и добродетели. Митрополит Иоасаф взялся быть ходатаем. Извиняли преступника чем только могли: юностию его лет, несносным тиранством и самовластием Еленина любимца. Государь простил: одно действие, коим история упрекает Князя Ивана Бельского! Изменник, предатель, наводив врагов на отечество, явился бы снова при дворе и в Думе с почестями, определенными для верных, знаменитых слуг Государства! Но Симеон не воспользовался милосердием, противным уставу справедливости и блага гражданских обществ. Гонец Московский уже не нашел Бельского в Тавриде: сей изменник был в поле с Ханом, замышляя гибель России: ибо Саип-Гирей клялся в дружбе к Великому Князю единственно для того, чтобы произвести в нас оплошность и нечаянностью впадения открыть себе путь в сердце Московских владений. Но Дума, под начальством Князя Ивана Бельского, радея о внутреннем благоустройстве, не выпускала из виду и внешней безопасности.

Тайно готовясь к войне, Хан приглашал и Царя Казанского идти на Россию: к счастью нашему, им неудобно было действовать в одно время: первый ждал весны и подножного корма в степях; а второй, не имея сильной рати судовой, боялся летом оставить за спиною Волгу, где, в случае его бегства, Россияне могли бы утопить Казанцев. Ободряемый нашим долговременным терпением и бездействием, Сафа-Гирей, в декабре 1540 года миновав Нижний Новгород, успел беспрепятственно достигнуть Мурома, но далее не мог ступить ни шага: воины и граждане бились мужественно на стенах и в вылазках; Князь Димитрий Бельский шел из Владимира, а Царь Алей с своими верными Татарами из Касимова, истребляя рассеянные толпы неприятелей в Мещерской земле и в селах Муромских. Сафа-Гирей бежал назад, и так скоро, что Воеводы Московские не догнали его. – Сей не весьма удачный поход умножил число недовольных в Казани: тамошние Князья и знатнейший из них, Булат, тайно писали в Москву, чтобы государь послал к ним войско; что они готовы убить или выдать нам Сафа-Гирея, который, отнимая собственность у Вельмож и народа, шлет казну в Тавриду. Бояре велели немедленно соединиться полкам из семнадцати городов в Владимире, под начальством Князя Ивана Васильевича Шуйского; ответствовали Булату ласково, обещая ему милость и забвение прошедшего; но ждали дальнейших вестей из Казани, чтобы послать туда войско.

[1541 г.] Еще Хан Саип-Гирей скрывал свои замыслы: Посол Иоаннов, Князь Александр Кашин, жил в Тавриде, а Ханский, именем Тагалдый, в Москве; но Бояре угадывали, что Царь Казанский действовал по согласию с Крымом и для того, на всякий случай, собрали войско в Коломне, где сам юный Иоанн осмотрел его стан. Весною узнали в Москве (чрез пленников, ушедших из Тавриды), что Хан двинулся к пределам России со всею Ордою, не оставив дома никого кроме жен, детей и старцев; что у него дружина Султанова с огнестрельным снарядами; что к нему присоединились еще толпы из Ногайских Улусов, из Астрахани, Кафы, Азова; что Князь Симеон Бельский взялся быть его путеводителем. Наместнику Путивльскому, Федору Плещееву, велено было удостовериться в истине сего известия: люди, посланные им в степи, видели там следы прошедшего войска, тысяч ста или более. Тогда Князь Димитрий Бельский, в сане Главного Воеводы, прибыл в Коломну и вывел рать в поле. Князь Иван Васильевич

Шуйский остался в Владимире с Царем Шиг-Алеем; многочисленные дружины шли отовсюду к Серпухову, Калуге, Туле, Рязани. Наши смелые лазутчики встретили Хана близ Дона: они смотрели на полки его и не видали им конца в степях открытых. Уже Саип-Гирей был на сей стороне Дона; приступал к Зарайску и не мог взять крепости, отраженный славным мужеством ее Воеводы, Назара Глебова.

Между тем как наши полки располагались станом близ Оки, Москва умилялась зрелищем, действительно трогательным: десятилетний Государь с братом своим, Юрием, молился Всевышнему в Успенском храме пред Владимирскою иконою Богоматери и гробом Св. Петра Митрополита о спасении отечества; плакал и в слух народа говорил: «Боже! Ты защитил моего прадеда в нашествие лютого Темир-Аксака: защити и нас, юных, сирых! Не имеем ни отца, ни матери, ни силы в разуме, ни крепости в деснице; а Государство требует от нас спасения!» Он повел Митрополита в Думу, где сидели Бояре, и сказал им: «Враг идет: решите, здесь ли мне быть, или удалиться?» Бояре рассуждали тихо и спокойно. Одни говорили, что Великие Князья в случае неприятельских нашествий никогда не заключались в Москве. Другие так ответствовали: «Когда Едигей шел к столице, Василий Димитриевич удалился, чтобы собирать войско в областях Российских, но в Москве оставил Князя Владимира Андреевича и своих братьев. Ныне Государь у нас отрок, а брат его еще малолетнее: детям ли скакать из места в место и составлять полки? Не скорее ли впадут они в руки неверных, которые без сомнения рассеются и по иным областям, ежели достигнут Москвы?» Митрополит соглашался с последними и говорил: «Где искать безопасности Великому Князю? Новгород и Псков смежны с Литвою и с Немцами; Кострома, Ярославль, Галич подвержены набегам Казанцев; и на кого оставить Москву, где лежат Святые Угодники? Димитрий Иоаннович оставил ее без Воеводы сильного: что же случилось? Господь да сохранит нас от такого бедствия! Нет нужды собирать войско: одно стоит на берегах Оки, другое в Владимире с Царем Шиг-Алеем, и защитят Москву. Имеем силу, имеем Бога и Святых, коим отец Иоаннов поручил возлюбленного сына: не унывайте!» Все Бояре единодушно сказали: «Государь! останься в Москве!» – и Великий Князь изустно дал повеление градским прикащикам готовиться к осаде. Ревность, усердие оживляли воинов и народ. Все клялись умереть за Иоанна, стоять твердо за святыя церкви и дома свои. Людей расписали на дружины для защиты стен, ворот и башен; везде расставили пушки; укрепили посады надолбами. Никто не мыслил о бегстве, и Летописцы удивляются сему общему вдохновению мужества как бы действию сверхъестественному.

То же было и в войске. Полководцы обыкновенно считались тогда в старейшинстве или в знатности родов между собою и не хотели зависеть от младших, ни от равных, вопреки Государеву назначению. Василий и отец его умели обуздывать их *местничество*, но юность Иоаннова, вселяя бесстрашие и дерзость в главных чиновников, довела сие зло до крайности. Прения и вражда господствовали в станах. Великий Князь послал Дьяка своего, Ивана Курицына, с письмом к Димитрию Бельскому и к его знаменитым сподвижникам; убеждал их оставить все личности, все несогласия и свары, – соединиться духом и сердцем за отечество, за веру и Государя юного, который уповаet единственно на Бога и на их оружие. «Ока да будет неодолимою преградой для Хана! – писал Иоанн. – А если не удержит врага, то заградите ему путь к Москве своею грудью. Сразитесь крепко во имя Бога всемогущего! Обещаю любовь и милость не только вам, но и детям вашим. Кто падет в битве, того имя велю вписать в *Книги животные*, того жена и дети будут моими ближними». Воеводы слушали грамоту с умилением. «Так! – говорили они: – забудем вражду и самих себя; вспомним милость Великого Князя Василия; послужим Иоанну, коего слабая рука еще не владеет оружием; послужим *малому*, да от *великого* честь примем! Если исполнится наше ревностное желание; если победим, то не в одной Русской, но и в чуждых, отдаленных землях прославимся. Мы не бессмертны: умрем же за отечество! Бог и Государь не забудут нас». Сии дотоле сварливые, упрямые Воеводы плакали, обнимали друг друга в восторге великодушия; назывались братьями; клялись вместе победить или оставить кости свои на берегу Оки. Они вышли из шатра, читали войску письмо Иоанново, говорили речи сильные с глубоким, добродетельным чувством. Действие было неописанное. Воины кричали: «Хотим, хотим пить смертную чашу с Татарами за Государя юного! Когда вы, отцы наши, согласны между собою, идем с радостью на врагов неверных!» И все полки двинулись вперед, многочисленные, стройные и бодрые.

Уже Хан пришел к Оке и [30 Июля] стал на высотах. Другой берег ее был занят Московскою передовою дружиною под начальством Князей Ивана Турунтая-Пронского и Василия Охлябина-Ярославского. Татары – думая, что у нас нет более войска, – спустили плоты

на реку и хотели переправится; а Турки стреляли из пушек, из пищалей, чтобы отбить Россиян, которые, действуя одними стрелами, сперва было дрогнули и замешались... Но приспели Князья Пунков-Микулинский и Серебряный-Оболенский с полками: Россияне стали твердо. Скоро явились новые, густые толпы их и ряды необозримые: Князья Михайло Кубенский, Иван Михайлович Шуйский и сам Димитрий Бельский водрузили на берегу свои знамена. С правой и левой стороны еще шло войско; вдаль показалась многочисленная запасная стража. Хан видел, изумлялся и с гневом сказал изменнику нашему, Симеону Бельскому, и Вельможам: «Вы обманули меня, уверив, что Россия не в силах бороться в одно время с Казанью и со мною. Какое войско! Ни я, ни опытные старцы мои не видывали подобного». Объятый ужасом, он хотел бежать: Мурзы удержали его. С обеих сторон летали ядра, пули и стрелы; ввечеру татары отступили к высотам, а Россияне, одушевленные мужеством, кричали им: «идите сюда; мы вас ожидаем!»

Наступила ночь: Воеводы Иоанновы, по словам Летописцев, *пировали духом*, готовясь к решительной битве следующего дня. Не было ни страха, ни сомнений; не хотели отдыха; стук оружия и шум людей не умолкали в стане; приходили новые дружины одна за другою с тяжелым огнестрельным снарядам. Хан непрестанно слышал издали радостные клики в нашем войске; видел при свете огней, как мы ставили пушки на холмах берега-и не дождался утра: терзаемый страхом, злобою, стыдом, ускакал в телеге; за ним побежало и войско, истребив часть обоза, другую же и несколько пушек Султановых оставив нам в добычу. Тогда в первый раз мы увидели в руках своих Оттоманские трофеи! – С сею счастливою вестию Димитрий Бельский послал в Москву Князя Ивана Кашина, а Князей Микулинского и Серебряного вслед за Ханом. Они пленили отсталых, которые известили их, что Саип-Гирей идет к Пронску. Хвалившись стать на Воробьевых горах и разорить все области Московские, он думал уменьшить стыд свой взятием сей маловажной крепости, подобно Тамерлану, не завоевавшему в России ничего, кроме Ельца. Тогда главный наш Воевода отрядил вперед новые полки, чтобы скорее выгнать Хана из пределов России.

3 августа [1541 г.] Саип-Гирей обступил Пронск, где начальствовал Василий Жулебин, у коего было немного людей, но много смелости: он пушками, кольями и камнями отбил неприятеля. Мурзы хотели говорить с ним: Жулебин явился на стене. «Сдайся, – сказали они: – Царь обещает тебе милость, или будет стоять здесь, пока возьмет город». Витязь отвечив: «Божиею волею ставится град, и никто не возьмет его без воли Божией. Пусть Царь стоит: увидит скоро Воевод Московских». Саип-Гирей велел готовить туры для нового, сильнейшего приступа; а Жулебин вооружил не только всех граждан, но и самых жен. Груды камней и колев лежали на стене; котлы кипели с водою; над заряженными пушками горели фитили. Тогда осажденные получили весть, что Князья Микулинский и Серебряный уже близко: клики веселья раздались в городе. Хан узнал о том, сжег туры и 6 Августа удалился от Пронска, гонимый нашими Воеводами до самого Дона; а Князь Воротынский разбил Царевича Иминя, который было остановился для грабежа в Одоевском уезде.

Вся Россия торжествовала сие счастливое изгнание сильного врага из недр ее; славила Государя и Полководцев. Юность Иоаннова, умильтельная для сердец во дни страха, была особенною прелестию и торжества народного, когда державный отрок в храме Всевышнего благодарил Небо за спасение России; когда именем отечества изъявлял признательность Воеводам и когда они, тронутые его милостию, с радостными слезами отвечали ему: «Государь! мы победили твоими Ангельскими молитвами и твоим *счастьем!*» Народ всего более верит *счастью*, и молодые лета Иоанновы открывали неизмеримое поле для надежды. – Так чувствовали современники, которые видели в Саип-Гирее нового Мамай или Тамерлана и хвалились его бегством как славным для России происшествием. Они не думали о будущем. Что случилось, могло и впредь случиться. Россия, уже действительно сильная, оставалась еще жертвою *внезапных* нападений: мы хотели, чтобы неприятель давал нам время изготавиться к обороне; выгоняли его, но села наши пустели, и Государство лишалось главной своей драгоценности: людей! Только опыты веков приводят истинные меры государственной безопасности в твердую систему.

Князь Иван Бельский, будучи душою Правительства, стоял на вышней степени счастья, опираясь на личную милость державного отрока, уже зреющего душою, – на ближнее с ним родство, на успехи оружия, на дела человеколюбия и справедливости. Совесть его была спокойна, народ доволен... и втайне кипела злоба, коварствовала зависть, неусыпная в свете, особенно деятельная при Дворе. Здесь История наша представляет опасность великодушия, как

бы в оправдание жестоких, мстительных властолюбцев, дающих мир врагам только в могиле. Князь Иван Бельский, освобожденный Митрополитом и Боярами, мог бы поменяться темницею с Шуйским; мог бы отнять у него и свободу и жизнь: но презрел бессильную злобу и сделал еще более: оказал уважение к его ратным способностям и дал ему Воеводство: что назвали бы мы ошибкою великодушия, если бы оно имело целию не внутреннее удовольствие сердца, не добродетель, а выгоды страстей. Шуйский, с гневом уступив власть своему неосторожному противнику, думал единственно о мести, и знаменитые Бояре, Князя Михайло, Иван Кубенские, Дмитрий Палецкий, Казначей Третьяков вошли с ним в заговор, чтобы погубить Бельского и Митрополита, связанных дружбою и, как вероятно, усердною любовию к отечеству. Не было, кажется, и предлога благовидного: заговорщики хотели просто, низвергнув Властелина, занять его место и доказать не правость, а силу свою. Они преклонили к себе многих Дворян, Детей Боярских, не только в Москве, но и в разных областях, особенно в Новгороде. Шуйский, находясь с полками в Владимире, чтобы идти на Казань, обещаниями и ласками умножил число своих единомышленников в войске; взял с них тайную присягу, дал знать Московским клеветам, что время приступить к делу, и послал к ним из Владимира с сыном, Князем Петром, триста надежных всадников. Ночью 3 Генваря [1542 г.] сделалась ужасная тревога в Кремле: заговорщики схватили Князя Ивана Бельского в его доме и посадили в темницу; также верных ему друзей, Князя Петра Щенятева и знатного сановника Хабарова: первого извлекли задними дверьми из самой комнаты Государевой; окружили Митрополитовы келии, бросали камнями в окна и едва не убили Иоасафа, который бежал от них на Троицкое подворье: Игумен Лавры и Князь Дмитрий Палецкий только именем Св. Сергия могли удержать неистовых детей Боярских, поднявших руку на Архипастыря. Митрополит искал безопасности во дворце юного Иоанна; но Государь, пробужденный свирепым воплем мятежников, сам трепетал как несчастная жертва. Бояре с шумом вошли за Иоасафом в комнату Великого Князя; взяли, отправили Митрополита в ссылку, в монастырь Кириллов на Белеозере; велели придворным Священникам за три часа до света петь заутреню; кричали, господствовали, как бы завоевав престол и церковь; не думали о соблюдении ни малейшей пристойности; действовали в виде бунтовщиков; устрашили столицу. Никто в сию ужасную ночь не смыкал глаз в Москве. На рассвете прискакал Шуйский из Владимира и сделался вторично главою Бояр. Князя Ивана Бельского послали в заточение на Белоозеро, Щенятева в Ярославль, Хабарова в Тверь. Тишина и спокойствие восстановились. Но Шуйский еще не был доволен: опасаясь перемены, добродетели Князя Ивана Бельского и общей к нему любви, он велел убить его, по согласию с Боярами, без ведома Государева. Три злодея убили сего несчастного Князя в темнице: Вельможу благодушного, воина мужественного, Христианина просвещенного, как пишут современники. Некогда подозреваемый в тайном лихоимстве, за излишнее миролюбие, оказанное им в двух войнах Казанских, он славою последних лет своей жизни оправдался в народном мнении.

Россия уже знала Шуйского и не могла ожидать от его правления ни мудрости, ни чистого усердия к государственному благу; могла единственно надеяться, что власть сего человека, снисканная явным беззаконием, не продолжится. Дума осталась как была: только некоторые члены ее, смотря по их отношениям к главному Вельможе, утратили силу свою или приобрели новую. Князь Дмитрий Бельский оплакивал брата и сидел на первом месте в Совете, как старший именем Боярин. Надлежало избрать Митрополита: малолетство Иоанново давало Архипастырю Церкви еще более важности; он имел свободный доступ к юному Государю, мог советовать ему, смело противоречить Боярам и действовать на умы граждан Христианскими увещаниями. Шуйский и друзья его не хотели вторично ошибиться в сем выборе, медлили около двух месяцев и призвали Архиепископа Макария, славного умом, деятельностью, благочестием: любя и мирскую честь, он, может быть, оказал им услуги в Новгороде и склонил жителей онога на их сторону, в надежде заступить место Иоасафа. Через семь дней нарекли Макария Первосвятителем и возвели на двор Митрополичий, а через десять дней посвятили. Таким образом Князь Иван Шуйский самовластно свергнул двух Митрополитов единственно по личной к ним ненависти, без всякого суда и законного предлога. Духовенство молчало и повиновалось. – Все прежние насилия, несправедливости возобновились. Льгота и права, данные областным жителям в благословенное господствование Князя Бельского, уничтожились происками Наместников. Россия сделалась опять добычею клеветов, ближних и слуг Шуйского. Но Иоанн возростал!

Важнейшим делом внешней политики сего времени было новое перемирие с Литвою на семь лет, заключенное в Москве [в 1542 г.] Королевскими Панами, Яном Глебовичем и Никодимом. Хотели и вечного мира с обеих сторон, но не согласились, как и прежде, в условиях.

Бояре домогались размена пленных: Король требовал за то Чернигова и шести других городов, боясь, кажется, чтобы Литовские пленники не возвратились к нему с изменою в сердце и чтобы Российские не открыли нам новых способов победы. Наконец положили единственно не воевать друг друга и купцам торговать свободно. Сигизмунд уже слабел: Паны договаривались именем его сына и наследника, Августа. В присутствии юного Иоанна читали грамоты: Великий Князь целовал крест и дал руку послам; а Боярин Морозов ездил в Литву для размена грамот. Ему велено было предстательствовать за наших пленников, чтобы их не держали в узах и позволяли им ходить в церковь: последнее утешение для злосчастных, осужденных умереть в стране неприятельской! – Между тем спорили о землях Себежских и других; хотели и не могли размежеваться. Чиновник Сукин, посланный для того в Литву, должен был в тайной беседе с ее Вельможами сказать им, что Иоанн уже ищет себе невесты и что Бояре Московские желают знать их мысли о пользе родственного союза между Государями обеих Держав. В донесении Сукина не находим ответа на сие предложение.

Испытав неудачу, Хан Саип-Гирей согласился быть в дружбе с нами, отпустил Иоаннова Посла, Князя Александра Кашина, в Москву и дал ему новую *шертную грамоту*, но сын Ханский, Иминь, и хищные Мурзы тревожили набегами Северскую область и Рязань. Воеводы Московские встретили их, побили Крымцев на славном поле Куликове и гнали до реки Мечи. – Казанцы требовали мира; но Князь Булат уж не хотел свергнуть Сафа-Гирея и писал о том к Боярину, Димитрию Бельскому, а Царевна Горшадна к самому Иоанну. Сия Царевна славилась ученостию и волхвованием. Летописцы уверяют, что она торжественно предсказывала скорую гибель Казани и величие России. Дума Боярская не отвергала мира; но Сафа-Гирей медлил и не заключал оного. – Дружественные сношения продолжались с Астраханью и с Молдавиею. Царевич Астраханский, Едигер, приехал служить в Россию. Воевода Молдавский, Иван Петрович, внук Стефанов, писал к Великому Князю, что Солиман, изгнав его, умилился и возвратил ему Молдавию, но требует, сверх ежегодной дани, около трехсот тысяч золотых, коих нельзя собрать в земле опустошенной. Господарь молил Иоанна о денежном вспоможении, которое и было послано. [1543 г.] Но смуты и козни придворные занимали Думу более, нежели внутренние и внешние дела государственные. Недолго Князь Иван Васильевич Шуйский пользовался властью: болезнь, как надобно думать, заставила его отказаться от Двора. Он жил еще года два или три, не участвуя в правлении, но сдав оное своим ближним родственникам, трем Шуйским: Князьям Ивану и Андрею Михайловичам и Федору Ивановичу Скопину, которые не имея ни великодушия, ни ума выпренного, любили только господствовать и не думали заслуживать любви сограждан, ни признательности юного Венценосца истинным усердием к отечеству. Искусство сих олигархов состояло в том, чтобы не терпеть противоречия в Думе и допускать до Государя единственно преданных им людей, удаляя всех, кто мог быть для них опасен или смелостию, или разумом, или благородными качествами сердца. Но Иоанн, приходя в смысл, уже чувствовал тягость беззаконной опеки, ненавидел Шуйских, особенно Князя Андрея, наглого, свирепого, и склонялся душою к их явным или тайным недоброхотам, в числе коих был советник Думы, Федор Семенович Воронцов. Олигархи желали пристойным образом удалить его и не могли; злобствовали и, видя возрастающую к нему любовь Иоаннову, решились прибегнуть к насилию: во дворце, в торжественном заседании Думы, в присутствии Государя и Митрополита, Шуйские с своими единомышленниками, Князьями Кубенскими, Палецким, Шкурлятевым, Пронскими и Алексеем Басмановым, после шумного прения о мнимых винах сего любимца Иоаннова вскочили как неистовые, извлекли Воронцова силою в другую комнату, мучили, хотели умертвить. Юный Государь в ужасе молил Митрополита спасти несчастного: Первосвященник и Бояре Морозовы говорили именем Великого Князя, и Шуйские, как бы из милости к нему, дали слово оставить Воронцова живого, но били, толкали его, вывели на площадь и заключили в темницу. Иоанн вторично отправил к ним Митрополита и Бояр с убеждением, чтобы они послали Воронцова на службу в Коломну, если нельзя ему быть при дворе и в Москве. Шуйские не согласились: Государь должен был утвердить их приговор, и Воронцова с сыном отвезли в Кострому. Изображая тогдашнюю наглость Вельмож, Летописец рассказывает, что один из их клеветов, Фома Головин, в споре с Митрополитом наступив на его мантию, изорвал оную в знак презрения.

Сии крайности беззаконного, грубого самовластия и необузданных страстей в Правителях государства ускорили перемену, желаемую народом и неприятелями Шуйских. Иоанну исполнилось тринадцать лет. Рожденный с пылкою душою, редким умом, особенною силою воли, он имел бы все главные качества великого Монарха, если бы воспитание образовало или

усовершенствовало в нем дары природы; но рано лишенный отца, матери и преданный в волю буйных Вельмож, ослепленных безрассудным, личным властолюбием, был на престоле несчастнейшим сиротою Державы Российской: ибо не только для себя, но и для миллионов готовил несчастье своими пороками, легко возникающими при самых лучших естественных свойствах, когда еще ум, исправитель страстей, нем в юной душе и если, вместо его, мудрый пестун не изъясняет ей законов нравственности. Один Князь Иван Бельский мог быть наставником и примером добродетели для отрока державного; но Шуйские, отняв достойного Вельможу у Государя и Государства, старались привязать к себе Иоанна исполнением всех его детских желаний: непрестанно забавляли, тешили во дворце шумными играми, в поле звериною ловлею; питали в нем склонность к сластолюбию и даже к жестокости, не предвидя следствий. Например, любя охоту, он любил не только убивать диких животных, но и мучить домашних, бросая их с высокого крыльца на землю; а Бояре говорили: «пусть Державный веселится!» Окружив Иоанна толпою молодых людей, смеялись, когда он бесчинно резвился с ними или скакал по улицам, давил жен и старцев, веселился их криком. Тогда Бояре хвалили в нем смелость, мужество, проворство! Они не думали толковать ему святых обязанностей Венценосца, ибо не исполняли своих; не пеклись о просвещении юного ума, ибо считали его невежество благоприятным для их властолюбия; ожесточали сердце, презирали слезы Иоанна о Князе Телепневе, Бельском, Воронцове в надежде загладить свою дерзость угождением его вредным прихотям, в надежде на ветренность отрока, развлекаемого ежеминутными утехами. Сия безумная система обрушилась над главою ее виновников. Шуйские хотели, чтобы Великий Князь помнил их угождения и забывал досады: он помнил только досады и забывал угождения, ибо уже знал, что власть принадлежит ему, а не им. Каждый день, приближая его к совершенному возрасту, умножал козни в Кремлевском дворце, затруднения господствующих Бояр и число их врагов, между коими сильнейшие были Глинские, Государевы дядья, Князя Юрий и Михайло Васильевичи, мстительные, честолюбивые: первый заседал в Думе; второй имел знатный сан Конюшого. Они, несмотря на бдительность Шуйских, внушали тринадцатилетнему племяннику, оскорбленному ссылкой Воронцова, что ему время объявить себя действительным Самодержцем и свергнуть хищников власти, которые, угнетая народ, тиранят Бояр и ругаются над самим Государем, угрожая смерти всякому, кого он любит; что ему надобно только вооружиться мужеством и повелеть; что Россия ожидает его слова. Вероятно, что и благоразумный Митрополит, недовольный дерзким насилием Шуйских, оставил их сторону и то же советовал Иоанну. Умели скрыть важный замысел: двор казался совершенно спокойным. Государь, следуя обыкновению, ездил осенью молиться в Лавру Сергиеву и на охоту в Волок Ламский с знатнейшими сановниками, весело праздновал Рождество в Москве и вдруг, созвав Бояр, в первый раз явился повелительным, грозным; объявил с твердостью, что они, употребляя во зло юность его, беззаконствуют, самовольно убивают людей, грабят землю; что многие из них виновны, но что он казнит только виновнейшего: Князя Андрея Шуйского, главного советника тиранства. Его взяли и предали в жертву Псарям, которые на улице истерзали, умертвили сего знатнейшего Вельможу. Шуйские и друзья их безмолвствовали: народ изъявил удовольствие. Огласили злодеяния убитого. Пишут, что он, ненасытимый в корыстолюбии, под видом купли отнимал Дворянские земли; угнетая крестьян; что даже и слуги его господствовали и тиранствовали в России, не боясь ни судей, ни законов. Но сия варварская казнь, хотя и заслуженная недостойным Вельможею, была ли достойна истинного Правительства и Государя? Она явила, что бедствие Шуйских не умудрило их преемников; что не закон и не справедливость, а только одна сторона над другою одержала верх, и насилие уступило насилию: ибо юный Иоанн без сомнения еще не мог властвовать сам собою: Князя Глинские с друзьями повелевали его именем, хотя и сказано в некоторых летописях, что «с того времени Бояре начали иметь страх от Государя».

[1544–1546 г.] Опалы и жестокость нового правления действительно устрашили сердца. Сослали Федора Шуйского-Скопина, Князя Юрия Темкина, Фому Головина и многих иных чиновников в отдаленные места: а знатного Боярина Ивана Кубенского, сына двоюродной тетки Государевой, Княжны Углицкой, посадили в темницу: он находился в тесной связи с Шуйскими, но отличался достоинствами, умом, тихим нравом. Его заключили в Переславле вместе с женою, там, где сидел некогда злосчастный Князь Андрей Углицкий с детьми своими. Казнь, изобретенная варварством, была участию сановника придворного Афанасия Бутурлина, обвиненного в дерзких словах: ему отрезали язык пред темницею в глазах народа. Через пять месяцев освободив Кубенского, Государь снова возложил на него опалу, также на Князей Петра

Шуйского, Горбатого, Дмитрия Палецкого и на своего любимца, Боярина Федора Воронцова; простил их из уважения к ходатайству Митрополита, но не надолго. Разнесся слух, что Хан Крымский готовится идти к нашим пределам: сын его, Иминь, за несколько месяцев пред тем свободно грабил в уездах Одоевском и Белевском (где наши Воеводы только спорили о старейшинстве, не двигаясь с места для отражения неприятеля). Сам Иоанн, уже вступив в лета юности, предводительствовал многочисленною ратню, ездил водою на богомолье в Угрешский монастырь Св. Николая, прибыл к войску и жил в Коломне около трех месяцев. Хан не явился. Воинский стан сделался Двором, и злые честолюбцы занимались кознями. Однажды Государь, по своему обыкновению выехав на звериную ловлю, был остановлен пятидесятью новгородскими пищальниками, которые хотели принести ему какие-то жалобы: Иоанн не слушал и велел своим дворянам разогнать их. Новгородцы противились: началась битва; стреляли из ружей, секлись мечами, умертвили с обеих сторон человек десять. Государь возвратился в стан и велел Ближнему Дьяку, Василию Захарову, узнать, кто подучил Новгородцев к дерзости и мятежу? Захаров, может быть, по согласию с Глинскими, донес ему, что Бояре Князь Иван Кубенский и Воронцовы, Федор и Василий, суть тайные виновники мятежа. Сего было довольно: без всякого дальнейшего исследования гневный Иоанн велел отрубить им головы, объявив, что они заслужили казнь и прежними своими беззакониями во время Боярского правления! Летописцы свидетельствуют их невинность, укоряя Федора Воронцова единственно тем, что он желал исключительного первенства между Боярами и досадовал, когда Государь без его ведома оказывал другим милости. Способствовал падению Шуйских и был врагом Кубенского, сей несчастный любимец положил голову на одной с ним плахе!.. Так новые Вельможи, пестуны или советники Иоанновы, приучали юношу-Монарха к ужасному легкомыслию в делах правосудия, к жестокости и тиранству! Подобно Шуйским, они готовили себе гибель; подобно им, не удерживали, но стремили Иоанна на пути к разврату и пеклись не о том, чтобы сделать верховную власть благотворною, но чтобы утвердить ее в руках собственных.

В отношении к иным Державам мы действовали с успехом и с честью. Король Польский сдал правление сыну, Сигизмунду-Августу, который, известив о том великого Князя, уверял Россию в своем миролюбии и в твердом намерении исполнять заключенный с нею договор. — Обманы Царя и Вельмож Казанских вывели Иоанна из терпения. Две рати, одна из Москвы, другая из Вятки, в один день и час сошлись под стенами Казани, обратили в пепел окрестности и *кабаки Царские*, убили множество людей близ города и на берегах Свяги, взяли знатных пленников и благополучно возвратились. Сие внезапное нашествие Россиян заставило думать Царя, что Казанские Вельможи тайно подвели их: он хотел мстить; умертвил некоторых Князей, иных выгнал и произвел всеобщее озлобление, коего следствием было то, что Казанцы, требуя войска от Иоанна, желали выдать ему Сафа-Гирея с тридцатью Крымскими сановниками. Государь обещал послать войско, но хотел, чтобы они прежде свергнули и заключили Царя. Бунт действительно открылся: Сафа-Гирей бежал, и многие из Крымцев были истерзаны народом. Сеит, Уланы, Князья, все чиновники Казанские, дав клятву быть верными России, снова приняли к себе Царя Шиг-Алея, торжественно возведенного на престол Князьями Дмитрием Бельским и Палецким; веселились, праздновали и снова изменили. Как бы в предчувствии неминуемого, скорого конца державы их они сами не знали, чего хотели, волнуемые страстями и в затмении ума; взяли Царя не для того, чтобы повиноваться, но чтобы его именем управлять землею; держали как пленника, не позволяли ему выезжать из города, ни показываться народу; пировали во дворце и гремели оружием; пили из золотых сосудов Царских и брали оные себе; верных слуг Алеевых заключили в темницу, даже умертвили некоторых и требовали, чтобы Царь в письмах к Иоанну хвалился их усердием! Летописец рассказывает, что Шиг-Алей предвидел свою участь и только из повиновения к Великому Князю согласился ехать в Казань. Он терпел месяц в безмолвии, имея доверенность к одному из знатнейших Князей, именем Чуре, преданному России. Сей добрый Вельможа не мог усосветить Властителей Казанских, тщетно грозив им пагубными следствиями безумного непостоянства: раздражив Шиг-Алея и боясь мести Иоанновой, они вздумали опять призвать Сафа-Гирея, который с толпами Ногайскими уже был на Каме. Князь Чура известил Алея о сем заговоре, советовал ему бежать и приготовил суда. Настал какой-то праздник: Вельможи и народ пили до ночи, заснули глубоким сном и не видали, как Царь вышел из дворца и благополучно уехал Волгою в Россию; а Сафа-Гирей, в третий раз сев на престоле Казанском, начал Царствовать ужасом: убил Князя Чуру и многих знатных людей, окружил себя Крымцами, Ногаями и ненавидя своих подданных, хотел только держать их в страхе. Семьдесят шесть Князей и Мурз, братья Чурины, верные Алею, и самые неистовые

злодеи его, обманутые Сафа-Гиреем, искали убежища в Москве. Вслед за ними явились и послы горной Черемисы с уверением, что их народ весь готов присоединиться к нашему войску, если оно вступит в Казанские пределы. Тогда была зима; отложив полную месть до лета, но желая удостовериться в благоприятном для нас расположении дикарей Черемисских, Иоанн отрядил несколько полков к устью Свияги. Князь Александр Горбатый предводительствовал ими и сражался единственно с зимними вьюгами, нигде не находя сопротивления. Ему не велено было осаждать Казани: он удовольствовался добычею и привел с собою в Москву сто воинов Черемисских, которые служили нам залогом в верности их народа.

Между тем Великий Князь ездил по разным областям своей державы, но единственно для того, чтобы видеть славные их монастыри и забавляться звериною ловлею в диких лесах: не для наблюдения государственных, не для защиты людей от притеснения корыстолюбивых Наместников. Так он был с братьями Юрием Васильевичем и Владимиром Андреевичем в Владимире, Можайске, Волоке, Ржеве, Твери, Новгороде, Пскове, где, окруженный сонмом Бояр и чиновников, не видал печалей народа и в шуме забав не слышал стенаний бедности; скакал на борзых ишаках и оставлял за собою слезы, жалобы, новую бедность: ибо сии путешествия Государевы, не принося ни малейшей пользы Государству, стоили денег народу: Двор требовал угощения и даров. – Одним словом, Россия еще не видала отца-Монарха на престоле, утешаясь только надеждою, что лета и зрелый ум откроют Иоанну святое искусство Царствовать для блага людей.

Глава III. Продолжение государствования Иоанна IV. Г. 1546–1552

Царское венчание Иоанна. Брак Государев. Добродетели Анастасии. Пороки Иоанновы и худое правление. Пожары в Москве. Бунт черни. Чудное исправление Иоанна. Сильвестр и Адашев. Речь Государева на лобном месте. Перемена Двора и властей. Кротость правления. Судебник. Обуздание местничества. Стоглав. Уставные грамоты. Избрание присяжных. Учреждения церковные. Намерение просветить Россию. Воинские деяния. Поход на Казань. Перемирие с Литвою. Дела Крымские. Смерть Царя Казанского. Поход на Казань. Избрание места для новой крепости. Впадение Ногаев. Основание Свияжска. Покорение Горной стороны. Ужас Казанцев. Мирные условия с ними. Сююмбака. Новое воцарение Шиг-Алея. Освобождение пленников. Неверность Казанцев и жестокость их Царя. Переговоры с Алеем. Царь оставляет Казань. Последняя измена Казанцев.

Великому Князю исполнилось 17 лет от рождения. Он призвал Митрополита и долго говорил с ним наедине. Митрополит вышел от него с лицом веселым, отпел молебен в храме Успения, послал за Боярами – даже и за теми, которые находились в опале, – и вместе с ними был у Государя. Еще народ ничего не ведал; но Бояре, подобно Митрополиту, изъявляли радость. Любопытные угадывали причину и с нетерпением ждали открытия счастливой тайны.

Прошло три дни. Велели собраться двору: Первосвященитель, Бояре, все знатные сановники окружали Иоанна, который, помолчав, сказал Митрополиту: «Уповаю на милость Божию и на Святых заступников земли Русской, имею намерение жениться: ты, отче, благословил меня. Первою моею мыслию было искать невесты в иных Царствах; но, рассудив основательнее, отлагаю сию мысль. Во младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, могу не сойтись нравом с иноземкою: будет ли тогда супружество счастьем? Желая найти невесту в России по воле Божией и твоему благословию». Митрополит с умилением отвечивал: «Сам Бог внушил тебе намерение столь возжеланное для твоих подданных! Благословляю оное именем Отца Небесного». Бояре плакали от радости, как говорит летописец, и с новым восторгом прославили мудрость Державного, когда Иоанн объявил им другое намерение: «еще до своей женитьбы исполнить древний обряд предков его и *венчаться на Царство*». Он велел Митрополиту и Боярам готовиться к сему великому торжеству, как бы утверждающему печатью Веры святой союз между Государем и народом. Оно было не новое для Московской Державы: Иоанн III *венчал* своего внука *на Царство*, но советники Великого Князя – желая или дать более важности сему обряду, или удалить от мыслей горестное воспоминание о судьбе Димитрия Иоанновича – говорили единственно о древнейшем примере Владимира Мономаха, на коего Митрополит Ефесский возложил венец, златую цепь и бармы Константиновы. Писали и

рассказывали, что Мономах, умирая, отдал Царскую утварь шестому сыну своему, Георгию; велел только хранить ее как зеницу ока и передавать из рода в род без употребления, доколе Бог не умиловится над бедною Россиею и не воздвигнет в ней истинного Самодержца, достойного украситься знаками могущества. Сие предание вошло в летописи XVI века, когда Россия действительно увидела Самодержца на троне и Греция, издыхая в бедствии, отказала нам величие своих Царей.

Генваря 16 [1547 г.], утром, Иоанн вышел в столовую комнату, где находились все Бояре; а Воеводы, Князья и чиновники, богато одетые, стояли в сенях. Духовник Государев, Благовещенский Протоиерей, взяв из рук Иоанновых, на златом блюде, Животворящий Крест, венец и бармы, отнес их (провожаемый Конюшим, Князем Михайлом Глинским, Казначейми и Дьяками) в храм Успения. Скоро пошел туда и Великий Князь: перед ним Духовник с крестом и святою водою, кропя людей на обеих сторонах; за ним Князь Юрий Василиевич, Бояре, Князья и весь Двор. Вступив в церковь, Государь приложился к иконам: священные лики возгласили ему многолетие; Митрополит благословил его. Служили молебен. Посреди храма, на амвоне с двенадцатью ступенями, были изготовлены два места, одетые златыми паволоками; в ногах лежали бархаты и камки: там сели Государь и Митрополит. Пред амвоном стоял богато украшенный налой с Царскою утварию: Архимандриты взяли и подали ее Макарию: он встал вместе с Иоанном и, возлагая на него крест, бармы, венец, громогласно молился, чтобы Всевышний оградил сего Христианского Давида силою Св. Духа, посадил на престол добродетели, даровал ему ужас для строптивых и *милостивое око* для послушных. Обряд заключился возгласением нового многолетия Государю. Приняв поздравление от Духовенства, Вельмож, граждан, Иоанн слушал Литургию, возвратился во дворец, ступая с бархата на камку, с камки на бархат. Князь Юрий Василиевич осыпал его в церковных дверях и на лестнице золотыми деньгами из мисы, которую нес за ним Михайло Глинский. Как скоро Государь вышел из церкви, народ, дотоле неподвижный, безмолвный, с шумом кинулся обдирать *Царское место*, всякий хотел иметь лоскут паволоки на память великого дня для России.

Одним словом, сие торжественное венчание было повторением Димитриева, с некоторою переменою в словах молитв и с тою разностию, что Иоанн III сам (а не Митрополит) надел венец на главу юного Монарха. *Современные* Летописцы не упоминают о *скипетре*, ни о *миропомазании*, ни о *причащении*, не сказывают также, чтобы Макарий говорил Царю поучение: самое умное, красноречивое не могло быть столь действительно и сильно, как искреннее, умиленное воззвание к Богу Вседержителю, дающему и властителей народам и добродетель властителям! С сего времени Российские Монархи начали уже не только в сношениях с иными Державами, но и внутри Государства, во всех делах и бумагах, именоваться *Царями*, сохраняя и титул *Великих Князей*, освященный древностию; а книжники Московские объявили народу, что сим исполнилось пророчество Апокалипсиса о *шестом Царстве*, которое есть Российское. Хотя титул не придает естественного могущества, но действует на воображение людей, и библейское имя Царя, напоминая Ассирийских, Египетских, Иудейских, наконец, Православных Греческих Венценосцев, возвысило в глазах Россиян достоинство их Государей. «Смирились, – говорят Летописцы, – враги наши, Цари неверные и Короли нечестивые: Иоанн стал на первой степени державства между ими!» Достоинно примечания, что Константинопольский Патриарх Иоасаф, в знак своего усердия к Венценосцу России, в 1561 году соборною грамотою утвердил его в сане Царском, говоря в ней: «Не только предание людей достоверных, но и самые летописи свидетельствуют, что нынешний Властитель Московский происходит от незабвенной Царицы Анны, сестры Императора Багрянородного, и что Митрополит Ефесский, уполномоченный для того Собором Духовенства Византийского, венчал Российского Великого Князя Владимира на Царство». Сия грамота подписана тридцатью шестью Митрополитами и Епископами Греческими.

Между тем знатные сановники, Окольничие, Дьяки объезжали Россию, чтобы видеть *всех* девиц благородных и представить лучших невест Государю: он избрал из них юную Анастасию, дочь вдовы Захарьиной, которой муж, Роман Юрьевич, был Окольничим, а свекор Боярином Иоанна III. Род их происходил от Андрея Кобылы, выехавшего к нам из Пруссии в XIV веке. Но не знатность, а личные достоинства невесты оправдывали сей выбор, и современники, изображая свойства ее, приписывают ей все женские добродетели, для коих только находили они имя в языке Русском: целомудрие, смирение, набожность, чувствительность, благодать, соединенные с умом основательным; не говорят о красоте: ибо она считалась уже необходимою принадлежностью счастливой Царской невесты. Совершив обряд венчания [13 февраля] в храме

Богоматери, Митрополит сказал новобрачным: «Днесь таинством Церкви соединены вы навеки, да вместе поклоняетесь Всевышнему и живете в добродетели; а добродетель ваша есть правда и милость. Государь! люби и чти супругу; а ты, христоролюбивая Царица, повинуйся ему. Как святой крест Глава Церкви, так муж глава жены. Исполняя усердно все заповеди Божественные, узрите благая Иерусалима и мир во Израиле». Юные супруги явились глазам народа: благословения гремели на стогнах Кремля. Двор и Москва праздновали несколько дней. Царь сыпал милости на богатых: Царица питала нищих. Воспитанная без отца в тишине уединения, Анастасия увидела себя как бы действием сверхъестественным пренесенную на феатр мирского величия и славы; но не забылась, не изменилась в душе с обстоятельствами и, все относя к Богу, поклонялась ему и в Царских чертогах так же усердно, как в смиренном, печальном доме своей вдовы матери. Прервав веселые пиры двора, Иоанн и супруга его ходили пешком зимою в Троицкую Сергиеву Лавру и провели там первую неделю Великого Поста, ежедневно моляся над гробом Св. Сергия.

Сия набожность Иоаннова, ни искренняя любовь к добродетельной супруге, не могли укротить его пылкой, беспокойной души, стремительной в движениях гнева, приученной к шумной праздности, к забавам грубым, неблагочинным. Он любил показывать себя Царем, но не в делах мудрого правления, а в наказаниях, в необузданности прихотей; играл, так сказать, милостями и опалами: умножая число любимцев, еще более умножал число отверженных; своевольствовал, чтобы доказывать свою независимость, и еще зависел от Вельмож, ибо не трудился в устройении Царства и не знал, что Государь истинно независимый есть только Государь добродетельный. Никогда Россия не управлялась хуже: Глинские, подобно Шуйским, делали что хотели именем юноши-Государя; наслаждались почестями, богатством и равнодушно видели неверность частных Властителей; требовали от них раболепства, а не справедливости. Кто уклонялся пред Глинскими, тот мог смело давить пятою народ, и быть их слугою значило быть господином в России. Наместники не знали страха – и горе угнетенным, которые мимо Вельмож шли ко трону с жалобами! Так граждане Псковские, последние из присоединенных к Самодержавию и смелейшие других (весною в 1547 году), жаловались новому Царю на своего Наместника, Князя Турунтая-Пронского, угодника Глинских. Иоанн был тогда в селе Островке: семьдесят челобитчиков стояло перед ним с обвинениями и с уликами. Государь не выслушал: закипел гневом; кричал, топал; лил на них горящее вино; палил им бороды и волосы; велел их раздеть и положить на землю. Они ждали смерти. В сию минуту донесли Иоанну о падении большого колокола в Москве: он ускакал в столицу и бедные Псковитяне остались живы. – Честные Бояре с потупленным взором безмолвствовали во дворце: шуты, скоморохи забавляли Царя, а льстецы славляли его мудрость. Добродетельная Анастасия молилась вместе с Россиею, и Бог услышал их. Характеры сильные требуют сильного потрясения, чтобы свергнуть с себя иго злых страстей и с живою ревностью устремиться на путь добродетели. Для исправления Иоаннова надлежало сгореть Москве!

Сия столица ежегодно возрастала своим пространством и числом жителей. Дворы более и более стеснялись в Кремле, в Китае; новые улицы примыкали к старым в посадах; дома строились лучше для глаз, но не безопаснее прежнего: тленные громады зданий, где-где разделенные садами, ждали только искры огня, чтобы сделаться пеплом. Летописи Москвы часто говорят о пожарах, называя иные *великими*, но никогда огонь не свирепствовал в ней так ужасно, как в 1547 году. 12 апреля сгорели лавки в Китае с богатыми товарами, гостиные казенные дворы, обитель Богоявленская и множество домов от Ильинских ворот до Кремля и Москвыреки. Высокая башня, где лежал порох, взлетела на воздух с частию городской стены, пала в реку и запрудила оную кирпичами. 20 Апреля обратились в пепел за Яузою все улицы, где жили гончары и кожевники; а 24 Июня, около полудня, в страшную бурю начался пожар за Неглинною, на Арбатской улице с церкви Воздвижения; огонь лился рекою, и скоро вспыхнул Кремль, Китай, Большой посад. Вся Москва представила зрелище огромного пылающего костра под тучами густого дыма. Деревянные здания исчезали, каменные распадались, железо рдело как в горниле, медь текла. Рев бури, треск огня и вопль людей от времени до времени был заглушаем взрывами пороха, хранившегося в Кремле и в других частях города. Спасали единственно жизнь: богатство, праведное и неправедное, гибло. Царские палаты, казна, сокровища, оружие, иконы, древние хартии, книги, даже Мощи Святых истлели. Митрополит молился в храме Успения, уже задыхаясь от дыма: силою вывели его оттуда и хотели спустить на веревке с тайника к Москвыреке: он упал, расшибся и едва живой был отвезен в Новоспасский монастырь. Из собора вынесли только образ Марии, писанный Св. Петром Митрополитом, и *правила церковные*,

привезенные Киприаном из Константинополя. Славная Владимирская икона Богоматери оставалась на своем месте: к счастью, огонь, разрушив кровлю и паперти, не проник во внутренность церкви. – К вечеру затихла буря, и в три часа ночи угасло пламя; но развалины курились несколько дней, от Арбата и Неглинной до Яузы и до конца Великой улицы, Варварской, Покровской, Мясницкой, Дмитровской, Тверской. Ни огороды, ни сады не уцелели: деревья обратились в уголь, трава в золу. Сгорело 1700 человек, кроме младенцев. Нельзя, по сказанию современников, ни описать, ни вообразить сего бедствия. Люди с опаленными волосами, с черными лицами, бродили как тени среди ужасов обширного пепелища: искали детей, родителей, остатков имения; не находили и выли как дикие звери. «Счастливы, – говорит летописец, – кто, умиляясь душою, мог плакать и смотреть на небо!» Утешителей не было: Царь с Вельможами удалился в село Воробьево как бы для того, чтобы не слышать и не видеть народного отчаяния. Он велел немедленно возобновить Кремлевский дворец; богатые также спешили строиться; о бедных не думали... Сим воспользовались неприятели Глинских: Духовник Иоаннов, Протоиерей Феодор, Князь Скопин-Шуйский, Боярин Иван Петрович Федоров, Князь Юрий Темкин, Нагой и Григорий Юрьевич Захарьин, дядя Царицы: они составили заговор; а народ, несчастием расположенный к иступлению злобы и к мятежу, охотно сделался их орудием.

В следующий день Государь поехал с Боярами навестить Митрополита в Новоспасской обители. Там Духовник его, Скопин-Шуйский и знатные их единомышленники объявили Иоанну, что Москва сгорела от волшебства некоторых злодеев. Государь удивился и велел исследовать сие дело Боярам, которые, чрез два дни приехав в Кремль, собрали граждан на площади и спрашивали, кто жег столицу? В несколько голосов отвечали им: «Глинские! Глинские! Мать их, Княгиня Анна, вынимала сердца из мертвых, клала в воду и кропила ею все улицы, ездя по Москве. Вот от чего мы сгорели!» Сию басню выдумали и разгласили заговорщики. Умные люди не верили ей, однако ж молчали: ибо Глинские заслужили общую ненависть. Многие поджигали народ, и самые Бояре. Княгиня Анна, бабка Государева, с сыном Михаилом находилась тогда во Ржевском своем поместье. Другой сын ее, Князь Юрий, стоял на Кремлевской площади в кругу Бояр: изумленный нелепым обвинением и видя ярость черни, он искал безопасности в церкви Успения, куда вломился за ними народ. Совершилось дотоле неслыханное в Москве злодейство: мятежники в святом храме убили родного дядю Государева, извлекли его тело из Кремля и положили на лобном месте; разграбили имение Глинских, умертвили множество их слуг и Детей Боярских. Никто не унимал беззакония: правительства как бы не было...

В сие ужасное время, когда юный Царь трепетал в Воробьевском дворце своем, а добродетельная Анастасия молилась, явился там какой-то удивительный муж именем Сильвестр, саном Иерей, родом из Новагорода; приблизился к Иоанну с подъятым, угрожающим перстом, с видом пророка, и гласом убедительным возвестил ему, что суд Божий гремит над главою Царя легкомысленного и злострасного; что огонь Небесный испепелил Москву; что сила Вышняя волнует народ и лиет фиал гнева в сердца людей. Раскрыв Святое Писание, сей муж указал Иоанну правила, данные Вседержителем сонму Царей земных; заклинал его быть ревностным исполнителем сих уставов; представил ему даже какие-то страшные видения, потряс душу и сердце, овладел воображением, умом юноши и произвел чудо: Иоанн сделался иным человеком; обливаясь слезами раскаяния, простер десницу к наставнику вдохновенному; требовал от него силы быть добродетельным – и приял оную. Смиранный Иерей, не требуя ни высокого имени, ни чести, ни богатства, стал у трона, чтобы утверждать, ободрять юного Венценосца на пути исправления, заключив тесный союз с одним из любимцев Иоанновых, Алексеем Федоровичем Адашевым, прекрасным молодым человеком, коего описывают земным Ангелом: имея нежную, чистую душу, нравы благие, разум приятный, основательный и бескорыстную любовь к добру, он искал Иоанновой милости не для своих личных выгод, а для пользы отечества, и Царь нашел в нем редкое сокровище, друга, необходимо нужного Самодержцу, чтобы лучше знать людей, состояние Государства, истинные потребности оногo: ибо Самодержец с высоты престола видит лица и вещи в обманчивом свете отдаления; а друг его как подданный стоит наряду со всеми, смотрит прямее в сердца и вблизи на предметы. Сильвестр возбудил в Царе желание блага: Адашев облегчил Царю способы благотворения. – Так повествует умный современник, Князь Андрей Курбский, бывший тогда уже знатным сановником двора. По крайней мере здесь начинается эпоха Иоанновой славы, новая, ревностная деятельность в правлении, ознаменованная счастливыми для Государства успехами и великими намерениями.

[1548–1550 гг.] Во-первых, обуздали мятежную чернь, которая на третий день по убиении Глинского явилась шумною толпою в Воробьеве, окружила дворец и кричала, чтобы Государь выдал ей свою бабку, Княгиню Анну, и сына ее Михайла. Иоанн велел стрелять в бунтовщиков: толпу рассеяли; схватили и казнили некоторых; многие ушли; другие падали на колена и винулись. Порядок восстановился. Тогда Государь изъявил попечительность отца о бедных: взяли меры, чтобы никто из них не остался без крова и хлеба.

Во-вторых, истинные виновники бунта, подстрекатели черни, Князь Скопин-Шуйский с клеветами обманулись, если имели надежду, свергнув Глинских, овладеть Царем. Хотя Иоанн пощадил их, из уважения ли к своему Духовнику и к дяде Царицы, или за недостатком ясных улик, или предав одному суду Божию такое дело, которое несмотря на беззаконие способов, удовлетворяло общей справедливой ненависти к Глинским: но мятежное господство Бояр рушилось совершенно, уступив место единовластию Царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественным действием Веры утвердить благословенную перемену в правлении и в своем сердце, Государь на несколько дней уединился для поста и молитвы; созвал святителей, умиленно каялся в грехах и, разрешенный, успокоенный ими в совести, причастился Святых Таин. Юное, пылкое сердце его хотело открыть себя пред лицом России: он велел, чтобы из всех городов прислали в Москву людей избранных, всякого чина или состояния, для важного дела государственного. Они собрались – и в день Воскресный, после Обедни, Царь вышел из Кремля с Духовенством, с крестами, с Боярами, с дружиною воинскою на лобное место, где народ стоял в глубоком молчании. Отслужили молебен. Иоанн обратился к Митрополиту и сказал: «Святый Владыко! знаю усердие твое ко благу и любовь к отечеству: будь же мне поборником в моих благих намерениях. Рано Бог лишил меня отца и матери; а Вельможи не радели о мне: хотели быть самовластными; моим именем похитили саны и чести, богатели неправдою, теснили народ – и никто не претил им. В жалком детстве своем я казался глухим и немым: не внимал стенанию бедных, и не было обличения в устах моих! Вы, вы делали что хотели, злые крамольники, судии несправедливые! Какой ответ дадите нам ныне? Сколько слез, сколько крови от вас пролилося? Я чист от сея крови! А выждите суда небесного!»... Тут Государь поклонился на все стороны и продолжал: «Люди Божии и нам Богом дарованные! молю вашу Веру к Нему и любовь ко мне: будьте великодушны! Нельзя исправить *минувшего* зла: могу только *впредь* спасти вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет! Оставьте ненависть, вражду; соединимся все любовью Христианскою. Отныне я судия ваш и защитник». В сей великий день, когда Россия в лице своих поверенных присутствовала на лобном месте, с благоговением внимая искреннему обету юного Венценовца жить для ее счастья, Иоанн в восторге великодушия объявил искреннее прощение виновным Боярам; хотел, чтобы Митрополит и Святители также их простили именем судии Небесного; хотел, чтобы все Россияне братски обнялись между собою; чтобы все жалобы и тяжбы прекратились миром до назначенного им срока. – В тот же день он поручил Адашеву принимать челобитные от бедных, сирот, обиженных и сказал ему торжественно: «Алексий! ты не знатен и не богат, но добродетелен. Ставлю тебя на место высокое не по твоему желанию, но в помощь души моей, которая стремится к таким людям, да утолите ее скорбь о несчастных, коих судьба мне вверена Богом! Не бойся ни сильных, ни славных, когда они, похитив честь, беззаконствуют. Да не обманут тебя и ложные слезы бедного, когда он в зависти клеветает на богатого! Все рачительно испытывай и доноси мне истину, страшася единственно суда Божия». Народ плакал от умиления вместе с юным своим Царем.

Царь говорил и действовал, опираясь на чету избранных, Сильвестра и Адашева, которые приняли в священный союз свой не только благоразумного Митрополита, но и всех мужей добродетельных, опытных, в маститой старости еще усердных к отечеству и прежде отгоняемых от трона, где ветреная юность не терпела их угрюмого вида. Ласкатели и шуты онемели при Дворе; в Думе заграждались уста наветникам и кознодеям, а правда могла быть откровенною. Несмотря на доверенность, которую Иоанн имел к Совету, он сам входил и в государственные и в важнейшие судные дела, чтобы исполнить обет, данный им Богу и России. Везде народ благословил усердие правительства к добру общему, везде сменяли недостойных Властителей: наказывали презрением или темницею, по без излишней строгости; хотели ознаменовать счастливую государственную перемену не жестокою казнию худых старых чиновников, а лучшим избранием новых, как бы объявляя тем народу, что злоупотребления частной власти бывают обыкновенным неминуемым следствием усыпления или разврата в главном начальстве: где оно терпит грабеж, там грабители почти невинны, пользуясь дозволяемым. Только в одних

самодержавных Государствах видим сии легкие, быстрые переходы от зла к добру: ибо все зависит от воли Самодержца, который, подобно искусному механику, движением перста дает ход громадам, вращает махину неизмеримую и влечет ею миллионы ко благу или бедствию.

Вообще мудрая умеренность, человеколюбие, дух кротости и мира сделались правилом для Царской власти. Весьма немногие из прежних Царедворцев – и самые злейшие были удалены; других обуздали или исправили, как пишут. Духовник Иоаннов, Протоиерей Феодор, один из главных виновников бывшего мятежа, терзаемый совестью, заключился в монастыре. В Думу поступили новые Бояре: дядя Царицы, Захарьин, Хабаров (верный друг несчастного Ивана Бельского), Князя Куракин-Булгаков, Данило Пронский и Дмитрий Палецкий, коего дочь, Княжна Иулиания, удостоилась тогда чести быть супругою шестнадцатилетнего брата Государева, Князя Юрия Васильевича. Отняв у ненавистного Михайла Глинского знатный сан конюшого, оставили ему Боярство, поместья и свободу жить, где хочет; но сей Вельможа, утраченный судьбою брата, вместе с другом своим, Князем Турунтаем-Пронским, бежал в Литву. За ними гнался Князь Петр Шуйский: видя, что им нельзя уйти, они возвратились в Москву и, взятые под стражу, клялись, что ехали не в Литву, а на богомолье в Оковец. Несчастных уличили во лжи, но милостиво простили, извинив бегство их страхом. – В самом семействе государском, где прежде обитали холодность, недоверие, зависть, вражда, Россия увидела мир и тишину искренней любви. Узнав счастье добродетели, Иоанн еще более узнал цену супруги добродетельной: утверждаемый прелестною Анастасиею во всех благих мыслях и чувствах, он был и добрым Царем и добрым родственником: женив Князя Юрия Василиевича, избрал супругу и для Князя Владимира Андреевича, девицу Евдокию, из рода Нагих; жил с первым в одном дворце; ласкал, чтит обоих; присоединяя имена их к своему в государственных указах, писал: «Мы уложили с братьями и с Боярами».

Желая уподобиться во всем великому Иоанну III – желая, по его собственному слову, быть *Царем правды*, – он не только острил меч на врагов иноплеменных, но в цветущей юности лет занялся и тем важным делом государственным, для коего в самые просвещенные времена требуется необыкновенных усилий разума и коим немногие Венценосцы приобрели истинную, бессмертную славу: *законодательством*. Окруженный сонмом Бояр и других мужей, сведущих в искусстве гражданском, Царь предложил им рассмотреть, дополнить Уложение Иоанна III согласно с новыми опытами, с новыми потребностями России в ее гражданской и государственной деятельности. Вышел *Судебник* (в 1550 году), или *вторая Русская Правда*, вторая полная система наших древних законов, достойная подробного изложения в статье особенной, где будем говорить вообще о тогдашнем состоянии России. Здесь скажем единственно, что Иоанн и добрые его советники искали в труде своем не блеска, не суетной славы, а верной, явной пользы, с ревностною любовию к справедливости, к благоустройству; не действовали воображением, умом не обгоняли настоящего порядка вещей, не терялись мыслями в возможностях будущего, но смотрели вокруг себя, исправляли злоупотребления, не изменяя главной, древней основы законодательства; все оставили, как было и чем народ казался довольным: устраняли только причину известных жалоб; хотели лучшего, не думая о совершенстве и без учености, без феории, не зная ничего, кроме России, но зная хорошо Россию, написали книгу, которая будет всегда любопытною, доколе стоит наше отечество: ибо она есть верное зеркало нравов и понятий века. – В прибавлениях к Судебнику находится и важный по тогдашнему времени указ о *местничестве*, Государь еще не мог совершенно искоренить сего великого зла, а хотел единственно умерить оное, запретив Детям Боярским и Княжатам считаться родом с Воеводами; уставил также, что Воевода Большого Полку должен быть всех знатнее; что начальники Передового и Сторожевого полку ему одному уступают в старейшинстве и не считаются с Воеводами правой и левой руки; что Государю принадлежит судить о родах и достоинствах; что кто с кем послан, тот тому и повинуется.

Одобрив Судебник, Иоанн назначил быть в Москве *Собору слуг Божиих*, и в 1551 году, 23 Февраля, дворец Кремлевский наполнился знаменитейшими мужами Русского Царства, духовными и мирскими. Митрополит, девять Святителей, все Архимандриты, Игумены, Бояре, сановники первостепенные сидели в молчании, устремив взор на Царя-юношу, который с силою ума и красноречия говорил им о возвышении и падении Царств от мудрости или буйства властей, от благих или злых обычаев народных; описал все претерпенное *вдовствующею* Россиею во дни его сиротства и юности, сперва невинной, а после развратной; упомянул о слезной кончине дядей своих, о беспорядках Вельмож, коих худые примеры испортили в нем сердце; но повторил, что все минувшее предано им забвению. Тут Иоанн изобразил бедствие Москвы, обращенной в

пепел, и мятеж народа. «Тогда, – сказал он, – ужаснулась душа моя и кости во мне затрепетали; дух мой смирился, сердце умилилось. Теперь ненавижу зло и люблю добродетель. От вас требую ревностного наставления, Пастыри Христиан, учителя Царей и Вельмож, достойные Святители Церкви! Не шадите меня в преступлениях; смело упрекайте мою слабость; гремите словом Божиим, да жива будет душа моя!» Далее, изъяснив свое благодетельное намерение устроить счастье России всеми данными ему от Бога способами и доказав необходимость исправления законов для внутреннего порядка, Царь предложил Святителям Судебник на рассмотрение, и грамоты уставные, по коим во всех городах и волостях надлежало избрать Старост и Целовальников, или присяжных, чтобы они судили дела вместе с Наместниками или с их Тиунами, как дотоле было в одном Новгороде и Пскове; а Сотские и Пятидесятники, также избираемые общею доверенностию, должны были заниматься земскою справою, дабы чиновники Царские не могли действовать самовластно и народ не был безгласным. – Собор утвердил все новые, мудрые постановления Иоанновы.

Но сим не кончилось его действие: Государь, устроив Державу, предложил Святителям устроить Церковь: исправить не только обряды ее, книги, искажаемые Писцами-невеждами, но и самые нравы Духовенства в пример мирянам; учением образовать достойных служителей олтаря; уставить правила благочиния, которое должно быть соблюдаемо в храмах Божних; искоренить соблазн в монастырях, очистить Христианство Российское от всех остатков древнего язычества, и проч. Сам Иоанн именно означил все более или менее важные предметы для внимания отцов Собора, который назвали *Стоглавным* по числу законных статей, им изданных. Одним из полезнейших действий оно было заведение училищ в Москве и в других городах, чтобы Иереи и Дяконы, известные умом и добрыми свойствами, наставляли там детей в грамоте и страхе Божиим: учреждение тем нужнейшее, что многие Священники в России едва умели тогда разбирать буквы, вытверживая наизусть службу церковную. Желая укоренить в сердцах истинную Веру, отцы Собора взяли меры для обуздания суеверия и пустосвятства: запретили тщеславным строить без всякой нужды новые церкви, а бродягам-гуineaдцам келии в лесах и в пустынях; запретили также, исполняя волю Государя, Епископам и монастырям покупать отчины без ведома и согласия Царского: ибо государь благоразумно предвидел, что они могли бы сею куплею присвоить себе наконец большую часть недвижимых имений в России, ко вреду общества и собственной их нравственности. Одним словом, сей достопамятный Собор, по важности его предмета, знаменитее всех иных, бывших в Киеве, Владимире и Москве.

К сим, можно сказать, великим намерениям Иоанна принадлежит и замысел его обогатить Россию плодами искусств чужеземных. Саксонец Шлитт в 1547 году был в Москве, выучился языку нашему, имел доступ к Царю и говорил с ним об успехах художеств, Наук в Германии, неизвестных Россиянам. Иоанн слушал, расспрашивал его с любопытством и предложил ему ехать от нас Посланником в Немецкую землю, чтобы вывезти оттуда в Москву не только ремесленников, художников, лекарей, аптекарей, типографщиков, но и людей искусных в древних и в новых языках – даже Феологов! Шлитт охотно взялся услужить тем Государю и России; нашел Императора Карла V, в Аугсбурге, на сейме, и вручил ему Иоанновы письма о своем деле. Император хотел знать мнение сейма: долго рассуждали и согласились исполнить желание Царя, но с условием, чтобы Шлитт именем Иоанновым обязался клятвенно не выпускать ученых и художников из России в Турцию и вообще не употреблять их способностей ко вреду Немецкой Империи. Карл V дал нашему посланнику грамоту с дозволением искать в Германии людей, годных для службы Царя; а Шлитт набрал более ста двадцати человек и готовился плыть с ними из Любека в Ливонию. Но все разрушилось от низкой, завистливой политики Ганзы и Ливонского Ордена. Они боялись нашего просвещения; думали, что Россия делается от того еще сильнее, опаснее для соседственных Держав; и своими коварными представлениями заставили Императора думать так же: вследствие чего Сенаторы Любекские беззаконно посадили Шлитта в темницу; многочисленные спутники его рассеялись, и долго Иоанн не знал о несчастной судьбе своего Посланника, который, бежав наконец из заключения, уже в 1557 году возвратился в Москву один, без денег, с долгами и с разными легкомысленными предложениями: например, чтобы Царь помогал Императору людьми и деньгами в войне Турецкой, дал ему аманатов (двадцать пять Князей и Дворян) в залог верности, обещался соединить Церковь нашу с Латинскою, имел всегдашнего Посла при дворе Карловом, основал Орден для Россиян и чужестранцев, нанял 6000 Немецких воинов, учредил почту от Москвы до Аугсбурга, и проч. Хотя благое намерение Царя не исполнилось совершенно, от недоброжелательства Любчан и правительства Ливонского, после им жестоко наказанного; однако ж многие из Немецких

художников, остановленных в Любеке, вопреки запрещению Императора и Магистра Ливонского умели тайно проехать в Россию и были ей полезными в важном деле гражданского образования.

Сие истинно Царское дело совершалось под звуком оружия и побед, тогда необходимых для благоденствия России. Надлежало унять варваров, которые, пользуясь юностию Венценосца и смутами Бояр, столь долго свирепствовали в наших пределах, так что за 200 верст от Москвы, к югу и северо-востоку, земля была усеяна пеплом и костями Россиян. Не оставалось ни селения, ни семейства целого! Чтобы начать с ближайшего, зловреднейшего неприятеля, семнадцатилетний Иоанн, пылая ревностию славы, хотел сам вести рать к Казани и выехал из Москвы в Декабре месяце; но судьба искусила его твердость неудачею. Презируя негу, он готовился терпеть в походе холод и метели, обыкновенные в сие время года: вместо снега шел непрестанно дождь; обозы и пушки тонули в грязи. 2 Февраля, когда Царь, ночевав в Ельне, в 15 верстах от Нижнего, прибыл на остров Роботку, вся Волга покрылась водою: лед треснул; снаряд огнестрельный провалился, и множество людей погибло. Три дни Государь жил на острове и тщетно ждал пути: наконец, как бы уstraшенный худым предзнаменованием, возвратился с печалию в Москву; однако ж велел Князю Димитрию Бельскому идти с полками к Казани, не для ее завоевания, но чтобы нанести ей чувствительный удар. Царь Шиг-Алей и другие Воеводы шли из Мещеры к устью Цивили и соединились там с Бельским: Сафа-Гирей ждал их на Арском поле, где один Князь Симеон Микулинский с передовою дружиною разбил его наголову и втоптал в город, пленив богатыря Азика и многих знатных людей. Татары отмстили нам разорением Галицких сел; но Костромской Воевода Яковлев истребил всю толпу сих хищников на берегах речки Еговки, на Гусеве поле, убив их Предводителя, богатыря Арака [в Октябре 1548 г.].

Недовольный сими легкими действиями нашей силы, Иоанн готовился к предприятию решительному: для того желал мира с Литвою, где ветхий Сигизмунд кончил дни свои, а юный его наследник, Август, занимался более любовными, нежели государственными делами и не имел в течение пяти лет никакого сношения с Москвою. Сигизмунд умер в 1548 году. Уже срок перемирия исходил, а новый Король молчал и даже не известил Иоанна о смерти отца. Бояре наши, Князь Димитрий Бельский и Морозов, писали о том к Литовским Вельможам и дали им знать, что мы ждем их послов для мирного дела. В Генваре 1549 года Воевода Витебский, Станислав Кишка, и Маршалок Комаевский приехали в Москву; вступили в переговоры о вечном мире; требовали, как обыкновенно, Новагорода, Пскова, Смоленска, городов Северских и в извинение сих нелепых предложений твердили Боярам: *«Посол как мех: что в него вложишь, то и несет»*. Исполняем данное нам от Короля и Думы повеление». Бояре ответствовали: *«Итак, будем говорить единственно о перемирии»*. Заключили его на старых условиях. Но Паны Литовские не согласились внести нового Царского титула в грамоту. С обеих сторон упрямылись так, что Послы было уехали из Москвы: их воротили – и, соблюдая перемирие, спорили о титуле. Август признавал Иоанна только Великим Князем, а мы с досады уже не называли Августа Королем. Были и другие неудовольствия. Государь, предлагая 2000 рублей выкупа за наших знатных пленников, Князей Федора Оболенского и Михайла Голицу, получил отказ и сам отказал Королю в его требовании, чтобы Евреи Литовские могли свободно торговать в России, согласно с прежними договорами. *«Нет, – отвечал Иоанн: – сии люди привозили к нам отраву телесную и душевную: продавали у нас смертоносные зелия и злословили Христа Спасителя; не хочу об них слышать»*. – Но ни Россия, ни Литва не желали войны.

Один Хан Саип-Гирей грозил мечем Иоанну и был тем надменнее, что ему удалось тогда завоевать Астрахань, богатую купечеством, но скудную войском и беззащитную, несмотря на пышное имя Царства, ею носимое. Взяв сей город, Хан разорил его до основания, вывел многих жителей в Крым и считал себя законным властелином единоплеменных с ними Ногаев. Он сам писал о том к Иоанну; сказывал, что Кабардинцы и Горные Кайтаки платят ему дань; хвалился своим могуществом и говорил: *«Ты был молод, а ныне уже в разуме: объяви, чего хочешь? любви или крови? Ежели хочешь любви, то присылай не безделицы, а дары знатные, подобно Королю, дающему нам 15 000 золотых ежегодно. Когда же угодно тебе воевать, то я готов идти к Москве, и земля твоя будет под ногами коней моих»*. Зная, что Саип-Гирей возьмет дары, но не отступится от Казани и что война с нею должна быть и войною с Крымом, Государь уже презирал гнев Хана и засадил его Послов в темницу, сведав, что он берет к себе Московских купцев в домашнюю услугу как невольников и что в Тавриде обесчестили нашего гонца. Одним словом, мы чувствовали силу свою и надеялись управиться со всем Батыевым потомством.

В сие время (в Марте 1549 года) Казань лишилась Царя: Сафа-Гирей пьяный убился во дворце и кончил жизнь внезапно, оставив двулетнего сына именем Утемиш-Гирея, коего мать,

прекрасная Сююнбека, дочь Князя Ногайского Юсуфа, была ему любезнее всех иных жен: Вельможи возвели младенца Утемиш-Гирея на престол, но искали лучшего Властителя и хотели, чтобы Хан Крымский дал им своего сына защитить их от Россиян; а в Москву прислали гонца с письмом от юного Царя, требуя мира. Иоанн отвечал, что о мире говорят только с Послами; спешил воспользоваться мятежным безначалием Казани и велел собираться полкам: большому в Суздале, передовому в Шуе и Муроме, сторожевому в Юрьеве, правому в Костроме, левому в Ярославле. 24 ноября сам Государь выехал из Москвы в Владимир, где Митрополит, благословив его, убеждал Воевод служить великодушно отечеству и Царю в духе любви и братства, забыть гордость и местничество, терпимое в мирные дни, а на войне преступное. Начальником в Москве остался Князь Владимир Андреевич. Иоанн взял с собою меньшого брата, Князя Юрия, Царя Шиг-Алея и всех знатных Казанских беглецов. Зима была ужасная: люди падали мертвые на пути от несносного холода. Государь все терпел и всех ободрял, забыв негу, роскошь Двора и ласки прелестной супруги. В Нижнем Новгороде соединились полки и 14 февраля стали под Казанью: Иоанн с Дворянами на берегу озера Кабана, Шиг-Алей и Князь Димитрий Бельский с главною силою на Арском поле, другая часть войска за рекою Казанкою, снаряд огнестрельный на устье Булака и Поганом озере. Изготовили туры и приступили к городу. Дотоле Государи наши не бывали под стенами сей мятежной столицы, посылая единственно Воевод для наказания вероломных ее жителей: тут юный, бодрый, любимый Монарх сам обнажил меч; все видел, распоряжал, своим голосом и мужеством призывал воинов ко славе и победе легкой. Царь Казани был в пеленах, ее знатнейшие Вельможи погибли в крамолах или передались к нам, окружали Иоанна и чрез своих тайных друзей склоняли единомышленников покориться его великодушию. 60 000 Россиян стремились к крепости деревянной, сокрушаемой ужасным громом стенобитных орудий. Но последний час для Казани еще не настал; сражались целый день. Россияне убили множество людей в городе, Князя Крымского, Челбака, и сына одной из жен Сафа-Гиреевых, но не могли овладеть крепостию. В следующие дни сделалась оттепель; шли сильные дожди, пушки не стреляли, лед на реках взломало, дороги испортились, и войско, не имея подвозов, боялось голода. Надлежало уступить необходимости и с величайшим трудом идти назад. Отправив вперед большой полк и тяжелый снаряд, Государь сам шел за ними с легкою конницею, чтобы спасти пушки и удерживать напор неприятеля; изъявлял твердость, не унывал и, занимаясь только одною мыслию, низложением сего зловерного, ненавистного для России Царства, внимательно наблюдал места; остановился при устье Свяги, увидел высокую гору, называемую Круглою; и, взяв с собою Царя Шиг-Алея, Князей Казанских, Бояр, взъехал на ее вершину... Открылся вид неизмеримый во все стороны: к Казани, к Вятке, к Нижнему и к пустыням нынешней Симбирской Губернии. Удивленный красотою места, Иоанн сказал: «Здесь будет город Христианский; стесним Казань: Бог вдаст ее нам в руки». Все похвалили его счастливую мысль, а Шиг-Алей и Вельможи татарские описали ему богатство, плодородие окрестных земель – и Государь, в надежде на будущие успехи, возвратился в Москву с лицом веселым [25 Марта 1550 г.].

Но всякая неудача кажется народу виною: извиняя юность Царя, упрекали Главного Воеводу, Князя Димитрия Бельского; говорили, что имя Бельских несчастливо в Казанских походах; рассказывали, что будто бы Казанцы в своих набегах явно щадили поместья сего Боярина 113 благодарности за его малодушие или самую измену. Он в тот же год умер, не быв, конечно, ни предателем, ни искусным Полководцем, ни властолюбивым Вельможею: иначе Шуйские не дали бы ему спокойно заседать в Думе на первом месте, свергнув и погубив его брата, незабвенного Князя Ивана.

Ни Государь, ни войско не успели еще отдохнуть, когда пришла в Москву весть о замысле Хана Саип-Гпрея идти на Россию: немедленно полки двинулись к границам, и сам Иоанн осмотрел их в Коломне, в Рязани; но чрез месяц возвратился в Москву, ибо осень наступала, а неприятеля не было. – Зимою вместо Хана явились другие разбойники, Ногайские Мурзы, в Мещере и близ Старой Рязани. Воеводы Иоанновы били их везде, где находили; гнали до ворот Шацких; взяли много пленников и с ними Мурзу Теляка: холод истребил остальных, и едва 50 человек спаслось. За то Государь милостиво угостил Воевод в Кремлевской набережной палате и жаловал всех Детей Боярских великим жалованьем. [1551 г.] Еще Казанцы надеялись обмануть Иоанна и писали к нему о мире. Ходатаем за них был Князь Ногайский Юсуф; тесть Сафа-Гирея, Властитель, знаменитый умом и силою, так что Султан Турецкий писал к нему ласковые грамоты, называя его Князем Князей. Юсуф хотел выдать дочь свою, вдову Сююнбеку, за Шиг-Алея, чтобы согласить волю Иоаннову с желанием народа Казанского; представлял суету мира и

земного величия, ссылаясь на Алкоран и на Евангелие, убеждая Государя не проливать крови и быть ему истинным другом; винил умершего зятя в неверности, кровопийстве; винил и Казанских чиновников в духе мятежном, но стоял за дочь и за внука. Иоанн сказал, что объявит условия мира, если Казанцы пришлют в Москву пять или шесть знатнейших Вельмож – и, не теряя времени, в самом начале весны – после многих совещаний с Думными Боярами и с Казанскими изгнанниками, после торжественного молебствия в церквях, приняв благословение от Митрополита, отпустил Шиг-Алея с пятьюстами знатных Казанцев и с сильным войском к устью Свияги, где надлежало им *во имя Иоанново* поставить город, для коего стены и церкви, срубленные в лесах Углицких, были посланы на судах Волгою. Князь Юрий Михайлович Булгаков и Симеон Иванович Микулинский, Дворецкий Данило Романович Юрьев (брат Царицы), Конюший Иван Петрович Федоров, Бояре Морозов и Хабаров, Князья Палецкий и Нагаев предводительствовали Московскою ратию. Из Мещеры вышел Князь Хилков, из Нижнего Новгорода Князь Петр Серебряный-Оболенский, из Вятки Бахтеяр Зюзин с Стрельцами и Козаками. Отняли у неприятеля все перевозы на Волге и Каме, все сообщения. Князь Серебряный первый распустил знамя на Круглой горе 16 Мая, при закате солнца; отпел там вечернюю молитву и рано, 18 Мая, нечаянно ударил на посад Казанский: истребив около тысячи сонных людей, более ста Князей, Мурз, знатных граждан, освободил многих пленников Российских, возвратился к устью Свияги и ждал главного войска. Оно прибыло на судах 24 мая и, радостными кликами приветствуя землю, которой надлежало быть *новою Россиею*. с торжеством вышло на берег, где полки Князя Серебряного-Оболенского стояли в рядах и показывали братьям свои трофеи. Густой лес осенял гору: оставив мечи, воины взяли секиры, и в несколько часов ее вершина обнажилась. Назначили, измерили место, обошли вокруг оно с крестами, святили воду, основали стены, церковь во имя Рождества Богоматери и Св. Сергия и в четыре недели совершили город Свияжск, к изумлению окрестных жителей, которые, видя сию грозную твердыню над главою ветхого Казанского Царства, смиренно просили Шиг-Алея взять их под державу Иоаннову. Вся Горная сторона – Чуваши, Мордва, Черемисы – идолопоклонники Финского племени, некогда завоеванные Татарами и не привязанные к ним ни единством Веры, ни единством языка – послали своих знатных людей в Москву, дали клятву в верности к России, получили от Царя жалованную грамоту с золотою печатю, были приписаны к новому городу Свияжскому и на три года освобождены от *ясаков*, или дани. Чтобы удостовериться в их искренности, Иоанн велел им воевать Казань; они не смели ослушаться, собрались и, перевезенные в Российских судах на Луговую сторону, в присутствии наших чиновников имели битву с Казанцами среди поля Арского: хотя, рассеянные пушечными выстрелами, бежали в беспорядке, однако ж, не доказав храбрости, доказали по крайней мере свою верность. Их Князья, Мурзы и сотники в течение сего лета непрестанно ездили в Москву; обедали во дворце и, награждаемые шубами, тканями, доспехами, конями, деньгами, славили милость Царя и хвалились новым отечеством. Государь сыпал тогда серебро и золото, не жалея казны для исполнения великих намерений. Довольный успехом Воевод, он прислал к Шиг-Алею множество золотых медалей, чтобы раздать оные войску.

Между тем ужас и смятение господствовали в Казани, где не было ни двадцати тысяч воинов. Подданные изменяли ей, Князья и Мурзы тайно уходили к Шиг-Алею, а Россияне опустошали ее ближайšie села и никого не пускали в город: от устья Суры до Камы и Вятки стояли наши отряды. На престоле Казанском играл невинный, бессловесный младенец; вдовствующая Царица, Сююнбека, то плакала над ним, то веселилась с своим любовником, Крымским Уланом Кощакком, ненавистным народу; граждане укоряли Вельмож, Вельможи друг друга. Казанские чиновники желали покориться Иоанну; Крымские гнушались сим малодушием; ждали войска из Тавриды, из Астрахани, из Ногайских Улусов – и надменный Кошак, гремя саблею, обещал победу Царице: пишут, что он думал жениться на ней, умертвить ее сына и быть Царем. Но сделался бунт: Крымцы, видя, что народ готов выдать их Московским Воеводам, бежали, числом более трехсот, Князей и сановников. Они не могли спастись, везде находили Россиян и положили свои головы на берегу Вятки; а гордый Кошак и сорок пять знатнейших его единоплеменцев были взяты в плен и казнены в Москве.

Тогда Казанцы, немедленно заключив перемирие с нашими Воеводами, отправили Послов к Иоанну: молили, чтобы он снова дал им Шиг-Алея в Цари; обязывались прислать к нему младенца Утемиш-Гирея, Царицу Сююнбеку, жен и детей, оставленных у них Крымцами; хотели также освободить всех Российских пленников. Иоанн согласился, вспомнив осторожную политику своего деда, которая состояла в том, чтобы не доводить врага до крайности, изнурять в

нем силы, губить его без спеха, но верно; зависеть от случая как можно менее, беречь людей как можно более и в неудачах войны оправдываться ее необходимостью. Но дед Иоаннов, наблюдая умеренность, наблюдал и другое правило: *удерживать взятое*. Послав Адашева к Воеводам, чтобы исполнить условия мира и объявить Шиг-Алея Царем Казанским, он велел отдать ему единственно Луговую сторону, а Горную, завоеванную мечом России, приписать к Свияжску. Сия мысль, разделить владения Казани, огорчила и народ ее и самого Шиг-Алея. «Что ж будет мое Царство? – говорил он: – могу ли требовать любви от подданных, уступив России знатную часть земли их?» Воеводы ответствовали, что так угодно Иоанну. Тщетно Казанцы думали лукавствовать, отрицались от условий, не хотели выдать ни Царицы, ни пленников. Воеводы сказали им решительно: «или они будут в руках наших, или Государь в начале осени будет здесь с огнем и мечом для истребления вероломных». Надлежало повиноваться, и Казанцы известили Шиг-Алея, что Царица с сыном уже едет в Свияжск.

Не только Сююнбека, но и вся Казань проливала слезы, узнав, что сию несчастную как пленницу выдают Государю Московскому. Не укоряя ни Вельмож, ни граждан, Сююнбека жаловалась только на судьбу: в отчаянии лобызала гроб Сафа-Гиреев и завидовала его спокойствию. Народ печально безмолвствовал: Вельможи утешали ее и говорили, что Иоанн милостив; что многие Цари Мусульманские служат ему; что он избрет ей достойного между ими супруга и даст Владение. Весь город шел за нею до реки Казанки, где стояла богато украшенная ладия. Сююнбека тихо ехала в колеснице; пестуны несли ее сына. Бледная, слабая, она едва могла сойти на пристань и, входя в ладью, с умилением поклонилась народу, который пал ниц, горько плакал, желал счастья бывшей своей Царице. Князь Оболенский встретил ее на берегу Волги, приветствовал именем Государя и повез на судах в Москву с Утемиш-Гиреем и с семействами знатных Крымцев.

Так исполнилось первое условие мира: Воеводы требовали еще свободы наших пленников и присяги всех Казанцев в верности к России; назначили день и стали у Казани, от Волги до Царева луга. Алей послал своих Вельмож в город, чтобы очистить дворец, и ночевал в шатре. В следующее утро все сановники и граждане собрались на лугу: выслушали написанную для них клятвенную грамоту; благодарили Иоанна за данного им Царя, но долго не хотели уступить Горной стороны. «И вы думаете, – сказали Бояре, – что Иоанн подобно вам легкомыслен? Взгляните на устье Свияги: там город Христианский! Жители окрестных земель торжественно поддались нам и воевали Казань: могут ли снова принадлежать ей? Забудьте старое: оно не возвратится». Наконец *шертные* грамоты были утверждены печатью Царскою и подписью всех знатных людей. Народ присягал три дни, толпа за толпою. Шиг-Алей въехал в столицу. Бояре, Князь Юрий Булгаков и Хабаров посадили его на трон – и Двор Царский наполнился Российскими пленниками, из коих многие лет двадцать страдали в неволе. Алей объявил им свободу: они едва верили своему счастью; обливались слезами, воздевали руки к небу, славили Бога. «Иоанн Царствует в России! – говорили им Бояре: – идите в отечество и впредь уже не бойтесь плена!» В Свияжске наделили их всем нужным, одеждою, съестными припасами и послали Волгою вверх числом 60 000, кроме жителей Вятских и Пермских, отправленных иным путем. «Никогда, – пишут современники, – Россия не видала приятнейшего зрелища: то был новый исход Израиля!» Освобождение столь многих людей, основание Свияжска, взятие знатной части Казанских владений и воцарение Алея не стоили Иоанну ни одного человека: Россияне везде гнали, били неприятелей в маловажных встречах, на берегах Камы, Волги и только их кровию обагрялись. – Князь Булгаков поехал к государю с счастливою вестью. Боярин Данило Романович и Князь Хилков также возвратились. Хабаров с пятьюстами Московских стрельцов остался у Шиг-Алея, а Князь Симеон Микулинский, муж известный умом и храбростию, в Свияжске.

Еще Казань тишиною и верностию к России могла бы продлить бытие свое в виде особенного Мусульманского Царства: но Рок стремил ее к падению. Напрасно Иоанн изъявлял милость и ласку к ее Царю и Вельможам: дарил первого богатыми одеждами, сосудами, деньгами – также и Царицу его, одну из бывших жен Сафа-Гиреевых: дарил и всех знатных Казанцев, предостерегал их от гибельных следствий новой измены. Шиг-Алей непрестанно докучал ему о Горной стороне, желая, чтобы он возвратил хотя половину или часть ее, и, недовольный решительными отказами, равнодушно видел, что Казанцы укрывают еще многих пленников Российских, сажают в ямы, заключают в цепи; не хотел никого наказывать за то и говорил нашим сановникам: «боюсь мятежа!» Но сведав, что некоторые Вельможи, по старому обычаю, втайне крамольствуют, пересылаются с Ногаями, замышляют убить его и всех Россиян, Алей не

усомнился прибегнуть к жестоким мерам: дал пир во дворце и велел резать гостей, уличенных или только подозреваемых в измене: одних умертвили в его столовой комнате, других на дворе Царском, всего семьдесят человек, самых знатнейших; палачами служили собственные Алеевы Князя и стрельцы Московские. Два дни лилась кровь: народ оцепенел; виновные и невинные разбежались от страха.

[1552 г.] Сие ужасное происшествие открыло Иоанну необходимость искать новых способов для усмирения Казани. Он послал туда Адашева, который объявил Алею, что Государь не может более терпеть злодейств Казанских; что время успокоить сие несчастное Царство и Россию; что Московские полки вступят в его столицу, защитят Царя и народ, утвердят их и нашу безопасность. «Вижу сам, – отвечал Алей с горестию, – что мне нельзя здесь царствовать: Князя и народ ненавидят меня; но кто виною? Пусть Иоанн отдаст нам Горную сторону: тогда поручусь за верность Казани; иначе добровольно схожу со трона и еду к Государю, не имея другого убежища в свете. Но я Мусульманин и не введу сюда Христиан; впрочем могу оказать вам услугу, если Государь удостоверит меня в своей милости: до отъезда моего из Казани погублю остальных злых Вельмож, испорчу весь снаряд огнестрельный и приготовлю легкую для вас победу». С сим ответом Адашев возвратился в Москву, где находились Послы Казанские, Муралей Князь, Костров, Алимердин, личные неприятели Шиг-Алея. Угадывая мысль Государеву, они – или с общего согласия единоплеменников своих, или сами собою – донесли Иоанну, что их Царь есть кровожадный убийца и наглый грабитель; что Казань желает единственно избавиться от тирана и готова *повиноваться Наместнику Московскому*. «Если не исполнишь воли народа, – сказали Послы, – то откроется бунт, неминуемо и скоро. Удали бедствие; удали ненавистного злодея. Пусть Россияне займут нашу столицу: мы выедем в предместья или в села; хотим во всем зависеть от воли твоей; будем тебе усердными слугами; а если обманем, то наши головы да падут в Москве!» Не теряя времени, Иоанн снова послал Адашева в Казань, чтобы *свести Царя с престола в угодность народу*, обещал Алею милость и жалованье, требуя, чтобы он без сопротивления впустил наше войско в город. Тут Алей вторично изъявил благородную твердость. «Не жалею о престоле, – говорил он Адашеву: – я не мог или не умел быть на нем счастлив. Самая жизнь моя здесь в опасности. Повинуюсь Государю: да не требует только, чтобы я изменил правоверию. Возьмите Казань, но без меня; возьмите силою или договором, но не из рук моих». Ни ласкою, ни угрозами Адашев не мог склонить его к тому, чтобы он сдал Царство Наместнику Государеву. Тайно заколов несколько пушек и пищали с порохом отправив в Свяжск, Алей выехал ловить рыбу на озеро со многими Уланами и Князьями; велел Московским стрельцам окружить их и сказал сим изумленным чиновникам: «Вы думали убить меня, обносили в Москве, не хотели иметь Царем и требовали Наместников от Иоанна: станем же вместе пред его судилищем!» Алей приехал с ними в Свяжск.

Тогда Князь Симеон Микулинский, назначенный управлять Казанью, дал знать ее жителям, что воля их исполнилась; что Алей сведен с Царства и что они должны присягнуть Государю Московскому. Казанцы соглашались: желали только, чтобы Микулинский отпустил к ним двух Свяжских Князей, Чапкуна и Бурнаша, которые, будучи уже подданными России, могли бы успокоить народ своим ручательством в Иоанновой милости. Сии Князья поехали туда с нашими чиновниками. Тишина Царствовала в Казани. Вельможи, граждане и самые сельские жители дали клятву в верности; очистили дворы для Наместника и войска; прислали в Свяжск жену Шиг-Алееву; звали Князя Микулинского: встретили его на берегу Волги и били ему челом как усердные *холопы* Государевы. Он шел с полками. Воеводы уже отправили легкий обоз в Казань и готовились с торжеством вступить в ее стены. Без важных усилий, без кровопролития Иоанн приобретал знаменитое Царство: брался, так сказать, рукою за венец оногo... Вдруг все переменялось.

Трое из Вельмож Казанских, отпущенные Князем Микулинским в город к их семействам, возмутили народ ложною вестию, что Россияне идут к ним с намерением истребить всех жителей. Распространился ужас, сделалось общее смятение; затворили крепость; начали вооружаться. Многие Князья старались разуверить народ, представляя, что Бояре Иоанновы торжественно клялись не трогать ни одного человека ни в городе, ни в селах: обещались властвовать по законам, без насилия; оставить все, как было. Их не слушали и кричали, что клятва Бояр есть обман; что сам Алей за тайну сказывал то своим ближним людям. Узнав о сем волнении, Князь Микулинский, Оболенский, Адашев оставили войско на Булаке и с малочисленною дружиною подъехали к городу: *ворота Царские* были заперты, а стены покрыты людьми вооруженными. Вышли некоторые чиновники, извиняли народ, обещались усмирить его, но не сдержали слова:

граждане никак не хотели впустить Россиян, захватили наш обоз, многих Детей Боярских и приказывали грубые речи к Московским Воеводам, которые узнали, что Князь Чапкун, посланный ими в лице усердного слуги Государева из Свияжска в Казань для успокоения жителей, обманул нас и сделался там главою мятежников. Воеводы ночевали в предместьи. Видя, что все убеждения бесплодны, они могли бы обратить его в пепел и осадить город, но ждали Государева указа; мирно отступили к Свияжску, заключили всех бывших с ними Казанских сановников в темницу и немедленно отправили в Москву Боярина Шереметева с донесением о сей новой измене. Она была последнею.

Глава IV. Продолжение государствования Иоанна IV. Г. 1552

Приготовление к походу Казанскому. Отношения России к Западным державам. Освобождение старца, Кн. Булгакова. Строение новых крепостей. Начало Донских Козаков. Новый Хан в Тавриде. Дела Астраханские. Болезнь в Свияжске. Едигер – Царь в Казани. Послание Митрополита к Свияжскому войску. Совет о Казани. Выезд Государев. Нашествие Хана Крымского. Приступ к Туле. Бегство Хана. Наши трофеи. Ропот в войске. Поход. Осада. Первая битва. Буря. Ставят туры. Сильная вылазка. Действие бойниц. Наездник Князь Япанча. Утомление воинов. Разделение полков. Истребление Япончина войска. Ожесточение Казанцев. Взрывание тайника. Уныние Казанцев. Деятельность Иоаннова. Взятие острога и города Арского. Нападения Луговой Черемисы. Мнимые чародейства. Построение высокой башни. Предложение Казанцам. Кровопролитное дело. Взрывание тарас. Занятие Арской башни. Последнее предложение Казанцам. Устройство войска для приступа. Взрывание подкопов и приступ. Геройство с обеих сторон. Корыстолюбие многих воинов. Великодушие Иоанна и Бояр. Доблесть Кн. Курбского. Взятие Казани. Водружение креста у ворот Царских. Въезд Государев в Казань. Освобождение Российских пленников. Речь Иоанна к войску. Пир в стане. Подданство Арской области и Луговой Черемисы. Торжественное вступление в Казань. Зрелище Казани. Учреждение Правительства. Совет Вельмож. Возвратный путь Государя в Москву. Рождение Царевича. Встреча Иоанну. Речь Государева к Духовенству. Ответ Митрополитов. Пир во дворце и дары Иоанновы.

24 Марта узнал Государь о происшествиях Казанских: велел Шиг-Алею ехать в Касимов, а шурина своему, Данилу Романовичу, идти с пехотною дружиною в Свияжск, объявив в торжественном заседании Думы, что настало время сразить Главу Казани. «Бог видит мое сердце, – говорил он: – хочу не земной славы, а покоя Христиан. Могу ли некогда без робости сказать Всевышнему: *се я и люди, Тобою мне данные*, если не спасу их от свирепости вечных врагов России, с коими не может быть ни мира, ни отдохновения?» Бояре хвалили решительность Иоаннову, но советовали ему остаться в Москве и послать Воевод на Казань: «ибо Россия имеет не одного врага: если Крымцы, Ногаи в отсутствие Государя нападут на ее пределы, кто защитит оные?» Иоанн отвечал, что возьмет меры для безопасности Государства и *пойдет на свое дело*. Велели собираться войску из дальних мест в Коломне и Кошире, из ближайших в Муроме. Князя Александр Борисович Горбатый и Петр Иванович Шуйский должны были вести Московские полки в Нижний Новгород, Михайло Глинский расположиться станом на берегах Камы с Детьми Боярскими, стрельцами, Козаками, Устюжанами и Вятчанами, а Свияжские Воеводы занять легкими отрядами перевозы на Волге и ждать Иоанна.

Готовясь к знаменитому подвигу, юный Царь мог быть уверен в миролюбии Западных Держав соседственных. Швеция и Ливония не требовали ничего, кроме свободной у нас торговли. С Королем Польским мы спорили о титуле и землях Себежских; грубили словами друг другу, но с обеих сторон удалялись от войны. Август оказал даже ласку Иоанну и, не хотел прежде за деньги освободить Князя Михаила Булгакова-Голицу, освободил его даром; прислал в Москву вместе с другим сановником, Князем Селеховским, и писал к Царю: «Думая, что мы обязаны уважать верность не только в своих, но и в чужих слугах, умирающих за государя, даю свободу великому Воеводе отца твоего. Все иные знатные пленники Московские, взятые нами в славной Оршинской битве, уже во гробе». Царь изъявил Августу искреннюю благодарность и с живейшею любовью принял старца Булгакова, 38 лет страдавшего в неволе; выслал ему богатую шубу, украсил его грудь золотою медалью, обнялся с ним как с другом. Изнуренный

долговременным несчастьем, утомленный дальним путем, старец не мог обедать с Государем: плакал и благословлял милостивого державного сына Василиева.

Не опасаясь ничего со стороны образованных Держав Европейских, Иоанн тем более занимался безопасностью наших юго-восточных пределов. Две вновь построенные крепости – Михайлов на Проне, Шатск на Цне – служили оградой для Рязани и Мещеры. Но важнейшим страшилищем для варваров и защитой для России, между Азовским и Каспийским морем, сделалась новая воинственная республика, составленная из людей, говорящих нашим языком, исповедующих нашу веру, а в лице своем представляющих смесь Европейских с Азиатскими чертами; людей неумолимых в ратном деле, природных конников и наездников, иногда упрямых, своевольных, хищных, но подвигами усердия и доблести изгладивших вины свои – говорим о славных Донских Козаках, выступивших тогда на феатр Истории. Нет сомнения, что они же назывались прежде *Азовскими*, которые в течение XV века ужасали всех путешественников в пустынях Харьковских, Воронежских, в окрестностях Дона; грабили Московских купцов на дороге в Азов, в Кафу; хватали людей, посылаемых нашими Воеводами в степи для разведывания о Ногаях или Крымцах и беспокоили набегами Украйну. Происхождение их не весьма благородно: они считались Российскими беглецами; искали дикой вольности и добычи в опустевших Улусах Орды Батыевой, в местах ненаселенных, но плодоносных, где Волга сблизается с Доном и где издавна был торговый путь из Азии в Северную Европу; утвердились в нынешней своей области; взяли город Ахас, назвали *его*, думаю, *Черкасским*, или Козачьим (ибо то и другое имя знаменовало одно); доставали себе жен, как вероятно, из земли Черкесской и могли сими браками сообщить детям нечто Азиатское в наружности. Отец Иоаннов жаловался на них Султану как Государю Азовской земли; но Козаки гнушались зависимостью от Магометанского Царства, признали над собою верховную власть России – и в 1549 году Вождь их Сарыязман, именуясь подданным Иоанна, строил крепости на Дону: они завладели сею рекою до самого устья, требовали дани с Азова, воевали Ногаев, Астрахань, Тавриду; не щадили и Турков; обязывались служить вдали бдительною стражею для России, своего древнего отечества, и, водрузив знамение креста на пределах Оттоманской Империи, поставили грань Иоанновой Державы в виду у Султана, который доселе мало занимался нами, но тут открыл глаза, увидел опасность и хотел быть деятельным покровителем северных владений Магометанских. В Тавриде господствовал новый Хан Девлет-Гирей, племянник умершего или сверженного Саипа: он взялся спасти Казань. Послы Солимановы убеждали Князей Ногайских, Юсуфа и других, соединиться под хоругвию Магомета, чтобы обуздать наше властолюбие. «Отдаление, – писал к ним Султан, – мешает мне помогать Азову и Казани. Заключите тесный союз с Ханом Крымским. Я велел ему отпустить всех Астраханских жителей в их отечество, мною восстанавливаемое. Немедленно пришлю туда и Царя; дам главу и Казани из рода Гиреев; а до того времени будьте ее защитниками». Но сии Князья, находя выгоды в торговле с Россиею, не хотели войны. Астрахань, важная, необходимая для купечества Западной Азии, возникала на развалинах: в ней властвовал Ямгурчей: он вызвался быть усердным слугою Иоанновым, и чиновник Московский поехал к нему для договора. Царевич Астраханский, Кайбула, сын Аккубеков, женился в России на племяннице Шиг-Алея, дочери Еналеевой, получив город Юрьев во владение. – Опасаясь единственно Хана Крымского, Иоанн ждал вестей об его движениях и, собирая войско, готовился иметь дело с двумя неприятелями: с Казанью и Тавридою.

Между тем мятежники Казанские, послав искать себе Царя в Ногайских Улусах, взволновали Горную сторону; к несчастью, открылась весною ужасная болезнь в Свияжске, цинга, от коей множество людей умирало. Воеводы были в унынии и в бездействии, а Казанцы тем деятельнее: отчасти силою, отчасти убеждениями они заставили всех своих бывших подданных отложиться от России. Государь велел Князьям Горбатому и Шуйскому спешить туда с полками из Нижнего Новагорода; но печальные вести, одна за другою, приходили в Москву: болезнь усиливалась в Свияжске; горные жители, действуя как неприятели, отгоняли наши табуны; Казанцы побеждали Россиян в легких сшибках, умертвив всех Детей Боярских и Козаков, захваченных ими в плен. Воеводы знали, что Астраханский Царевич Едигер Магмед едет из Ногайских Улусов с 500 воинов: стерегли и не умели схватить его на пути; он приехал в Казань и сел на ее престоле, дав клятву быть неумолимым врагом России.

В то же время Иоанн, к прискорбию своему, узнал, что не одна телесная, но и душевная зараза господствует в Свияжске, наполненном людьми военными, которые думали, что они вне России, следственно и вне закона, и среди ужасов смерти предавались необузданному, самому гнусному любострастию. Исполняя волю Иоаннову, Митрополит послал туда умного Архангель-

ского Протоиерея Тимофея с святою водою, с наставлением словесным и письменным к начальникам и ко всем воинам. «Милостию Божиею, мудростию нашего Царя и вашим мужеством, – писал он, – твердыня Христианская поставлена в земле враждебной. Господь дал нам и Казань без кровопролития. Мы благоденствуем и славимся. Литва, Германия ищут нашего дружества. Чем же можем изъявить признательность Всевышнему? исполнением его заповедей. А вы исполняете ли их? Молва народная тревожит сердце Государево и мое. Уверяют, что некоторые из вас, забыв страх Божий, утопают в грехах Содомы и Гоморры; что многие благообразные девы и жены, освобожденные пленницы Казанские, оскверняются развратом между вами; что вы, угождая им, *кладете бритву на брады свои* и в постыдной неге стыдитесь быть мужами. Верю сему, ибо Господь казнит вас не только болезнию, но и срамом. Где ваша слава? Быв ужасом врагов, ныне служите для них посмешищем. Оружие тупо, когда нет добродетели в сердце; крепкие слабеют от пороков. Злодейство восстало; измена явилась, и вы уклоняете щит пред ними! Бог, Иоанн и церковь призывают вас к раскаянию. Исправьтесь, или увидите гнев Царя, услышите клятву церковную».

Государь то присутствовал в Думе, то смотрел полки и снаряд огнестрельный, изъявляя нетерпение выступить в поле. Боярин Князь Иван Федорович Мстиславский и Князь Михайло Иванович Воротынский, названный тогда, в знак особенной к нему милости Иоанновой, *слугою Государевым*, пошли с главною ратиею в Коломну. Передовую дружину вели Князь Иван Пронский-Турунтай и Дмитрий Хилков, правую руку – Боярин Князь Петр Щенятев и Князь Андрей Михайлович Курбский, левую – Князь Дмитрий Микулинский и Плещеев, стражу – Князь Василий Оболенский-Серебряный и Симеон Шереметев, а собственную Царскую дружину – Князь Владимир Воротынский и Боярин Иван Шереметев. Уже полки стояли от Коширы до Муромы; Окою, Волгою плыли суда с запасами и пушками к Нижнему Новгороду: но в Царском совете было еще несогласие: многие думали, что лучше идти на Казань зимою, нежели летом; так в особенности мыслил Шиг-Алей: Иоанн призвал его из Касимова в Москву, осыпал милостями, дал ему несколько сел в Мещере и дозволил жениться на вдове Сафа-Гиреевой, Царице Сююмбеке. Будучи не способен к ратному делу, ни духом слабым, ни телом чрезмерно тучным, Алей славился умом основательным. «Казань, – говорил он, – заграждена лесами, озерами и болотами: зима будет вам мостом». Иоанн не хотел ждать и, сказав: «войско готово, запасы отправлены и с Божиею помощью найдем путь к доброй цели», решился ехать немедленно в стан Коломенский.

16 Июня Государь простился с супругою. Она была беременна: плакала, упала к нему в объятия. Он казался твердым; утешал ее; говорил, что исполняет долг Царя и не боится смерти за отечество; поручил Анастасию Богу, а ей всех бедных и несчастных; сказал: «милуй и благотвори без меня; даю тебе волю Царскую; отворяй темницы; снимай опалу с самых виновных по твоему усмотрению, и Всевышний наградит меня за мужество, тебя за благость». Анастасия стала на колена и вслух молилась о здравии, о победе, о славе супруга; укрепилась душою и в последнем нежном целовании явила пример необыкновенного в юной жене великодушия. Государь пошел в церковь Успения: долго молился; просил Митрополита и Епископов быть ревностными ходатаями за Россию пред Богом, утешителями Анастасии и советниками брата его, Юрия, который оставался главою Москвы. Святители, Бояре, народ, проливая слезы, обнимали Государя. Вышедши из церкви, он сел на коня и с дружиною Царскою поехал в Коломенское, где обедал с Боярами и Воеводами; был весел, ласков; хотел ночевать в любимом селе своем Острове и на сем пути встретил гонца с вестиею из Путивля, что Крымцы густыми толпами идут от Малого Дона Северского к нашей Украине. Не знали, кто предводительствует ими: Хан или сын его. Государь не оказал ни малейшего беспокойства; ободрял всех бывших с ним чиновников и говорил им: «Мы не трогали Хана; но если он вздумал поглотить Христианство, то станем за отечество: у нас есть Бог!» Иоанн спешил в Коломну, взяв с собою Князя Владимира Андреевича, коего он хотел было отпустить назад в Москву из Острова.

В Коломне ожидали Государя новые вести: Крымцы шли к Рязани. Иоанн немедленно сделал распоряжение: велел стать Большому полку у Колычева, Передовому у Мстиславля, алевой руке близ Голутвина; советовался с Шиг-Алеем: отправил его в Касимов; вместе с Князем Владимиром Андреевичем осмотрел войско на берегах Оки; говорил речи сановникам и рядовым; восхищал их своею милостию, одушевлял бодростию и везде слышал восклицания: «мы готовы умереть за Веру и за тебя, Царя добродетельного!» Избрав место для битвы, он возвратился в Коломну и написал в Москву к Царице и к Митрополиту, что ждет Хана без ужаса,

надеясь на благодать Всевышнего, на их молитву и на мужество войска; что храмы в Москве должны быть отверсты, а сердца спокойны.

21 Июня получили в Коломне известие, что Крымцы явились близ Тулы. Воеводы, Князя Щенятев, Курбский, Турунтай, Хилков, Воротынский спешили к сему городу; но узнали, что неприятель был там в малых силах, ограбил несколько деревень и скрылся. 23 Июня, когда Иоанн сидел за обедом, прискакал гонец от Князя Григория Темкина, Наместника Тульского, писавшего к Царю: «Хан здесь – осаждает город – имеет много пушек и Янычар Султанских». Иоанн в ту же минуту велел Царской дружине выступить из Коломны, а главной рати переправляться за Оку; отслушал молебен в церкви Успения, принял благословение от Епископа Феодосия и выехал на коне в поле, где войско в необозримых рядах блистало, гремело оружием – двинулось вперед с радостным кликом и *шло на битву, как на потеху*. Летописцы не сказывают числа, говоря только, что вся Россия казалась там ополченною, хотя в Свияжске, в Муроме находилось еще другое, сильное войско, а Коломенское состояло единственно из Дворян, *Жильцов* или отборных Детей Боярских, из Новгородцев и прочих Северных жителей. Вечеру уже многие полки были за Окою, и сам Иоанн приближался к Кошире. Тут новый гонец от Князя Темкина донес ему, что Тула спасена. 22 Июня, в первом часу дня, Хан приступил к городу, стреляя из пушек огненными ядрами: дома загорелись, и Янычары кинулись на стены. Тула для защиты своей не имела воинов, отправив их всех на службу Государеву; но имела бодрого начальника и великодушных граждан: одни тушили огонь, другие бились мужественно, и янычары не могли взять крепости. Хан отложил приступ до следующего утра, а ночью удалился, сведав, что сильные полки идут от Коширы. Граждане Тульские стояли на стенах всю ночь: при свете зари увидели бегство Татар; увидели с другой стороны пыль столбом и, воскликнув: «Государь, Государь спешит к нам!» – устремились вслед за неприятелем; взяли его снаряд огнестрельный; убили многих людей и шурина Ханского Князя Камбирдея; самые жены и дети помогали им. Тогда пришли Воеводы, Князя Щенятев, Курбский, и стали на том месте, где были шатры Ханские. – Обрадованный сим успехом, Иоанн дал отдохнуть войску и ночевал под Коширою.

На другой день он получил еще приятнейшую весть: Щенятев и Курбский, имея только 15 000 воинов, разбили 30 000 или более неприятелей, которые злодействовали в окрестностях Тулы, не знали о бегстве Хана, шли к нему и встретили Россиян. В сей жестокой битве Князь Андрей Курбский, Вождь юноша, ознаменовался славными ранами: ему иссекли голову и плеча. Воеводы гнали Татар и, на берегах речки Шевороны одержав новую победу над ними, освободили множество Россиян. Хан оставил нам в добычу обоз и целые табуны вельблюдов; а пленники объявили, что он шел на Москву, считая Государя под Казанью: узнав же о сильном Иоанновом ополчении, хотел по крайней мере взять Тулу, чтобы с меньшим стыдом бежать воевояси. – Легкие отряды наши топтали Крымцев до самых степей.

Иоанн возвратился в Коломну, известил Царицу, брата, Митрополита о славном изгнании врага и послал в Москву трофеи: пушки неприятельские, вельблюдов, пленников, чтобы обрадовать столицу свидетельством нашей победы; а сам распорядил поход к Казани двумя путями, объявив, что дружина Царская, левая рука и запасный полк должны идти с ним на Владимир и Муром, главные же Воеводы на Рязань и Мещеру, чтобы сойтись с Государем в поле за Алатырем. – В войске сделался ропот: Новгородцы, Дети Боярские, жаловались, что Царь не дает им отдохновения; что они уже несколько месяцев на службе и в трудах; что им невозможно вынести дальнего похода, для коего не имеют ни сил, ни денег. Иоанн весьма огорчился; но, скрыв досаду, велел переписать воинов усердных, желающих служить отечеству, и тех, которые по лености или неспособности отказываются от славы участвовать в великом подвиге. «Первые, – говорил он, – будут мне любезны как дети; хочу знать их нужды и все разделю с ними. Другие же могут остаться: мне не надобно малодушных!» Сии слова произвели удивительное действие. Все сказали в один голос: «Идем, куда угодно Государю, а после он увидит нашу службу и не оставит бедных». Самые беспоместные Дети Боярские молчали о своих недостатках, в надежде на будущую милость Государеву.

3 июля тронулось все войско. Иоанн с отменным усердием молился пред иконою Богоматери, которая была с Димитрием Донским в Мамаевой битве и стояла в Коломенском храме Успения. На пути он с умилением лобызал гроб древнего Героя России Александра Невского и благословил память Святых Муромских Угодников, Князя Петра и Княгини Февронии. В Владимире донесли ему из Свияжска, что болезнь там прекратилась; что войско одушевлено ревностию; что Князя Микулинский, Серебряный и Боярин Данило Романович

ходили на мятежников Горной стороны, смирили многих и новою клятвою обязали быть верными подданными России. В Муроме уведомили Государя из Москвы, что супруга его тверда и спокойна надеждою на Провидение; что Духовенство и народ непрестанно молят Всевышнего о здравии Царя и воинства. Митрополит писал к Иоанну с ласкою друга и с ревностию Церковного учителя. «Будь чист и целомудрен душою, – говорил он: – смирайся в славе и бодрствуй в печали. Добродетели Царя спасительны для Царства». И Государь и Воеводы читали сию грамоту с любовью. «Благодарим тебя, – отвечивал Иоанн Митрополиту, – за Пастырское учение, вписанное у меня в сердце. Помогай нам всегда наставлением и молитвою. Идем далее. Да сподобит нас Господь возвратиться с миром для Христиан!» Он не терял ни часа в бездействии: пеший и на коне смотрел полки, людей, оружие; велел расписать Детей Боярских на сотни и выбрать начальника для каждой из воинов, знатнейших родом; отпустил Шиг-Алея в судах к Казани с Князем Петром Булгаковым и стрельцами; послал дружину яртоульную наводить мосты и 20 июля, вслед за войском переехав Оку, ночевал в Саканском лесу, на реке Велетеме, в 30 верстах от Мурома. Второй стан был на Шилекше, третий под Саканским городищем. Князья Касимовские и Темниковский присоединились к войску с своими дружинами, Татарами и Мордвою. Августа 1 государь святил воду на реке Мяне. В следующий день войско переправилось за Алатырь и 4 Августа с радостью увидело на берегах Суры полки Князей Мстиславского, Щенятева, Курбского, Хилкова. Обе многочисленные рати шли дремучими лесами и пустынями, питаясь ловлею, ягодами и плодами. «Мы не имели запасов с собою, пишут очевидцы: везде природа до наступления поста готовила для нас изобильную трапезу. Лоси являлись стадами, рыбы толпились в реках, птицы сами падали на землю пред нами».

Тут, у Борончеева городища, ждали Царя Послы Свяжские и Черемисские с донесением, что весь правый берег Волги ему повинуется в тишине и мире. Мятежники раскаялись, и Царь в знак милости обедал с их старейшинами. Они клялись загладить вину свою: очистили путь для войска в местах тесных; навели мосты на реках; хотели усердно служить нам мечом под Казанью. – 6 Августа Иоанн на речке Кивате слушал Литургию и причастился Святых Таин. 11 Августа Воеводы Свяжские встретили Государя с конницею и пехотою; они шли тремя полками: в первом Князь Александр Горбатый и Вельможа Данило Романович; во втором Князь Симеон Микулинский и Петр Серебряный-Оболенский с Детьми Боярскими; в третьем Козаки и горные жители, Черемисы с Чувашиами. Царь приветствовал и Воевод и воинов, числом более двадцати тысяч; звал их к руке; говорил с ними; хвалил за устройство и мужество; угостил всех на лугу Бейском: сановники, рядовые обедали под наметами шатров. Время и места были прекрасные; с одной стороны являлись глазам зеленые равнины, холмы, рощи, леса темные; с другой – величественная Волга с дикими утесами, с картинными островами: за нею необозримые луга и дубравы. Изредка показывались селения Чувашские в крутизнах и в ущельях. Жители давали нам хлеб и мед: сам Государь в постное время не имел иной вкуснейшей трапезы; пили чистую воду, и никто не жаловался: трезвость и веселие господствовали в стане.

Августа 13 открылся Свяжск: с любопытством и с живейшим удовольствием Царь увидел сей юный, его велением созданный град, знамение победы и торжества Христиан в пределах зловерия. Духовенство с крестами, Князь Петр Шуйский и Боярин Заболоцкий с воинскою дружиною приняли Иоанна в вратах крепости. Он пошел в Соборную церковь: там Диакон пели ему многолетие, а Бояре поздравляли его как завоевателя и просветителя земли Свяжской. Осмотрев крепость, богатые запасы ее, красивые улицы, дома, Государь изъявил благодарность Князю Симеону Микулинскому и другим начальникам; любовался живописными видами и говорил Вельможам, что нет в России иного, столь счастливого местоположения. Для него изготовили дом. «Мы в походе», – сказал Иоанн, сел на коня, выехал из города и стал в шатрах на лугу Свяги.

Войско, утружденное путем, надеялось отдохнуть среди изобилия и приятностей сего нового места, куда съехалось множество купцев из Москвы, Ярославля, Нижнего со всякими товарами; суда за судами входили в пристань; берег обратился в гостинный двор: на песке, в шалашах раскладывались драгоценности Европейской и Азиатской торговли. Люди знатные и богатые нашли там свои запасы, доставленные Волгою. Все были *как дома*: могли вкусно есть и пить, угощать друзей и роскошествовать... Но Иоанн, призвав Шиг-Алея, Князя Владимира Андреевича и всех думных советников, положил с ними немедленно идти к Казани. Алея, будучи родственником ее нового Царя, Едигера, взялся написать к нему убедительную грамоту, чтобы он не безумствовал в надменности, не считал себя равносильным великому Монарху Христианскому, смирился и приехал в стан к Иоанну без всякой боязни. Написали и к

Вельможам Казанским, что Государь желает не гибели их, а раскаяния; что если они выдадут ему виновников мятежа, то все иные могут быть спокойны под его счастливою Державою. Сии грамоты были посланы с Татаринцом 15 Августа: а в следующий день войско уже начало перевозиться за Волгу.

Приступая к описанию достопамятной осады Казанской, заметим, что она, вместе с Мамаевою битвою, до самых наших времен живет в памяти народа как славнейший подвиг древности, известный всем Россиянам, и в чертогах и в хижинах. Два обстоятельства дали ей сию чрезвычайную знаменитость: она была первым нашим правильным опытом в искусстве брать укрепленные места, и защитники ее показали мужество удивительное, редкое, отчаяние истинно великодушное, так что победу купили мы весьма дорогою ценою. Быв готовы мирно поддаться Иоанну, чтобы избавиться от лютой Шиг-Алеевой, они в течение пяти месяцев имели время размыслить о следствиях. Казань с Наместником Иоанновым уже существовала бы единственно как город Московский. Ее Вельможи и Духовенство предвидели конечное падение их власти и Веры; народ ужаснулся рабства. В душах вспыхнула благородная любовь к государственной независимости, к обычаям, к законам отцов: усиленная воспоминаниями древности – раздраженная ненавистию к Христианам, прежним данникам, тогдашним угнетателям Батыева потомства – она преодолела естественную склонность людей к мирным наслаждениям жизни; произвела восторг, жажду мести и крови, рвение к опасностям и к великим делам. В движении, в пылу геройства Казанцы не чувствовали своей слабости; а как в самой отчаянной решительности надежда еще таится в сердце, то они исчисляли все безуспешные приступы наши к их столице и говорили друг другу: «не в первый раз увидим Москвитян под стенами; не в первый раз побегут назад восвояси, и будем смеяться над ними!» Таково было расположение Царя и народа в Казани; но Иоанн предлагал милость, чтобы *исполнить меру долготерпения*, согласно с Политикою его отца и деда.

19 Августа Государь с 150 000 воинов был уже на Луговой стороне Волги. Шиг-Алей отправился на судах занять Гостиный остров, а Боярин Михайло Яковлевич Морозов вез снаряд огнестрельный, рубленные башни и *тарасы*, чтобы действовать с них против крепости. Несколько дней шли дожди; реки выливались из берегов; низкие луга обратились в болота: Казанцы испортили все мосты и гати. Надлежало вновь устроить дорогу. 20 Августа на берегу Казанки Иоанн получил ответную грамоту от Едигера. Царь и Вельможи Казанские не оставили слова на мир; поносили Государя, Россию, Христианство; именовали Алея предателем и злодеем, писали: «все готово: ждем вас на пир!» – В сей день войско увидело пред собою Казань и стало в шести верстах от нее на гладких, веселых лугах, которые *подобно зеленому сукну* расстилались между Волгою и горою, где стояла крепость с каменными мечетями и дворцом, с высокими башнями и дубовыми широкими стенами (набитыми внутри илом и хрящем). Два дня выгружали пушки и снаряды из судов. Тут явился из Казани беглец Мурза Камай и донес государю, что он ехал к нам с 200 товарищей, но что их задержали в городе; что Царь Едигер, Кульшерифмолна, или Глава Духовенства, Князь Изенеш Ногайский, Чапкун, Аталык, Ислам, Аликей Нарыков, Кебек Тюменский и Дербыш умели одушевить народ злобою на Христиан; что никто не мыслит о мире; что крепость наполнена запасами хлебными и ратными; что в ней 30 000 воинов и 2700 Ногаев; что Князь Япанча со многочисленным отрядом конницы послан в Арскую засеку вооружить, собрать там сельских жителей и непрестанными нападениями тревожить стан Россиян. Иоанн принял Камая милостиво; советовался с Боярами; велел для укрепления изготовить на каждого воина бревно, на десять воинов тур; большому и передовому полку занять поле Арское, правой руке берег Казанки, сторожевому устье Булака, левой руке стать выше его, Алею за Булаком у кладбища, а Царской дружине, предводимой им и Князем Владимиром Андреевичем, на Царевом лугу; строго запретил чиновникам вступать в битву самовольно, без Государева слова, – и 23 Августа, в час рассвета, войско двинулось. Впереди шли Князь Юрий Шемякин-Пронский и Федор Троекуров с Козаками пешими и стрельцами; за Воеводами Атаманы, – Головы Стрелецкие, Сотники, всякий по чину и в своем месте, наблюдая устройство и тишину. Солнце восходило, освещая Казань в глазах Иоанна: он дал знак, и полки стали; ударили в бубны, заиграли на трубах, распустили знамена и святую хоругвь, на коей изображался Иисус, а вверх водружен был Животворящий Крест, бывший на Дону с Великим Князем Димитрием Иоанновичем. Царь и все Воеводы сошли с коней, отпели молебен под сению знамен, и Государь произнес речь к войску: ободрял его к великим подвигам; славил Героев, которые падут за Веру; именем России клялся, что вдовы и сироты их будут призрены, успокоены отечеством; наконец сам обрекал себя на смерть, если то нужно для победы и торжества Христиан. Князь Владимир

Андреевич и Бояре ответствовали ему со слезами: «Дерзай, Царю! Мы все единою душою за Бога и за тебя». Духовник Иоаннов, Протоиерей Андрей, благословил его и войско, которое изъясляло живейшее усердие. Царь сел на аргамака, богато украшенного, взглянул на Спасителей образ святой хоругви, ознаменовал себя крестом и, громко сказав: «о Твоем имени движемся!», повел рать прямо к городу. Там все казалось тихо и пусто; не видно было ни движения, ни людей на стенах, и многие из наших радовались, думая, что Царь Казанский с войском от страха бежал в леса; но опытные Воеводы говорили друг другу: «будем тем осторожнее!»

Россияне обступали Казань. 7000 стрельцов и пеших Козаков по наведенному мосту перешли тинный Булак, текущий к городу из озера Кабана и, видя пред собою – не более как в двухстах сажнях – Царские палаты, мечети каменные, лезли на высоту, чтобы пройти мимо крепости к Арскому полю... Вдруг раздался шум и крик: заскрипели, отворились ворота, и 15000 Татар, конных и пеших, устремились из города на стрельцов: расстроили, сломили их. Юные Князья Шемякин и Троекуров удержали бегущих: они сомкнулись. Подросло несколько Детей Боярских. Началась жестокая сеча. Россияне, не имея конницы, стояли грудью; победили и гнали неприятеля до самых стен, несмотря на сильную пальбу из города; взяли пленников и медленно отступили в виду всех наших полков, которые, спокойно идучи к назначенным для них местам, любовались издали сим первым славным делом. Приказ Государев в точности исполнился: никто без его слова не кидался в битву, и воинская подчиненность ознаменовалась блестящим образом.

Полки окружили Казань. Расставили шатры и три церкви полотняные: Архистратига Михаила, Великомученицы Екатерины. и Св. Сергия. Вечеру Государь, собрав Воевод, изустно дал им все нужные повеления. Ночь была спокойна. На другой день сделалась необыкновенно сильная буря: сорвала Царский и многие шатры; потопила суда, нагруженные запасами, и привела войско в ужас. Думали, что всему конец; что осады не будет; что мы, не имея хлеба, должны удалиться с стыдом. Не так думал Иоанн: послал в Свияжск, в Москву за съестными припасами, за теплою одеждою для воинов, за серебром и готовился зимовать под Казанью.

25 Августа легкая дружина Князей Шемякина и Троекурова двинулась с Арского поля к реке Казанке выше города, чтобы отрезать его от луговой черемисы, соединиться с правою рукою и стать ближе к стене. Татары сделали вылазку. Мужественный витязь Князь Шемякин был ранен; но Князь Дмитрий Хилков, глава всех передовых отрядов, помог ему с Детьми Боярскими втоптать неприятеля в крепость. – Ночью Сторожевой полк и Левая Рука без боя и сопротивления расставили туры и пушки. Стрельцы окопались рвом; а Козаки под самою городскою стеною засели в каменной, так называемой Даировой бане. – В сии два дня Иоанн не сходил с коня, ездил вокруг города и наблюдал места удобнейшие для приступа.

26 Августа большой полк выступил перед вечером из стана: Князь Михайло Воротынский шел с пехотою и катил туры; Князь Иван Мстиславский вел конницу, чтобы помогать ему в случае нападения. Государь дал им отборных Детей Боярских из собственной дружины. Казанцы ударили на них с воплем; а с башен и стен посыпались ядра и пули. В дыму, в огне непоколебимые Россияне отражали конницу, пехоту сильным действием своих бойниц, ружейною стрельбою, копьями и мечами; хладнокровно шли вперед, втеснили Татар в город и наполнили его мосты неприятельскими телами. Пищальники, Козаки стали на валу, стреляли до самой ночи и дали время Князю Воротынскому утвердить, насыпать землею туры в пятидесяти сажнях от рва, между Арским полем и Булаком. Тогда он велел отступить им к турам и закопаться под оными. Но темнота не прекратила битвы: Казанцы до самого утра выходили и резались с нашими. Не было отдыха; ни воины, ни полководцы не смыкали глаз. Иоанн молился в церкви и ежечасно посылал своих знатнейших сановников ободрять биющихся. Наконец неприятель утомился; восходящее солнце осветило решительную победу Россиян, и Государь велел петь в стане благодарные молебны. Казанцы лишились в сем деле многих храбрых людей, смелого Князя Ислама Нарыкова, Сюнчеля богатыря и других. В числе убитых Москвитян находился добрый витязь Леонтий Шушерин.

27 Августа Боярин Михаиле Яковлевич Морозов, прикатив к турам стенобитный снаряд, открыл сильную пальбу со всех наших бойниц; а пищальники стреляли в город из окопов. – Казанцы скрывались за стенами; но, желая добыть языка, напали на людей, рассеянных в поле, близ того места, где стоял Князь Мстиславский с частию большого полка. Сей Воевода успел защитить своих, обратил неприятеля в бегство, пленил знатного Улана, именем Карамыша, и представил Государю, оказав личное мужество и в двух местах быв уязвлен стрелою. Пленник сказывал, что Казанцы, готовые умереть, не хотят слышать о мирных переговорах.

В следующий день Россияне ждали новой вылазки: неприятель явился с другой стороны; вышел густыми толпами из леса на Арское поле, схватил стражу Передового полка и кинулся на его стан. Воевода, Князь Хилков, с великим усилием оборонялся, но имел нужду в немедленной помощи. Князя Иван Пронский, Мстиславский, Юрий Оболенский один за другим спешили удержать стремление неприятеля. Сам Иоанн, отрядив к ним часть Царской дружины, сел на коня. Многие из наших чиновников падали мертвые или раненые. Но число Россиян умножалось ежеминутно: они прогнали Татар в лес и сведали от пленников, что сии толпы приходили с Князем Япанчею из укрепления, сделанного Казанцами на пути в город Арск; что им велено не давать нам покоя и делать всевозможный вред частыми *наездами*.

29 Августа Воеводы правой руки, Князя Щенятев и Курбский, подвинулись к городу и начали укреплять туры вдоль реки Казанки под защитою стрельцов; а дружина Князей Шемякина и Троекурова возвратилась на Арское поле, где снова показался неприятель из леса и где Мстиславский, Хилков, Оболенский стояли в рядах, ожидая Татар, между тем как иные Воеводы, Князь Дмитрий Палецкий, Алексей Адашев и головы Царской дружины ставили туры с поля Арского до Казанки. С обеих сторон стреляли из пушек, ружей и луков: вылазки не было. Неприятель не отходил от леса, видя Россиян готовых к битве; и ввечеру донесли Иоанну, что весь город окружен нашими укреплениями, в сухих местах турами, а в грязных тыном; что нет пути ни в Казань, ни из Казани. С сего времени Боярин Морозов, везде расставив снаряд огнестрельный, неутомимо громил стены из ста пятидесяти тяжелых орудий.

Но войско наше в течение недели утомилось до крайности: всегда стояло в ружье, не имело времени отдыхать и за недостатком в съестных припасах питалось только сухим хлебом. Кормовщики наши не смели удаляться от стана: Князь Япанча стерег и хватал их во всех направлениях. Казанцы сносились с ним посредством знаков: выставляя хоругвь на высокой башне, махали ею и давали разуметь, что ему должно ударить на осаждающих. Сей опасный наездник Держал Россиян в непрестанном страхе. Иоанн собрал Думу; положил разделить войско на две части: одной быть в укреплениях и хранить особу Царя; другой, под начальством мужественного, опытного Князя Александра Горбатого-Шуйского, сильно действовать против Япанчи, чтобы заслонить осаду, очистить лес, успокоить стан наш. Имея 30'000 конных и 15'000 пеших воинов, Князь Александр расположился за горами, чтобы утаить свои движения от неприятеля, и послал отряды к Арскому лесу. Япанча увидел их, и толпы его высыпали на поле. Россияне, как бы утраченные, дали тыл. Татары гнали их, втиснули в обоз, начали *водить круги* перед нашими укреплениями и пускали стрелы дождем; а другие толпы, конные и пешие, шли медленно в боевом порядке, прямо на стан главного войска Московского. Тогда Князь Юрий Шемякин с готовым полком своим из засады устремился на Татар: они изумились; но, будучи уже недалеко от леса, должны были принять битву. Скоро явился и сам Князь Александр с конными многочисленными дружинами; а пехота наша с правой и левой стороны заходила в тыл неприятелю. Татары искали спасения в бегстве: их давили, секли, кололи на пространстве десяти или более верст, до реки Килари, где Князь Александр остановил своего утомленного коня и трубным звуком созвал рассеянных победителей. На возвратном пути, в лесу, они убили еще множество неприятелей, которые прятались в чаще и в густоте ветвей; взяли и несколько сот пленников; одним словом, истребили Япанчу. Государь обнял Вождей, покрытых бранною пылью, орошенных потом и кровию; хвалил их ум, доблесть с живейшим восторгом; изъявил благодарность и рядовым воинам. Он велел привязать всех пленников к кольям перед нашими укреплениями, чтобы они умолили Казанцев сдаться. В то же время сановники Государевы подъехали к стенам и говорили Татарам: «Иоанн обещает им жизнь и свободу, а вам прощение и милость, если покоритесь ему». Казанцы, тихо выслушав их слова, пустили множество стрел в своих несчастных пленных сограждан и кричали: «лучше вам умереть от нашей чистой, нежели от злой Христианской руки!» Сие остервенение удивило Россиян и Государя.

Желая употребить все средства, чтобы взять Казань с меньшим кровопролитием, он велел служащему в его войске искусному Немецкому размышлу (то есть инженеру) делать подкоп от реки Булака между Аталаковыми и Тюменскими воротами. Мурза Камай известил Государя, что осажденные берут воду из ключа близ реки Казанки и ходят туда подземельным путем от ворот Муралеевых. Воеводы наши хотели открыть сей тайник, но не могли, и государь велел подкопать его от каменной Дауровой бани, занятой нашими Козаками. Для сего размысл отрядил учеников своих, которые под надзором Князя Василья Серебряного и любимца Иоаннова, Алексея Адашева, рылись в земле десять дней; услышали над собою голоса людей, ходящих тайником за водою; вкатили в подкоп 11 бочек пороха и дали знать Государю. 5 сентября, рано, Иоанн выехал

к укреплениям. Вдруг в его глазах с громом, с треском взорвало землю, тайник, часть городской стены, множество людей; бревна, камни, взлетев на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли от ужаса, не понимая, что случилось. В сию минуту Россияне, схватив знамена, устремились к обрушенной стене; ворвались было и в самый город, но не могли в нем удержаться. Казанцы опомнились, вытеснили наших – и Государь не велел возобновлять усилий для приступа. Мы взяли немалое число пленных; убили еще гораздо более и ждали следствий.

Несмотря на решительность Казанцев, после сего бедственного для них случая обнаружилось уныние в городе; некоторые из жителей думали, что все погибло и что они уже не имеют средств защиты. Но смелейшие ободрили их: рыли и нашли ключ, малый, смрадный, коим надлежало довольствоваться всему городу; терпели жажду, пухли от худой воды, молчали и сражались.

Иоанн оказывал удивительную деятельность; не знали, когда он имел отдохновение: всегда, рано и поздно, молился в церкви или ездил вокруг укреплений; останавливался, говорил с воинами, утверждал их в терпении. Если Казанцы тревожили нас всегдашнею стрельбою, то и мы не давали им покоя: днем и ночью гремели пушки Российские, заряжаемые ядрами и камнями. Арские ворота были до основания сбиты: осажденные заградились в сем месте тарасами.

6 сентября Иоанн поручил Князю Александру Горбатову-Шуйскому взять острог, сделанный Казанцами за Арским полем, в пятнадцати верстах от города, на крутой высоте, между двумя болотами: там соединились остатки разбитого Япанчина войска. Князь Симеон Микулинский шел впереди; с ними были Бояре Данило Романович и Захария Яковлев, Князья Булгаков и Палецкий, Головы Царской дружины, Дети Боярские, стрельцы, Атаманы с Козаками, Мордва Темниковская и Горные Черемисы, которые служили путеводителями. Срубленный городнями, насыпанный землею, укрепленный засеками, острог казался неприступным. Воины сошли с коней и вслед за смелыми вождями, сквозь болото, грязную дебрь, чащу леса, под градом пускаемых на них стрел, без остановки взлезли на высоту с двух сторон, отбили ворота, взяли укрепление и 200 пленников. Тела неприятелей лежали кучами. Воеводы нашли там знатную добычу, ночевали и пошли далее, к Арскому городу, местами приятными, удивительно плодоносными, где Казанские Вельможи имели свои дома сельские, красивые и богатые. Россияне плавали в изобилии; брали, что хотели: хлеб, мед, скот; жгли селения, убивали жителей, пленяли только жен и детей. Граждане Арские ушли в дальнейшие леса; но в домах и в лавках оставалось еще немало драгоценностей, особенно всяких мехов, куниц, белок. Освободив многих Христиан-соотечественников, бывших там в неволе, Князь Александр чрез десять дней возвратился с победою, с избытком и с дешевизною съестных припасов, так что с сего времени платили в стане 10 денег за корову, а 20 за вола. Царь и войско были в радости.

Еще опасности и труды не уменьшились. Лес Арский уже не метал стрел в Россию: зато Луговые Черемисы отгоняли наши табуны и тревожили стан от Галицкой дороги. Стоящие тут Воеводы правой руки ходили за ними и побили их наголову; но опасаясь новых нападений, всегдашнею бдительною осторожностью утомляли свой полк, который сверх того, занимая низкие равнины вдоль Казанки, более всех терпел от пальбы с крепости, от ненастья, от сильных дождей, весьма обыкновенных в сие время года, но суеверием приписываемых чародейству. Очевидец, Князь Андрей Курбский, равно мужественный и благоразумный, платя дань веку, пишет за истину, что Казанские волшебники ежедневно, при восходе солнца, являлись на стенах крепости, вопили страшным голосом, кривлялись, махали одеждами на стан Российский, производили ветер и облака, из коих дождь лился реками; сухие места сделались болотом, шатры всплывали и люди мокли с утра до вечера. По совету Бояр Государь велел привезти из Москвы царский Животворящий Крест, святить им воду, кропить ею вокруг стана – и сила волшебства, как уверяют, исчезла: настали красные дни, и войско ободрилось.

Желая сильнее действовать на внутренность города, Россияне построили тайно, верстах в двух за станом, башню, вышиною в шесть сажен; ночью придвинули ее к стенам, к самым Царским воротам; поставили на ней десять больших орудий, пятьдесят средних и дружину искусных стрелков; ждали утра и возвестили оное залпом с раската. Стрелки стояли выше стены и метили в людей на улицах, в домах: Казанцы укрывались в ямах; копали себе землянки под тарасами; подобно змеям, выползали оттуда и сражались неослабно; уже не могли употреблять больших орудий, сбитых нашею пальбою, но без умолку стреляли из ружей, из пищалей *затинных*, и мы теряли ежедневно немало добрых воинов. – Тщетно Иоанн возобновлял мирные предложения, приказывая к осажденным, что если они не хотят сдаться, то пусть идут куда им угодно с своим Царем беззаконным, со всем имением, с женами и детьми; что мы требуем только

города, основанного на земле Болгарской, в древнем достоянии России. Казанцы *не слушали ни краем уха*, по выражению летописца.

Между тем храбрый Князь Михаиле Воротынский подвигал туры ближе и ближе к Арской башне; наконец один ров, шириною в три сажени, а глубиною в семь, отделял их от стены: стрельцы, Козаки, головы с людьми Боярскими стояли за оными, бились до изнурения сил и сменялись. Иногда же, несмотря на близость расстояния, бой пресекался от усталости: те и другие воины отдыхали. Казанцы воспользовались однажды сим временем: видя, что многие из наших сели обедать и что у пушек осталось мало людей, они, числом до десяти тысяч, тихо вылезли из своих нор и под начальством Вельмож, главных царских советников, именуемых Карачами, устремились к турам, смяли Россиян и схватили их пушки. Тут Князь Воротынский сам, а за ним и все знатнейшие чиновники кинулись в сечу. «Не выдадим отцев!» – кричали Россияне и бились мужественно. Воеводы Петр Морозов, Князь Юрий Кашин пали в толпе, опасно уязвленные: их отнесли в стан. Князь Михайло Воротынский, раненный в лицо, не оставлял битвы: крепкий доспех его был иссечен саблями. Многие Головы Стрелецкие лежали мертвые у пушек, и Казанцы еще не уступали нам взятых ими трофеев. Но явились Муромцы, Дети Боярские, *стародавние племенем и доблестию* ударили, сломили неприятеля, втиснули в ров. Победа решилась. Казанцы давили друг друга, теснясь в воротах и вползая в свои норы. Сие дело было одним из кровопролитнейших. В то же время неприятель напал и на туры передового полка, однако ж не весьма усиленно. Государь видел собственными глазами оба дела: изъявив особенную милость Князю Михайлу Воротынскому и витязям Муромским, он навестил раненых Воевод, благодаря их за усердную службу.

Уже около пяти недель Россияне стояли под Казанью, убив в вылазках и в городе не менее десяти тысяч неприятелей, кроме жен и детей. Наступающая осень ужасала их более, нежели труды и битвы осады; все хотели скорого конца. Чтобы облегчить приступ и нанести осажденным чувствительнейший вред, Иоанн велел близ Арских ворот подкопать тарасы и землянки, где укрывались жители от нашей стрельбы: 30 сентября они взлетели на воздух. Сие страшное действие пороха, хотя уже и не новое для Казанцев, произвело оцепенение и тишину в городе на несколько минут; а Россияне, не теряя времени, подкатили туры к воротам Арским, Аталыковым, Тюменским. Думая, что настал час решительный, Казанцы высыпали из города и схватились с теми полками, коим велено было прикрывать туры. Битва закипела. Иоанн спешил ободрить своих – и как скоро они увидели его, то, единогласно воскликнув: «Царь с нами!» – бросились к стенам; гнали, теснили неприятеля на мостах, в воротах. Сеча была ужасна. Гром пушек, треск оружия, крик воинов раздавался в облаках густого дыма, который носился над всем городом. Несмотря на мужественное, отчаянное сопротивление, многие Россияне были уже на стене, в башне от Арского поля, резались в улицах с Татарами. Князь Михайло Воротынский уведомил о том Государя и требовал, чтобы он велел всем полкам идти на приступ. Успех действительно казался вероятным; но Иоанн хотел верного: большая часть войска находилась еще в стане и не могла вдруг ополчиться: излишняя торопь произвела бы беспорядок и, может быть, неудачу, которая имела бы весьма худые для нас следствия. Государь не уважил ревности войска: приказал ему отступить. Оно повиновалось неохотно: чиновники с трудом вывели его из крепости и зажгли мосты. Но чтобы кровопролитие сего жаркого дня не осталось бесплодным, то Князь Воротынский занял Арскую башню нашими стрелками: они укрепились турами и рядом твердых щитов; сказали Воеводам: «здесь будем ждать вас» – и сдержали слово: Казанцы не могли отнять у них сей башни. – Во всю ночь пылали мосты, и часть стены обгорела; действие нашего снаряда огнестрельного также во многих местах разрушило оную. Казанцы поставили там высокие срубы, осыпав их землею.

Наконец, 1 Октября, Иоанн объявил войску, чтобы оно готовилось *пить общую чашу крови* – то есть к приступу (ибо подкопы были уже готовы) и велел воинам *очистить душу* накануне дня рокового. В тот самый час, когда одни из них смиренно исповедывали грехи свои пред Богом и достойные с умилением вкушали тело Христово, другие, под громом бойниц, метали в ров землю и лес, чтобы проложить путь к стенам. Еще государь хотел испытать силу увещания: Мурза Камай и седые старейшины Горной стороны, держа в руке знамение мира, приблизились к крепости, усыпанной людьми, и сказали им, что Иоанн в последний раз предлагает милосердие городу, уже стесненному, до половины разрушенному; требует единственно выдачи главных изменников и прощает народ. Казанцы ответствовали в один голос: «Не хотим прощения! В башне Русь, на стене Русь: не боимся; поставим иную башню, иную стену; все умрем или отсидимся!» Тогда Государь начал устраивать войско *к великому делу*.

Чтобы заслонить тыл от Луговой Черемисы, от Татар, бродящих по лесам, от Ногайских Улусов и чтобы отрезать Казанцам все пути для бегства, он приказал Князю Мстиславскому с частью Большого полка, а Шиг-Алею с Касимовцами и жителями Горной стороны занять дорогу Арскую и Чувашскую, Князю Юрию Оболенскому и Григорию Мещерскому с Дворянами Царской дружины Ногайскую, Князю Ивану Ромодановскому Галицкую; другой отряд Дворян, примыкая к нему, должен был стоять вверх по Казанке, на Старом Городище. Отпустив сих Воевод, Иоанн распорядил приступ: велел быть впереди Атаманам с Козаками, Головам с стрельцами и дворовым людям, разделенным на сотни, под начальством отборных Детей Боярских; за ними идти полкам Воеводским: Князю Михаилу Воротынскому с Окольничим Алексеем Басмановым ударить на крепость в пролом от Булака и Поганого озера; Князьям Хилкову в Кабацкие ворота, Троекурову в Збойливые, Андрею Курбскому в Ельбугины, Семену Шереметеву в Муралеевы, Дмитрию Плещееву в Тюменские. Каждому из них помогал особенный Воевода: первому сам Государь; другим же Князья Иван Пронский-Турунтай, Шемякин, Щенятев, Василий Серебряный-Оболенский и Дмитрий Микулинский. Приказав им изготвиться к двум часам следующего утра и ждать взорвания подкопов, Иоанн ввечеру уединился с Духовным отцом своим, провел несколько времени в его душеспасительной беседе и надел доспех. Тогда Князь Воротынский прислал ему сказать, что инженер кончил дело и 48 бочек зелия уже в подкопе; что Казанцы заметили нашу работу и что не надобно терять ни минуты. Государь велел выступать полкам, слушал Заутреню в церкви, отпустил дружину Царскую, молился из глубины сердца... В сию важную ночь, предтечу решительного дня, ни Россияне, ни Казанцы не думали об успокоении. Из города видели необыкновенные движения в нашем стане. С обеих сторон ревностно готовились к ужасному бою.

Заря осветила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стенах: Россияне пред ними, под защитой укреплений, под сению знамен, в тишине, неподвижно; звучали только бубны и трубы, неприятельские и наши; ни стрелы не летали, ни пушки не гремели. Наблюдали друг друга; все было в ожидании. Стан опустел: в его безмолвии слышалось пение Иереев, которые служили Обедню. Государь оставался в церкви с немногими из ближних людей. Уже восходило солнце. Диакон читал Евангелие и едва произнес слова: *да будет едино стадо и един Пастырь!* грянул сильный гром, земля дрогнула, церковь затряслась... Государь вышел на паперть: увидел страшное действие подкопа и густую тьму над всею Казанью: глыбы земли, обломки башен, стены домов, люди неслись вверх в облаках дыма и пали на город. Священное служение прервалось в церкви. Иоанн спокойно возвратился и хотел дослушать Литургию. Когда Диакон пред дверями Царскими громогласно молился, да утвердит Всевышний Державу Иоанна, да повергнет всякого врага и супостата к ногам его, раздался новый удар: взорвало другой подкоп, еще сильнее первого, – и тогда, воскликнув: *с нами Бог!* полки Российские быстро двинулись к крепости, а Казанцы твердые, непоколебимые в час гибели и разрушения вопили: *Алла! Алла!* призывали Магомета и ждали наших, не стреляя ни из луков, ни из пищалей; меряли глазами расстояние и вдруг дали ужасный залп: пули, каменья, стрелы омрачили воздух... Но Россияне, ободряемые примером начальников, достигли стены. Казанцы давили их бревнами, обливали кипящим варом; уже не береглися, не прятались за щиты: стояли открыто на стенах и помостах, презирая сильный огонь наших бойниц и стрелков. Тут малейшее замедление могло быть гибелью для Россиян. Число их уменьшилось; многие пали мертвые или раненые, или от страха. Но смелые, геройским забвением смерти, ободрили и спасли боязливых: одни кинулись в пролом; иные взбирались на стены по лестницам, по бревнам; несли друг друга на головах, на плечах; бились с неприятелем в отверстиях... И в ту минуту, как Иоанн, отслушав всю Литургию, причастясь Святых Таин, взяв благословение от своего отца духовного, на бранном коне выехал в поле, знамена Христианские уже развевались на крепости! Войско запасное одним кликом приветствовало Государя и победу.

Но еще сия победа не была решена совершенно. Отчаянные Татары, сломленные, низверженные сверху стен и башен, стояли твердым оплотом в улицах, секлись саблями, схватывались за руки с Россиянами, резались ножами в ужасной свалке. Дрались на заборах, на кровлях домов; везде попирали ногами головы и тела. Князь Михайло Воротынский первый известил Иоанна, что мы уже в городе, но что битва еще кипит и нужна помощь. Государь отрядил к нему часть своего полку; велел идти и другим Воеводам. Наши одолевали во всех местах и теснили Татар к укрепленному двору Царскому. Сам Едигер с знатнейшими Вельможами медленно отступал от проломов, остановился среди города, у Тезицкого или Купеческого рва, бился упорно и вдруг заметил, что толпы наши редеют: ибо Россияне, овладев

половиною города, славного богатствами Азиатской торговли, прельстились его сокровищами; оставляя сечу, начали разбивать дома, лавки – и самые чиновники, коим приказал Государь идти с обнаженными мечами за воинами, чтобы никого из них не допускать до грабежа, кинулись на корысть. Тут ожили и малодушные трусы, лежавшие на поле как бы мертвые или раненые; а из обозов прибежали слуги, кашевары, даже купцы: все алкали добычи, хватали серебро, меха, ткани; относили в стан и снова возвращались в город, не думая помогать своим в битве. Казанцы воспользовались утомлением наших воинов, верных чести и доблести: ударили сильно и потеснили их, к ужасу грабителей, которые все немедленно обратились в бегство, метались через стену и вопили: *секут! секут!* Государь увидел сие общее смятение; изменился в лице и думал, что Казанцы выгнали все наше войско из города. «С ним были, – пишет Курбский, – великие *Синклиты*, мужи века отцев наших, поседевшие в добродетелях и в ратном искусстве»: они дали совет Государю, и Государь явил великодушие: взял святую хоругвь и стал пред Царскими воротами, чтобы удержать бегущих. Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла с коней и ринулась в город; а с нею и Вельможные старцы, рядом с их юными сыновьями. Сие свежее, бодрое войско, в светлых доспехах, в блестящих шлемах, как буря нагрянуло на Татар: они не могли долго противиться, крепко сомкнулись и в порядке отступали до высоких каменных мечетей, где все их Духовные, Абизы, Сеиты, Молны (Муллы) и Первосвященник Кульшериф встретили Россиян не с дарами, не с молением, но с оружием: в остервенении злобы устремились на верную смерть и все до единого пали под нашими мечами. Едигер с остальными Казанцами засел в укрепленном Дворе Царском и сражался около часа. Россияне отбили ворота... Тут юные жены и дочери Казанцев в богатых цветных одеждах стояли вместе на одной стороне под защитою своих прелестей; а в другой стороне отцы, братья и мужья, окружив Царя, еще бились усильно: наконец вышли, числом 10 000, в задние ворота, к нижней части города. Князь Андрей Курбский с двумястами воинов пресек им дорогу; удерживал их в тесных улицах, на крутизнах; затруднял каждый шаг; давал время нашим разить тыл неприятеля и стал в Збойливых воротах, где присоединилось к нему еще несколько сот Россиян. Гонимые, теснимые Казанцы по трупам своих лезли к стене, взвели Едигера на башню и кричали, что хотят вступить в переговоры. Ближайший к ним Воевода, Князь Дмитрий Палецкий, остановил сечу. «Слушайте, – сказали Казанцы: – доколе у нас было Царство, мы умирали за Царя и отечество. Теперь Казань ваша: отдаем вам и Царя, живого, неуязвленного: ведите его к Иоанну, а мы идем на широкое поле испить с вами последнюю чашу». Вместе с Едигером они выдали Палецкому главного престарелого Вельможу, или Карача, именем Заниеша и двух *Мамичей*, или совоспитанников Царских; начали снова стрелять, прыгали со стены вниз и хотели идти к стану нашей Правой Руки; но, встреченные сильною пальбою из укреплений, обратились влево: кинули тяжелое оружие, разулись и перешли мелкую там реку Казанку в виду нашего войска, бывшего в крепости, на стенах и Дворе Царском, за горами и стремнинами. Одни юные Князья Курбские, Андрей и Роман, с малочисленною дружиною успели сесть на коней, обскакали неприятеля, ударили на густую толпу его, врезались в ее средину, топтали, кололи. Но Татар было еще 5000, и самых храбрейших: они стояли, ибо не страшились смерти; стиснули наших Героев, повергнули их уязвленных, дымящихся кровью, замертво на землю, – шли беспрепятственно далее гладким лугом до вязкого болота, где конница уже не могла гнаться за ними, и спешили к густому темному лесу: остаток малый, но своим великодушным остервенением еще опасный для Россиян! Государь послал Князя Симеона Микулинского, Михайла Васильевича Глинского и Шереметева с конною дружиною за Казанку в объезд, чтобы отрезать бегущих Татар от леса: Воеводы настигли и побили их. Никто не сдался живой; спаслись немногие, и то раненые.

Город был взят и пылал в разных местах; сеча престала, но кровь лилася; раздраженные воины резали всех, кого находили в мечетях, в домах, в ямах; брали в плен жен и детей или чиновников. Двор Царский, улицы, стены, глубокие рвы были завалены мертвыми; от крепости до Казанки, далее на лугах и в лесу еще лежали тела и носились по реке. Пальба умолкла; в дыму города раздавались только удары мечей, стон убиваемых, клик победителей. Тогда главный военачальник, Князь Михайло Воротынский, прислал сказать Государю: «Радуйся, благочестивый Самодержец! Твоим мужеством и счастьем победа совершилась: Казань наша, Царь ее в твоих руках, народ истреблен или в плену; несметные богатства собраны: что прикажешь? *Славить Всевышнего*, ответил Иоанн, воздел руки на небо, велел петь молебен под святою хоругвию и, собственною рукою на сем месте водрузив Животворящий Крест, назначил быть там первой церкви Христианской. Князь Палецкий представил ему Едигера: без всякого гнева и с видом кротости Иоанн сказал: «Несчастный! разве ты не знал могущества России и лукавства

Казанцев?» Едигер, ободренный тихостию Государя, преклонил колена, изъявлял раскаяние, требовал милости. Иоанн простил его и с любовью обнял брата, Князя Владимира Андреевича, Шиг-Алея, Вельмож; отвечал на их усердные поздравления ласково и смиренно; всю славу отдавал Богу, им и воинству; послал Бояр и ближних людей во все дружины *с хвалою и с милостивым словом*, велел очистить в городе одну улицу от ворот Муравлевых ко двору Царскому и въехал в Казань: пред ним Воеводы, Дворяне и Духовник его с крестом; за ним Князь Владимир Андреевич и Шиг-Алей. У ворот стояло множество освобожденных Россиян, бывших пленниками в Казани: увидев Государя, они пали на землю и с радостными слезами зывали: «Избавитель! Ты вывел нас из ада! Для нас, бедных, сирых, не щадил головы своей!» Государь приказал отвести их в стан и питать от стола Царского; ехал сквозь ряды складенных тел и плакал; видя трупы Казанцев, говорил: «это не Христиане, но подобные нам люди»; видя мертвых Россиян, молился на них Всевышнему, как за жертву общего спасения. При вступлении во дворец Бояре, чиновники, воины снова поздравляли Иоанна. Они с умилением говорили друг другу: «Где Царствовало зловерие, упиваясь кровию Христиан, там видим Крест Животворящий и Государя нашего во славе!» Все единогласно, единодушно, в умилении сердец принесли благодарность Небу. Иоанн велел тушить огонь в городе и всю добычу, все богатства Казанские, всех пленников, кроме одного Едигера, отдал воинству; взял только утварь Царскую, венец, жезл, знамя державное и пушки, сказав: «Моя корысть есть спокойствие и честь России!» Он возвратился в стан; хотел видеть войско и вышел к полкам с лицом светлым. Они еще дымились кровию неверных и своею; многие витязи, по словам Летописца, *сияли ранами, драгоценнейшими алмазов*. Иоанн стал пред войском и громко произнес речь, исполненную любви и милости. «Воины мужественные! – говорил он. – Бояре, Воеводы, чиновники! в сей знаменитый день *страда* за имя Божие, за веру, отечество и Царя, вы приобрели славу неслыханную в наше время. Никто не оказывал такой храбрости; никто не одерживал такой победы! Вы новые Македоняне, достойные потомки витязей, которые с Великим Князем Димитрием сокрушили Мамаю! Чем могу воздать вам?.. Любезнейшие сыны России там, на поле чести лежащие! вы уже сияете в венцах Небесных вместе с первыми мучениками Христианства. Се дело Божие, наше есть славить вас во веки веков, вписать имена ваши на хартии Священной для поминовения в Соборной Апостольской церкви. А вы, своею кровию обогранные, но еще живые для нашей любви и признательности! все храбрые, коих вижу пред собою! внимайте и верьте моему обету любить и жаловать вас до конца дней моих... Теперь успокойтесь, победители!» Войско отвечало радостными кликами. Иоанн посетил, утешил раненых; немедленно отправил шурина своего, Данила Романовича, в Москву с счастливою вестью к супруге, к Митрополиту, к Князю Юрию; сел обедать с Боярами и дал пир воинам. Сей великолепный праздник отечества украшался воспоминанием минувших зол, чувством настоящей славы и надеждою будущего благоденствия.

В тот же день Иоанн послал жалованные грамоты во все окрестные места, объявляя жителям мир и безопасность. «Идите к нам, – писал он, – без ужаса и боязни. Прошедшее забываю, ибо злодейство уже наказано. Платите мне, что вы платили Царям Казанским». Устрашенные бедствием их столицы, они рассеялись по лесам: успокоенные милостивым словом Иоанновым, возвратились в дома. Сперва жители арские, а после вся Луговая Черемиса прислали старейшин в стан к Государю и дали клятву верности.

3 октября погребали мертвых и совершенно очистили город. На другой день Иоанн с Духовенством, синклитом и воинством торжественно вступил в Казань; избрал место, заложил кафедральную церковь Благовещения, обошел город со крестами и посвятил его *Богу истинному*. Иереи кропили улицы, стены святою водою, моля Вседержителя, да благословит сию новую твердыню православия, да цветет в ней здравие и доблесть, да будет вовеки неприступною для врагов, вовеки неотъемлемою собственностию и честью России!.. Осмотрев всю Казань; назначив, где быть храмам, и приказав немедленно возобновить разрушенные укрепления, стены, башни, Государь с Вельможами поехал во дворец, на коем развевалось знамя Христианское.

Так пало к ногам Иоанновым одно из знаменитых Царств, основанных Чингисовыми Моголами в пределах нынешней России. Возникнув на развалинах Болгарии и поглотив ее бедные остатки, Казань имела и хищный, воинственный дух Моголов. и торговый, заимствованный ею от древних жителей сей страны, где издавна съезжались купцы Арменские, Хивинские, Персидские (и где он доньше сохранился: доньше Казанские Татары, потомки Золотой Орды и Болгаров, имеют купеческие связи с Востоком). Около 115 лет Казанцы нам и мы им неутомимо враждовали, от первого их Царя Махмета, у коего прадед Иоаннов был

пленником, до Едигера, взятого в плен Иоанном, которого дед уже именовался Государем *Болгарским*, уже считал Казань нашею областью, но при конце жизни своей видел ее страшный бунт и не мог отмстить за кровь Россиян, там пролианную. Новые мирные договоры служили поводом к новым изменам, и всяка была ужасом для восточной России, где, на всей длинной черте от Нижнего Новгорода до Перми, люди вечно береглися как на отводной страже. Самая месть стоила нам дорого, и самые счастливые походы иногда заключались истреблением войска и коней от болезней, от трудностей пути в местах диких, населенных народами свирепыми. Одним словом, вопрос: надлежало ли покорить Казань? соединялся с другим: надлежало ли безопасностью и спокойствием утвердить бытие России? Чувство государственного блага, усиленное ревностью Веры, производило в победителях общий, живейший восторг, и летописцы говорят о сем завоевании с жаром стихотворцев призывая современников и потомство к *великому зрелищу* Казани, обновляемой во имя Христа Спасителя, осеняемой хоругвями, украшаемой церквами Православия, оживленной (после ужасов кровопролития, после безмолвия смерти) присутствием многочисленного радостного войска, среди свежих трофеев, но уже в глубокой мирной тишине ликующего на стогнах, площадях, в садах, и юного Царя, сидящего на славно-завоеванном престоле, в блестящем кругу Вельмож и Полководцев, у коих была только одна мысль, одно чувство: *мы заслужили благодарность отечества* – Летописцы сказывают, что небо благоприятствовало торжеству победы; что время стояло ясное, теплое, и Россияне, осаждав Казань в мрачную, дождливую осень, вступили в нее как бы весною.

6 Октября Духовник Государев с Иереями Свяжскими освятил храм Благовещения. В следующие дни Иоанн занимался учреждением Правительства в городе и в областях; объявил Князя Александра Горбатого-Шуйского Казанским Наместником, а Князя Василия Серебряного его товарищем; дал им письменное наставление, 1500 детей Боярских, 3000 стрельцов со многими Козаками, и 11 Октября изготовился к отъезду, хотя благоразумные Вельможи советовали ему остаться там до весны со всем войском, чтобы довершить покорение земли, где обитало пять народов: Мордва, Чуваши, Вотяки (в Арской области), Черемисы и Башкирцы (вверх по Каме). Еще многие из их Улусов не признавали нашей власти; к ним ушли некоторые из злейших Казанцев, и легко было предузнать опасные того следствия. В стане и в Свяжске находилось довольно запасов для прокормления войска. Но Иоанн, нетерпеливо желая видеть супругу и явить себя Москве во славе, отвергнул совет мудрейших, чтобы исполнить волю сердца, одобряемую братьями Царицы и другими сановниками, которые также хотели скорее отдохнуть на лаврах. Отпев молебен в церкви Благовещения и поручив хранение новой страны своей Иисусу, Деве Марии, Российским Угодникам Божиим, Царь выехал из Казани, ночевал на берегу Волги, против Гостиного острова, и 12 октября с Князем Владимиром Андреевичем, с Боярами и с пехотными дружинами отплыл в ладиях к Свяжску. Князь Михайло Воротынский повел конницу берегом к Василию городу, путем уже безопасным, хотя и трудным.

Пробыв только один день в Свяжске и назначив Князя Петра Шуйского правителем сей области, Иоанн 14 октября под Вязовыми горами сел на суда. В Нижнем, на берегу Волги, встретили его все граждане со крестами и, преклонив колена, обливались слезами благодарности за вечное избавление их от ужасных набегов Казанских; славили победителя, громогласно, с душевным восхищением, так, что сей *благодарный плач*, заглушая пение Священников, принудил их умолкнуть. Тут же Послы от Царицы, Князя Юрия, Митрополита *здравствовали Государю на Богом данной ему отчим, Царстве Казанском*. Собрав в Нижнем все воинство; снова изъявив признательность своим усердным сподвижникам; сказав, что расстается с ними до первого случая обнажить со славою меч за отечество, он уволил их в дома; сам поехал сухим путем через Балахну в Владимир и в Судогде встретил Боярина Василия Юрьевича Траханиота, который скакал к нему от Анастасии с вестиею о рождении сына, Царевича Димитрия. Государь в радости прыгнул с коня, обнял, целовал Траханиота; благодарил Небо, плакал и, не зная, как наградить счастливого вестника, отдал ему с плеча одежду царскую и коня из-под себя. Иоанн имел уже двух дочерей, Анну и Марию, из коих первая скончалась одиннадцати месяцев: рождение наследника было тайным желанием его сердца. Он послал шурина, Никиту Романовича, к Анастасии с нежными приветствиями; останавливался в Владимире, в Суздале единственно для того, чтобы молиться в храмах, изъявлять чувствительность к любви жителей, отовсюду стекавшихся видеть лицо его, светлое радостью; заехал в славную Троицкую Обитель Св. Сергия, знаменовался у гроба его, вкусил хлеба с Иноками и 28 Октября ночевал в селе Тайнинском, где ждали его брат, Князь Юрий, и некоторые Бояре с поздравлением; а на другой день, рано, приближаясь к любезной ему столице, увидел на берегу Яузы бесчисленное

множество народа, так что на пространстве шести верст, от реки до посада, оставался только самый тесный путь для Государя и дружины его. Сею улицею, между тысячами Московских граждан, ехал Иоанн, кланяясь на обе стороны; а народ, целуя ноги, руки его, восклицал непрестанно: «многая лета Царю благочестивому, победителю варваров, избавителю Христиан!» Там, где жители Московские приняли некогда Владимирский образ Богоматери, несущий спасение граду в нашествие Тамерлана – где ныне монастырь Сретенский, – там Митрополит, Епископы, Духовенство с сею иконою, старцы Бояре, Князь Михайло Иванович Булгаков, Иван Григорьевич Морозов, слуги отца и деда его, со всеми чиновниками стояли под церковными хоругвями. Иоанн сошел с коня, приложился к образу и, благословенный Святителями, сказал: «Собор Духовенства православного! Отче Митрополит и владыки! я молил вас быть ревностными ходатаями пред Всевышним за Царя и Царство, да отпустятся мне грехи юности, да устрою землю, да буду щитом ее в нашествия варваров; советовался с вами о Казанских изменах, о средствах прекратить оные, погасить огонь в наших селах, унять текущую кровь Россиян, снять цепи с Христианских пленников, вывести их из темницы, возвратить отечеству и церкви. Дед мой, отец, и мы посылали Воевод, но без успеха. Наконец, исполняя совет ваш, я сам выступил в поле. Тогда явился другой неприятель, Хан Крымский, в пределах России, чтобы в наше отсутствие истребить Христианство. Вспомнив слово Евангельское: *бдите и молитесь, да не ввидете в напасть*, вы, достойные Святители Церкви, молились – и Бог услышал вас и помог нам – и Хан, гонимый единственно гневом Небесным, бежал малодушно!.. Ободренные явным действием вашей молитвы, мы подвиглись на Казань, благополучно достигли цели и милостию Божию, мужеством Князя Владимира Андреевича, наших Бояр, Воевод и всего воинства, сей град многолюдный пал пред нами: судом Господним в единый час изгибли неверные без вести, Царь их взят в плен, исчезла прелесть Магометова, на ее месте водружен Святой крест; области Арская и Луговая платят дань России; Воеводы Московские управляют землею; а мы, во здравии и веселии, пришли сюда к образу Богоматери, к мощам Великих Угодников, к вашей Святыне, в свою любезную отчизну – и за сие Небесное благодеяние, вами испрошенное, тебе, отцу своему, и всему Освященному Собору, мы с Князем Владимиром Андреевичем и со всем воинством в умилении сердца кланяемся». Тут Государь, Князь Владимир и вся дружина воинская поклонились до земли. Иоанн продолжал: «Молю вас и ныне, да ревностным ходатайством у престола Божия и мудрыми своими наставлениями способствуете мне утвердить закон, правду, благие нравы внутри Государства; да цветет отечество под сению мира в добродетели; да цветет в нем Христианство; да познают Бога истинного неверные, новые подданные России, и вместе с нами да славят Святую Троицу во веки веков. Аминь!»

Митрополит отвечив: «Царю благочестивый! мы, твои богомольцы, удивленные избытком Небесной к нам милости, что речем пред Господом? разве токмо воскликнем: *дивен Бог творяй чудеса!* .. Какая победа! какая слава для тебя и для всех твоих светлых сподвижников! Что мы были? и что ныне? Вероломные, лютые Казанцы ужасали Россию, жадно пили кровь Христиан, увлекали их в неволю, оскверняли, разоряли святые церкви. Терзаемый бедствием отечества, ты, Царь великодушный, возложив *неуклонную* надежду на Бога Вседержителя, произнес обет спасти нас; ополчился с верою; шел на груды и на смерть; *страдал до крови*, предал свою душу и тело за Церковь, за отечество – и благодать Небесная воссияла на тебе, якоже на древних Царях, угодных Господу: на Константине Великом, Св. Владимире, Димитрии Донском, Александре Невском. Ты сравнился с ними – и кто превзошел тебя? Сей Царствующий град Казанский, где гнезвился змий как в глубокой норе своей, уязвляя, поядая нас, – сей град, столь знаменитый и столь ужасный, лежит бездушный у ног твоих; ты растоптал главу змия, освободил тысячи Христиан плененных, знамениями истинной Веры освятил скверну Магометову – навеки, навеки успокоил Россию! Се дело Божие, но чрез тебя совершенное! Ибо ты помнил слово Евангельское: *рабе благий! в мале был еси верен: над многими тя поставлю*. Веселися, о Царь любезный Богу и отечеству! Даровав победу, Всевышний даровал тебе и вожделенного, первородного сына! Живи и здравствуй с добродетельною Царицею Анастасиею, с юным Царевичем Димитрием, с своими братьями, Боярами и со всем Православным воинством в богоспасаемом Царствующем граде Москве и на всех своих Царствах, в сей год и в предыдущие многие, многие лета. А мы тебе, Государю благочестивому, за твои труды и подвиги великие со всеми Святителями, со всеми Православными Христианами кланяемся». Митрополит. Духовенство, сановники и народ пали ниц пред Иоанном; слезы текли из глаз; благословения раздавались долго и непрерывно.

Тут Государь снял с себя воинскую одежду, возложил на плеча порфиру, на выю и на перси Крест Животворящий, на главу венец Мономахов, и пошел за Святыми иконами в Кремль; слушал молебен в храме Успения; с любовью и благодарностию поклонился мощам Российских Угодников Божиих, гробам своих предков; обходил все храмы знаменитые и спешил наконец во дворец. Царица еще не могла встретить его: лежала на постеле; но, увидев супруга, забыла слабость и болезнь: в восторге упала к ногам державного Героя, который, обнимая Анастасию и сына, вкусил тогда всю полноту счастья, данного в удел человечеству.

Москва и Россия были в неопisanном волнении радости. Везде в отверстых храмах благодарили Небо и Царя; отовсюду спешили усердные подданные видеть лицо Иоанна; говорили единственно о великом деле его, о преодоленных трудностях похода, усилиях, хитростях осады; о злобном ожесточении Казанцев, о блистательном мужестве Россиян, и возвышались сердцем, повторяя: «Мы завоевали Царство! что скажут в свете?»

Несколько дней посвятив счастию семейственному, Иоанн, Ноября 8, дал торжественный обед в Большой Грановитой палате Митрополиту, Епископам, Архимандритам, Игуменам, Князьям Юрию Василиевичу и Владимиру Андреевичу, всем Боярам, всем Воеводам, которые мужествовали под Казанью. «Никогда, – говорят Летописцы, – не видали мы такого великолепия, праздника, веселья во дворце Московском, ни такой щедрости». Иоанн дарил всех, от Митрополита до простого воина, ознаменованного или славною раню, или замеченного в списке храбрых; Князя Владимира Андреевича жаловал шубами, златыми фряжскими кубками и ковшами; Бояр, Воевод, Дворян, Детей Боярских и всех воинов по достоянию – одеждami своего плеча, бархатами, соболями, кубками, конями, доспехами или деньгами; три дни пиروвал с своими знаменитейшими подданными и три дни сыпал дары, коих по счету, сделанному в казначействе, вышло на сорок восемь тысяч рублей (около миллиона нынешних), кроме богатых отчин и поместьев, розданных тогда воинским и придворным чиновникам.

Чтобы ознаменовать взятие Казани достойным памятником для будущих столетий, Государь заложил великолепный храм Покрова Богоматери у ворот Флоровских, или Спасских, о девяти куполах: он есть донныне лучшее произведение так называемой Готической Архитектуры в нашей древней столице.

Сей Монарх, озаренный славою, до восторга любимый отечеством, завоеватель враждебного Царства, умиритель своего, великодушный во всех чувствах, во всех намерениях, мудрый правитель, законодатель, имел только 22 года от рождения: явление редкое в Истории Государств! Казалось, что Бог хотел в Иоанне удивить Россию и человечество примером какого-то совершенства, великости и счастья на троне... Но здесь восходит первое облако над лучезарною главою юного Венценосца.

Глава V. Продолжение государствования Иоанна IV. Г. 1552–1560

Крещение Царевича Димитрия и двух Царей Казанских. Язва. Мятежи в земле Казанской. Болезнь Царя. Путешествие Иоанново в Кириллов монастырь. Смерть Царевича. Важная беседа Иоаннова с бывшим Епископом Вассианом. Рождение Царевича Иоанна. Бегство Князя Ростовского. Ересь. Усмирение мятежей в Казанской земле. Учреждение Епархии Казанской. Покорение Царства Астраханского. Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское. Подданство Черкесов. Дружба с Ногаями. Дань Сибирская. Прибытие Английских кораблей в Россию. Посол в Англию. Дела Крымские. Письмо Солиманово. Впадение Крымцев. Война Шведская. Сношения с Литвою. Нападение Дьяка Ржевского на Ислам-Кирмень. Князь Вишневецкий вступает в службу к Царю и берет Хортицу. Завоевание Темрюка и Тамана. Мор в Ногайских и Крымских Улусах. Усердие Вишневецкого. Предложение союза Литве. Дела Ливонские. Важный замысел, приписываемый Иоанну. Состояние Ливонии. Новое могущество России. Лучшее образование войска. Начало войны Ливонской. Взятие Нарвы. Завоевание Нейшлоса, Адежа, Нейгауза. Великодушие Дерптского Бургомистра. Бегство Магистра. Новый глава Ордена. Взятие Дерпта и многих других городов. Кетлер берет Ринген. Россияне опустошают Ливонию и Курляндию. За Ливонию ходатайствуют Короли польский, Шведский, Датский. Иоанн дает перемирие Ливонии. Нашествие Крымцев. Впадение Россиян в Тавриду. Союз Ливонии с Августом. Магистр нарушает перемирие. Славная защита Лауса. Угрозы

Августовы. Гонец от Императора. Новое разорение Ливонии. Взятие Мариенбурга. Победы Кн. Курбского. Кончина Царицы Анастасии.

Как скоро Анастасия могла встать с постели, Государь отправился с нею и с сыном в обитель Троицы, где Архиепископ Ростовский, Никандр, крестил Димитрия у мощей Св. Сергия. – Насыщенный мирскою славою. Иоанн заключил торжество государственное Христианским: два Царя Казанские, Утемиш-Гирей и Едигер, приняли Веру Спасителя. Первого, еще младенца, крестил Митрополит в Чудове монастыре и нарек Александром: Государь взял его к себе во дворец и велел учить грамоте, Закону и добродетели. Едигер сам изъявил ревностное желание озариться светом истины и на вопросы Митрополита: «не нужда ли, не страх ли, не мирская ли польза внушает ему сию мысль?» отвечал решительно: «Нет! люблю Иисуса и ненавижу Магомета!» Священный обряд совершился [26 Февраля 1553 г.] на берегу Москвы-реки в присутствии Государя, Бояр и народа. Митрополит был восприемником от купели. Едигер, названный Симеоном, удержал имя Царя; жил в Кремле, в особенном большом доме; имел Боярина, чиновников, множество слуг и женился на дочери знатного сановника, Андрея Кутузова, Марии; пользовался всегда милостию Государя и доказывал искреннюю любовь к России, забыв, как смутную мечту, и прежнее свое Царство и прежнюю Веру.

После многих неописанно сладостных чувств душа Иоаннова уже вкушала тогда горечь. Смертоносная язва, которая под именем *железы* столь часто опустошала Россию в течение двух последних веков, снова открылась во Пскове, где с октября 1552 до осени 1553 года было погребено 25`000 тел в скудельницах, кроме множества схороненных тайно в лесу и в оврагах. Узнав о сем, Новгородцы немедленно выгнали Псковских купцов, объявив, что если кто-нибудь из них приедет к ним, то будет сожжен с своим имением. Осторожность и строгость не спасли Новгорода: язва в Октябре же месяце начала свирепствовать и там и во всех окрестностях. Полмиллиона людей было ее жертвою; в числе их и Архиепископ Серапион, который не берег себя, утешая несчастных. На его опасное место Митрополит поставил Монаха Пимена Черного из Андреяновской Пустыни; вместе с Государем торжественно молился, святил воду – и Пимен, 6 Декабря с умилением отслужив первую Обедню в Софийском храме, как бы притупил жало язвы: она сделалась менее смертосною, по крайней мере в Новгороде.

Весьма оскорбился Государь и печальными вестями Казанскими, увидев, что он еще не все совершил для успокоения России. Луговые и Горные жители убивали Московских купцов и людей Боярских на Волге: злодеев нашли и казнили 74 человека; но скоро вспыхнул бунт: Вотяки и Луговая Черемиса не хотели платить дани, вооружились, умертвили наших чиновников, стали на высокой горе у засеки: разбили стрельцов и Козаков, посланных усмирить их: 800 Россиян легло на месте. В семидесяти верстах от Казани, на реке Меше, мятежники основали земляную крепость и непрестанно беспокоили Горную сторону набегами. Воевода Борис Салтыков, зимою выступив против них из Свияжска с отрядом пехоты и конницы, тонул в глубоких снегах: неприятель, катясь на лыжах, окружил его со всех сторон; в долговременной, беспорядочной битве Россияне падали от усталости и потеряли до пятисот человек. Сам Воевода был взят в плен и зарезан варварами; немногие возвратились в Свияжск, и бунтовщики, гордясь двумя победами, думали, что господство Россиян уже кончилось в стране их.

Иоанн вспомнил тогда мудрый совет опытных Вельмож не оставлять Казани до совершенного покорения всех ее диких народов. Уныние при Дворе было столь велико, что некоторые члены Царской Думы предлагали навсегда покинуть сию бедственную для нас землю и вывести войско оттуда. Но Государь изъявил справедливое презрение к их малодушию; хотел исправить свою ошибку и вдруг занемог сильною горячкою, так что двор, Москва, Россия в одно время сведали о болезни его и безнадежности к выздоровлению. Все ужаснулись, от Вельможи до земледельца; мысленно искали вины своей пред Богом и говорили: «Грехи наши должны быть безмерны, когда Небо отнимает у России такого Самодержца!» Народ толпился в Кремле; смотрели друг другу в глаза и боялись спрашивать; везде бледные, слезами орошенные лица – а во дворце отчаяние, смятение неописанное, тайный шепот между Боярами, которые думали, что в сем бедственном случае им должно не стенать и не плакать, но великодушно устроить судьбу Государства. Представилось зрелище разительное. Иоанн был в памяти. Дьяк Царский, Михайлов, приступив к одру, с твердостью сказал болящему, что ему время совершить духовную. Несмотря на цветущую юность, в полноте жизни и здоровья, Иоанн часто говаривал о том с людьми ближними: не утратился и спокойно велел писать завещание, объявив сына, младенца Димитрия, своим преемником, единственным Государем России. Бумагу написали;

хотели утвердить ее присягою всех знатнейших сановников и собрали их в Царской столовой комнате. Тут начался спор, шум, мятеж: одни требовали, другие не давали присяги, и в числе последних Князь Владимир Андреевич, который с гневом сказал Вельможе Воротынскому, укоряющему его в послушании: «Смеешь ли браниться со мною?» *Смею и драться*, отвечивал Воротынский, *по долгу усердного слуги моих и твоих Государей, Иоанна и Димитрия; не я, но они повелевают тебе исполнить обязанность верного Россиянина*. Иоанн позвал послушных Бояр и спросил у них: «Кого же думаете избрать в Цари, отказываясь целовать крест на имя моего сына? Разве забыли вы данную вами клятву служить единственно мне и детям моим?.. Не имею сил говорить много, – промолвил он слабым голосом: – Димитрий и в пеленах есть для вас Самодержец законный, но если не имеете совести, то будете ответственны Богу». На сие Боярин Князь Иван Михайлович Шуйский сказал ему, что они не целовали креста, ибо не видали Государя пред собою; а Федор Адашев, отец любимца Иоаннова, саном Окольный, изъяснился откровеннее такими словами: «Тебе, Государю, и сыну твоему мы усердствуем повиноваться, но не Захарьиным-Юрьевым, которые без сомнения будут властвовать в России именем младенца бессловесного. Вот что страшит нас! А мы, до твоего возраста, уже испили всю чашу бедствий от Боярского правления». Иоанн безмолвствовал в изнеможении. Самодержец чувствовал себя простым, слабым смертным у могилы: его любили, оплакивали, но уже не слушались, не берегли: забывали священный долг покоить умирающего; шумели, кричали над самым одром безгласно лежащего Иоанна – и разошлись.

Чего же хотели сии дерзкие сановники, может быть, действительно одушевленные любовью к общему благу – действительно утраченные мыслию о гибельных для отечества смутах Боярских, которые снова могли водвориться в правительствующей Думе, к ужасу России, в малолетство Димитрия? Они хотели возложить венец на главу брата Иоаннова – не Юрия: ибо сей несчастный Князь, обиженный природою, не имел ни рассудка, ни памяти, – но Владимира Андреевича, одаренного многими блестящими свойствами: умом любопытным, острым, деятельным, мужеством и твердостью. Предполагая самое чистое, благороднейшее побуждение в сердцах Бояр, Летописец справедливо осуждает их замысел самовольно испровергнуть наследственный устав Государства, со времен Димитрия Донского утверждаемый торжественною присягою, основанный на общем благе, плод долговременных, старых опытов и причину нового могущества России. Все человеческие законы имеют свои опасности, неудобства, иногда вредные следствия; но бывают душою порядка, священны для благоразумных, нравственных людей и служат оплотом, твердынею держав. Предвидение послушных Бояр могло и не исполниться: но если бы малолетство Царя и произвело временные бедствия для России, то лучше было сносить оные, нежели нарушением главного устава государственного свергнуть отечество в бездну всегдашнего мятежа неизвестностию наследственного права, столь важного в Монархиях.

К счастью, другие Бояре остались верными совести и Закону. В тот же вечер Князь Иван Феодорович Мстиславский, Владимир Иванович Воротынский, Дмитрий Палецкий, Иван Васильевич Шереметев, Михайло Яковлевич Морозов, Захарьины-Юрьевы, дьяк Михайлов присягнули Царевичу; также и юный друг Государев, Алексей Адашев. Между тем донесли Иоанну, что Князь Петр Шенятев, Иван Пронский, Симеон Ростовский, Дмитрий Немой-Оболенский во дворце и на площади славят Князя Владимира Андреевича, говоря: «лучше служить старому, нежели малому и раболепствовать Захарьиным». Истоющая последние силы свои, Государь хотел видеть Князя Владимира и так называемую *целовальную записью* обязать его в верности: сей Князь торжественно отрекся от присяги. С удивительною кротостию Иоанн сказал ему: «Вижу твое намерение: бойся Всевышнего!», а Боярам, давшим клятву: «Я слабее; оставьте меня и действуйте по долгу чести и совести». Они с новою ревностию начали убеждать всех Думных Советников исполнить волю Государеву. Им отвечивали: «Знаем, чего вы желаете: быть господами; но мы не сделаем по-вашему». Называли друг друга изменниками, властолюбцами; гнев, злоба кипели в сердцах, и каждое слово с обеих сторон было угрозою.

В часы сего ужасного смятения Князь Владимир Андреевич и мать его, Евфросиния, собирали у себя в доме Детей Боярских и раздавали им деньги. Народ изъяснял негодование. Благоразумные Вельможи говорили Князю Владимиру, что он безрассудно ругается над общою скорбию, как бы праздная болезнь Царя; что не время жаловать людей, когда отечество в слезах и в страхе. Князь и мать его отвечали словами колкими, с досадою; а Бояре, окружающие Государя, уже не хотели пускать к нему сего, явно злонамеренного брата. Тут выступил на позорище чрезвычайный муж Сильвестр, доселе Гласный Советник Иоаннов, ко благу России, но

к тайному неудовольствию многих, которые видели, что простой Иерей управляет и церковию и Думою: ибо (по словам Летописца) ему недоставало только седалища Царского и Святительского: он указывал и Вельможам и Митрополиту, и судиям и Воеводам; мыслил, а Царь делал. Сия власть, не будучи беззаконием и происходя единственно от справедливой доверенности Государевой к мудрому советнику, могла однако ж изменить чистоту его первых намерений и побуждений; могла родить в нем любовь к господству и желание утвердить оное навсегда: искушение опасное для добродетели! Всеми уважаемый, не всеми любимый, Сильвестр терял с Иоанном политическое бытие свое и, соглашая личное властолюбие с пользою государственною, *может быть*, тайно доброхотствовал стороне Князя Владимира Андреевича, связанного с ним дружбою. По крайней мере, видя остервенение ближних Иоанновых против сего Князя, он вступился за него и говорил с жаром: «Кто дерзает удалять брата от брата и злословить невинного, желающего лить слезы над болящим?» Захарьины и другие ответствовали, что они исполняют присягу, служат Иоанну, Димитрию и не терпят изменников. Сильвестр оскорбился и навлек на себя подозрение.

В следующий день Государь вторично созвал Вельмож и сказал им: «В последний раз требую от вас присяги. Целуйте крест пред моими ближними Боярами, Князьями Мстиславским и Воротыньским: я не в силах быть того свидетелем. А вы, уже давшие клятву умереть за меня и за сына моего, вспомните оную, когда меня не будет; не допустите вероломных извести Царевича: спасите его; бегите с ним в чужую землю, куда Бог укажет вам путь!.. А вы, Захарьины, чего ужасаетесь? Поздно щадить вам мятежных Бояр: они не пощадят вас; вы будете *первыми мертвецами*. Итак, явите мужество: умрите великодушно за моего сына и за мать его; не дайте жены моей на поругание изменникам!» Сии слова произвели сильное действие в сердце Бояр; они содрогнулись и, безмолвствуя, вышли в переднюю комнату, где Дьяк Иван Михайлов держал крест, а Князь Владимир Воротыньский стоял подле него. Все присягали в тишине и с видом умиления, моля Всевышнего, да спасет Иоанна или да будет сын его подобен ему для счастья России! Один Князь Иван Пронский-Турунтай, взглянув на Воротыньского, сказал ему: «Отец твой и ты сам был первым изменником по кончине Великого Князя Василия; а теперь приводишь нас к Святому кресту!» Воротыньский отвечал ему спокойно: «Да, я изменник, а требую от тебя клятвы быть верным государю нашему и сыну его; ты праведен, а не хочешь дать ее!» Турунтай замешался и присягнул.

Но сей священный обряд не всех утвердил в верности. Князь Дмитрий Палецкий, сват Государев, тесть Юрия, тогда же послал зятя своего, Василья Бороздина, к Князю Владимиру Андреевичу и к матери его сказать им, что если они дадут Юрию Удел, назначенный ему в духовном завещании великого Князя Василия, то он (Палецкий) готов, вместе с другими, помогать им и возвести их на престол! Еще двое из Вельмож оставались в подозрении: Князь Дмитрий Курлятев, друг Алексея Адашева, и Казначей Никита Фуников; они не были во дворце за болезнию, но, по уверению доносителей, имели тайное сношение с Князем Владимиром Андреевичем. Курлятев на третий день, когда уже все затихло, велел нести себя во дворец и присягнул Димитрию: Фуников также, но последний. Сам Князь Владимир Андреевич обязался клятвенною грамотою *не думать о Царстве* и в случае Иоанновой кончины повиноваться Димитрию как своему законному Государю; а мать Владимирова долго не хотела приложить Княжеской печати к сей грамоте; наконец исполнила решительное требование Бояр, сказав: «Что значит присяга *невольная*?»

Сии два дни смятения и тревоги довели слабость болящего до крайней степени; он казался в усыплении, которое могло быть преддверием смерти. Но действия природы неизъяснимы: чрезвычайное напряжение сил иногда губит, иногда спасает в жестоком недуге. В каком волнении была душа Иоаннова? Жизнь мила в юности: его жизнь украшалась еще славою и всеми лестными надеждами венценосной добродетели. В кипении сил и чувствительности касаться гроба, падать с престола в могилу, видеть страшное изменение в лицах: в безмолвных дотоле подданных, в усердных любимцах – непослушание, строптивость; Государю самовластному уже зависеть от тех, коих судьба зависела прежде от его слова; смиренно молить их, да спасут, хотя в изгнании, жизнь и честь его семейства! Иоанн перенес ужас таких минут; огонь души усилил деятельность природы, и болящий выздоровел, к радости всех и к беспокойству некоторых. Хотя Князь Владимир Андреевич и единомышленники его исполнили наконец волю Иоаннову и присягнули Димитрию; но мог ли Самодержец забыть мятеж их и муку души своей, ими растерзанной в минуты его борения с ужасами смерти?..

Что ж сделал Иоанн? Встал с одра исполненный милости ко всем Боярам, благоволения и доверенности к прежним друзьям и советникам; дал сан Боярский отцу Адашева, который смелее других опровергал Царское завещание; честил, ласкал Князя Владимира Андреевича; одним словом, не хотел помнить, что случилось в болезнь его, и казался только признательным к Богу за свое чудесное исцеление!

Такова была наружность; но в сердце осталась рана опасная. Иоанну внушали, что не только Сильвестр, но и юный Адашев тайно держал сторону Князя Владимира. Не сомневаясь в их усердии ко благу России, он начал сомневаться в их личной привязанности к нему; *уважая* того и другого, простыл к ним в *любви*; обязанный им главными успехами своего Царствования, страшился быть неблагодарным и соблюдал единственно пристойность; шесть лет усердно служив добродетели и вкусив всю ее сладость, не хотел изменить ей, не мстил никому явно. но с усилием, которое могло ослабеть в продолжение времени. Всего хуже было то, что супруга Иоаннова, дотоле согласно с Адашевым и Сильвестром питав в нем любовь к святой нравственности, отделилась от них тайною неприязнью, думая, что они имели намерение пожертвовать ею, сыном ее и братьями выгодам своего особенного честолюбия. Анастасия способствовала, как вероятно, остуде Иоаннова сердца к друзьям. С сего времени он неприятным образом почувствовал свою от них зависимость и находил иногда удовольствие не соглашаться с ними, делать по-своему: в чем, как пишут, еще более утвердило Царя следующее происшествие.

Исполняя обет, данный им в болезни, Иоанн объявил намерение ехать в монастырь Св. Кирилла Белозерского вместе с Царицею и сыном. Сие отдаленное путешествие казалось некоторым из его ближних советников неблагоприятным: представляли ему, что он еще не совсем укрепился в силах; что дорога может быть вредна и для младенца Димитрия; что важные дела, в особенности бунты Казанские, требуют его присутствия в столице. Государь не слушал сих представлений и поехал [в Мае 1553 г.] сперва в обитель Св. Сергия. Там, в старости, тишине и молитве жил славный Максим Грек, сосланный в Тверь Великим Князем Василием, но освобожденный Иоанном как невинный страдалец. Царь посетил келию сего добродетельного мужа, который, беседуя с ним, начал говорить об его путешествии.

«Государь! – сказал Максим, вероятно, по внушению Иоанновых советников: – пристойно ли тебе скитаться по дальним монастырям с юною супругою и с младенцем? Обеты неблагоприятные угодны ли Богу? Вездесущего не должно искать только в Пустынях: весь мир исполнен Его. Если желаешь изъявить ревностную признательность к Небесной благодати, то благотвори на престоле. Завоевание Казанского Царства, счастливое для России, было гибелью для многих Христиан; вдовы, сироты, матери избиенных льют слезы: утешь их своею милостию. Вот дело Царское!» Иоанн не хотел отменить своего намерения. Тогда Максим, как уверяют, велел сказать ему чрез Алексея Адашева и Князя Курбского, что Царевич Димитрий будет жертвою его упрямства. Иоанн не испугался пророчества: поехал в Дмитров, в Несношский Николаевский монастырь, оттуда на судах реками Яхромою, Дубною, Волгою, Шексною в обитель Св. Кирилла и возвратился чрез Ярославль и Ростов в Москву без сына: предсказание Максимова сбылось: Димитрий [в Июне] скончался в дороге. – Но важнейшим обстоятельством сего так называемого *Кирилловского езда* было Иоанново свидание в монастыре Песношском, на берегу Яхромы, с бывшим Коломенским Епископом Вассианом, который пользовался некогда особенною милостию Великого Князя Василия, но в Боярское правление лишился Епархии за свое лукавство и жестокосердие. Маститая старость не смягчила в нем души: склоняясь к могиле, он еще питал мирские страсти в груди, злобу, ненависть к Боярам. Иоанн желал лично узнать человека, заслужившего доверенность его родителя; говорил с ним о временах Василия и требовал у него совета, как лучше править Государством. Вассиан отвечал ему на ухо: «Если хочешь быть истинным Самодержцем, то не имей советников мудрее себя; держись правила, что ты должен учить, а не учиться – повелевать, а не слушаться. Тогда будешь тверд на Царстве и грозою Вельмож. Советник мудрейший Государя неминуемо овладеет им». Сии ядовитые слова проникли во глубину Иоаннова сердца. Схватив и поцеловав Вассианову руку, он с живостию сказал: *сам отец мой не дал бы мне лучшего совета!*.. «Нет, Государь! – могли бы мы возразить ему: – нет! Совет, тебе данный, внушен духом лжи, а не истины. Царь должен не властвовать только, но властвовать благотворительно: его мудрость как человеческая, имеет нужду в пособии других умов, и тем превосходнее в глазах народа, чем мудрее советники, им выбираемые. Монарх, опасаясь *умных*, впадет в руки *хитрых*, которые в угодность ему притворятся даже глупцами; не пленяя в нем разума, пленят страсть и поведут его к своей цели. Цари должны опасаться не мудрых, а коварных или бессмысленных советников». С такими или

подобными рассуждениями описывает Князь Курбский злую беседу старца Вассиана, которая, по его уверению, растлила душу юного Монарха.

Но еще долгое время он не переменялся *явно*: чтил мужей добролюбивых, с уважением слушал наставления Сильвестровы, ласкал Адашева и дал ему сан Окольничего, употребляя его, вместе с Дьяком Михайловым, в важнейших делах внешней Политики. Чрез девять месяцев, утешенный рождением [28 Марта 1554 г.] второго сына, Иоанна, Государь в новом, тогда написанном завещании показал величайшую доверенность к брату, Князю Владимиру Андреевичу: объявил его, в случае своей смерти, не только опекуном юного Царя, не только Государственным Правителем, но и наследником трона, если Царевич Иоанн скончается в малолетстве; а Князь Владимир дал клятву быть верным совести и долгу, не шадить ни самой матери, Княгини Ефросинии, если бы она замыслила какое зло против Анастасии или сына ее; не знать ни мести, ни пристрастия в делах государственных, не вершить оных без ведома Царицы, Митрополита, Думных Советников и не держать у себя в Московском доме более ста воинов. – В самых справедливых наказаниях Государь, как и прежде, следовал движениям милосердия; например: Князь Симеон Ростовский, знатный Вельможа, оказав себя в болезнь Государя противником его воли, не мог быть спокоен духом; не верил наружной тихости Иоанновой, мучился страхом, вздумал бежать в Литву с братьями и племянниками; сносился с Королем Августом, с Литовскими Думными Панами, открывал им государственные тайны, давал вредные для нас советы, чернил Царя и Россию. Он послал к Королю своего ближнего, Князя Никиту Лобанова-Ростовского: его остановили в Торопце, допросили, узнали измену; и Князь Симеон, взятый под стражу, сам во всем признался, извиняясь скудостью и малоумием. Бояре единогласно осудили преступника на смертную казнь: но Государь, вняв молению Духовенства, смягчил решение суда: Князя Симеона *выставили на позор* и заточили на Белоозеро. – В деле иного рода оказалось также милосердие Иоанново. Донесли Государю, что возникает опасная ересь в Москве; что некто Матвей Башкин проповедует учение совсем не Христианское, отвергает таинства нашей Веры, Божественность Христа, деяния Соборов и святость Угодников Божиих. Его взяли в допрос: он заперся, называя себя истинным Христианином; но, посаженный в темницу, начал тосковать, открыл ересь свою ревностным Инокам Иосифовского монастыря, Герасиму и Филофею; сам описал ее, наименовал единомышленников, Ивана и Григорья Борисовых, Монаха Белобаева и других; сказал, что развратителями его были Католики, аптекарь Матвей Литвин и Андрей Хотеев; что какие-то Заволжские старцы в искренней беседе с ним объявили ему такое же мнение о Христе и Святых; что будто бы Рязанский Епископ Кассиан благоприятствовал их заблуждению, и проч. Царь и Митрополит, Собором уличив еретиков, не хотели употребить жестокой казни: осудили их единственно на заточение, да не сеют соблазна между людьми; а Епископа Кассиана, разбитого параличом, отставили.

Доказав, что болезнь и горестные ее следствия не ожесточили его сердца – что он умеет быть выше обыкновенных страстей человеческих и забывать личные, самые чувствительные оскорбления – Иоанн с прежнею ревностью занялся делами государственными, из коих главным было тогда усмирение завоеванного им Царства. Он послал Данила Адашева, брата Алексеева, с Детьми Боярскими и с Вятчанами на Каму; а знаменитых доблестию Воевод, Князя Симеона Микулинского, Ивана Шереметева и Князя Андрея Михайловича Курбского в Казань со многими полками. Они выступили зимою, в самые жестокие морозы; воевали целый месяц в окрестностях Камы и Меши; разорили там новую крепость, сделанную мятежниками; ходили за Ашит, Уржум, до самых Вятских и Башкирских пределов; сражались ежедневно в диких лесах, в снежных пустынях; убили 10 000 неприятелей и двух злейших врагов России, Князя Янчуру Измаильянина и богатыря Черемисского Алеку; взяли в плен 6000 Татар, а жен и детей 15 000. Князя Иван Мстиславский и Михайло Васильевич Глинский воевали Луговую Черемису, захватили 1600 именитых людей, Князей, Мурз, чиновников Татарских и всех умертвили. Воеводы и сановники, действуя ревностно, неумоимо, получили от государя *золотые медали*, лестную награду сего времени: ими витязи украшали грудь свою вместо нынешних крестов орденских. – Еще бунт не угасал: еще беглецы Казанские укрывались в ближних и дальних местах, везде волнуя народ; грабили, убивали наших купцев и рыболовов на Волге; строили крепости; хотели восстановить свое Царство. Один из Луговых Сотников, Мамич Бердей, призвав какого-то Ногайского Князя, дал ему имя Царя, но сам умертвил его как неспособного и малодушного: отрубив ему голову, взоткнул ее на высокое дерево и сказал: «Мы взяли тебя на Царство для войны и победы; а ты с своею дружиною умел только объедать нас! Теперь да царствует голова твоя на высоком престоле!» Сего опасного мятежника горные жители заманили

в сети: дружелюбно звали к себе на пир, схватили и отослали в Москву: за что Государь облегчил их в налогах. Несколько раз земля Арская присягала и снова изменяла: Луговая же долее всех упорствовала в мятеже. Россияне пять лет не опускали меча: жгли и резали. Без пощады губя вероломных, Иоанн награждал верных: многие Казанцы добровольно крестились, другие, не оставляя закона отцов своих, вместе с первыми служили России. Им давали землю, пашню, луга и все нужное для хозяйства. Наконец усилия бунтовщиков ослабели; вожди их погибли все без исключения, крепости были разрушены, другие (Чебоксары, Лаишев) вновь построены нами и заняты стрельцами. Вотяки, Черемисы, самые отдаленные Башкирцы приносили дань, требуя милосердия. Весною в 1557 году Иоанн в сию несчастную землю, наполненную пеплом и могилами, послал Стряпчего, Семена Ярцова, с объявлением, что ужасы ратные миновались и что народы ее могут благоденствовать в тишине как верные подданные Белого Царя. Он милостиво принял в Москве их старейшин и дал им жалованные грамоты.

С того времени Казань сделалась мирною собственностью России, сохраняя имя Царства в титуле наших Монархов. Иоанн в 1553 году Собором Духовенства уставил для ее новых Христиан особенную Епархию; дал ей Архиепископа, уступающего в старейшинстве одному Новгородскому владыке; подчинил его духовному ведомству Свияжск, Васильгород и Вятку; определил в жалованье на церковные расходы десятину из доходов Казанских. Первым Святителем был там Гурий, Игумен Селижарова монастыря. С какою ревностию сей добродетельный муж, причисленный нашею Церковию к лику Угодников Божиих, насаждал в своей пастве Веру Спасителю средствами истинно Христианскими, учением любви и кротости, с таким усердием Наместник Государев, Князь Петр Иванович Шуйский, образовал сей новый край в гражданском порядке, изглаждая следы опустошения, водворяя спокойствие, оживляя торговлю и земледелие. Села Царские и Княжеские были отданы Архиепископу, монастырям и Детям Боярским.

Совершилось и другое, менее трудное, но также славное завоевание. Издревле, еще до начала державы Российской, при устье Волги существовал город Козарский, знаменитый торговлею, Атель, или Балангиар; в XIII веке он принадлежал Аланам, именуемый Сумеркентом, а в наших летописях сделался известен под именем *Асторокани*, будучи владением Золотой Орды, и со времени ее падения столицею особенных Ханов, единоплеменных с Ногайскими Князьями. Теснимые Черкесами, Крымцами, сии Ханы слабые, невоинственные, искали всегда нашего союза, и последний из них, Ямгурчей, хотел даже, как мы видели, быть данником Иоанновым, но, обольщенный покровительством Султана, обманул Государя: пристал к Дсвлег-Гирею и к Юсуфу, Ногайскому Князю, отцу Сююнбекину, который возненавидел Россию за плен его дочери и внука, сверженного нами с престола Казанского. Посла Московского обесчестили в Астрахани и держали в неволе: Государь воспользовался сим случаем, чтобы, по мнению тогдашних *книжников*, возвратить России ее древнее достояние, где будто бы княжил некогда сын (В. Владимира, Мстислав: ибо они считали *Астрахань* древним *Тматороканем*, основываясь на сходстве имени. Мурзы Ногайские, Исмаил и другие, неприятели Юсуфовы, утверждали Иоанна в сем намерении: молили его, чтобы он дал Астрахань изгнаннику Дербышу, их родственнику, бывшему там Царем прежде Ямгурчей, и хотели помогать нам всеми силами. Государь, призвав Дербыша из Ногайских Улусов, весною в 1554 году послал с ним на судах войско, не многочисленное, но отборное: оно состояло из Царских Дворян, Жильцов, лучших Детей Боярских, стрельцов, Козаков, Вятчан. Предводителями были Князь Юрий Иванович Пронский-Шемякин и Постельничий Игнатий Вешняков, муж отлично храбрый. 29 Июня, достигнув Переволоки, Шемякин отрядил вперед Князя Александра Вяземского, который близ Черного острова встретил и побил несколько сот Астраханцев, высланных разведать о нашей силе. Узнали от пленников, что Ямгурчей стоит пять верст ниже города, а Татары засели на островах, в своих Улусах. Россияне плыли мимо столицы Батыевой, Сарая, где 200 лет Государи наши унижались пред Ханами Золотой Орды; но там были уже одни развалины! Видеть, во время славы, памятники минувшего стыда легче, нежели во время уничтожения видеть памятники минувшей славы!.. В сей некогда ужасной стране, *полной мечей и копий*, обитала тогда безоружная, мирная робость: все бежало-и граждане и Царь. Шемякин 2 Июля [1544 г.] вступил в безлюдную Астрахань; а Князь Вяземский нашел в Ямгурчевом стане немало кинутых пушек и пищалей. Гнались за бегущими во все стороны, до Белого озера и Тюмени: одних убивали, других вели в город, чтобы дать подданных Дербышу, объявленному Царем в пустынной столице. Ямгурчей с двадцатью воинами ускакал в Азов. Настигли только жен и дочерей его; также многих знатных чиновников, которые все хотели служить Дербышу и зависеть от России,

требуя единственно жизни и свободы личной. Их представили новому Царю: он велел им жить в городе, распустив народ по Улусам. Князей и Мурз собралось пятьсот, а простых людей десять тысяч. Они вместе с Дербышем клялись в том, чтобы повиноваться Иоанну, как верховному своему Властителю, присылать ему 40 тысяч алтын и 3 тысячи рыб как ежегодную дань, а в случае Дербышевой смерти нигде не искать себе Царя, но ждать, кого Иоанн или наследники его пожалуют им в Правители. В клятвенной грамоте, скрепленной печатями, сказано было, что Россияне могут свободно ловить рыбу от Казани до моря, вместе с Астраханцами, *безданно и безьявочно*. – Учредив порядок в земле, оставив у Дербыша Козаков (с Дворянином Тургеневым) для его безопасности и для присмотра за ним, Князь Шемякин и Вешняков возвратились в Москву с пятью взятыми в плен Царицами и с великим числом освобожденных Россиян, бывших невольниками в Астраханских Улусах.

Весть о сем счастливом успехе Государь получил 29 Августа [1554 г.], в день своего рождения, празднуя его в селе Коломенском с Митрополитом и со всем двором: изъявил живейшую радость; оставил церковное молебствие; милостиво наградил Воевод; встретил пленных Цариц с великою честью и в удовольствии Дербышу отпустил назад в Астрахань, кроме младшей из них, которая па пути родила сына и вместе с ним крестилась в Москве: сына назвали *Царевичем Петром*, а мать Иулианиею, и Государь женил на ней своего именитого Дворянина, Захарию Плещеева. – Недолго Астрахань была еще особенным Царством: скоро вероломство Дербыша доказало необходимость учредить в ней Российское правительство: ибо нет надежной середины между независимостию и совершенным подданством державы. Мужеством наших Козаков отразив изгнанника Ямгурчя, хотевшего завоевать Астрахань с помощью Крымцев и сыновей Ногайского Князя Юсуфа. Дербыш замыслил измену: несмотря на то, что Государь снисходительно уступил его народу всю дань первого года, он тайно сносился с Ханом Девлет-Гиреем, взяв к себе Царевича Крымского Казбулата в должность Калги. Голова Стрелецкий, Иван Черемисинов, с новою воинскою дружиною был послан обличить и наказать изменника. Дербыш снял с себя личину, вывел всех жителей из города, соединился с толпами Ногайскими, Крымскими и дерзко начал войну, ободренный малочисленностию Россиян. Но у нас был искренний, ревностный друг: Князь Ногайский Исмаил, своим ходатайством доставив престол сему неблагодарному, помог Черемисинову – и Дербыш, разбитый наголову (в 1557 году), по следам Ямгурчя бежал в Азов. Тогда все жители, удостоверенные в безопасности, возвратились в город и в окрестные Улусы, дали присягу России и не думали уже изменять, довольные своим жребием под властью великой Державы, которой сила могла быть им защитою от Тавриды и Ногаев. Черемисинов утвердил за ними прежнюю собственность: острова, пашни; обложил всех данию легкою, наблюдал справедливость, приобрел общую любовь и доверенность; одним словом, устроил все наилучшим образом для пользы жителей и России.

С того времени Государь в подписи своих грамот начал означать лета Казанского и Астраханского завоеваний, коих эпоха есть без сомнения самая блестящая в нашей истории средних веков. Громкое имя *покорителя Царств* дало Иоанну, в глазах Россиян-современников, беспримерное величие и возвысило их государственное достоинство, пленяя честолюбие, питая гордость народную, удивительную для иноземцев, которые не понимали ее причины, ибо видели только гражданские недостатки наши в сравнении с другими Европейскими народами и не сравнивали России Василия Темного с Россиею Иоанна IV: первый имел только 1500 воинов для ее защиты, а второй взял чуждое Царство отрядом легкого войска, не трогая своих главных полков. Между сими происшествиями минуло едва столетие, и народ мог естественно возгордиться столь быстрыми шагами к величию. Не только иноземцы, но и мы сами не оценим справедливо государственных успехов древней России, если не вникнем в обстоятельства тех времен, не поставим себя на месте предков и не будем смотреть их глазами на вещи и деяния, без обманчивого соображения с новейшими временами, когда все изменилось, умножились средства, прозябли семена и насаждения. Великие усилия рождают великое: а в творениях государственных начало едва ли не труднее совершения.

Кроме славы и блеска, Россия, примкнув свои владения к морю Каспийскому, открыла для себя новые источники богатства и силы; ее торговля и политическое влияние распространились. Звук оружия изгнал чужеземных купцев из Астрахани: спокойствие и тишина возвратили их. Они приехали из Шамахи, Дербента, Шавкала, Тюмени, Хивы, Сарайчика со всякими товарами, весьма охотно платя в Государеву казну уставленную пошлину. *Царю* Хивинский и Бухарский прислали своих знатных людей в Москву с дарами, желая благоволения Иоаннова и свободной торговли в России. Земля Шавкальская, Тюменская, Грузинская хотели быть в нашем подданстве.

Князя Черкесские, присягнув Государю в верности, требовали, чтобы он помог им воевать Султанские владения и Тавриду. Иоанн отвечал, что Султан в мире с Россиею, но что мы всеми силами будем оборонять их от Хана Девлет-Гирея. Вера Спасителева, насажденная между Черным и Каспийским морем в самые древние времена Империи Византийской, еще не совсем угасла в сих странах; оставались ее темные предания и некоторые обряды: известность и могущество России оживили там память Христианства и любовь к оному. Князя крестили детей своих в Москве, отдавали их на воспитание Царю, – некоторые сами крестились. Сын Князя Сибока, Кудадек-Александр, и Темрюков, Салтанук-Михаил, учились грамоте во дворце Кремлевском вместе с Сююнбекиным сыном. – Признательный к усердию союзных с нами Ногаев, Государь позволил им кочевать в зимнее время близ самой Астрахани: они мирно и спокойно в ней торговали. Князь Исмаил, убив своего брата, Юсуфа, писал к Иоанну из городка Сарайчика: «Врага твоего уже нет на свете; племянники и дети мои единодушно *дали мне поводы узд своих*: я властвую надо всеми Улусами». Он советовал Россиянам основать крепость на Переволоке, а другую на Иргизе (в нынешней Саратовской губернии), где скитались некоторые беглые Ногайские Мурзы, не хотевшие ему повиноваться и быть нам друзьями. Утверждая приязнь дарами и ласками, Государь однако ж не позволял Исмаилу в шертных грамотах называться ни *отцом* его, ни братом, считая то унижением для Российского Монарха.

Слух о наших завоеваниях проник и в отдаленную Сибирь, коей имя, означая тогда единственно среднюю часть нынешней Тобольской Губернии, было давно известно и Москве от наших Югорских и Пермских данников. Там господствовали Князя Могольские, потомки Батыева брата Сибана, или Шибана. Вероятно, что они и прежде имели сношения с Россиею и даже признали себя в некоторой зависимости от сильного его Царя: Иоанн уже в 1554 году именовался в грамотах Властителем Сибири; но летописи молчат о том до 1555 года: в сие время Князь Сибирский Едигер прислал двух чиновников в Москву поздравил Государя со взятием Казани и Астрахани. Дело шло не об одной учтивости: Едигер вызвался платить дань России с условием, чтобы мы утвердили спокойствие и безопасность его земли. Государь уверил Послов в своей милости, взял с них клятву в верности и дал им *жалованную грамоту*. Они сказали, что в Сибири 30 700 жителей: Едигер хотел с каждого человека давать нам ежегодно по соболу и белке. Сын Боярский, Дмитрий Куров, поехал в Сибирь, чтобы обязать присягою Князя и народ; возвратился в конце 1556 года с новым Послом Едигеровым и, вместо обещанных *тридцати тысяч*, привез только 700 соболей. Едигер писал, что земля его, разоренная Шибанским Царевичем, не может дать более; но Куров говорил противное, и Царь велел заключить Посла Сибирского. Наконец, в 1558 году, Едигер доставил в Москву дань полную, с уверением, что будет впредь исправным плательщиком. – Таким образом Россия открыла себе путь к неизмеримым приобретениям на севере Азии, неизвестном дотоле ни Историкам, ни Географам образованной Европы.

Сие достопамятное время Иоаннова Царствования прославилось еще тесным союзом России с одною из знаменитейших Держав Европейских, которая была вне ее политического горизонта, едва знала об ней по слуху и вдруг, нечаянно, нашла доступ к самым отдаленным, всех менее известным странам Государства Иоаннова, чтобы с великою выгодною для себя дать нам новые средства обогащения, новые способы гражданского образования. Еще Англия не была тогда первостепенною морскою Державою, но уже стремилась к сей цели, соревнуя Испании, Португалии, Венеции и Генуе; хотела проложить путь в Китай, в Индию Ледовитым морем, и весною в 1553 году, в Царствование юного Эдуарда VI, послала три корабля в океан Северный. Начальниками их были Гуг Виллоби и капитан Ченселер. Разлученные бурей, сии корабли уже не могли соединиться: два из них погибли у берегов Российской Лапландии в пристани Арцине, где Гуг Виллоби замерз со всеми людьми своими: зимою в 1554 году рыбаки Лапландские нашли его мертвого, сидящего в шалаше за своим журналом. Но капитан Ченселер благополучно доплыл до Белого моря; 24 Августа 1553 года вошел в Двинский залив и пристал к берегу, где был тогда монастырь Св. Николая и где после основан город Архангельск. Англичане увидели людей, изумленных явлением большого корабля; свести от них, что сей берег есть Российский; сказали, что имеют от Короля Английского письмо к Царю и желают завести с нами торговлю. Дав им съестные припасы, начальники Двинской земли немедленно отправили гонца к Иоанну, который тотчас понял важность сего случая, благоприятного для успехов нашей торговли, – велел Ченселеру быть в Москву и доставил ему все возможные удобства в пути. Представленные Государю, Англичане с удивлением видели, по их словам, *беспримерное* велелепие его двора: ряды красивых чиновников, круг сановитых Бояр в золотых одеждах, блестящий трон и на

нем юного Самодержца в блистательной короне, окруженного величием и безмолвием. Ченселер подал следующую грамоту Эдуардову, писанную на разных языках *ко всем северным и восточным* Государям:

«Эдуард VI вам, Цари, Князья, Властители, Судии Земли, во всех странах под солнцем, желает мира, спокойствия, чести, вам и странам вашим! Господь всемогущий даровал человеку сердце дружелюбное, да благодворит ближним и в особенности странникам, которые, приезжая к нам из мест отдаленных, ясно доказывают тем превосходную любовь свою к братскому общежитию. Так думали отцы наши, всегда гостеприимные, всегда ласковые к иноземцам, требующим покровительства. Все люди имеют право на гостеприимство, но еще более купцы, презирая опасности и труды, оставляя за собою моря и пустыни, для того, чтобы благословенными плодами земли своей обогатить страны дальние и взаимно обогатиться их произведениями: ибо Господь вселенной рассеял дары его благодати, чтобы народы имели нужду друг в друге и чтобы взаимными услугами утверждалась приязнь между людьми. С сим намерением некоторые из наших подданных предприняли дальнейшее путешествие морем и требовали от нас согласия. Исполняя их желание, мы позволили мужу достойному, Гугу Виллоби и товарищам его, нашим верным слугам, ехать в страны, донныне неизвестные, и меняться с ними избытком: брать, чего не имеем, и давать, чем изобилуем, для обоюдной пользы и дружества. Итак, молим вас, Цари, Князья, Властители, чтобы вы свободно пропустили сих людей чрез свои земли: ибо они не коснутся ничего без вашего дозволения. Не забудьте человечества. Великодушно помогите им в нужде и примите от них, чем могут вознаградить вас. Поступите с ними, как хотите, чтобы мы поступили с вашими слугами, если они когда-нибудь к нам заедут. А мы клянемся Богом, Господом всего сущего на небесах, на земле и в море, клянемся жизнью и благом нашего Царства, что всякого из ваших подданных встретим как единоплеменника и друга, из благодарности за любовь, которую окажете нашим. За сим молим Бога Вседержителя, да сподобит вас земного долголетия и мира вечного. Дано в Лондоне, нашей столице, в лето от сотворения мира 5517, Царствования нашего в 7».

Англичане, принятые милостиво, обедали у Государя в Золотой палате и с новым изумлением видели пышность Царскую. Гости, числом более ста, ели и пили из золотых сосудов; одежда ста пятидесяти слуг также сияла золотом. – После сего Ченселер имел переговоры с Боярами и был весьма доволен оными. Его немедленно отпустили назад (в Феврале 1554 года) с ответом Иоанновым. Царь писал к Эдуарду, что он, искренно желая быть с ним в дружбе, согласно с учением Веры Христианской, с правилами истинной науки государственной и с лучшим его разумением, готов сделать все ему угодное; что, приняв ласково Ченселера, так же примет и Гуга Виллоби, если сей последний будет у нас; что дружба, защита, свобода и безопасность ожидают Английских Послов и купцев в России. – Эдуарда не стало: Мария царствовала в Англии, – и Ченселер, вручив ей Иоаннову грамоту с Немецким переводом, произвел своими вестями живейшую радость в Лондоне. Все говорили о России как о *вновь открытой* земле; хотели знать ее любопытную Историю, Географию, и немедленно составилось общество купцев для торговли с нею. В 1555 году Ченселер вторично отправился к нам на двух кораблях с поверенными сего общества, Греем и Киллингвортом, чтобы заключить торжественный договор с Царем, коему Мария и супруг ее, Филипп, письменно изъявили благодарность в самых сильных выражениях. Иоанн с новою милостию принял Ченселера и его товарищей в Москве; обеда с ними, обыкновенно сажал их перед собою; говорил ласково и называл Королеву Марию любезнейшею сестрою. Учредили особенный совет для рассмотрения прав и вольностей, коих требовали Англичане: в нем присутствовали и купцы Московские. Положили, что главная мена товаров будет в Колмогорах, осенью и зимою: что цепы остаются произвольными, но что всякие обманы в купле судятся как уголовное преступление. Иоанн дал наконец торговую жалованную грамоту Англичанам, оставив в ней что они могут свободно купечествовать во всех городах России, без всякого стеснения и не платя никакой пошрины – везде жить, иметь дома, лавки – нанимать слуг, работников и брать с них присягу в верности; что за всякую вину отвечает только виновный, а не общество; что Государь, как законный судия, имеет право отнять у преступника честь и жизнь, но не касается имения; что они изберут старейшину для разбора ссор и тяжб между ими; что Наместники Государевы обязаны деятельно помогать ему в случае нужды для усмирения ослушных и давать орудия казни; что нельзя взять Англичанина под стражу, если старейшина объявит себя его порукою; что правительство немедленно удовлетворяет их жалобам на Россиян и строго казнит обидчиков. – Главными из товаров, привезенных Англичанами в Россию, были сукна и сахар. Купцы наши предлагали им

12 рублей (или гиней) за половинку сукна и 4 алтына (или шиллинга) за фунт сахару; но сия цена казалась для них низкою.

С того времени пристань Св. Николая – где кроме бедного уединенного монастыря было пять или шесть домиков – оживилась и сделалась важным торговым местом. Англичане построили там особенный красивый дом, а в Колмогорах несколько обширных дворов для складки товаров. Им дали землю, огороды, луга. – Между тем, надеясь открыть путь чрез Ледовитое море в Китай, капитан их, Стефан Борро, от устья Двины доходил до Новой Земли и Вайгача, но, устрешенный бурями и ледяными громадами, в исходе Августа месяца возвратился в Колмогоры.

В 1556 году Ченселер отплыл в Англию с четырьмя богато нагруженными кораблями и с Посланником Государевым, Иосифом Непею Вологжанином. Счастье, дотоле всегда благоприятное сему искусному мореплавателю, изменило ему: буря рассеяла его корабли; только один из них вошел в пристань Лондонскую. Сам Ченселер утонул близ Шотландских берегов; спасли только Посланника Иоаннова, который, лишись всего, был осыпан в Лондоне дарами и ласками. Знатные Сановники Государственные и сто сорок купцев со множеством слуг, все на прекрасных лошадях, в богатой одежде, выехали к нему навстречу. Он сел на коня, великолепно украшенного, и, окруженный старейшинами купечества, въехал в город. Любопытные жители Лондонские теснились в улицах, приветствуя Посланника громкими восклицаниями. Ему отвели один из лучших домов, где богатство уборов отвечало роскоши ежедневного угощения; угадывали, предупреждали всякое желание гостя; то звали его на пиры, то водили обозреть все достопамятности Лондона, дворцы, храм Св. Павла, Вестминстер, крепость, Ратушу. Принятый Марию, с отменным благоволением, Непея в торжественный день Ордена Подвязки сидел в церкви на возвышенном месте близ Королевы. Нигде не оказывалось такой чести Русскому имени. Сей незнатный, но достойный представитель Иоаннова лица умел заслужить весьма лестный отзыв Английских министров: они донесли Королеве, что его ум в делах равняется с его благородною важностию в поступках. Вместе с грамотою Царскою вручив Марии и Филиппу несколько соболей, Непея сказал, что богатейшие дары Иоанновы во время Ченселерова кораблекрушения были расхищены Шотландцами. Королева послала к Царю самые лучшие произведения Английских суконных фабрик, блестящий доспех, льва и львицу; а старейшины Российского торгового общества, в последний раз великолепно угостив Непею в зале Лондонских суконников, объявили, что не двор, не казна, но их общество взяло на себя все издержки, коих требовало его пребывание в Англии, и что они сделали то с живейшим удовольствием, в знак своей добросердечной, ревностной, *нежной* дружбы к нему и к России. Он получил от них в дар золотую цепь во сто фунтов стерлингов и пять драгоценных сосудов; возвратился на Английском корабле в Сентябре 1557 года и привез в Москву ремесленников, рудокопов и медиков, в числе коих был искусный доктор Стендиш. Так Россия пользовалась всяким случаем заимствовать от иноземцев нужнейшее для ее гражданского образования.

С удовольствием читая ласковые письма Марии и Филиппа, которые именовали его в оных *Великим Императором*, слыша от Непеи, сколько чести и приязни оказали ему в Лондоне и двор и народ, Иоанн обходился с Англичанами как с любезнейшими гостями России, велел отвести им дома во всех торговых городах, в Вологде, в Москве и лично приветствовал их столь милостиво, что они не могли без чувства живейшей благодарности писать о том к своим Лондонским знакомцам. Главный начальник Английских кораблей, прибывших в 1557 году к устью Двины, Антоний Дженкисон, ездил из Москвы в Астрахань, чтобы завести торговлю с Персиею: изъявляя совершенную доверенность к видам Лондонского купечества, Государь обещал доставить оному все способы для сего дальнего перевоза товаров. – Одним словом, связь наша с Британиею, основываясь на взаимных выгодах без всякого опасного совместничества в Политике, имела какой-то особенный характер искренности и дружелюбия, служила доказательством мудрости Царя и придала новый блеск его царствованию. – Открытием Англичан немедленно воспользовались и другие купцы Европейские: из Голландии, из Брабанта начали приходить корабли к северным берегам России и торговать с нею в Корельском устье: что продолжалось от 1555 до 1557 года.

Сии достопамятные происшествия были не единственным предметом Иоанновой деятельности. Усмиряя Казань, покоряя Астрахань, возлагая дань на Сибирь, распространяя власть свою до Персии, а торговлю до Самарканда, Шельды и Темзы, Россия воевала и с Ханом Девлет-Гиреем, и с Швециею, и с Ливониею, неусыпно наблюдая Литву.

Совершенное падение Казанского Царства приводило в ужас Тавриду: Девлет-Гирей, кипя злобою, хотел бы поглотить Россию; но чувствовал нашу силу, ждал времени, манил Иоанна мирными обещаниями и грозил нападением. В 1553 году Царь стоял с полками в Коломне; ожидая Хана; но Хан прислал в Москву грамоту шертную: соглашаясь быть нам другом, он требовал богатых даров и называл Иоанна только Великим Князем. Государь писал ему в ответ, что мы *не покупаем дружбы*, и скромно известил его о взятии Астрахани. Тогда некоторые из Думных Советников предлагали Государю довершить великое дело славы, безопасности, благоденствия нашего завоеванием последнего Царства Батыева; и если бы он исполнил их совет, то предупредил бы двумя веками знаменитое дело Екатерины Второй: ибо вероятно, что Крым не мог бы противиться усилиям России, которая уже стояла пятою на двух, лежащих пред нею Царствах, и смотрела на третий как на лестную добычу: двести тысяч победителей готовы были ударить на гнездо хищников, способных более к разбоям, нежели к войне оборонительной. Есть время для завоеваний: оно проходит и долго не возвращается. Но сия мысль казалась еще дерзкою: путь к Крыму еще не был Знаком войску; степи, даль, трудность продовольствия устрашали. Сверх того Иоанн опасался раздражить Султана, верховного властителя Тавриды, с коим мы находились в дружественных сношениях: возбуждая против нас Князей Ногайских, он таил свою неприязнь и в знак уважения писал *золотыми буквами* к Иоанну, именовал его *Царем счастливым и Правителем мудрым*, напоминал ему о *старой любви* и присылал в Москву купцев за товарами. Еще и другая мысль склоняла Государя щадить Тавриду: он надеялся, подобно своему деду, употреблять ее Ханов в орудие нашей Политики, чтобы вредить или угрожать Литве. Уже опыты доказывали ненадежность сего орудия; но мы хотели новых опытов, чтобы удостовериться в необходимости истребления варваров, и оставили в их руке огонь и меч на Россию!

Видя ложь, обманы Девлет-Гирея и сведав, что он идет воевать землю Пятигорских Черкесов, наших друзей, Государь (в Июне 1555 года) послал Воеводу Ивана Шереметева из Белева Муравскою дорогою с тринадцатью тысячами Детей Боярских, стрельцов и Козаков в Мамаевы луга, к Перекопи, чтобы отогнать стада Ханские. Но Девлет-Гирей от Изюмского кургана своротил влево и вдруг устремился к пределам России, имея тысяч шестьдесят войска. Шереметев, находясь близ Святых гор и Донца, открыл сие движение неприятеля, уведомил Государя и пошел вслед за Ханом к Туле. Сам Иоанн немедленно выступил из Москвы с Князем Владимиром Андреевичем, Царем Казанским Симеоном, со всеми Воеводами и детьми Боярскими; уже не хотел, как бывало в старину, ждать Крымцев на Оке, но спешил встретить их далее в поле. Девлет-Гирей был между – двумя войсками и не знал того. Нескромность Дьяков Государевых спасла его от гибели: они писали из Москвы к Наместникам украинским, что Хан в сетях; что спереди Царь, сзади Шереметев в одно время стиснут, истребят неприятеля. Наместники разгласили счастливую весть, которая дошла и до Хана чрез жителей, захваченных Крымцами. В ужасе он решился бежать. Между тем мужественный, деятельный Шереметев взял обоз Девлет-Гиреев, 60 000 коней, 200 аргамаков, 180 вельблюдов; отправил сию добычу во Мценск, в Рязань; остался только с семью тысячами воинов; во 150 верстах от Тулы, на Судбищах, встретил всю неприятельскую силу и не уклонился от битвы: сломил Передовой полк, отнял знамя Ширинских Князей и ночевал на месте сражения. К Хану привели двух пленников: их пытали; один молчал, а другой не вынес мук и сказал ему о малом числе Россиян. Опасаясь нашего главного войска, но стыдясь уступить победу горсти отважных витязей, Девлет-Гирей утром возобновил нападение всеми полками. Бились часов восемь, и Россияне несколько раз видели тыл неприятеля; одни Янычары Султановы стояли крепко, берегли Хана и снаряд огнестрельный. К несчастью, Герой Шереметев был ранен: другие Воеводы не имели его духа; – усилия наши ослабели, а неприятель удвоил свои. Россияне смешались; искали спасения в бегстве. Тут мужественные чиновники, Алексей Басманов и Стефан Сидоров, ударили в бубны, затрубили в трубы, остановили бегущих и засели с двумя тысячами в буераке: Хан трижды приступал, не мог одолеть их и, боясь терять время, на закате солнца ушел в степи.

Государь приближался к Туле, когда донесли ему, что Шереметев разбит и что Хан будто бы идет к Москве с несметною силою. Люди боязливые советовали Царю идти назад за Оку, а смелые – вперед: он послушался смелых и вступил в Тулу, куда прибыли Шереметев, Басманов, Сидоров с остатком своих воинов. Узнав, что Хан спешит к пределам Тавриды и что нельзя догнать его, Иоанн возвратился в Москву. Он милостиво наградил всех усердных сподвижников Шереметева, не победителей, но ознаменованных славою отчаянной битвы. Многие из них

умерли от ран, и в том числе храбрый Воевода Сидоров, уязвленный пулею и копьем: отслужив Царю, он скинул с себя обагренный кровию доспех и скончался в мантии Схимника.

В сие время Иоанн должен был обратить внимание на Швецию. Густав Ваза, с беспокойством видя возрастающее могущество России, старался тайно вредить ей: сносился с Королем Польским, с Ливониею, с Герцогом Прусским, с Даниею, чтоб общим усилием Северных Держав протривиться опасному Иоаннову властолюбию; и, встревоженный нашею выгодною торговлею с Англичанами, убеждал Королеву Марию запретить оную как несогласную с благосостоянием Швеции и дающую новые средства избытка, новую силу естественным врагам ее. Несмотря на то, ни Густав, ни Царь не хотел кровопролития: первый чувствовал слабость свою, а последний не имел никаких видов на завоевания в Швеции. Но споры о неясных границах произвели войну. Ссылаясь на старый договор Короля Магнуса с Новгородцами, Россияне считали реки Саю и Сестрь пределом обеих держав: Шведы выходили за сей рубеж; ловили рыбу, косили сено, пахали землю в наших владениях; именовали Сестрею совсем иную реку и не слушали никаких возражений. Россияне жгли их нивы, а Шведы жгли наши села, умертвив несколько Боярских Детей и посадив одного из них на кол: отняли у нас также несколько погостов в Лапландии и хотели разорить там уединенный монастырь Св. Николая на Печенге, против *Варгава*. Новгородский Наместник, Князь Димитрий Палецкий, отправил к Королю Густаву сановника Никиту Кузмина: его задержали в Стокгольме как лазутчика по ложному донесению Выборгского начальника, и Густав не дал ответа Князю Палецкому, желая объясниться письменно с самим Царем. Жители Новгородской области вооруженною рукою заняли некоторые спорные места: Шведы побили их наголову. Еще с обеих сторон предлагали дружелюбно исследовать взаимные неудовольствия; назначили время и место для съезда поверенных: Шведские не явились. Государь велел Князю Ногтеву и Воеводам Новгородским защитить границу; а Густав, опасаясь нападения, сам прибыл в Финляндию единственно для обороны. Но Адмирал его, Иоанн Багге, пылая ревностию отличить себя подвигом славы, убеждал Короля предупредить нас; отвечал ему за успех; донес, что слух носится о внезапной кончине Царя; что Россия в смятении; что он надеется собрать двадцать тысяч воинов и проникнуть с ними в средину ее владений. Старец Густав, им обольщенный, согласился действовать наступательно; а Багге немедленно осадил Нотебург, или Орешек, с конницею, пехотою, со многими вооруженными судами: громил стены из пушек и жег наши селения. Россияне взяли меры: крепость оборонялась сильно; с одной стороны Князь Ногтев, с другой Дворецкий Симеон Шереметев теснили неприятеля, разбивали его отряды, хватили кормовщиков, брали суда. Настала осень, и Багге, потеряв немало людей в течение месяца, возвратился в Финляндию, хвалясь единственно тем, что Россияне не могли преградить ему пути и что он везде мужественно отражал их.

Зимую собралось многочисленное войско в Новгороде; а Царь оказывал еще миролюбие: Воеводы Московские писали к Королю, что он, бессовестно нарушив перемирие, будет виновником ужасного кровопролития, если в течение двух недель сам не выедет к ним на границу или не пришлет Вельмож для рассмотрения обоюдных неудовольствий и для казни обидчиков. Вместо Густава ответствовали Выборгские чиновники, что адмирал Багге начал войну без Королевского повеления; что Шведы, доказав Россиянам свое мужество, готовы возобновить старую дружбу с ними. Но сей ответ казался неудовлетворительным: Воеводы, Князя Петр Щенятев и Дмитрий Палецкий, с Астраханским Царевичем Кайбулою вступили в Финляндию: взяли в оставленном Шведами городке Кивене семь пушек, сожгли его и за пять верст от Выборга встретили неприятеля, который, смяв их передовые отряды, расположился на горе. Место давало ему выгоду: Иоанновы искусные Воеводы обошли его, напали с тылу, — решили победу и пленили знатнейших сановников Королевских. Шведы заключились в Выборге: три дни стреляв по городу, Россияне не могли сбить крепких стен; опустошили берега Воксы, разорили Нейшлот и вывели множество пленников. Летописец говорит, что они продавали человека за гривну, а девку за пять алтын. — Иоанн был доволен Воеводами; послал в дар Ногайскому Князю Исмаилу несколько Шведских доспехов и писал к нему: «Вот новые трофеи России! Король *Немецкий сгрубил* нам: мы побили его людей, взяли города, истребили селения. Так казним врагов: будь нам другом!»

[1557 г.] Густав, от самой юности пример благоразумия между Венценосками, ибо умел быть Героем без воинского славолубия, и великодушно избавив отечество от иноземного тирана, хотел всегда мира, тишины, благоденствия — Густав на старости мог винить себя в ошибке легкомыслия: видел, что Швеция без союзников не в силах бороться с Россиею, и прислал

сановника Канута в Москву. Он писал к Иоанну учтиво, дружелюбно, требуя мира, обвиняя бывшего Новгородского Наместника, Князя Палецкого (тогда смененного), и доказывая, что не Шведы, а Россияне начали войну. Канут представил дары Густавовы: десять *Шведских лисиц*, и хотя был Посланником недруга, однако ж имел честь обедать с Государем, ибо сей недруг уже просил мира. Ответствуя Густаву, Царь не соглашался с ним в причинах войны, но соглашался в желании прекратить ее. «Твои люди, – писал он, – делали ужасные неистовства в Корельской земле нашей: не только жгли, убивали, но и ругались над церквями, снимали кресты, колокола, иконы. Жители Новгородские требовали от меня *Больших полков*, Московских, Татарских, Черемисских и других; Воеводы мои пылали нетерпением идти к Абову, к Стокгольму: мы удержали их, ибо не любим кровопролития. Все зло произошло оттого, что ты по своей гордости не хотел сноситься с Новгородскими Наместниками, знаменитыми Боярами великого Царства. Если не знаешь, каков Новгород, то спроси у своих купцов: они скажут тебе, что его пригороды более твоего Стокгольма. Оставь надменность, и будем друзьями». Густав оставил ее: Послы его, Советник Государственный Стен Эриксон, Архиепископ Упсальский Лаврентий, Епископ Абовский Михаил Агрикола и Королевский Печатник Олоф Ларсон в Феврале 1557 года приехали в Москву на 150 подводах, жили на дворе Литовском как бы в заключении, не могли никого видеть, кроме Царских чиновников, поднесли Иоанну серебряный кубок с часами, обедали у него в Грановитой палате и должны были принять все условия, им объявленные. О рубеже не спорили: возобновили старый; но Послы долго требовали, чтобы мы освободили безденежно всех пленников Шведских и чтобы Король имел дело единственно с Царем. Бояре отвечали: «1) Вы, как виновные, обязаны без выкупа отпустить Россиян, купцов и других, вами захваченных; а мы, как правые, дозволяем вам выкупить Шведских пленников, у кого их найдете, если они не приняли нашей веры. 2) Не бесчестие, а честь Королю иметь дело с Новгородскими Наместниками. Знаете ли, кто они? Дети или внучата Государей Литовских, Казанских или Российских. Нынешний Наместник, Князь Глинский, есть племянник Михаила Львовича Глинского, столь знаменитого и славного в землях Немецких. Скажем вам также *не в укор*, но единственно *в рассуд*: кто Государь ваш? Венценосец, правда; но давно ли еще торговал волами? И в самом великом Монархе смирение лучше надменности». Послы уступили: за то Бояре, желая изъяснить снисхождение, согласились не именовать Короля в договоре клятвopеступником! Написали в Москве перемирную грамоту на сорок лет и велели Новгородским Наместникам скрепить ее своими печатями. Между тем Послам оказывалась честь, какой ни отец, ни дед Иоаннов никогда не оказывал Шведским: их встречали и провожали во дворце знатные сановники; угощали *на золоте*, пышно и великолепно. Вместо дара Государь прислал к ним двадцать освобожденных Финляндских пленников. Историк Швеции рассказывает, что Иоанн желал слышать богословское прение Архиепископа Упсальского с нашим Митрополитом: выбрали для того Греческий язык; но Переводчик, не разумея смысла важнейших слов, толковал оные столь нелепо, что Государь велел прекратить сей разговор, в знак благоволения надел золотую цепь на грудь Архиепископа.

В сей кратковременной Шведской войне Король Август и Магистр Ливонский естественно доброжелательствовали Густаву; обещались и помогать ему, но оставались спокойными зрителями. Первый только ходатайствовал за него в Москве, убеждая Иоанна не теснить Швеции, которая могла бы вместе с Польшею действовать против неверных. «Я не тесню никого, – писал Государь в ответ Августу: – имею Царство обширное, которое от времен Рюрика до моего непрестанно увеличивается; завоевания не льстят меня, но стою за честь». Возобновив перемирие с Литвою до 1562 года, Иоанн соглашался заключить и вечный мир с нею, если Август признает его Царем: но Король упрямылся, ответствуя, что не любит новостей; что сей титул принадлежит одному Немецкому Императору и Султану. Бояре наши явили его Послам грамоты Папы Климента, Императора Максимилиана, Султановы, Государей Испанского, Шведского, Датского, которые именовали еще деда, отца Иоаннова Царем; явили и новейшую грамоту Королевы Английской: ничто не убедило Августа. Казалось, что он страшился титула более, нежели силы Государя Российского. Иоанн торжественно уведомил его о завоевании Астрахани: Король изъяснил ему благодарность и писал, что радуется его победам над неверными! Такое уверение было одною учтивостию; но разбой Хана Девлет-Гирея, не щадившего и Литвы, могли бы склонить сии два государства к искреннему союзу, если бы не встретились новые, важные противности в их выгодах.

Последнее впадение в наши пределы дорого стоило Хану, который лишился не только обоза, но и знатной части войска в битве с Шереметевым. Несмотря на то, что он хвалился

победою и снова ополчался. Козаки под начальством Дьяка Ржевского стерегли его между Днепром и Доном: они известили Государя (в Мае 1556), что Хан расположился станом у Конских Вод и метит на Тулу или Козельск. В несколько дней собралось войско: Царь осмотрел его в Серпухове и хотел встретить неприятеля за Тулою; но узнал, что вся опасность миновалась. Смелый Дьяк Ржевский, приманив к себе триста Малороссийских Литовских Козаков с Атаманами Млынским и Есковичем, ударил на Ислам-Кирмень, на Очаков; шесть дней бился с Ханским Калгою, умертвил множество Крымцев и Турков, отогнал их табуны, вышел с добычею и принудил Девлет-Гирея спешить назад для защиты Крыма, где, сверх того, свирепствовали смертоносные болезни. В сие же время, к удовольствию Государя, предложил ему свои услуги один из знатнейших Князей Литовских, потомков Св. Владимира: Дмитрий Вишневецкий, муж ума пылкого, отважный, искусный в ратном деле. Быв любимым вождем Днепровских Козаков и начальником Канева, он скучал мирною системою Августа; хотел подвигов, опасностей и, прельщенный славою наших завоеваний, воскипел ревностию мужествовать под знаменами своего древнего отечества, коему Провидение явно указывало путь к необыкновенному величию. Вишневецкий стыдился предстать Иоанну в виде беглеца: вышел из Литвы со многими усердными Козаками, занял остров Хортицу близ Днепровского устья, против Конских Вод; сделал крепость и писал к Государю, что не требует у него войска: требует единственно чести именоваться Россиянином и запрет Хана в Тавриде, как в вертепе. Обнадеженный Иоанном в милости, сей удалец сжег Ислам-Кирмень, вывез оттуда пушки в свою Хортицкую крепость и славно отразил все нападения Хана, который 24 дни без успеха приступал к его острову. С другой стороны Черкесские Князья именем России овладели двумя городками Азовскими, Темрюком и Таманом, где было наше древнее Тмутороканское Княжение. Девлет-Гирей трепетал; думал, что Ржевский, Вишневецкий и Князья Черкесские составляют только передовой отряд нашего главного войска; ждал самого Иоанна, просил у него мира и в отчаянии писал к Султану, что все погибло, если он не спасет Крыма. Никогда – говорит современный историк – не бывало для России удобнейшего случая истребить остатки Моголов, явно караемых тогда гневом Божиим. Улусы Ногайские, прежде многолюдные, богатые, опустели в жестокою зиму 1557 года; скот и люди гибли в степях от несносного холода. Некоторые Мурзы искали убежища в Тавриде и нашли в ней язву с голодом, произведенным чрезвычайною засухою. Едва ли 10 000 исправных конных воинов оставалось у Хана; еще менее в Ногаях. К сим бедствиям присоединялось междоусобие. В Ногайской Орде Улусы восставали на Улусы. В Тавриде Вельможи хотели убить Девлет-Гирея, чтобы объявить Царем Тохтамыша, жившего у них Астраханского Царевича, брата Шиг-Алеева. Заговор открылся: Тохтамыш бежал в Россию и мог основательно известить Государя о слабости Крыма.

[1558 г.] Но мы – по мнению Историка, знаменитого Курбского – не следовали указанию перста Божия и дали оправиться неверным. Вишневецкий не удержался на Хортице, когда явились многочисленные дружины Турецкие и Волошские, присланные к Девлет-Гирею Султаном: истощив силы и запасы, составил свою крепость, удалился к пределам Литовским и, заняв Черкасы, Канев, где жители любили его, написал к Иоанну, что, будучи снова готов идти на Хана, может оказать России еще важнейшую услугу покорением ее скипетру всех южных областей Днепровских. Предложение было лестно; но Государь не хотел нарушить утвержденного с Литвою перемирия: велел возвратить Черкасы и Канев Августу, призвал Вишневецкого в Москву и дал ему в поместье город Белев со многими богатыми волостями, чтобы иметь в нем страшилище как для Хана, так и для Короля Польского. – Между тем Девлет-Гирей отдохнул. Хотя он все еще изъявлял желание быть в мире с Россиею; хотя с честью отпустил нашего посла Загряжского, держав его у себя пять лет как пленника; доставил и союзную грамоту Иоанну, обязываясь, в знак искренней к нам дружбы, воевать Литву: однако ж предлагал условия гордые и требовал дани, какую присылал к нему Сигизмунд и Август. «Для тебя, – говорил Девлет-Гирей, – разрываю союз с Литвою: следственно, ты должен вознаградить меня». Сыновья его действительно грабили тогда в Волини и в Подолии, к изумлению Августа, считавшего себя их другом. Они искали легкой добычи и находили ее в сих плодородных областях, где Королевские Паны гордо хвалились мужеством на пирах и малодушно бегали от разбойников, не умея оберегать земли. Узнав о том, Государь созвал Бояр: все думали, что требование вероломного Девлет-Гирея не достойно внимания; что надобно воспользоваться сим случаем и предложить Августу союз против Хана. Снова послали Князя Вишневецкого на Днепр; дали ему 5000 Жильцов, Детей Боярских, стрельцов и Козаков; велели им соединиться с Князьями Черкесскими и вместе воевать Тавриду; а к Королю написал Иоанн, что он берет

живейшее участие в бедствии, претерпенном Литвою от губительного набега Крымцев; что время им обоим вразумиться в истинную пользу их держав и общими силами сокрушить злодеев, живущих обманами и грабежом; что Россия готова помогать ему в том усердно всеми данными ей от Бога средствами. Сие предложение столь радостно удивило Короля, Вельмож, народ, связанный с нами узами единокровия и Веры, что Посланника Московского носили на руках в Литве, как вестника тишины и благоденствия для ее граждан, которые всегда ужасались войны с Россиею. Честили его при дворе, в знатных домах; славили ум, великодушие Иоанна. Август в знак искренней любви освободил несколько старых пленников Московских и прислал своего Конюшего Виленского, Яна Волчкова, изъявить живейшую благодарность Государю, обещаясь немедленно выслать и знатнейших Вельмож в Москву для заключения мира вечного и союза. С обеих сторон говорили с жаром о Христианском братстве; воспоминали судьбу Греции, жертвы бывшего между Европейскими Державами несогласия; хотели вместе унять Хана и противиться Туркам. – Сие обоюдное доброе расположение исчезло как мечта: дела снова запутались, и древняя взаимная ненависть, между нами и Литвою, воспрянула.

Виною тому была Ливония. С 1503 года мы не имели с нею ни войны, ни твердого мира; возобновляли только перемирие и довольствовались единственно купеческими связями. С ревностию предприяв возвеличить Россию не только победами, но и внутренним гражданским образованием, дающим новые силы Государству, Иоанн с досадою видел недоброжелательство Ливонского Ордена, который заграждал путь в Москву не только людям искусным в художествах и в ратном деле, но вообще и всем иноземцам. «Уже Россия так опасна, – писали чиновники Орденские к Императору, – что все Христианские соседственные Государя уклоняют главу пред ее Венценосцем, юным, деятельным, властолюбивым, и молят его о мире. Благо разумно ли будет умножать силы природного врага нашего сообщением ему искусств и снарядов воинских? Если откроем свободный путь в Москву для ремесленников и художников, то под сим именем устремится туда множество людей, принадлежащих к злым сектам Анабаптистов, Сакраментистов и других, гонимых в Немецкой земле: они будут самыми ревностными слугами Царя. Нет сомнения, что он замышляет овладеть Ливониею и Балтийским морем, дабы тем удобнее покорить все окрестные земли: Литву, Польшу, Пруссию, Швецию». По крайней мере Иоанн не хотел терпеть, чтобы Ливонцы препятствовали ему в исполнении благодетельных для России намерений, и готовил месть. В 1554 году послы магистра Генрика фон-Галена, Архиепископа Рижского и Епископа Дерптского молили его возобновить перемирие еще на 15 лет. Он соглашался, с условием, чтобы область Юрьевская, или Дерптская, платила ему ежегодно искони уставленную дань. Немцы изъявили удивление: им показали Плеттенбергову договорную грамоту, писанную в 1503 году, где именно упоминалось о сей дани, забытой в течение пятидесяти лет. Их возражений не слушали. Именем Государевым Адашев сказал: «или так, или нет вам перемирия!» Они уступили, и Дерпт обязался грамотою, за ручательством Магистра, не только впредь давать нам ежегодно по Немецкой марке с каждого человека в его области, но и за минувшие 50 лет представить в три года всю недоимку. Магистр клялся не быть в союзе с Королем Польским и восстановить наши древние церкви, вместе с Католическими опустошенные фанатиками нового Лютеранского исповедания в Дерите, Ревеле и Риге: за что еще отец Иоаннов грозил местию Ливонцам, сказав: «я не Папа и не Император, которые не умеют защитить своих храмов». Торговлю объявили свободною, по воле Иоанна, которому жаловалась Ганза, что Правительство Рижское, Ревельское, Дерптское запрещает ее купцам ввозить к нам металлы, оружие, доспехи и хочет, чтобы Немцы покупали наше сало и воск в Ливонии. Только в одном устоял Магистр: он не дал слова пропускать иноземцев в Россию: обстоятельство важное, которое делало мир весьма ненадежным.

С сею грамотою, написанною в Москве и скрепленную печатями Ливонских Послов, отправился в Дерпт Иоаннов чиновник, Келарь Терпигорев, чтобы, согласно с обычаем, Епископ и старейшины утвердили оную своею клятвою и печатями. Но Епископ, Бургомистр и советники их ужаснулись быть данниками России; угощая Терпигорева, тайно рассуждали между собою; винили Послов Ливонских в легкомыслии, в преступлении данной им власти, и не знали, что делать. Минуло несколько дней: чиновник Московский требовал присяги, не хотел ждать и грозился уехать. Тогда Епископский Канцлер, тонкий Политик, предложил совету обмануть Иоанна. «Царь силен оружием, а не хитр умом, – сказал он. – Чтобы не раздражить его, утвердим договор, но объявим, что не можем вступить ни в какое обязательство без согласия Императора Римского, нашего законного покровителя; отнесемся к нему, будем ждать, медлить – а там что Бог даст!» Сие мнение одержало верх: присягнули и возвратили грамоту Послу Иоаннову, с

оговоркою, что она не имеет полной силы без утверждения Императорского. «Царю моему нет дела до Императора! – сказал Посол: – дайте мне только бумагу, дадите и серебро». Велев Дьяку завернуть грамоту в шелковую ткань, он примолвил с усмешкою: «береги: это важная вещь!» – Терпигорев донес Государю, что обряд исполнен, но что Немцы замышляют обман.

Иоанн молчал: но с сего времени уже писался в грамотах *Государем Ливонския земли*. В Феврале 1557 года снова явились в Москве Послы Магистровы и Дерптского Епископа. Узнав, что они приехали не с деньгами, а с пустыми словами, и желают доказывать Боярам несправедливость нашего требования, Царь велел им ехать назад с ответом: «Вы свободно и клятвенно обязались платить нам дань; дело решено. Если не хотите исполнить обета, то мы найдем способ взять свое». Он запретил купцам Новгородским и Псковским ездить в Ливонию, объявив, что Немцы могут торговать у нас спокойно; послал Окольного, Князя Шастунова, заложить город с пристанью в самом устье Наровы, желая иметь морем верное, безопасное сообщение с Германиею, и начал готовиться к войне, которая, по всем вероятностям, обещала нам дешевые успехи и легкое завоевание. Ливония и в лучшее, славнейшее для Ордена время, при самом великом муже Плеттенберге видела невозможность счастливо воевать с Россиею: Орден, лишенный опоры Немецкого, сделался еще слабее, и пятидесятилетний мир, обогатив землю, умножив приятности жизни, роскошь, негу, совершенно отучил Рыцарей от суровой воинской деятельности: они в великолепных замках своих жили единственно для чувственных наслаждений и низких страстей (как уверяют современные Летописцы): пили, веселились, забыв древнее происхождение их братства, вину и цель оно; гнушались не пороками, а скудостью; бесстыдно нарушая святые уставы нравственности, стыдились только уступать друг другу в пышности, не иметь драгоценных одежд, множества слуг, богато убранных коней и прекрасных любовниц. Тунеядство, пиры, охота были главным делом знатных людей в сем, по выражению историка, *земном раю*, а как жили Орденские, духовные сановники, так и Дворяне светские, и купцы, и мещане в своем избытке; одни земледельцы трудились в поте лица, обременяемые налогами алчного корыстолюбия, но отличались не лучшими нравами, а грубейшими пороками в бессмыслии невежества и в губительной заразе пьянства. Многосложное, разделенное правительством было слабо до крайности: пять Епископов, Магистр, Орденский Маршал, восемь Коммандоров и восемь *Фохтов* владели землею; каждый имел свои города, волости, уставы и права; каждый думал о частных выгодах, мало заботясь о пользе общей. Введение Лютеранского исповедания, принятого городами, светским Дворянством, даже многими Рыцарями, еще более замешало Ливонию: волнуемый усердием к новой вере, народ мятежничал, опустошал Латинские церкви, монастыри; Властители, отчасти за Веру, отчасти за корысть, восставали друг на друга. Так преемник Магистра фон-Галена, Фирстенберг, свергнул и заключил Архиепископа Рижского, Маркграфа Вильгельма (после освобожденного угрозами Короля Августа). Для хранения самой внутренней тишины нанимая воинов в Германии, миролюбивый Орден не думал о способах противиться сильному врагу внешнему; не имея собственной рати, не имел и денег: Магистры, сановники богатели, а казна скудела, изводимая для их удовольствий и пышности; они считали достояние Орденское своим, а свое не Орденским. Одним словом, избыток земли, слабость правления и неграждан манили завоевателя.

Россия же была могущественнее прежнего. Кроме славы громких завоеваний, мы приобрели новые вещественные силы: усмирненные народы Казанские давали нам ратников; Князья Черкесские приезжали служить Царю со многочисленными конными дружинами. Но всего важнее было тогда новое, лучшее образование нашего войска, почти удвоившее силу оно. Сие знаменитое дело Иоаннова царствования совершилось в 1556 году, когда еще лилася кровь на берегах Волги, когда мы воевали с Швециею и ждали впадения Крымцев; учреждение равно достопамятное в воинском и гражданском законодательстве России. От времен Иоанна III чиновники Великокняжеские и Дети Боярские награждались землями, но не все: другим давали судное право в городах и волостях, чтобы они, в звании Наместников, жили судными оброками и пошлинами, храня устройство, справедливость и безопасность общую. Многие честно исполняли свой долг; многие думали единственно о корысти: теснили и грабили жителей. Непрестанные жалобы доходили до Государя: сменяя чиновников, их судили, и следствием было то, что самые невинные разорялись от тяжб и ябеды. Чтобы искоренить зло, Иоанн *отменил судные платежи*, указав безденежно решить тяжбы избираемым Старостам и Сотским, а вместо сей пошлины наложил общую дань на города и волости, на промыслы и земли, собираемую в казну Царскими Дьяками; чиновников же и Боярских детей всех без исключения уравнивал или денежным жалованьем или поместьями, сообразно с их достоинством и заслугами; отнял у некоторых

лишнюю землю и дал неимущим, оставив службу не только с поместьев, но и с Вотчин Боярских, так что владелец ста четвертей угодной земли должен был идти в поход на коне и в доспехе, или вместо себя выслать человека, или внести уложенную за то цену в казну. Желая приохотить людей к службе, Иоанн назначил всем денежное жалованье во время похода и двойное Боярским Детям, которые выставляли лишних ратников сверх определенного законом числа. Таким образом, измерив земли, узнали нашу силу воинскую; доставив ратным людям способ жить без нужды в мирное время и содержать себя в походах, могли требовать от них лучшей исправности и строже наказывать ленивых, избегавших службы. С сего времени, как говорят Летописцы, число воинов наших несравненно умножилось. Имев под Казанью 150 000, Иоанн чрез несколько лет мог выводить в поле уже до *трехсот тысяч* всадников и пеших. Последние, именуемые *стрельцами* и вооруженные пищалью, избирались из волостных сельских людей, составляли *бессменную рать*, жили обыкновенно в городах и были преимущественно употребляемы для осады крепостей: учреждение, приписываемое Иоанну, по крайней мере им усовершенное. Хотя оно еще не могло вдруг изменить нашего древнего, Азиатского образа войны, но уже сближало его с Европейским; давало более твердости, более устройства ополчениям. – Прибавим к сему неутомимость Россиян, их физическую крепость в трудах, навык сносить недостаток, холод в зимних походах, – вообще опытность ратную; прибавим наконец необъятную нравственную силу Государства самодержавного, движимого единою мыслию, единым словом Венценосца юного, бодрого, который, по сказанию наших и чужеземных современников, *жил только для подвигов войны и веры*. Чего могли ожидать Ливонцы, имея дело с таким неприятелем? погибели.

Всякое борение слабого с сильным, возбуждая в сердцах естественную жалость, склоняет нас искать справедливости на стороне первого: но и Российские и Ливонские Историки винят Орден в том, что он своим явным недоброжелательством, коварством, обманами раздражил Иоанна, действуя по извинительному чувству нелюбви к соседу опасному, но действуя неблагоприятно. Истинная Политика велит быть другом, ежели нет сил быть врагом; прямодушный может иногда усостыжить и властолюбца, отнимая у него предлог законной мести: ибо нелегко наглým образом топтать уставы нравственности, и самая коварная или дерзкая Политика должна закрываться ее личиною. Иоанн, начиная войну Ливонскую, мог тайно действовать по властолюбию, рождаемому или питаемому блестящими успехами; однако ж мог искренно уверять себя и других в своей справедливости, обязанный сею выгодною худому расчету Ливонских Властителей, которые, зная физическую силу Россиян, надеялись их проводить хитростию, Посольствами, учтивыми словами, льстивыми обещаниями, и навлекли на себя ужасное двадцатипятилетнее бедствие, в коем, среди развалин и могил, пал ветхий Орден как угловое дерево.

Сведая о нашем вооружении, Магистр Фирстенберг и Дерптский Епископ требовали от Царя *опасной грамоты* для проезда в Москву их новых Послов. Иоанн дал грамоту; но гонимые Немцы видели у нас везде страшные приготовления к войне: обозы с ратными запасами шли к пределам Ливонии; везде наводили мосты, учреждали станы, ямы, гостиницы по дороге – и в исходе осени 1557 года уже сорок тысяч воинов стояло на границе под начальством Шиг-Алея, Бояр Глинского, Данила Романовича, Ивана Шереметева, Князей Серебряных, Андрея Курбского и других знатных сановников. Кроме Россиян, в сем войске были Татары, Черемисы, Мордва, Пятигорские Черкесы. Ждали только слова Государева, а Государь ждал Послов Ливонских: они приехали с богатыми дарами и с красноречием: Иоанн не хотел ни того, ни другого. Алексей Адашев и Дьяк Иван Михайлов, указывая им на договорную хартию, требовали дани. Согласились наконец, чтобы Дерпт вместо поголовной ежегодно присылал нам тысячу Венгерских золотых, а Ливония заплатила 45 000 ефимков за воинские издержки. Написали договор; оставалось исполнить его: но послы объявили, что с ними нет денег. Тогда Государь, как пишут, пригласил их обедать во дворце и велел подать им только *пустые* блюда: они встали из-за стола голодные и поехали назад ни с чем; а за ними войско наше среди холодной, снежной зимы, 22 Января с огнем и мечем вступило в Ливонию. Несмотря на то, что угрозы Иоанновы были ясны и приготовления к войне давно известны, Ливонские властители изумились, пируя в сие время на пышной свадьбе какого-то знатного Ревельского чиновника. Россияне делали, что хотели в земле, оставляя Немцев сидеть покойно в городах укрепленных. Князя Барбашин, Репнин, Данило Федорович Адашев громили Южную Ливонию на пространстве двухсот верст; выжгли посады Нейгауза, Киремпе, Мариенбурга, Курслава, Ульцена и соединились под Дерптом с главными Воеводами, которые взяли Алтентурн и также на пути своем все обратили в пепел. Немцы осмелились сделать вылазку из Дерпта, конные и пешие, в числе пятисот: их побили наголову. Простояв три дни в виду сей важной крепости, Воеводы пошли к Финскому

заливу, – другие к реке Аа; еще разбили Немцев близ Везенберга; сожгли предместье Фалькенау, Конготы, Лаиса, Пиркеля; были только в пятидесяти верстах от Риги, в тридцати от Ревеля, и в конце Февраля возвратились к Ивановгороду с толпами пленников, с обозами богатой добычи, умертвив множество людей. Немецкие Историки говорят с ужасом о свирепости Россиян, жалуясь в особенности на шайки так называемых *охотников*, Новгородских и Псковских, которые, видя Ливонию беззащитною, везде опустошали ее селения, жестокостию превосходя самых Татар и Черкесов, бывших в сем войске. Россияне, посланные не для завоевания, а единственно для разорения земли, думали, что они исполняют долг свой, делая ей как можно более зла; и главный Полководец, Князь Михайло Глинский, столько любил корысть, что грабил даже в области Псковской, надеясь на родственную милость Государеву, но ошибся: изъявив благоволение всем другим Воеводам, Иоанн в справедливом гневе велел доправить с него все, незаконно взятое им в походе.

Совершив *казнь*, Воеводы Московские написали к Магистру, что Немцы должны единственно винить самих себя, дерзнув играть святостию договоров; что если они хотят *исправиться*, то могут еще умиловать Иоанна смирением; что Царь Шиг-Алей и Бояре готовы за них ходатайствовать, из жалости к бедной земле, дымящейся кровию. Ливония действительно была в жалостном состоянии: несчастные земледельцы, избежавшие меча и плена, не могли поместиться в городах, умирали от изнурения сил и холода среди лесов, на кладбищах; везде вопль народный требовал защиты или мира от Правителей, которые, на сейме в Вендене долго рассуждав о лучших мерах для их спасения, то гордо хваляся славою, мужеством предков, то с ужасом воображая могущество Царя, решились вновь отправить Посольство в Москву. Шиг-Алей – коего одни из Ливонских Историков именуют свирепым кровопийцею, а другие весьма умным, скромным человеком, – взялся склонять Иоанна к миру, действуя, конечно, по данному ему от Государя наказу. Но судьба хотела, чтобы Орден был жертвою неразумия своих чиновников и чтобы сильный Иоанн, терзая слабую Ливонию, казался правым.

Ожидая Магистровых Послов, Государь велел прекратить все воинские действия до 24 Апреля. Настал Великий Пост: благочестивые Россияне спокойно говели и молились в Иванегороде, отделяемом рекою от Нарвы, где Немцы, новые Лютеране, презирая уставы древней Веры, не считали за грех пировать в сие время, и вдруг, разгоряченные вином, начали стрелять в Иваньгород. Тамошние Воеводы, Князь Куракин и Бутурлин, известили о том государя, который велел им обороняться и послал Князя Темкина, стоявшего в Изборске, воевать ближайшия пределы Ливонии, чтобы наказать Немцев за их вероломство. Темкин выжег села в окрестностях Валка; разбил отряд неприятельский, взял четыре пушки и возвратился. Еще главная рать Московская не трогалась; но из Нарвы беспрестанно летали ядра в Иваньгород и били кителей; а Немцы Нарвские, как бы в насмешку, приказывали к Иоанновым Воеводам: «не мы, но Фохт Орденский стреляет; не можем унять его». Тогда Воеводы сами открыли сильную пальбу: ядра огненные и каменные осыпали Нарву в течение недели; люди гибли; дома пылали, разрушались – и Немцы, в ужасе забыв гордость, требовали пощады. Бургомистры, Ратманы выехали к Воеводам; объявили, что ни в чем не противятся Иоанновой воле; умолили их прекратить стрельбу; дали заложников и послали в Москву Депутатов, Иоакима Крумгаузена и Арнта фон-Дедена. Когда сии Депутаты явились в Кремлевском дворце, Окольный Адашев и Дьяк Михайлов вышли к ним от Государя и спросили, чего хотят они? *Быть, как мы были*, отвечивал умный Крумгаузен: *не перемывать наших законов; остаться городом Ливонским; удовлетворить всем иным требованиям Царя милостивого*. «Нет! – сказал Адашев: – мы не смеем донести ему о таких условиях. Вы дерзко нарушили перемирие, стреляли в Россиян и, видя гибель над собою, объявили, что готовы исполнить волю Царя; а Царю угодно, чтобы вы немедленно прислали в Москву своего Орденского Властителя (Фохта Шнелленберга) и сдали нам город: за что Иоанн милостиво обещает не выводить вас из домов; не касаться ни лиц, ни собственности, ни древних ваших обычаев; блюсти общее благоденствие и свободу торговли; одним словом, владеть Нарвою, как владели ею сановники Орденские. Так, и не иначе!» Депутаты, заплакав, присягнули России за себя и за всех сограждан; были представлены Государю и получили от него жалованную грамоту. Велев уведомить о том Нарвское правительство, Иоанн писал к Воеводам, чтобы они берегли сей город, как Российский, от Магистра.

Но все переменялось в Нарве: ее легкомысленные граждане, узнав, что Магистр шлет к ним 1000 воинов с Коммандором Ревельским, ободрившись, забыли страх и послали сказать нашему главному Воеводе, что Депутаты их не имели власти предать отечество Царю Московскому; а Коммандор, думая воспользоваться нечаянностью, хотел схватить Российскую

стражу за рекою Наровою: ударил – и бежал от первых выстрелов. Весть о новом вероломстве Немцев дошла до Москвы почти в одно время с другою, радостною, совершенно неожиданно: с вестью, что Нарва уже взята Россиянами!

Сие происшествие ославилось чудом. Рассказывают, что пьяные Нарвские Немцы, увидев икону Богоматери в одном доме, где жила купцы Псковские, бросили ее в огонь, от коего вдруг сделался пожар (11 Мая) с ужасною бурей. Россияне из-за реки увидели общее смятение в городе и, не слушаясь Воевод своих, устремились туда: кто плыл в лодке, кто на бревне или доске; выскочили на берег и дружно приступили к Нарве. Воеводы уже не могли быть праздными зрителями и сами повели к ним остальное войско. В несколько минут все решилось: Головы Стрелецкие с Боярином Алексеем Басмановым и Данилом Адашевым (Окольничим, мужественным братом любимца Государева) вломились в Русские ворота, а Иван Бутурлин в Кольванские; в огне и в дыму резали уstraшенных Немцев, вогнали их в крепкий замок, называемый Вышегородом, и не дали и там опомниться: громя его из всех пушек, своих и взятых в Нарве, разбивали стены, готовили лестницы. Между тем два Коммандора, Феллинский и Ревельский, Кетлер и Зегегафен, с сильною дружиною, пехотою, конницею и с огнестрельным снарядом стояли в трех милях от города, видели пожар, слышали пальбу и не двигались с места, рассуждая, что крепость, имеющая каменные стены и железные ворота, должна без их помощи отразить неприятеля. Но к вечеру замок сдался, с условием, чтобы победители выпустили Фохта Шнелленберга, Немецких воинов и жителей, которые захотят удалиться. Вышли знатнейшие только с женами и детьми, оставив нам в добычу все свое имение; другие отпустили семейства, а сами, вместе с народом, присягнули Царю в верности. Россияне взяли 230 пушек и великое богатство; но, гася пожар, усердно и бескорыстно спасали достояние тех жителей, которые сделались нашими подданными. – Сие важное завоевание, дав России знаменитую купеческую пристань, столь обрадовало Иоанна, что он с великою пышностию торжествовал его в Москве и во всем Государстве; наградил Воевод и воинов; милостиво подтвердил жалованную грамоту, данную Крумгаузену и фон-Дедену, несмотря на перемену обстоятельств; освободил всех Нарвских пленников; указал отдать собственность всякому, кто из вышедших жителей Нарвы захочет возвратиться. Архиепископ Новгородский должен был немедленно отправить туда Архимандрита Юрьевского и Софийского Протоиерея, чтобы освятить место во имя Спасителя, крестным ходом и молебнами *очистить от Веры Латинской и Лютеровой*, соорудить церковь в замке, другую в городе и поставить в ней ту икону Богоматери, от коей загорелась Нарва и которую нашли целую в пепле.

В сие время приехали наконец Послы Ливонские в Москву, брат Магистра Фирстенберга, Феодор, и другие чиновники, не с данию, но с молением, чтобы Государь уступил ее земле разоренной. «Вся страна Дерптская, – говорили они Боярам, – стенает в бедствии и долго не увидит дней счастливых. С кого требовать дани? вы уже взяли ее своим оружием, – взяли в десять раз более. Впредь можем исправиться, и тогда заплатим по договору». Государь отвечал чрез Адашева: «После всего, что случилось, могу ли еще слушать вас? Кто верит вероломным? Мне остается только искать управы мечем. Я завоевал Нарву и буду пользоваться своим счастьем. Однако ж, не любя кровопролития, еще предлагаю средство унять его: пусть Магистр, Архиепископ Рижский, Епископ Дерптский лично ударят мне челом, заплатят дань *со всей Ливонии* и впредь повинуются мне, как Цари Казанские, Астраханские и другие знаменитые Владетели: или я силою возьму Ливонию». Послы ужаснулись и, сказав: «видим, что нам здесь не будет дела», просили отпуска, который и дали им немедленно. Хотя Магистр и Епископ Дерптский, пораженные судьбою Нарвы, уже готовы были заплатить нам 60 000 ефимков; хотя, не без усилия, собрали и деньги: но время прошло: Государь требовал уже не дани Юрьевской, а подданства всей земли. Началась иная война, и Россияне, снова вступив в Ливонию, не довольствовались ее разорением; они хотели городов и постоянного владычества над нею.

25 Мая Князь Федор Троекуров и Данило Адашев осадили Нейшлос, а 6 Июня взяли на договор. Тамошний Фохт вышел из крепости с немногими людьми и с пустыми руками, отдав все оружие и достояние победителям. Жители города и всего уезда (в длину на 60, а в ширину на 40 и 50 верст) Латыши и самые Немцы признали себя подданными России, так что берега озера Чудского и река Нарова, от ее верховья до моря заключались в наших владениях. Государь, послав к Воеводам золотые медали, велел исправить там укрепления и соорудить церковь во имя Св. Иллариона: ибо в день его памяти сдался Нейшлос. Жители уезда и городка Адежского добровольно присягнули Иоанну, вместе с некоторыми соседственными Везенбергскими волостями, и выдали Россиянам все казенное имение, пушки, запасы.

Главная сила, под начальством многих знатных Воевод, Князей Петра Шуйского, Василия Серебряного, Андрея Курбского шла к Дерпту. Прежде надлежало взять Нейгауз, город весьма крепкий, где не было ни двухсот воинов, но был витязь Орденский, Уксиль фон-Паденорм, который, вооружив и граждан и земледельцев, около месяца мужественно противился многочисленному войску. С сим Героем Немцы, по выражению нашего Летописца, *сидели насмерть*: бились отчаянно, неутомимо и заслужили удивление Московских полководцев. Сбив стены, башни, Россияне вошли в город: Уксиль отступил в замок с горстием людей и хотел умереть в последней его развалине; но сподвижники объявили ему, что не имеют более сил – и Воеводы, из уважения к храбрости, дозволили им выйти с честью. Сей пример доказывал, что Ливония, ограждаемая многими крепостями и богатая снарядом огнестрельным, могла бы весьма затруднить успехи Иоаннова оружия, если бы другие защитники ее, хотя и малочисленные, имели дух Уксилев, а граждане добродетель Тилеву, одного из Бургомистров Дерптских, который, в тогдашнем собрании земских чинов сильно и трогательно изобразив бедствие отечества, сказал: «Настало время жертв или погибели: лишимся всего, да спасем честь и свободу нашу; принесем в казну свое золото и серебро; не оставим у себя ничего драгоценного, ни сосуда, ни украшения; дадим Правительству способ нанять войско, купить дружбу и защиту держав соседственных!» Но убеждения и слезы великодушного мужа не произвели никакого действия: его слушали и молчали!

Во время осады Нейгауза Магистр Фирстенберг, Коммандоры и сам Епископ Дерптский с 8000 воинов неподвижно стояли в тридцати верстах оттуда, за Двиною и вязкими болотами, в месте неприступном, и не сделали ничего для спасения крепости; узнав же, что она сдалась, зажгли стан свой и городок Киремпе, где находилось множество всяких припасов; спешили удалиться, бежали день и ночь, Магистр к Валку, а Епископ к Дерпту, гонимые нашими Воеводами, которые за 30 верст от Дерпта настигли и разбили Епископа, взяли его чиновников в плен, весь обоз и снаряды. Магистр, избрав крепкое место близ Валка, остановился: Воеводы велели передовой дружине вступить с ним в битву, а сами начали обходить его и принудили бежать далее к Вендену, так скоро и в такой жар, что люди и лошади издыхали от усталости: Россияне истребили весь задний отряд Фирстенбергов, едва не схватив знаменитейшего из Коммандоров, Готгарда Кетлера, под коим в сем деле упала лошадь. Обоз Магистров был нашею добычею, и Воеводы, известив Государя, что неприятеля уже нет в поле, обратились к Дерпту.

В сих для Ордена ужасных обстоятельствах старец Фирстенберг сложил с себя достоинство Магистра, и юный Кетлер, повинувшись чинам, принял его со слезами. Славясь отличным умом и твердостью характера, он вселял надежду в других, но сам имел весьма слабую, и только из великодушия согласился быть – последним Магистром издыхающего Ордена! Чтобы употребить все возможные средства спасения, Кетлер ревностно старался воспламенить хладные сердца любовью к отечеству, заклинал сановников действовать единодушно, не жалеть ни достояния, ни жизни для блага общего; собирал деньги и людей; требовал защиты от Императора, Короля Датского, Шведского, Польского; писал и к Царю, моля его о мире: но не видал желаемого успеха. Раздор, взаимные подозрения Ливонских Властителей мешали всем добрым намерениям Магистра. Хотели спасения, но без жертв, торжественно доказывая, что богатые люди не обязаны разоряться для оного, – и Кетлер мог единственно займом наполнить пустую казну Ордена для необходимых, воинских издержек. Помощи внешней не было. Император Карл V, обнимавший взором своим всю Европу, уже оставил тогда короны и престолы; как второй Диоклетиан удалился от мира, столь долго волнуемого его властолюбием, и хотел в пустыне удивить людей особенным родом славы, редкой, но не менее суетной: славы казаться выше земного величия. Новый Император Фердинанд ссорился с Папою, мирил Германию, опасался Турков и только жалел о бедной Ливонии; другие Государя довольствовались обещанием склонить Иоанна к миролюбию; а Царь отвечивал Кетлеру: «жду тебя в Москве и, смотря по твоему челобитью, изъявлю милость». Сия *милость* казалась Магистру последним из возможных бедствий для державного Ливонского Рыцарства: он лучше хотел погибнуть с честью, нежели с унижением бесполезным.

Воеводы Иоанновы не теряли времени: взяв Киремпе, Курслав и крепкий замок Вербек на Эмбахе, всеми силами приступили к Дерпту, славному богатством жителей и многими общественными, благодетельными заведениями. Кроме вооруженных граждан, готовых стоять за честь и вольность, две тысячи наемных Немцев были защитниками сего важного, искусно укрепленного места, под главным начальством Епископа, Германа Вейланда, который хвалился более воинскою доблестью, нежели смиренною набожностью Христианского Пастыря. Шесть

дней продолжались битвы жестокие и достойные *мужей Рыцарских*, как пишет Воевода Курбский, очевидец и правдивый судия дел ратных. Но превосходная сила одолевала: вылазки дорого стоили осажденным, и Россияне, пользуясь густым туманом, заперли город со всех сторон турами, вели подкопы, ставили бойницы, разрушали стены пальбою, предлагая жителям самые выгодные условия, если они сдадутся. Епископ не хотел сперва слышать о переговорах: но Магистрат донес ему, что город не в силах обороняться долго; что многие из воинов и граждан пали в вылазках, или больны, или от усталости едва действуют оружием; что пушки неприятельские, вредя стенам, бьют людей и в улицах. Послали тайных вестников к Магистру: они возвратились благополучно. Магистр писал, что Орден нанимает воинов и молится о спасении Дерпта!

Главный Воевода Иоаннов, Князь Петр Иванович Шуйский, был, по сказанию современного Ливонского Историка, муж добродушный, честный, благородный душою. Совершив подкопы и прикатив туры к самым стенам, он велел объявить с барабанным боем, что дает жителям два дня на размышление, а в третий возьмет Дерпт приступом: что Иоанн торжественно обещает им милость, свободу Веры, полость их древних прав и законов: что всякий может безопасно выехать из города и безопасно возвратиться. Тогда Магистрат и граждане единодушно сказали Епископу: «Мы готовы умереть, готовы обороняться, пока есть у нас *блюдо на столе и ложка в руках*, если упорство наше будет достохвальным мужеством, а не бессмысленною дерзостью; но благоразумно ли отвергать великодушные предложения Царя, когда в самом деле не имеем сил ему противиться?» То же говорили и воины Немецкие, требуя отпуска и свидетельства в оказанной ими верности; тоже и Священники Римской Веры, опасаясь упрямством раздражить неприятеля. Епископ согласился. Написали следующие условия: «1) Государь дает Епископу монастырь Фалькенау с принадлежащими к оному волостями, дом и сад в Дерпте; 2) под его ведомством будут Духовенство и церкви Латинские с их достоянием; 3) Дворяне, желающие быть подданными России, спокойно владеют своими замками и землями; 4) Немецкие ратники выйдут из города с оружием и с пожитками; 5) в течение двенадцати дней всякий Дерптский житель волен ехать куда хочет; 6) исповедание Аугсбургское остается главным и без всяких перемен; 7) Магистрат *Немецкий* всем управляет, как было, не лишаясь ни прав, ни доходов своих; 8) купцы свободно и без пошлин торгуют с Германиею и с Россиею; 9) не выводить никого из Дерптской в Московские области; 10) кто захочет переселиться в другую землю, может взять или продать имение; 11) граждане свободны от ратного постоя; 12) все преступления, самые государственные, даже оскорбление Царского величества, судятся чиновниками Магистрата; 13) новые граждане присягают Царю и Магистрату». Благоразумный Шуйский, уполномоченный Иоанном, не отвергнул ни одной статьи, руководствуясь не только человеколюбием, но и Политикою: надлежало милостию, снисхождением, духом умеренности ослабить ненависть Ливонцев к России и тем облегчить для нас завоевание земли их.

Когда уже все условия были одобрены победителем и когда надлежало только скрепить оные печатями, старец Антон Тиле, добродетельный Бургомистр Дерптский, еще выступил из безмолвного круга унылых сановников. «Светлейший Князь и Государь! – сказал он Епископу: – если кто-нибудь думает, что Дерпт можно спасти оружием и битвою, да явится! Иду с ним, и мы вместе положим свои головы за отечество!» Сия речь, вид, голос старца произвели сильное впечатление. Епископ отвечал: «Муж достойный! никто из нас не заслуживает имени малодушного: уступаем необходимости». – 18 июля Дерпт сдался. Желая сделать все возможное в пользу несчастных, Князь Шуйский поставил стражу у ворот и не велел пускать Россиян в город, чтобы жители спокойно укладывались и выезжали; оберегал их в пути; давал им проводников до мест безопасных. Епископа отпустили в Фалькенау с двумястами отборных Московских всадников.

Когда все затихло в городе, Депутаты Магистрата вручили Шуйскому ключи от крепости. Он сел на коня и торжественно вступил в город. Впереди ехал Младший Воевода, держа в руке знамя мира; за ним Шуйский, окруженный Депутатами и Канониками. На улицах в два ряда стояли Государевы Дети Боярские. Уже народ не страшился победителей и с любопытством смотрел на их мирное, стройное шествие; самые жены не прятались. Магистрат поднес Шуйскому золотую чашу. Сей умный Князь, изъявив благодарность, сказал, что «его жилище и слух будут открыты для всякого; что он пришел казнить злодеев и благотворить добрым» – ласково звал к себе обедать Дерптских чиновников и старейшин, дал им в замке великолепный пир и своим приветливым обхождением заслужил любовь общую. – Россияне взяли в Дерпте 552 пушки, также немало богатства казенного и частного, оставленного теми жителями, которые

выехали в Ригу, в Ревель, в Феллин. Государь утвердил договор, заключенный Воеводами; но велел Епископу Герману и знатнейшим Дерптским сановникам быть в Москву. Сей бывший державный Епископ, прокливаемый в отечестве за мнимую измену, уже не выехал из России и кончил дни свои в горести, слыша, что друзей и слуг его, обвиняемых в тайном согласии с неприятелем, пытаются, казнят в Ливонии: чем Орденские властители хотели закрыть свою слабость, уверяя народ, что одна измена причиною наших выгод.

Но сия жестокость не затруднила успехов для могущества, соединенного с благоразумием. Пример Дерпта доказывал, что Иоанн умеет щадить побежденных: Шуйский писал оттуда ко всем градоначальникам Ливонским, требовал подданства, обещал, грозил – и крепости Везенберг, Пиркель, Лаис, Оберпален, Ринген, или *Тушин*, Ацель сдались нашим Воеводам, которые везде мирно выпускали Орденских властителей, довольствовались присягою жителей и не касались их собственности; но все предавали огню и мечу в областях непокорных: в Феллинской, Ревельской, Венденской, Шваненбургской; сожгли посад Виттенштейна, где начальствовал юный мужественный Рыцарь, Каспар фон-Ольденбок; разбили Немцев в поле, близ Вендена и Шваненбурга; пленили двух знатных чиновников; взяли всего *двадцать* городов и, в каждом оставив нужные запасы, охранное войско, в конце Сентября приехали к Государю. Он был в Троицкой Лавре: встретил их с милостию и веселием; обнимал, славил за ревностную службу; вместе с ними молился, благодарил Бога и поехал в Александровскую слободу, где из собственных рук жаловал им шубы, кубки, доспехи; велел выбирать любых из коней Царских и сверх того дал богатые поместья, а Детям Боярским земли и маетности в завоеванной Ливонии, чтобы они тем усерднее берегли оную.

Новые начальники, присланные туда из Москвы, Князя Дмитрий Курлятев и Михайло Репнин, были менее счастливы: хотя завоевали еще городок Кавелехт, сожгли Верполь и побили Немцев в самом предместьи Ревеля; но Магистр и Воевода Архиепископа Рижского, Фелькерзам, собрав более десяти тысяч ратников, осадили Ринген в виду наших полков и взяли сию крепость, несмотря на мужество ее защитника, Головы Стрелецкого, Русина-Игнатьева, который с двумя или тремястами воинов держался в ней около пяти недель, отразил два приступа и не имел уже наконец ни фунта пороху. Воеводы Иоанновы оправдывались крепостию Немецкого стана, утомлением своей рати и хвалились победою, одержанною ими над братом Магистровым, Иоанном Кетлером, коего они пленили вместе с двумястами шестидесятью Немцами между Рингеном и Дерптом; но Магистр сам напал на них, стоптал дружину Князя Репнина и мог бы отнять у нас Дерпт, где оставалось мало ратников, а жители знатнейшие тайно звали его к себе. К счастью нашему, утружденные Немцы хотели отдохновения. Число их уменьшилось до шести тысяч. Зная, что Полководцы Московские ждут вспоможения и любят воевать зимою, Магистр в исходе Октября ушел назад, бесчеловечно умертвив всех Россиян, взятых им в Рингене; а мы снова заняли сей город. – В то же время неприятель от Лужи, Резицы и Валка тревожил набегами Псковскую область: сжег предместье Красного, монастырь Св. Николая близ Себежа и множество сел.

[1559 г.] Недовольный Курлятевым и Репниным, Государь в Декабре [1558 г.] месяце послал в Ливонию мужественных Воевод, Князей Симеона Микулинского, Василия и Петра Серебряных, Ивана Шереметева, Михайла Морозова, Царевича Тохтамышша, Князей Черкесских и войско сильное, чтобы идти прямо к Риге, опустошить землю, истреблять неприятеля в поле. Готовые начать кровопролитие, они писали к Магистру, что от него зависит война и мир; что Иоанн еще может простить, если Немцы изъявят покорность. Ответа не было. 17 Января Россияне вступили в Ливонию: от городка Красного, захватив пространство ста верст или более, шли на Мариенбург, и близ Тирсина встретили Немцев, коими предводительствовал Фелькерзам. Тут был один Князь Василий Серебряный с своею дружиною. Неприятель оказал мужество: знатнейшие витязи Ордена и чиновники Архиепископа Рижского стояли в рядах. Храбрый Фелькерзам и четыреста Немцев пали в битве. Канцлер Архиепископов и тридцать лучших Дворян находились в числе пленников; остальные рассеялись, и Князь Серебряный открыл безопасный путь войску до самого моря. Зима была жестокая. Не занимаясь осадою больших крепостей, Вендена, Риги, Воеводы подступали единственно к маленьким городкам. Немцы уходили из них. Один Шмильтен не сдавался: Козаки наши разбили ломами каменную стену его и долго резались в улицах с отчаянным неприятелем. Россияне брали пушки, колокола, запасы; предавали огню все, чего не могли взять с собою; истребили таким образом одиннадцать городов; три дни стояли под Ригою, сожгли множество кораблей в устье Двины, опустошили ее берега, Приморскую землю, Курляндию до Пруссии и Литвы; обогатились добычею и с

несметным числом пленников вышли 17 Февраля к Опочке, известив Иоанна, что рать его цела, а Ливония в пепле!

Наконец явились ходатаи за сию несчастную землю. Мы оставили Короля Августа, готового к твердому миру и союзу с Россиею против Хана: для чего в Марте 1559 года прибыли в Москву Послы Литовские. Начали говорить о мире: Иоанн хотел, чтобы обе державы владели бесспорно, чем владеют; но Август в первом слове требовал Смоленска! Сего мало: он предписывал нам не воевать Ливонии, будто бы отданной ему Императором и Германскими чинами! Иоанн велел Послам ехать назад, сказав: «Вижу, что Король переменял свои мысли: да будет, как ему угодно! Ливонцы суть древние данники России, а не ваши: я наказываю их за неверность, обманы, *торговые вины* и разорение церквей». Послы уехали. Государь не согласился заключить и нового перемирия с Литвою; обещался только не нарушать старого (до 1562 года), если Король будет давать лучшую управу Россиянам, обижаемым его подданными. – Одним словом, ясно было, что война Ливонская произведет Литовскую. Август думал не о том, чтобы великодушно спасти ветхий, слабый Орден, но чтобы не отдать его богатых владений Иоанну, а взять себе, если можно. Желание весьма естественное в тогдашних обстоятельствах Ордена, Литвы и России – весьма согласное с благоразумием Политики, которая осудила бы беспечность сего Монарха, если бы он не употребил всех способов исторгнуть Ливонию из рук Царя. Надлежало только иметь решительность и твердость: чего недоставало Августу. Он шел на войну и хотел удалить ее; смело воображал оную впереди, ужасаясь мысли обнажить меч немедленно.

Гораздо более равнодушия, гораздо менее ревности оказывал другой заступник Ордена: старец Густав Ваза. Тщетно хотев противиться властолюбию России соединенными силами Держав Северных – виде, что Август и Магистр не думали помогать ему в войне с Иоанном, ограничиваясь единственно пустыми уверениями в доброжелательстве – Густав писал к Царю: «Не указываю тебе в делах твоих; не требую, но только в угодность Императору Фердинанду молно тебя, как великодушного соседа, даровать мир Ливонии, из жалости к человечеству и для общей пользы Христианства. Я сам не могу хвалиться искренним дружеством и честностию Ливонцев: знаю их по опыту! Если хочешь, то напишу к ним, что они должны пасть к ногам твоим с раскаянием и смирением. Уймешь ли кровопролитие или нет, во всяком случае буду свято хранить заключенный договор с Россиею и чтить высоко твою дружбу». Иоанн благодарил Густава за доброе расположение; изъяснял причину войны и сказал: «если не имеешь особенного желания вступаться в дела Ливонии, то нет тебе нужды писать к Магистру: я сам найду способ образумить его».

Третьим ходатаем был Король Датский, Фридерик II. Эстония, как известно, принадлежала некогда его предкам. Теснимая Иоанном и видя, что Орден не может спасти ее, сия земля искала защиты отца Фридерикова, Христиана III: Ревель, вся Гаррия и Вирландия изъявили ему желание быть снова у него в подданстве. Но Христиан, уже старый и близкий к концу, отвечал равнодушно: «Мне трудно править и своими землями: благоразумно ли искать еще новых и за них сражаться?» Однако ж дал Эстонии несколько тысяч гульденов, несколько пушек и назначил посольство в Москву; между тем умер. Имея более властолюбия и деятельности, сын его желал возратить Дании сию немаловажную область: писал к Магистру, к Епископу Ревельскому, к Дворянству Эстонскому; обещал им не только ходатайство, но и войско в случае нужды; дал послам своим наставление и велел им спешить в Москву. Уже более сорока лет мы не имели никакого сношения с сим Королевством: Фридерик I и Христиан III считали бесполезным союз России, столь уважаемый Христианом II, другом Василия Иоанновича. Самые торговые связи прервались между Копенгагеном и Новымгородом. Уведомив Иоанна как *добро, любезного соседа* о своем восшествии на престол, изъявив ревностное желание быть ему другом и восстановить торговлю с нами, уничтоженную *смутными обстоятельствами минувших времен*, Фридерик убедительно просил, чтобы он не тревожил Эстонии, издревле области Датской, *только на время порученной Магистру*, и чтобы, благосклонно уважив бескорыстное его, Фридериково, ходатайство, даровал мир и самому Ордену. Адашев именем Царя сказал послам: «Мы со вниманием слушали ваши речи; читали грамоты, писанные Государями Российскими к Датским и Датскими к Российским; видели их любовь взаимную; видели, что подданные обеих Держав свободно и выгодно торговали друг с другом. Если Король желает возобновить сию счастливую дружбу, то и мы, искренно расположены к оной. Но удивляемся, что он находит Датские Владения в той земле, которая уже шестьсот лет принадлежит России. Великий Князь Георгий Владимирович, именуемый Ярославом, завоевал Ливонию, основал город Юрьев;

построил там церкви Греческие, обложил всю землю данию – и с того времени она не бывала достоянием иных Государей. Знаю, что ее жители без ведома России взяли было к себе двух Королевичей Датских; но предки мои казнили их за сию вину огнем и мечем, а Королевичей выслали; казнили и вторично, сведав, что Ливонцы тайно признали над собою мнимую власть Римского Цесаря. Если Фридерик не знает сего, то мы велим явить вам древние договоры Ордена с Наместниками Новгородскими: читайте и разумеите истину сказанного нами!.. Было время, когда мы, сиротствуя во младенчестве, не могли защитить прав своих: враги ликовали, теснили, губили Россию. Тогда и Магистр и Епископы Ливонские не захотели платить нам дани: брали ее с земледельцев, с городов, но для себя...» Описав вины их. Государь продолжал: «Итак, да не вступается Фридерик в Эстонию. Его земля Дания и Норвегия, а других не ведаем. Когда же хочет добра Ливонии, да советует ее Магистру и Епископам лично явиться в Москве пред нами: тогда, из особенного уважения к Королю, дадим им мир согласный с честью и пользою России. Назначаем срок: шесть месяцев Ливония может быть спокойна!» Послам вручили *опасную грамоту* на имя Властителей Ливонских, в коей было сказано, что Царь *жалует* перемирие Ордену от Мая до Ноября 1559 года и чтоб Магистр *или* сам ударил ему челом в Москве, *или* вместо себя, прислал *знатнейших людей* для вечного мирного постановления. Сим отдохновением Ливония обязана была в самом деле не ходатайству Короля Фридерика, но услугам другого, не исканного ею благоприятеля: Хана Девлет-Гирея. Иоанн долженствовал унять Крымцев, и чтобы не разделять сил, дал на время покой Ордену в удостоверении, что Россия всегда может управиться с сим слабым неприятелем.

Князь Дмитрий Вишневецкий, в 1558 году посланный воевать Тавриду, доходил до устья Днепра, не встретив ни одного Татарина в поле: Девлет-Гирей со всеми Улусами сидел внутри полуострова, ожидая Россиян. Вишневецкий возвратился в Москву, оставив на Днепре мужественного Дьяка Ржевского с Козаками. Между тем Хан, желая узнать, что делается в земле Казанской, посылал к берегам Волги легкие отряды, истребляемые горными жителями и Козаками. Долго не смел он предпринять ничего важного, но, услышав о войне Ливонской и поверив ложной вести, что все наши силы заняты ею – что Россия беззащитна и сам Иоанн борется с неприятелем страшным на отдаленных берегах моря Балтийского – Девлет-Гирей ободрился, приманил к себе многих Ногаев и, собрав, как пишут, до ста тысяч всадников, зимою (в Декабре 1558 года) велел сыну своему, Магмет-Гирею, идти к Рязани, Улану Магмету – к Туле, Ногаям и Князьям Ширинским – к Кошире. Сие войско уже достигло реки Мечи: тут пленники сказали Царевичу, что Иоанн в Москве и что в Ливонии только малая часть нашей рати. Он изумился; спросил: где смелый Князь Вишневецкий? где храбрый Иван Шереметев? и сведав, что первый в Белеве, а последний в Рязани и что Князь Михайло Воротынский стоит в Туле с полками сильными, Магмет-Гирей не дерзнул идти далее: гонимый одним страхом, бежал назад и поморил не только лошадей, но и всадников. Князь Воротынский шел за ним до Оскола по трупам и не мог его настичь; а Донские Козаки, пользуясь отсутствием Крымского войска, близ Перекопи разбили Улусы Ногаев, ушедших от своего Князя Ислама, к Девлет-Гирею, и взяли 15 000 коней.

Чтобы Хан не имел времени образумиться, Иоанн приказал Князю Вишневецкому с пятью тысячами легких воинов идти на Дон, построить суда, плыть к Азову и с сей стороны тревожить нападениями Тавриду. Тогда же известный мужеством Окольный Данило Адашев выступил из Москвы к Днепру с дружиною детей Боярских, с Козаками и стрельцами для нанесения чувствительнейшего удара неприятелю, смотря по обстоятельствам. Успехи Вишневецкого были маловажны: он истребил несколько сот Крымцев, хотевших снова пробраться к Казани; но юный, достойный брат любимца Государева, Данило Адашев, искусством и смелостию заслужил удивление современников. С осмью тысячами воинов он сел близ Кременчуга на ладии, им самим построенные в сих, тогда ненаселенных местах, спустился к устью Днепра, взял два корабля на море и пристал к Тавриде. Сделалась неописанная тревога во всех Улусах; кричали: «Русские! Русские! и Царь с ними!», уходили в горы, прятались в дебрях. Хан трепетал в ужасе, звал воинов, видел только беглецов – и более двух недель Адашев на свободе громил западную часть полуострова, жег юрты, хватал стада и людей, освобождая Российских и Литовских невольников. Наполнив ладии добычею, он с торжеством возвратился к Очакову. В числе пленников, взятых на кораблях и в Улусах, находились Турки: Адашев послал их к Пашам Очаковским, велел им сказать, что Царь воевал землю своего злодея, Девлет-Гирея, а не Султана, коему всегда хочет быть другом. Паши сами выехали к нему с дарами, славя его мужество и добрую приязнь Иоаннову к Солиману. Между тем Хан опомнился: узнал о малых силах

неприятеля и гнался берегом за Адашевым, который медленно плыл вверх Днепра, стрелял в Татар, миновал пороги и стал у Монастырского острова, готовый к битве; но Девлет-Гирей, опасаясь нового стыда, с малодушною злобою обратился назад.

Весть о сем счастливом подвиге молодого витязя, привезенная в Москву Князем Федором Хворостининым, его сподвижником, не только Государю, но и всему народу сделала величайшее удовольствие. Митрополит служил благодарственный молебен. Читали торжественно донесение Адашева; радовались, что он проложил нам путь в недра сего *темного* Царства, где дотолѣ *сабля Русская еще не обагралась кровию неверных*, вспоминали, что там цвело некогда Христианство и Св. Владимир узнал Бога истинного; думали, что Иоанну остается пожелать, и крест снова воссияет на берегах Салгира. Уже Государь хотел переменить нашу древнюю, робкую систему войны против сих неутомимых разбойников и действовать наступательно: послав золотые медали Адашеву и его товарищам, велел им быть к себе для совета; но война Ливонская опять запылала сильнее прежнего и спасла Тавриду. Иоанн оставил только Ногаям и Козакам тревожить Хана и писал к нему в ответ на его новые мирные предложения: «Видишь, что война с Россиею уже не есть чистая прибыль. Мы узнали путь в твою землю и степями и морем. Не говори *безлептицы* и докажи опытом свое искреннее миролюбие: тогда будем друзьями». – Кроме Ногаев, послушных Князю Исламу, верному союзнику России, и Донских Козаков, Царь имел на юге усердных слуг в Князях Черкесских: они требовали от нас Полководца, чтобы воевать Тавриду, и Церковных Пастырей, чтобы просветить всю их землю учением Евангельским. То и другое желание было немедленно исполнено: Государь послал к ним бодрого Вишневецкого и многих Священников, которые, в дебрях и на скатах гор Кавказских основав церкви, обновили там древнее Христианство.

Дав как бы из милости перемирие Ордену, Государь не думал, чтобы Ливонцы нарушили оное: вывел большую часть войска из Эстонии и ждал вестей от Магистра. Но Кетлер молчал; уверенный, что надобно или победить Россиян, или принадлежать Россиянам, он решился ехать не в Москву, а в Краков, чтобы склонить Августа к деятельному, ревностному участию в сей войне, на каких бы то ни было условиях и даже с опасностью для самой независимости Ордена: ибо Ливонцы в крайности хотели лучше зависеть от Польши, нежели от России, издревле им ненавистной. Еще достоинство Орденского Магистра не упало в общем мнении: юный Кетлер, одаренный приятною наружностью, умом, красноречием, благородными душевными свойствами, предстал Августу в смиренном величии, окруженный многими знатными сановниками; сильно изобразил бедствие Ливонии, опасности самой Польши, страшные замыслы Иоанновы; доказывал необходимость войны для Короля и вероятность победы, не уменьшая многочисленности Россиян, но говоря с презрением о нашем искусстве ратном. Август желал знать мнение Сейма: Вельможи Польские, тронутые красноречием Магистра, хотели немедленно обнажить меч; а Литовские, лучше зная силу России, советовали употребить прежде все иные способы для защиты Ордена: убедительное ходатайство, настоятельные требования, угрозы, подкрепляемые вооружением. Наконец подписали договор. Магистр и Рижский Архиепископ отдали Королю *в залог* крепости Мариенгаузен, Лубан, Ашерат, Дюнебург, Розитен, Луцен с условием заплатить ему семьсот тысяч гульденов по окончании войны; а Король обязался стоять всеми силами за Ливонию, восстановить целостность ее владений и братски разделить с Орденем будущие завоевания в России.

С сею хартиєю Кетлер возвратился в Ливонию как с трофеем: ободрил чиновников и граждан; ручался за верность Короля и за успех; требовал только усердия и великодушия от истинных сынов отечества. Надежда блеснула в сердцах. Уверяли себя в могуществе Литвы; вспоминали славную для нее битву Днепровскую; искали между известными Воеводами Августовыми новых Константинов Острожских. «Мы должны указать им путь к победе, – говорил Кетлер: – кто требует содействия, должен действовать; первые обнажив меч, увлечем друзей за собою в поле». Герцог Мекленбургский, Христоф, Кoadьютор Рижского Архиепископа, привел из Германии новую дружину наемников. Сейм Имперский обещал Кетлеру сто тысяч золотых. Герцог Прусский, Ревельский Магистрат и некоторые усердные граждане ссудили его знатною суммою денег: так, один Рижский лавочник дал ему тридцать тысяч марок под расписку. Богатейшие выходцы Дерптские хотели бежать в Германию с своим именем: у них взяли серебро и золото в казну Орденскую. Сим способом Магистр удвоил число воинов и, зная, что Россиян мало в Ливонии, выступил из Вендена за месяц до назначенного в перемирной грамоте срока, осенью, в ужасную грязь; нечаянно явился близ Дерпта и наголову разбил неосторожного Воеводу Захарию Плещеева, положив на месте более тысячи Россиян. Сие

нападение справедливо казалось Иоанну новым вероломством: он поручил месть своим знаменитейшим Воеводам, Князьям Ивану Мстиславскому, Петру Шуйскому, Василию Серебряному, которые с лучшими детьми Боярскими, Московскими и Новгородскими, спешили снасти завоеванную нами часть Ливонии. Худые дороги препятствовали скорому походу, и неприятель мог бы иметь важные успехи в земле, где все жители были на его стороне, готовые свергнуть иго Россиян; но ум и мужество двух наших сановников обратили в ничто победу Магистрову.

Кетлер немедленно приступил к Дерпту. Тамашний Воевода, Боярин Князь Андрей Кавтырск-Ростовский, успел взять меры: заключил опасных граждан в ратуше; встретил Немцев сильною пальбою и сделал удачную вылазку. Магистр десять дней стоял в версте от города, стреляя из пушек без всякого вреда для осажденных. Морозы, вьюги, худая пища произвели ропот в его стане. Наемные Германские воины не любили трудов. Кетлер должен был решиться на долговременную зимнюю осаду или на приступ: то и другое казалось ему неблагоприятным. Крепкие стены охранялись многими бойницами, сильною дружиною и Воеводою искусным; граждане не могли иметь сношения с осаждающими и способствовать им в успехе; а число Россиян в поле ежедневно умножалось: они заходили в тыл к Немцам, показывая намерение окружить их. Принужденный удалиться от Дерпта, Магистр хотел по крайней мере взять Лаис, где находилось четыреста воинов с неустрашимым Головою Стрелецким, Кошкаровым. Немцы поставили туры, разбили стену и не могли вломиться в крепость: Россияне изумили их своим отчаянным сопротивлением, так что Кетлер, два дня приступав с жаром, ушел назад к Вендену как побежденный, и знатным уроном в людях, а еще более унынием воинов надолго лишил себя способа предпринять что-нибудь важное. Сия удивительная защита Лаиса есть одно из самых блестящих деяний воинской истории древних и новых времен, если не число действующих, а доблесть их определяет цену подвигов. Князь Андрей Ростовский прислал самого Кошкарова с донесением о бегстве Немцев. Государь изъявил живейшую благодарность тому и другому за спасение вверенных им городов, нашей чести и славы ратной.

[1560 г.] Вероятно, что Магистр, с таким усилением и спехом возобновив кровопролитие, ждал от Августа, по уговору с ним, какого-нибудь движения против России: Король действительно готовил войско, но только готовил, и прислал в Москву Секретаря своего, Володковича, с грамотою, в коей решительно требовал, чтобы Иоанн вывел войско из Ливонии и возвратил все взятые им города: «иначе (писал он) я должен буду оружием защитить мою собственность: ибо Магистр торжественно назвал себя присяжником Великого Герцогства Литовского. Мнимые права России на Ливонию суть новый вымысел: ни отец, ни дед твой, ни ты сам доныне не объявлял их». Володкович словесно убеждал Бояр Московских способствовать миру, открывая им за тайну, что Польские Вельможи готовы свергнуть Короля, если он не вступится за Ливонию. Иоанн, велев показать ему договорную Магистрову грамоту о Дерптской дани, сказал: «вот наше право!» и, по совету Бояр, отвечал Августу: «Не только Богу и всем Государям, но и *самому народу* известно, кому принадлежит Ливония. Она, с ведома и согласия нашего, избирая себе Немецких Магистров и *мужей духовных*, всегда платила дань России. Твои требования смешны и непристойны. Знаю, что Магистр ездил в Литву и незаконно отдал тебе некоторые крепости: если хочешь мира, то выведи оттуда всех своих начальников и не вступайся за изменников, коих судьба должна зависеть от нашего милосердия. Вспомни, что честь обязывает Государей и делать и говорить правду. Искренно хотел быть в союзе с тобою против неверных, не отказываюсь и теперь заключить его. *Жду* от тебя Послов и благоразумнейших предложений». Иоанн *ждал* войны. Оставалось только знать, кому начать ее?

Тогда же приехал в Москву гонец из Вены от Цесаря Фердинанда, который, не имев дотоле сношения с Россиею, писал к Иоанну, что желает его дружбы и просит не воевать Ливонии, Имперской области. Письмо было учтиво и ласково; но Государь сухо отвечал Фердинанду, что «если он, подобно Максимилиану и Карлу V, действительно хочет дружества России, то должен объясниться с ним чрез Послов, людей именитых: ибо с гонцами не рассуждают о делах важных» – и не сказал более ни слова, хотя Император, как законный покровитель Ордена, справедливее Литвы и Дании мог за него вступиться.

Между тем Ливония пылала. Россияне вслед за бегущим Кетлером устремились из Дерпта с огнем и мечем казнить вероломство; подступили к Тарвасту, где находился старый Магистр Фирстенберг, стоптали его в сделанной им вылазке, сожгли предместье и побили Немцев у Феллина; а главные Воеводы Московские, Князья Мстиславский, Шуйский, Серебряный, разгромили всю землю от Псковского озера до Рижского залива, в уездах Венденском,

Вольмарском, где еще многие места оставались целы до сего нового и для бедных жителей нечаянного впадения. Напрасно искав Магистра и битвы в поле, Воеводы пришли к *Алысту*, или Мариенбургу. Сей городок был тогда одним из прекраснейших в Ливонии; стоял на острове среди большого озера и казался недоступным в летнее время: зима проложила к нему путь, и Россияне, подкатив тяжелый снаряд огнестрельный (коим управлял Боярин Михайло Морозов, славный Казанскою осадю), в несколько часов разбили до основания стену. Немцы благо-разумно сдались; но глава их, Коммандор Зибург, умер за то в Кирхгольмской темнице: ибо Магистр хотел, чтобы Орденские сановники защищали крепости подобно Ускилю и Кошкарову. Воеводы, исправив стены, оставили в Мариенбурге сильную дружину, возвратились во Псков и получили от Государя золотые медали. – Весною Россияне опять ходили из Дерпта в Эстонию; выманили Немцев из Верпея и засадою истребили всех до одного человека; а так называемые Стронщики Псковские, или вольница, уже не находя ничего в Ливонских селах, искали земледельцев в лесах и толпами гнали их для продажи в Россию.

Но Иоанн, предвидя неминуемую войну Литовскую, хотел как можно скорее управиться с Орденом и еще в конце зимы послал новую рать к Дерпту с Князем Андреем Курбским. Желая изъяснить ему особенную доверенность, он призвал его к себе в спальню; исчислил все знаменитые дела сего храброго мужа и сказал: «Мне должно или самому ехать в Ливонию, или вместо себя послать Воеводу опытного, бодрого, смелого с благоразумием: избираю тебя, моего любимого. Иди и побеждай!» Иоанн умел пленять своих ревностных слуг: Курбский в восторге целовал руку державного. Юный Государь обещал неизменную милость, юный Боярин – усердие до конца жизни: оба не сдержали слова, к несчастию своему и России!.. Помощником Курбского был славный Данило Адашев. Они в исходе Маия выступили из Дерпта к *Белому Камню*, или Виттенштейну; взяли крепкий замок Епископа Ревельского, Фегефеер; опустошили богатейшую область Коскильскую, где находилось множество прекрасных усадеб Рыцарских, схватили отряд Немецкий под самым Виттенштейном и, сведав от пленников, что бывший Магистр Фирстенберг с девятью полками, конными и пехотными, стоит в осьми милях от города, за вязкими болотами, решились идти на него с пятью тысячами легких, отборных воинов, послав в Дерпт обозы с добычею. Целый день Россияне вязли в болотах, и если бы Фирстенберг ударил в сие время, то с меньшим числом истребил бы их совершенно; но он ждал неприятеля на гладком широком поле, в десяти верстах отсюда. Солнце садилось. Россияне дали отдохнуть коням; шли тихо в лунную, самую яснейшую ночь, какая бывает летом только в местах приморских; увидели Немцев, готовых к бою, и сразились в самую полночь. Около двух часов продолжалась сильная пальба; наши имели ту выгоду, что стояли лицом к огням неприятельским и лучше могли целить. Курбский оставил назади запасное войско: оно приспело: Россияне устремились вперед, сломили, гнали Немцев верст шесть, до глубокой реки, где мост обрушился под бегущими. Фирстенберг спасся с немногими: одни утонули, другие пали от меча или сдались. Курбский на восходе солнца возвратился к Магистрову стану; взял весь его обоз и привел в Дерпт сто семьдесят чиновных пленников. – Сей Воевода в два месяца одержал еще шесть или семь побед: важнейшею была Феллинская. Фирстенберг охранял сию крепость: видя несколько сот Татарских всадников перед стенами, он выехал с дружиною, попался в засаду и едва ускакал на борзом коне, оставив многих рыцарей на месте битвы.

Но в то время, как сильная рука Иоаннова давила слабую Ливонию, Небо готовило ужасную перемену в судьбе его и России.

Тринадцать лет он наслаждался полным счастьем семейственным, основанным на любви к супруге нежной и добродетельной. Анастасия еще родила сына, Феодора, и дочь Евдокию; цвела юностию и здоровьем: но в июле 1560 года занемогла тяжкою болезнию, умноженною испугом. В сухое время, при сильном ветре, загорелся Арбат; тучи дыма с пылающими головнями неслись к Кремлю. Государь вывез больную Анастасию в село Коломенское; сам тушил огонь, подвергаясь величайшей опасности: стоял против ветра, осыпаясь искрами, и своею неустрашимостию возбудил такое рвение в знатных чиновниках, что Дворяне и Бояре кидались в пламя, ломали здания, носили воду, лазили по кровлям. Сей пожар несколько раз возобновлялся и стоил битвы: многие люди лишились жизни или остались изувеченными. Царице от страха и беспокойства сделалось хуже. Искусство медиков не имело успеха, и, к отчаянию супруга, Анастасия 7 Августа, в пятом часу дня, преставилась... Никогда общая горесть не изображалась умильнее и сильнее. Не Двор один, а вся Москва погребала свою *первую*, любезнейшую Царицу. Когда несли тело в Девичий Вознесенский монастырь, народ не давал пути ни Духовенству, ни Вельможам, теснясь на улицах ко гробу. Все плакали, и всех неутешнее бедные, нищие, называя

Анастасию именем матери. Им хотели раздавать обыкновенную в таких случаях милостыню: они не принимали, чуждаясь всякой отрады в сей день печали. Иоанн шел за гробом: братья, Князя Юрий, Владимир Андреевич и юный Царь Казанский, Александр, вели его под руки. Он стenal и рвался: один Митрополит, сам обливаясь слезами, дерзал напоминать ему о твердости Христианина... Но еще не знали, что Анастасия унесла с собою в могилу!

Здесь конец счастливых дней Иоанна и России: ибо он лишился не только супруги, но и добродетели, как увидим в следующей главе.

Векордия (VEcordia) представляет собой электронный литературный дневник Валдиса Эгле, в котором он цитировал также множество текстов других авторов. Векордия основана 30 июля 2006 года и первоначально состояла из линейно пронумерованных томов, каждый объемом приблизительно 250 страниц в формате А4, но позже главной формой существования издания стали «извлечения». «Извлечение Векордии» – это файл, в котором повторяется текст одного или нескольких участков Векордии без линейной нумерации и без заранее заданного объема. Извлечение обычно воспроизводит какую-нибудь книгу или брошюру Валдиса Эгле или другого автора. В названии файла извлечения первая буква «L» означает, что основной текст книги дан на латышском языке, буква «E», что на английском, буква «R», что на русском, а буква «M», что текст смешанный. Буква «S» означает, что файл является заготовкой, подлежащей еще существенному изменению, а буква «X» обозначает факсимилы. Файлы оригинала дневника Векордия и файлы извлечений из нее Вы **имеете право** копировать, пересылать по электронной почте, помещать на серверы WWW, распечатывать и передавать другим лицам бесплатно в информативных, эстетических или дискуссионных целях. Но, основываясь на латвийские и международные авторские права, **запрещено** любое коммерческое использование их без письменного разрешения автора Дневника, и **запрещена** любая модификация этих файлов. Если в отношении данного текста кроме авторских прав автора настоящего Дневника действуют еще и другие авторские права, то Вы должны соблюдать также и их.

В момент выпуска настоящего тома (обозначенный словом «Версия:» на титульном листе) главными представителями Векордии в Интернете были сайты: для русских книг – <http://vecordija.blogspot.com/>; для латышских книг – <http://vekordija.blogspot.com/>.

Оглавление

VEcordia	1
Извлечение R-IGR4.....	1
Карамзин Н.М.	1
История Государства Российского	1
Том VII.....	2
Глава I. Государь великий князь Василий Иоаннович. Г. 1505–1509.....	2
Глава II. Продолжение государствования Василиева. Г. 1510–1521	12
Глава III. Продолжение государствования Василиева. Г. 1521–1534.....	29
Глава IV. Состояние России. Г. 1462–1533	48
Том VIII.....	58
Глава I. Великий князь и царь Иоанн IV Васильевич II. Г. 1533–1538.....	58
Глава II. Продолжение государствования Иоанна IV. Г. 1538–1547	68
Глава III. Продолжение государствования Иоанна IV. Г. 1546–1552.....	78
Глава IV. Продолжение государствования Иоанна IV. Г. 1552.....	90
Глава V. Продолжение государствования Иоанна IV. Г. 1552–1560.....	105
Оглавление	134